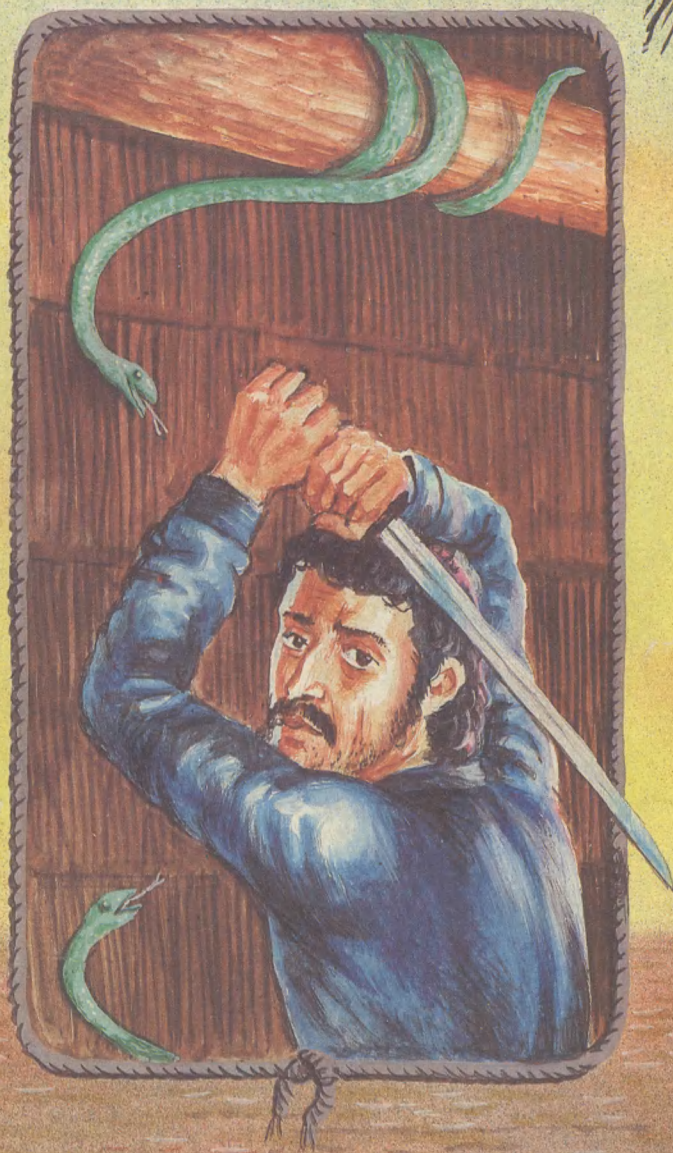

Луи Буссенар

Луи Буссенар

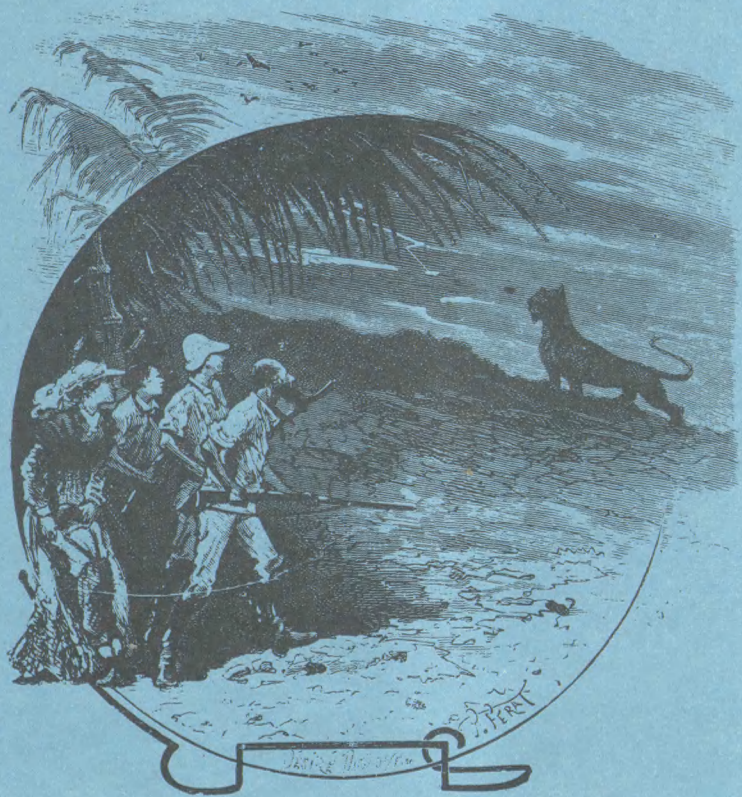
LES GRANDES AVENTURES

LES ROBINSONS DE LA GUYANE

PAR

LOUIS BOUSSENARD

Illustrés de dessins par FÉRAT, gravés par D. DUMONT

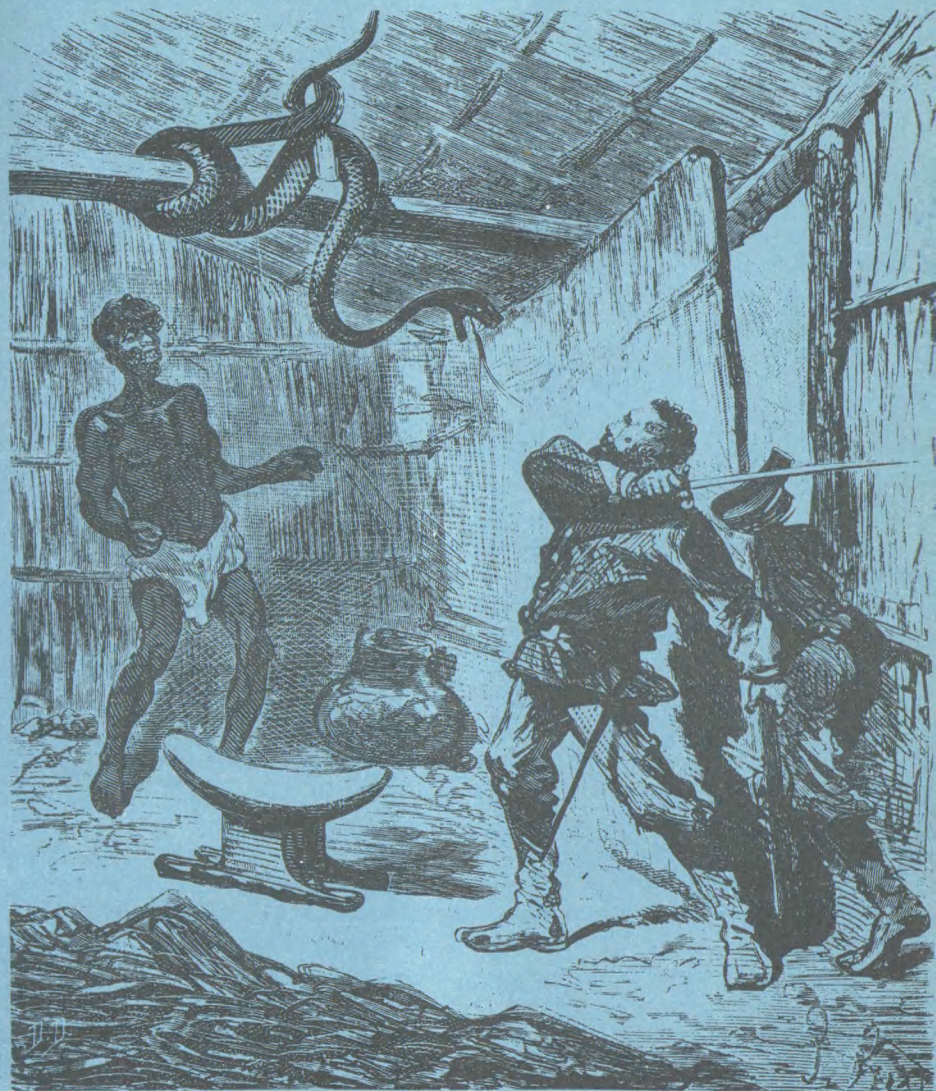

PARIS

A LA LIBRAIRIE ILLUSTRÉE

7, RUE DU CROISSANT, 7

Tous droits réservés.

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES

**LOUIS
BOUSSENARD**

**Aventures
extraordinaires
d'un Homme bleu**

Yvon
le mousse

**Les Robinsons
de la Guyane**

Le Tigre blanc

MOSCOU • 1992

Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Необыкновенные приключения Синего человека

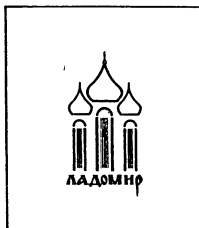
Часть 3

Гвианские робинзоны

Часть 1

Перевод с французского

МОСКВА • 1992

ББК 84.4Фр
Б 92

Переводы
Н. Звенигородской, В. Брюггена

Примечания
Ш. Барим, Л. Лебедевой

Художник
А. Махов

Б 4703010100-006 Без объявления
593(03)-92

ISBN 5-86218-013-3 (т.7)

ISBN 5-86218-002-8

- © Н. Э. Звенигородская. Перевод, 1992
- © В. А. Брюгген. Перевод, 1992
- © Ш. С. Барим. Примечания, 1992
- © Л. И. Лебедева. Примечания, 1992
- © А. С. Махов. Иллюстрации, 1992
- © Научно-издательский центр «Ладомир». Состав, оформление, литературная правка текстов, 1992

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

Необыкновенные приключения Синего человека

Часть третья

ЮНГА ИВОН

ГЛАВА 1

*В больнице.— Доктор Роже.— Цианоз *.— Ответьте, больной! — Сложный диагноз **. — Доктор рисует на рубашке.— Симптом ***.— Почему и каким образом Феликс Обертен пошел.— Тет-а-тет.— Урок физиологии.— Алая и темная кровь.— И вновь англичане!*

— Итак, вас зовут Феликс Обертен и вы родом из Франции?

— Меня действительно зовут Феликс Обертен, и я действительно француз.

— А вот английский посол иного мнения.

— Месье, англичане — негодяи и, что еще хуже, идиоты. Любой нормальный человек по моему акценту **** сразу догадается, что имеет дело с уроженцем Центральной Франции. Англичанин, как бы ни старался, никогда не сможет говорить как я, он просто не знает наших орлеанских словечек и выражений. Никогда не сможет!

— Действительно, как парижанин, не могу с вами не согласиться. Но оставим этот разговор. Я врач, а вы мой пациент. Прошу вас, чистосердечно отвечайте на вопросы. Вам тридцать два года?

— Да, месье.

* Ц и а н о з — синюха, болезненное посинение кожи при некоторых заболеваниях.

** Д и а г н о з — определение характера и существа болезни на основании обследования больного.

*** С и м п т о м — проявление, признак какого-либо явления, болезни.

**** А к ц е н т — своеобразное произношение, свойственное говорящему на чужом языке или диалекте.

— Много болели в детстве?
— О нет, месье! Я был на редкость крепким ребенком и пяти минут, кажется, не хворал.
— Странно. Ваши родители живы?
— Да, и тоже абсолютно здоровы.
— Отчего умерли их родители?
— Должно быть, от какой-нибудь болезни. Им было за восемьдесят.

— Прекрасно. Итак, коллеги, приступим к осмотру больного. Будьте предельно внимательны, проявите самостоятельность, постарайтесь поставить собственный диагноз. Правда, задача эта не из легких. Обратите внимание: не только щеки, ноздри, губы и пальцы совершенно синие, но и все тело, лицо, руки, ноги. В чем же причина? Это не густой и темный оттенок, какой бывает при холерном цианозе. Здесь скорее голубизна, лазурь...

Рядом с профессором, с любопытством рассматривавшим бакалейщика, стояла группа молодых студентов в белых халатах с треугольными нагрудниками и рассованными по карманам ножницами и пинцетами. Студенты смотрели то на профессора, то на больного. Многие что-то аккуратно записывали. Сам Феликс Обертен, лежавший на больничной койке, проявлял полное безразличие к словам профессора.

Время от времени появлялась монахиня. Она медленно и плавно скользила по паркету, словно по льду, останавливаясь, складывала на груди руки и дарила больному добрый, сочувственный взгляд.

Монахиня бледная, как ее капор *, вот уже тридцать часов не отходила от пациента. Его привезли в госпиталь без сознания, едва ли не при смерти. Самоотверженная сиделка была счастлива, что жизнь возвращается к несчастному.

Врач, еще молодой человек, лет тридцати пяти — тридцати восьми, крупный, высокий, с голубыми глазами, светлыми волосами, седеющими на висках, объяснялся, как мог заметить уважаемый читатель, по-французски. Доктор Роже был родом из Парижа. Он приехал в Буэнос-Айрес ** восемь лет назад, чтобы изучать на месте желтую лихорадку. Обширные познания, бескорыстие, приветливость снижали ему всеобщее уважение. Несмотря на скромность и даже некоторую застенчивость, врач быстро занял видное положение. Лечение, назначенное им, неизменно давало положительные результаты. Имя Роже стало весьма попу-

* Кап о р — детский или женский головной убор с завязками.

** Буэнос-Айрес — столица Аргентины.

лярным. Его клиентура * все увеличивалась, а состояние росло. Научная работа успешно продвигалась и возвращение во Францию откладывалось со дня на день, из месяца в месяц и, наконец, из года в год. Молодой человек никак не мог решиться покинуть благодатный край, где все сулило блестящую карьеру.

Доктор Роже нередко помогал своим соотечественникам.

После смерти надзирателя городских больниц это место по конкурсу досталось ему, и с тех пор Буэнос-Айрес окончательно стал его второй родиной, хотя сердцем и душой профессор не переставал оставаться французом.

В Буэнос-Айресе было много французов. Некоторые фантастически богаты, но большинство вело скучное существование. Положение эмигрантов, увы, ненадежно.

Итак, Роже стоял у изголовья Синего человека, чья таинственная болезнь пробудила любопытство ученого и стремление во что бы то ни стало разгадать загадку.

— Господа! — обратился он к студентам. — Для начала, что такое цианоз? Главный симптом этой болезни — изменение цвета кожи, синюшность. Существует несколько причин, порождающих цианоз. Не все они известны. Но, как утверждает мой коллега профессор Жаккү, одна из возможных причин — нарушение деятельности сердца. Известно, что в процессе кровообращения **, обусловленного главным образом сокращением сердца, участвуют артериальная кровь — алая и венозная — темная. Цианоз — это результат эндокардита *** или миокардита ****. Цианоз наблюдается также у детей, родители которых страдали пороком сердца или болезнью легких. Но все эти причины в данном случае исключены. У родителей нашего больного было отменное здоровье, а бабушка и дедушка дожили до почтенного возраста. Пороком сердца никто в его роду не страдал. Рахита ***** у пациента не было. Взгляните на его мускулатуру. Перед нами человек недюжинной силы. Значит, и эта гипотеза ***** отпадает. Известны случаи,

* Клиентура — постоянные заказчики, покупатели, вкладчики.

** Артериальное и венозное кровообращение — движение крови по кровеносным сосудам: по венам, по направлению к сердцу, и по артериям, от сердца ко всем другим органам.

*** Э н д о к а р д и т — воспаление внутренней оболочки сердца.

**** М и о к а р д и т — воспаление сердечной мышцы.

***** Р а х и т — детская болезнь, вызванная недостатком солей извести в организме.

***** Г и п о т е з а — научное предположение.

когда в раннем детстве незамеченными проходят некоторые органические нарушения, дающие затем, во взрослом возрасте, цианоз. В тысяча восемьсот семьдесят третьем году Желó описал подобный случай. Цианоз выявился у субъекта лишь к двадцати годам. Аналогичный случай упоминает Лонгерст: болезнь проявилась в тридцать пять лет. Спросим у больного... Скажите, месье, будучи ребенком, вы не испытывали порой приступы бессилия, одышки, головокружений?

— В лицее я был самым резвым. Лучше всех играл в мяч, меня даже прозвали Железной Ногой. Я с удовольствием занимался гимнастикой, а в пятнадцать лет был уже отличным пловцом. Единственный раз в жизни упал в обморок — когда мне вырывали зуб. Симптомы, которые вы описали, появились только после того, как я посинел.

— Когда впервые это произошло?

— Четыре с половиной месяца назад.

— Можете ли вы уточнить, при каких обстоятельствах появилась синюшность?

— После крушения. Да-да, после крушения...— Нерешительность парижанина не могла ускользнуть от внимания доктора.

— Болезнь началась внезапно?

— Я бы сказал, молниеносно. Когда корабль погрузился в воду, я находился на палубе. Потом много часов плыл. Потерял сознание и очнулся на судне бокаирес — бразильских пиратов. Их так поразил мой вид, что я заинтересовался, что же случилось с моей физиономией? У одного матроса было зеркало. Я взглянул...

— Таким образом, можно заключить, что ваш цианоз появился после кораблекрушения.

— Моя болезнь называется цианоз, не так ли?

— Да, именно так.

— Некогда я учился в Шарлемане *. Полученные там знания порой бывают полезны.

— Господа,— вновь обратился к студентам доктор Роже,— думаю, что мы имеем дело с результатом перенесенной аварии. Согласно утверждению того же профессора Жакку, причиной синюшной болезни может быть несчастный случай. Осмотр больного укрепил меня в мысли, что к таким тяжким последствиям нашего пациента привело сильное эмоциональное потрясение. В случаях, описанных

* Шарлемань — город на севере США.

Жело и Лонгерстом, болезнь рассматривалась как таковая. Процесс ее возникновения оставался в тени, то есть, если можно так выразиться, механизм цианоза выявлен не был. В нашем случае мы имеем возможность изучить генезис * этого недуга.

С этими словами профессор вынул из кармана белого халата синий карандаш и угольник, в левую руку взял стетоскоп и, приложив его к левой стороне груди Феликса Обертена, стал слушать. Затем начал постукивать по грудной клетке больного, глухие звуки явно о чем-то говорили опытному уху. Доктор Роже провел карандашом по белой рубашке больного линию, от которой, по его наблюдениям, начинался более глухой звук. Постепенно на рубашке появлялись все новые линии. И наконец совершенно явно проступил определенный, довольно причудливый рисунок.

— Я ничего не нахожу в сердце. Более того: у пациента великолепное сердце. Обратите внимание, господа! Какая аорта! Все в норме. А что же в легочной артерии? А!.. Кое-что слышно на уровне правого легкого, но звук настолько слаб, что, право, не знаю... Однако на это нужно обратить внимание.

Врач снова постучал по груди и, убедившись, что не ошибся, отметил точкой место, откуда исходил непонятный звук.

— Убежден, что в данном случае цианоз — результат нарушений в легочной артерии.

Во время кропотливого, тщательного осмотра пациент, неподвижно лежавший на подушках, внимательно слушал молодого ученого и старался в обилии непонятных терминов, которые так любит медицина, распознать какое-нибудь знакомое слово, зацепиться хоть за что-нибудь. Ему так хотелось надеяться.

«Хорошо, конечно,— говорил он сам себе,— разрисовывать мою рубашку и обстукивать меня с головы до ног. Но что же дальше? Где главное? Где спасение?»

Бедняга, увы, не знал, что распознать болезнь куда легче, чем назначить правильное лечение, способное помочь больному.

Наконец студенты закрыли свои блокноты и убрали их в карманы, монахиня удалилась, а доктор еще раз спросил:

— Вы уверены, что вам больше нечего добавить? Не предшествовало ли кораблекрушению что-то еще, какой-

* Генезис (от *греч.* genesis) — происхождение, возникновение.

нибудь несчастный случай, который мог действовать на вас? Скажите откровенно, друг мой. От вашей правдивости и памяти зависит, возможно, ваше скорейшее выздоровление или, по крайней мере, значительное улучшение.

— Доктор! Я неизлечим?

— Я не говорю этого, напротив,— ответил Роже, уверенный, между тем, что цианоз не поддается лечению.— Но, повторяю, любые подробности имеют значение. Кораблекрушение могло произвести на вас сильное впечатление. Ведь катастрофа произошла не вдруг. Так не бывает. У вас было время сориентироваться в обстановке, подумать о спасении...

— Доктор, вам, француз, соотечественнику, я могу открыться. Вы мне симпатичны, и я убежден, что профессиональная тайна — закон для вас.

— Я слушаю!

— Только, пожалуйста, отошлите студентов. Я хочу говорить с вами наедине.

Профессор попросил своих учеников покинуть палату.

— Итак, мы одни. Можете говорить без опасений. Все останется между нами.

— Доктор,— с трудом начал больной,— в тот момент, когда корабль стал погружаться в воду, мою шею сдавливала веревка. Я был повешен.

— Так вот в чем дело! Вот о чем надо было сказать сразу! Главная причина!.. Повешение! Я не спрашиваю, кто, как и при каких обстоятельствах повесил вас. Ваш секрет меня не касается.

— Доктор! Если у вас есть время, выслушайте меня. Я расскажу обо всем. Моя история должна вас заинтересовать.

Феликсу необходимо было поделиться с кем-нибудь, поведать о том кошмаре, который он пережил начиная с потери «Дорады» и до сегодняшнего дня.

Роже слушал, не произнося ни слова и не уставая удивляться необыкновенным приключениям Обертена. Взгляд его выражал неподдельный интерес и живую симпатию.

— Такова,— заключил рассказчик,— истинная правда. Предоставляю вам судить, кто прав: англичане или я.

— Всецело верю вам, дорогой мой земляк,— отвечал ученый, энергично пожимая руку Синему человеку,— и постараюсь, чем смогу, быть вам полезным. Я пользуюсь здесь авторитетом и некоторым влиянием в официальных кругах и попытаюсь похлопотать за вас. Буду бороться изо всех

сил, и, надеюсь, мы добьемся успеха. Не беспокойтесь! Избегайте любых волнений — это рекомендация врача. Полагаю, что все будет хорошо.

— Ах! Доктор, как мне благодарить вас за эти добрые слова, за участие и симпатию?

— Оставьте! Это так естественно. Вы больны... Вы — француз... Этого достаточно. А сейчас я пропишу вам успокаивающее. Повторяю: никаких волнений, они губительны для вашего здоровья. Пока вы рассказывали свою историю, цианоз достигал такой степени, что вы становились почти черным.

— Мои друзья уверяют, что это случается часто, когда я волнуюсь.

— Естественно. Темная кровь преобладает над алой...

— А это опасно?

— Лучше избегать подобных явлений.— Роже уклонился от прямого ответа.

— Если я правильно понял, мой синий цвет — результат болезни сердца?

— Возможно.

— Но, я слышал, вы говорили и о болезни легких...

— Пока трудно ответить точно, хотя шум в легочной артерии меня беспокоит.

— Но это всего лишь невроз *... Впрочем, я так мало смыслю.

— Это не слишком сложно, вы быстро усвоите. Сердце состоит из двух предсердий и двух желудочков, сообщающихся между собой. Понятно?

— В общем, да!

— Левая сторона сердца отвечает за артериальную, алую кровь, которая с помощью аорты поставляется во все артерии...

Профессор еще долго объяснял торговцу колониальными товарами все тонкости устройства человеческого организма. Мало-помалу его монолог перерос в диалог, Феликс задавал вопросы, затем принялся рассуждать вместе с доктором.

— Bravo! Bravo, дорогой мой! Вы с первого раза все поняли. Я счастлив, что мой урок физиологии ** понравился. В дальнейшем, думаю, мы продолжим. Будьте спокойны, отложите на время все заботы, отдыхайте.

* Невроз — функциональные нарушения нервной системы, без видимых органических изменений.

** Физиология — наука о функциональных особенностях деятельности организма.

К Роже, выходявшему из палаты, подошла монахиня и подала незаметный знак.

— Я к вашим услугам, сестра!

— Пришли два господина и желают видеть месье Обертена.

— Что это за люди?

— Секретарь английской дипломатической миссии * и чиновник канцелярии.

— Благодарю вас, сестра! Я сам поговорю с ними. К больному никого не пускать! Все посещения только в моем присутствии. Я предупрежу директора.

К счастью, Феликс не слышал этого разговора.

В приемной два надменных, безукоризненно одетых господина при появлении Роже поднялись с кресел. Тот, что помоложе, обратился к доктору:

— Мы явились с тем, чтобы допросить вашего пациента — Синего человека.

— Сейчас это невозможно, господа, — последовал сухой ответ. — Больной очень утомлен, и любые волнения ему решительно противопоказаны. Кроме того, он не является английским подданным, и потому я не вижу необходимости в его встрече с вами. Это дело французских властей.

— Месье, — прервал его англичанин, едва заметно повысив тон, — этот человек — подданный Ее Величества, его имя Джеймс Бейкер.

— Господа, — тоже повысил тон доктор, — этот человек — француз, его зовут Феликс Обертен.

— Месье, вы чересчур легковерны!..

— Не более, чем вы, месье. Здесь командую я.

— Вы стали жертвой интригана **.

— Это мое дело.

— Вы оказываете сопротивление правосудию.

— Я врач, а он больной... Правосудие подождет.

— Это ваше последнее слово?

— Решительно.

— Мы составим об этом официальный документ.

— Ваше право!

Врач и два посетителя попрощались так же холодно, как встретились. Англичане окинули доктора высокомерными взглядами и удалились.

* Английская миссия — английское постоянное дипломатическое представительство при какой-либо державе, во главе которого стоит посол.

** Интриган — человек, занимающийся тайными действиями против кого-либо.

— Поразительно! Эти люди везде чувствуют себя хозяевами. По-моему, одного повешения этому малому вполне достаточно!

ГЛАВА 2

*Кораблекрушение, тюрьма, виселица, цианоз, разорение. Что дальше? — Обморок. — Визитеры. — И снова Джеймс Бейкер. — Беник и Жан-Мари решают по-своему. — Потасовка. — Дипломат вылетает в окно. — На крыше кафе. — Патруль. — Именем закона. — Исчезновение юнги. — Как устроился Ивон. — С видом на мол *. — Ивон объявляет войну Англии.*

Вернемся на несколько дней назад.

После получения двух телеграмм из Парижа на Феликса Обертена нашло полное оцепенение. Он находился в обмороке минут пятнадцать.

Беник заметил, что Обертен стал абсолютно черным и, — что еще хуже, — потерял сознание. Матрос тут же начал звонить по всем службам гостиницы. Жан-Мари вылил на лицо и шею Феликса целый графин воды и приказал растерявшемуся Ивону принести бутылку коньяка. Самое лучшее и сильнодействующее средство.

Наконец Феликс открыл глаза, узнал друзей, склонившихся над его изголовьем, и улыбнулся мальчику, который украдкой вытирал слезы.

— Жан-Мари, перо и бумагу! Напишу несколько слов банкиру Кальдерону с просьбой принять двадцать тысяч франков, присланные отцом. Прошу вас, друг мой, отправьте письмо немедленно. Возьмите извозчика **. Потом пригласите врача.

— Сначала врача, месье.

— Нет! Дела прежде всего. Это долг чести!

Жан-Мари ушел, а Синий человек, немного успокоившись, перечитал телеграммы и, усмехнувшись, стал рассуждать вслух.

— Не слишком ли много за смерть одного сатаниста ***? Кораблекрушение... тюрьма... виселица... синюшная болезнь! А теперь еще и разорение! Смешно, ей-богу.

* Мол — сооружение в гавани, служащее для причала судов и для защиты порта от волн со стороны открытого моря.

** Извозчик — кучер наемного экипажа.

*** Сатанист — буреветник.

Правда, долги удалось оплатить, это уже кое-что. Представляю, какое выражение лица было у мадам Обертен, урожденной Аглаи Ламберт, когда она узнала неприятную новость. Как в басне: «...прощайте, коровки, бычки, свинки, наседки...» Да! Прощайте, амбиции *, прощай, вечер у префекта **! Прощай, маркизат для Марты! Бедная девочка, она никогда не будет маркизой и никогда не будет счастлива. По крайней мере, надеюсь, что состояние моих родителей уцелело. Видимо, это так, ведь отец смог прислать двадцать тысяч. Двадцать тысяч! Черт побери! С этими деньгами можно было бы начать все сначала. Правда, силы уже не те. Мне бы выздороветь! Ради этого я готов на все.

— Выздоровливайте, месье, отдыхайте! А мы откопаем золото,— прервал его Беник.

— Доктор! — объявил, открыв дверь, гарсон ***.

В комнату вошел симпатичный молодой человек, загорелый, изысканно одетый.

Едва он успел приблизиться к больному, как в дверь протиснулись два человека. Рыжие усы, крупные, выступающие вперед зубы, неприятные лица. Не нужно было быть тонким физиономистом, чтобы определить: англичане!

— Что вам угодно? — спросил Синий человек.

— Это он, он! — закричал один из вошедших.— Джеймс Бейкер, поднимайтесь и следуйте за нами!

— Опять! — Бакалейщик был вне себя от гнева.— Я болен и, вообще, не желаю следовать за вами! По какому праву?

— Я из английской миссии! Вы мой пленник!

— Ваша английская миссия... Если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я разможжу вам голову!

С этими словами Феликс выхватил из-под подушки револьвер, но англичанин не двинулся с места.

— Я француз, слышите? И если кто имеет право требовать от меня отчета, так это только французские власти.

От волнения с Обертенем случился новый приступ. Глаза помутнели, дыхание участилось, он выронил оружие и упал без чувств.

Тут вмешался доктор.

— Господа, во имя человечности, умоляю оставить бед-

* Амбиция — честолюбие, тщеславие, спесь, чванство.

** Префект — высший правительственный чиновник в департаменте, в провинции и округе (во Франции и других странах).

*** Гарсон — во Франции — официант в ресторане или кафе; мальчик для посылок при гостинице.

нягу в покое. Может случиться криз *. Он этого не перенесет. Я не знаю, чем он провинился перед вашими властями, но, уверяю вас, сейчас этот человек нуждается в уходе и лечении. Его необходимо срочно отправить в больницу.

— Вы врач? — Англичанин окинул молодого человека высокомерным взглядом.

— Да, я врач. Меня позвали к больному, я его не знаю и прежде никогда не видел. Когда вы вошли, я как раз собирался начать осмотр. Он тяжело болен, это видно с первого взгляда. Еще раз убедительно прошу оставить его в покое, иначе это плохо кончится.

— Черт возьми! — заорал вдруг Беник, до сих пор не проронивший ни слова.— Слышите, вы?! Убирайтесь! Месье — француз, настоящий француз из Франции! У него нет никаких дел с вами.

В этот момент вернулся Жан-Мари. Услышав громкий голос своего друга, отставной сержант молнией пронесся по коридору и влетел в комнату. В одном из трех незнакомцев он узнал врача, которого недавно сам пригласил. Остальные были неизвестны.

— Что происходит, Беник?

— Эти два чудака-англичанина хотят арестовать месье Феликса! У него сделался приступ, и, если они не уберутся, он может умереть. Врач подтвердит!

Жан-Мари побледнел как полотно и процедил сквозь зубы:

— Вы должны уйти!

— Берегитесь! — возразили англичане.— Мы — неприкосновенны.

— Это как посмотреть...

— Мы принадлежим к дипломатическому корпусу. Мы под защитой закона.

— Раз!.. Два!..

— Вы поплатитесь за это! Вы силой препятствуете выполнению закона!

— Беник, тебе — тот, что молчит! Мне — этот, что без конца брешет.

Матросы встали перед англичанами и приготовились боксировать.

Дойди дело до схватки, английский дипломатический корпус понес бы серьезные потери, но англичане предпочли ретироваться **.

* Криз — припадок сильных болей.

** Ретироваться — отступить, уйти.

— Долой англичан, и да здравствует Франция! — вскричал боцман.

— Но они не спешат уйти через дверь, — прохрипел разъяренный Жан-Мари. — Ивон, открой-ка окно!

Юнга, судя по всему, не имел ничего против и с готовностью распахнул окно.

— Однако, — поспешил вмешаться врач, — здесь высоко, вы их убьете!

— Простите, доктор! Эти негодяи причинили столько зла нашему другу, месье Феликсу, лучшему из людей! Теперь он еле дышит и не узнает нас. Разве их жизни стоят этого! Пусть меня после этого расстреляют, но я им покажу. Мы отомстим.

Сказав это, Кервен схватил англичанина одной рукой за галстук, а другой за пояс, поднял, как ребенка, и зычно рявкнул:

— Катись вниз!

Англичанин скрылся за окном.

— Один готов! Беник, давай-ка твоего!

Беник повторил маневр Жана-Мари, поднял несчастного и, крикнув:

— Катись, — вышвырнул его в окно.

Вполне удовлетворенные содеянным, оба, даже не выглянув на улицу, вернулись к постели Феликса, который все еще был в обмороке.

— Ивон, сынок, — обратился Жан-Мари к юнге, — закрой окно. А вы, доктор, займитесь, пожалуйста, нашим другом.

Ставший свидетелем невероятной сцены, врач не мог произнести ни слова. Ему и в голову не пришло протестовать. Напротив! Англичане везде чувствуют себя как дома. Их высокомерный тон, пренебрежительное отношение к людям вызывают у всех неприязнь, если не ненависть. Аргентинский эскулап не без удовольствия наблюдал за происшедшим. Урок, преподанный слугам Ее Величества, явно доставил ему удовольствие. Однако, вспомнив о своих профессиональных обязанностях, доктор приступил к обследованию.

Больной не видел и не слышал того, что стряслось, и, естественно, не мог знать, какие последствия возымеет поступок друзей.

Между тем, эти самые последствия не замедлили сказаться. На первом этаже отеля находилось кафе. В жару посетители предпочитали сидеть на террасе, под тентом *,

* Т е н т — парусиновый навес для защиты от солнца и дождя.

защищавшим от палящего солнца или от дождя. Вот на сделанный на совесть тент и упали оба дипломата. Англичане спаслись чудом. Однако можно себе представить, сколько шума произвело их внезапное падение. Опоры едва не повалились на головы испуганных посетителей. Спасаясь от любопытных взглядов и расспросов, дипломаты бросились к экипажу и погнали лошадей прямо к резиденции посла.

Осмотрев пациента, доктор сообщил друзьям, что Феликс очень тяжело болен и его необходимо срочно отправить в больницу.

Моряка больницей не испугаешь. К тому же Жан-Мари и Беник хорошо знали: если есть денежки, все будет в полном порядке.

Врач принялся писать направление и послал за каретой «скорой помощи».

Так счастливая звезда привела Синего человека под крыло доктора Роже. Однако прибыл он в больницу в предельно плохом состоянии.

Огорченные разлукой с Феликсом, друзья вернулись в отель, и тут Жан-Мари заметил, что Феликс забыл деньги, приготовленные для Рафаэля Кальдерона. Матрос собрался было бежать в больницу, но в коридоре слышались тяжелые шаги.

В дверь постучали.

— Именем закона!.. Откройте!

— Черт возьми! Это патруль. Попались. Ивон, спрячь кошелек в карман — и бегом! Тебя никто ни в чем не заподозрит, пройдешь незамеченным. Вперед, мой мальчик. Потом постарайся узнать, куда нас отправили.

— Откройте! Именем закона.

Открыв дверь, Беник увидел полдюжины полицейских в сопровождении служащего отеля.

— Что вам угодно? — спросил Жан-Мари.

— Господа, мы вынуждены вас арестовать. Советую не усугублять своего положения, сдаться добровольно.

— Послушай-ка, — тихо сказал Жан-Мари Бенику, — придется задержать их, чтобы мальчишка мог уйти.

— Я готов, — ответил Беник.

Но задерживать не пришлось. Ивон без труда прошмыгнул мимо полицейских, выбежал в коридор и был таков.

Убедившись, что паренек исчез, оба моряка спокойно последовали за полицейскими, которые тут же отправили их в городскую тюрьму.

Выйдя из отеля, Ивон сообразил, что, дабы не привлекать внимания, бежать не следует. Заложив руки в карманы, задрав голову, он с видом праздного гуляки продефилировал мимо полицейских. Ему особенно приятно было слышать, как кто-то из прохожих сказал:

— Кажется, это те самые бравые ребята, что вышвырнули сегодня из окна англичан.

— Жаль, что их двое, а не двенадцать. Разделались бы с полицейскими! И нашлось бы где спрятаться славным молодцам.

«К нам относятся с симпатией! — отметил про себя паренек. — Приятно слышать! Кто знает, быть может, скоро придется прибегнуть к их помощи».

Вскоре полицейские и арестанты подошли к зданию тюрьмы. У входа стояли гвардейцы. Тяжелая дверь отворилась, и в тот самый момент, как конвой уже должен был скрыться за ней, мальчик подбежал к дяде и Жану-Мари. «Будьте спокойны, я здесь!» — как бы говорил его взгляд.

Юнга неплохо ориентировался в чужом городе. Прежде всего он решил отыскать моряцкий квартал. Долго петляя по улицам Буэнос-Айреса, он вышел наконец к причалу, у которого увидел маленькие каботажные суденышки *. Ни одного значительного судна видно не было.

— Ерундовый флот! — пренебрежительно присвистнул Ивон.

Мальчик не знал, что бухта мелководна, и крупные пароходы вынуждены швартоваться в десяти километрах отсюда, на главном рейде **.

Впрочем, сейчас это не имело значения. Главное, найти отель поскромнее. Ивон надеялся встретить там моряков. На этих людей можно положиться.

Юнга, хоть и был шустрым малым, все же чувствовал себя в аристократических кварталах не в своей тарелке. Ему свободнее дышалось вдали от центра, от роскошных магазинов и ресторанов. К тому же он успел привыкнуть к запаху гудрона *** и теперь испытывал нечто вроде ностальгии ****. Для него не было большего удовольствия, чем

* Каботажные суденышки — флот прибрежного плавания.

** Рейд — водное пространство у входа в морскую гавань, защищенное от ветра и волн и потому удобное для стоянки судов.

*** Гудрон — густая черная масса, применяемая главным образом в дорожном строительстве.

**** Ностальгия — тоска по родине.

наблюдать за матросами, когда те, вернувшись из плавания, не пропускают ни одного погребка в городе. Веселые компании прохаживаются по улицам, их можно узнать за версту по особенной моряцкой походке.

Внезапно Ивон вспомнил, что одет словно плантатор: соломенная шляпа, белая пикейная куртка *, брюки навыпуск и батистовая рубашка **.

К черту этот маскарад! Матрос он, наконец, или не матрос?

Паренек заглянул в первую попавшуюся лавчонку.

— Что вам угодно, меесье? — поинтересовалась пожилая женщина, возившаяся в глубине магазина и, судя по запаху, готовившая баранье рагу.

— Тельняшку, панталоны, матросскую шапку, мадам! И, если можно, не слишком дорого, я не из богатей.

У мальчугана были деньги, однако он предусмотрительно решил не показывать этого.

Торговке понравилось юное лицо серьезного клиента. Она тотчас вынесла ему новенькую моряцкую одежду и проводила покупателя в примерочную, откуда он вышел одетый по полной форме и страшно довольный. Форма пришлась Ивону точь-в-точь впору. Продавщица умиленно взглянула на него и, прежде чем отпустить, крепко по-матерински поцеловала.

— Прощай, сынок.

— Прощайте, мадам.

— Если понадобится что-нибудь еще, не забывай обо мне.

— Вы очень добры, мадам. Я этого не забуду.

— Твое судно стоит в порту?

— Нет, мадам! Мой корабль потерпел кораблекрушение. Я здесь абсолютно один.

— Бедняжка!

— Я ишу жилье, не очень дорогое... Вы понимаете?..

— Послушай! Моя сестра держит гостиницу. Не выший класс, но зато там чисто. Заведение приличное. Ты сможешь встретить там матросов. Среди них есть и французы.

— А далеко ли это?

— В двух шагах. Взгляни-ка вон туда! Отель *** называется «Клебер».

* Пикейная куртка — куртка из плотной хлопчатобумажной ткани с рельефным узором.

** Батистовая рубашка — рубашка из тонкой, хлопчатобумажной ткани.

*** Отель — гостиница.

— Отель «Клебер»! Красивое название, мадам.

— В знак доброй памяти... об Эльзасе *, о Франции.—
Голос ее дрогнул.

— Вы родом из Эльзаса, мадам?

— Увы! Нас выгнали оттуда. Мои сыновья, тоже моряки, сейчас далеко отсюда. Я совершенно одна.

— Как моя мамочка,— разрыдался Ивон.

— Подожди, сынок! Я сейчас закрою лавочку и провожу тебя к сестре.

— Вы так добры, мадам. Я от всего сердца благодарен вам,— смущенно отвечал юнга.

В отеле «Клебер» мальчика приняли с распростертыми объятиями. Тут же нашелся свободный номер. Единственное окно выходило на мол. Там дымили буксиры **, работали докеры, много матросов.

Лучшего вида нельзя и пожелать.

Так Ивон оказался постояльцем мадам Спиц.

В регистрационной книге он фигурировал как Ивон, родом из Роскофа, пятнадцати лет, по профессии моряк. Покончив с формальностями, паренек пошел гулять по набережной и принялся обдумывать свое положение.

Больше всего юнгу беспокоили двадцать тысяч франков, которые лежали в его кармане. Он не знал, как быть с этой суммой, кому доверить. Идти в банк он побаивался. А ну как станут расспрашивать, что да откуда. Упекут еще вслед за его друзьями. Это в планы Ивона не входило.

Может быть, лучше всего носить деньги при себе? У матросов обычно ни гроша за душой. Кто догадается, что у него в кармане целое состояние? Положить в карман и зашить? Нет! Лучше спрятать за пояс. Но тогда с ним нельзя расставаться. Ложиться спать в поясе. Решено!

Хотя Ивон отличался смелостью и редкой для его возраста сообразительностью, он все же был еще ребенком. Понимая, что судьба дяди, Феликса и Жана-Мари во многом зависит от него, и заботясь о собственной безопасности, мальчик решил приобрести оружие. Как же без него?

Не откладывая в долгий ящик юнга отправился в город, нашел оружейную лавку и, тщательно присматриваясь да прицениваясь, купил крупнокалиберный револьвер. При этом торговец бесовски обобрал малолетку, взяв с него вдвое больше.

* Э л ь з а с — департамент во Франции, главный город — Страсбург.

** Б у к с и р — судно, тянущее за собою другое судно.

Впрочем, это не страшно. Главное — теперь у него есть оружие! Мало ли что может случиться! Кроме револьвера, арсенал * Ивона пополнился еще прекрасным матросским ножом с костяной рукояткой и широким, острым, словно бритва, лезвием.

Мальчик остался доволен приобретениями. Вернувшись в отель, улегся на кровать и, прежде чем уснуть, еще раз продумал план действий.

Он проснулся с рассветом, невозмутимый, как полководец в утро решающего сражения. С уверенностью, которая составляет половину успеха, сказал себе:

— Мне все удастся, все! Я вырву из рук англичан моих друзей.

Все это означало в устах Ивона: «Я объявляю войну англичанам!»

ГЛАВА 3

Тысяча «почему?» — Что случилось после взрыва на крейсере. — Материальный урон. — Никто не погиб. — Телеграммы выдали. — Ивон ищет выход. — Разговор. — Матрос и поваренок. — Равноценный обмен. — Ивон — пироженик. — В тюремном дворе. — Волован с начинкой. — Опасность. — Держи вора!..

Оказавшись в городской тюрьме, которая ничуть не походила на тюрьмы, в которых пришлось побывать в Бразилии, Беник и Жан-Мари стали строить планы, как расправиться со своими врагами.

— Почему мы до сих пор еще сидим взаперти? — в сотый раз спрашивал себя Беник, запуская пятерню в косматую бороду.

— Очевидно, потому, что мы не совсем прилично обошлись с англичанами, — отвечал рассудительный Жан-Мари.

— О! Сие ясно как божий день! Ты на удивление прозорлив, но меня интересует не это. Почему они притажились к нам? Почему решили арестовать месье Феликса?

Жан-Мари не находил ответа:

— Мы им наступили на мозоль, там, на «Дораде». Что верно, то верно! Но если капитан Анрийон взорвал их крейсер, то как же они узнали о месье Феликсе?

— Быть может, кто-то спасся?..

* Арсенал — склад или большой запас оружия.

— Но на судне ни один человек не знал месье Феликса. Кроме того, они понятия не имели, что он посинел. Да и кто мог проследить весь его путь с момента крушения до нашего приезда в Буэнос-Айрес?

— Ты прав. Тут какая-то тайна. А разгадать ее мы не в состоянии.

— Ладно! Посмотрим.

— Только бы месье Феликс выздоровел!

— Его отвезли в больницу, авось вылечится.

— А если заберут?..

— Думаю, что Ивон займется этим.

— Мальчуган слишком молод.

— Не страшно!

— Во всяком случае, как бы нам самим здесь не покрыться плесенью!

— Конечно! Но надо подождать, пока парень подаст знак. Иначе его не найти.

— Ну что ж. Подождем!

Тем временем юнга слонялся вокруг тюрьмы и мучительно думал о том, как дать о себе знать узникам. Тщетно! Ничего не получалось.

Жан-Мари, сам того не подозревая, был близок к истине. Сказать, что после крушения английского крейсера кто-то спасся, было бы неправильно. И в то же время ни один член экипажа не погиб. Ни один.

Крейсер спасли водонепроницаемые переборки, которыми снабжены все современные суда. Вода дошла до релингов * и остановилась. Известно, что корпус судна разделен множеством таких перегородок на отсеки, чтобы в случае серьезной аварии избежать полного затопления. При такой системе под водой оказывается лишь часть корпуса. Корабль накреняется, но кое-как продолжает двигаться.

Быть может, отсеки на крейсере были недостаточно изолированы — затворы опущены не до конца, или, возможно, их оторвало взрывом. Но только корабль стал погружаться все глубже. Матросов охватила паника, и они, недолго думая, попрыгали в воду. Однако вскоре обнаружилось, что крейсер все же окончательно не ушел под воду. Несколько секторов, видимо, были герметично ** закрыты, и там оказалось достаточно воздуха, чтобы удержать машину на плаву. Слишком тяжелое для того, чтобы плыть, судно все

* Р е л и н г — горизонтальный стальной прут вдоль борта корабля.

** Г е р м е т и ч н о — непроницаемо для воды и воздуха.

же было достаточно легким, чтобы медленно дрейфовать *. Между тем «Дорада» уносилась вдаль на всех парусах.

Англичане вновь собрались на палубе. Ночь для моряков была поистине страшной. Но вдруг произошло невероятное. Крейсер перестал дрейфовать, замер. На шлюп-боте чудом сохранились лодки. Теперь можно было начать эвакуацию. На всех шлюпок не хватило. Спасение экипажа требовало времени, но английская дисциплина — залог успеха. Постепенно на берегу оказались все, от адмирала до юнги. Экипаж покинул тонущее судно. Ее Величество лишилось первоклассного крейсера, что вполне восполнимо, ведь адмиралтейство достаточно богато.

Очутившись в безопасности, командование крейсера тут же отправило рапорты по инстанциям, так что все, от полпредов до консульских представительств, оказались в курсе случившегося. Власти отдали приказ задержать «Дораду», где бы она ни появилась.

Естественно, получив донесение, английский посол в Буэнос-Айресе тут же оповестил всех своих подчиненных. Тем не менее Синему человеку и его друзьям удалось бы остаться незамеченными, если б не телеграммы, посланные Феликсом в Европу. Ведь в каждой из них говорилось о «Дораде». Это сослужило друзьям скверную службу.

Немцам, как бы им того ни хотелось, не принадлежит монополия на шпионаж. Англичане располагают прекрасно организованными секретными службами. Это дорого, но окупается с лихвой. Однако особо ценятся сведения, полученные из частной и деловой переписки. Если англичане не контролируют тот или иной канал связи, то подкупают одного или нескольких служащих.

Понятно, что телеграммы, посланные Феликсом из Буэнос-Айреса в Париж, незамедлительно очутились в канцелярии английского посольства.

«Дорада»! Одно это слово, несмотря на врожденное хладнокровие, заставило посла вздрогнуть.

Феликс Обертен — одиозная ** фигура! Под этим именем Джеймс Бейкер продолжал свою недостойную игру. Он вынашивал планы новых преступлений.

Посол сверился с рапортом командующего крейсером. В вопросах, касающихся защиты чести Ее Величества

* Дрейфовать — при неработающем двигателе перемещаться под влиянием ветра или течения.

** Одиозный — неприятный, опасный, вызывающий отрицательное отношение.

и государства, даже рядовой англичанин не имеет права ошибиться. Что уж говорить об официальном лице! Вина Джеймса Бейкера — Феликса Обертена не вызывала сомнения.

Абсурд! Идиотизм! Но — так и было.

Хитрецы и умники тем и отличаются, что никогда в жизни не поверят простым объяснениям, а прислушаются к самым невероятным, неправдоподобным. Даже ответы, присланные из Франции, не разубедили дипломатов. Они ни на секунду не усомнились в том, что Обертен и есть Бейкер, тот самый Бейкер — работороговец и вор. Доказательством служило то, что разбойник прикарманил денежки, присланные его наивными корреспондентами из Франции.

О англичане! Ваша логика немислима!

Из всего вышеизложенного следовало, что необходимо срочно арестовать означенного Обертена — Бейкера и отдать под суд.

При этом никому даже и в голову не пришло уведомить французского консула в Аргентине. А ведь его роль в этом деле должна бы быть не последней.

Правда, надо сказать, что представители французских властей за границей не очень-то заботились о благе своих соотечественников. Есть, конечно, исключения. Но они лишь подтверждают правило.

Остается надеяться, что рано или поздно центральная власть призовет к ответу чиновников, и те станут с большим уважением и вниманием относиться к своим соотечественникам за рубежами Франции.

Одним словом, английский посол намеренно или по забывчивости не ввел своего французского коллегу в курс дела.

Нечего и сомневаться, что, не оказись рядом благородного доктора Роже, Феликсу бы несдобровать. Не посмотрели бы на его болезнь и отправили в тюрьму.

Доктору удалось предотвратить лишь первый штурм *. Он хорошо знал, на что способны эти люди. Поэтому приставил к парижанину самую лучшую и верную сиделку. Ей предписывалось ограждать больного от любых посетителей.

Сиделка выполняла свои обязанности столь ревностно, что даже Ивону, как он ни старался, не удалось проникнуть в палату. А ему так хотелось обнять Феликса и рассказать о судьбе друзей.

* Штурм — нападение, атака укреплений противника.

Юнге ничего другого не оставалось, как написать письмо. Однако он понимал, что письмо могут распечатать до того, как оно попадет в руки Обертена. Мальчик решил дожидаться доктора Роже в вестибюле и упротить сделать для него исключение — позволить навестить Синего человека.

Но главным по-прежнему оставалось налаживание связи с двумя заключенными. На первый взгляд дело безнадежное. У другого бы руки опустились. Только не у Ивона. Племянник Беника был истинным бретонцем. Если уж он что-нибудь задумал, то так тому и быть — он не привык отступать.

Вот уже два дня Ивон, смешавшись с прохожими, осторожно рыскал возле тюрьмы — изучал здание, завязывал знакомства, вынюхивал, выпрашивал, обдумывал план действий.

Три раза в день из ресторана напротив выходил маленький продавец пирожных. На голове у него возвышалась огромная корзина. Мальчишка пересекал площадь и скрывался в дверях тюрьмы.

Эти огольцы одинаковы везде: в Париже, Лондоне, Вене или Петербурге. Даже в Нью-Йорке они такие же. Наглые зубоскалы. Всем показывают язык, дразнят кучеров и мгновенно убегают, сохраняя при этом равновесие и удерживая на голове полную корзину. Им все интересно: лошадь ли пала, собаку ли задавило, пьяный ли скандалит на почте, сплетницы ли сцепились на углу.

Ивон приметил мальчишку и понял, что тот может ему пригодиться. Ведь он вхож в любые двери.

Только бы он говорил по-французски!

В одно прекрасное утро юнга подошел к пироженщику и спросил:

— Скажи, этот ресторан принадлежит твоим родителям?

Тому явно польстило внимание матроса. Важно выпятив грудь, он ответил с грубоватым парижским акцентом:

— О-ля-ля! Да это всего лишь забегаловка! Убогий трактир!

К счастью, парнишка говорил по-французски. У Ивона отлегло от сердца.

— Я просто так спросил, потому что у тебя очень довольный вид. Я и подумал, что твои родители — владельцы ресторана.

— Довольный? Ну а чего же мне быть недовольным? Я ведь тоже плаваю.

- Плаваешь?..
- Конечно! В чане с водой. Мою посуду, тряпки... Люблю бегать с поручениями.
- Ты носишь товар по городу?
- Да... То есть... в тюрьму. Другие носят к богачам и получают чаевые.
- А ты?
- А я таскаю арестантам отбросы из дядюшкиной кухни.
- Твой дядюшка?..
- О! Это законченный негодяй. Полгода назад вызвал меня из Франции, чтобы обучить делу. А гоняет, словно негра.
- Бедняга!
- А ты что здесь делаешь? Ты моряк?
- Да!
- Здорово! Вот это дело!
- Ну, в этой работе от многого зависишь. Иногда бывает не очень-то весело.
- А где твой корабль? Ты мне его покажешь?
- Мой корабль на дне морском!
- Ого! Вы потерпели кораблекрушение?!
- Да! И в этом, доложу тебе, мало романтики.
- У тебя ни гроша?
- Точно!
- Послушай! А что, если попробовать устроить тебя на кухню? Это не так плохо, если нечего есть.
- Что делать! Я согласен. Мне бы тоже хотелось бегать туда.— Ивон показал на тюрьму.— Чем их там кормят?
- Что перепадет, то и едят.
- И ты можешь туда заходить, видеть узников?
- Конечно!
- Каким образом?
- Там есть внутренний дворик. Их выводят три раза в день на прогулку. Тогда-то я и прихожу со своей корзиной.
- Я хочу посмотреть.
- Тебе скоро надоест. Это не так интересно, как кажется.
- Неужели интереснее глазеть на прохожих да на коляски?
- Эх! Был бы я на твоём месте, с утра до вечера только бы и делал, что гулял.
- А жить на что?

— Послушай, если хочешь, могу отдать тебе побрякушки.

— С ума сошел! Хочешь меня посадить?

— Болван! Побрякушки по-нашему — это отходы с кухни... Понимаешь?

— Так бы сразу и сказал! Отдай мне завтра корзину и можешь часок погулять.

— Ты это делаешь ради меня?

— Но ведь ты же выручаешь меня, обещаешь подкормить.

— Да, но у тебя нет фартука и куртки...

— Дашь мне свои!

— Ты немного крупнее меня, но это не беда. Брюки, пожалуй, подойдут.

— Думаешь, меня пропустят?

— Ерунда! Скажешь охраннику, что только вчера поступил на работу к месье Дюфуру.

— А! Твоего дядю зовут месье Дюфур? Подходящее имя для булочника!

— Ладно! Ладно! Не смейся! Охранник проведет тебя во двор, и ты увидишь тамошних обитателей. Я назову тебе цены, ты все продашь, а потом встретимся за рестораном. Там, где строят дом.

— До завтра!

— Пока!

— Будь здоров!

Они пожали друг другу руки и расстались как старые приятели. Продавец шмыгнул в тюремную дверь, а Ивон, довольный сегодняшним днем, направился к отелю, обдумывая, как лучше использовать подвернувшуюся возможность.

На следующий день приятели встретились вновь. Они потоптались возле тюрьмы, обошли вокруг здания и побежали на стройку, чтобы обменяться одеждой.

Ивон облачился в белую курточку, повязал на шею салфетку и водрузил на голову корзину. Его новый знакомый надел матросскую форму, сдвинул набекрень берет и к тому же закурил огромную сигару.

Мальчики остались довольны друг другом.

— Настоящий матрос! — засвидетельствовал Ивон.

— А ты смахиваешь на торговца! Запомни цены: двадцать су * за волован, десять су — бриоши **, пять су за

* Су — французская монета.

** Волован, бриошь — сдобные булки особой формы.

кулич, пять — за безе, одно су — апельсин, одно — сигара...

— Там можно курить?

— Конечно. Только следи, чтобы никто не влез в корзину. Знаешь, там такая публика...

— Не беспокойся! Буду смотреть в оба!

— Ну давай, смелее!

— А ты развлекайся в свое удовольствие!

— Встречаемся через час-полтора...

— Кто придет первым, ждет...

Почуввав свободу, мальчишка во всю прыть бросился на улицу. Ивон, с бьющимся сердцем, пошел медленно.

— Стой! — окликнул его охранник. — Ты что, новенький? Сколько вас у месье Дюфура? Идешь к заключенным?

— Я заменяю того, кто обычно приходил сюда...

— Гляди-ка! Опять француз! У вас вся страна — кулины, ей-богу! Ну, ладно. Пойдем, провожу тебя во двор.

Охранник велел Ивону идти следом. Они шли по бесконечным коридорам. Юнга снял с головы корзинку, взял ее в левую руку, правой незаметно достал что-то из кармана, вынул из корзины волован и, стараясь действовать тихо и аккуратно, что-то всунул в него. Прodelав это, «продавец» с облегчением вздохнул.

Наконец охранник остановился перед массивной дверью и постучал кулаком.

Маленькое окошко отворилось, в нем показалась бородастая физиономия. Охранник что-то сказал, и дверь миготом открылась.

Внезапно ужас охватил Ивона.

«А что, если дядя и Жан-Мари находятся на строгом режиме и их не выводят на прогулку?»

Косматый тюремщик с ног до головы смерил Ивона взглядом и подвел к следующей, бронированной, двери. Открыв ее, выпустил торговца во двор, так и не произнеся ни слова.

Небольшой прогулочный дворик был окружен такими высокими стенами, что и неба почти не было видно. Ивон оказался перед шумной толпой заключенных. Арестанты встретили мальчишку радостными возгласами. Случайный луч полуденного солнца осветил их лица — благодущные и мирные, а у кого угрюмые.

Китаец, одуревший от опиума *, все пытался залезть в карман к соседу. Гаучо ** тяжелой, что молот, рукой поигрывал ножичком. Солдаты-дезертиры ***, негры-воришки, европейцы-фальшивомонетчики кричали, двигались, подталкивая друг друга, старались размяться после долгого пребывания взаперти.

Памятуя о наставлениях торговца пирожными, Ивон пристроился у стены, поставил перед собой корзинку и огляделся. Тюремщика рядом не было, он покачивался в гамаке **** в другом конце двора.

Со всех сторон к юнге потянулись руки.

— Мне!.. Мне!.. Дай!.. Дай!..

Вмиг исчезли сигары. Подумать только: люди, которым нечего есть, раскупают курево.

Между тем Ивон, делая вид, что очень увлечен своей торговлей, потихоньку осматривался вокруг.

— Наконец-то! Вот они!

Мальчик заметил Беника и Жана-Мари, которые прогуливались невдалеке, не обращая на торговца ни малейшего внимания. У несчастных не было ни су, они не могли купить даже одну сигару на двоих.

«Как подозвать их? Как обратить на себя внимание?»

Будто очень довольный прибылью, Ивон принялся свистеть дроздом.

Матросы застыли на месте. Этот маленький торговец высвистывает мотив, как заправский бретонец. Откуда аргентинский гаврош ***** знает эти песни? Надо разглядеть его хорошенько.

— Ивон! — вскричал Беник, узнав юнга.

— Закрой рот, балбес! — сердито проворчал Жан-Мари и ткнул приятеля кулаком в бок.

— Жан-Мари! Да ты взгляни? Он просто молодец!

— Да уж! Соображает!

— Пойдем! Только осторожно.

* О п и у м — наркотическое и болеутоляющее средство, изготовляемое из семян мака.

** Гаучо — представитель народности, появившейся в результате браков испанцев с индейскими женщинами.

*** Дезертир — человек, уклоняющийся от призыва на военную службу или самовольно покинувший войсковую часть.

**** Гамак — подвесная сетка для сидения и лежания, которую привязывают к деревьям, столбам.

***** Аргентинский гаврош — аргентинский уличный мальчишка, прозванный Гаврошем вслед за героем романа «Отверженные» французского писателя Виктора Гюго (1802—1885).

Ивон все продолжал свистеть. Возможно, это помогало ему скрыть волнение. Друзья узнали его!

С невозмутимым спокойствием, хотя сердце готово было выпрыгнуть из груди, мальчик протянул Жану-Мари волон, который начинил в коридоре, и тихо произнес:

— Ты найдешь там много нужного! Не урони! Смотри внимательно! Будьте осторожны и мужественны!

Паренек вновь принялся свистеть. Никто из заключенных не расслышал его слов. Да некому было и вслушиваться. Все спешили наговориться друг с другом, мало ли кто что бормочет.

Корзинка вскоре опустела.

Подошел тюремщик, и Ивон с грустью бросил прощальный взгляд на бретонцев.

Минуту спустя юнга вышел из здания тюрьмы с корзиной на голове и медленно направился к тому месту, где должен был ждать его приятель.

Но в этот момент произошло то, чего ни Ивон, ни его новый друг не предусмотрели и что могло иметь для Ивона самые скверные последствия.

На корзине крупными буквами было написано имя владельца ресторана: Дюфур.

У места назначенной встречи юнгу остановил высокий мужчина лет сорока с отекившим лицом. На толстом животе сверкала золотая цепочка, на пальцах — перстни.

— Скажи-ка, малыш, — закричал незнакомец, — ты работаешь у месье Дюфура?

— Да, месье, — ответил мальчик, обомлев.

— Давно ли?

— А вам что за дело?

— Хочу знать, куда ты девал содержимое корзины?

— Продал заключенным.

— А деньги где?

— Положил их в карман, чтобы отдать хозяину.

— Дай сейчас же, покажи!..

— С какой стати, месье?

— А с такой, что я хочу знать, так же ли ты ловко воруеть, как врешь! Я и есть месье Дюфур! Слышишь?

Ошарашенный, Ивон, сбив с ног толстяка, пустился наутек.

Месье Дюфур копошился в пыли и хрипел:

— Вор! Держите его! Во-ор!..

На бегу Ивон скинул с себя куртку и передник. Они так и остались лежать на дороге.

ГЛАВА 4

*Выдумки Ивона.— Деньги, подпилоч *, письмо.— Что может сделать из обыкновенного волована настоящий кондитер.— Решетка распилена.— Двор.— Часовой.— Не везет.— Пятеро в камере для двоих.— Солдат и охранник.— Все не так просто.— На свободу! — Пожар.— Смятение.— Жан-Мари рискует жизнью.*

Прогулка закончилась. Раздался звон тюремных часов, и охранник нехотя покинул гамак. Он зевнул, потянулся, вынул связку ключей, открыл дверь и крикнул хриплым голосом:

— По камерам, ребята!

Во дворе стало тихо. Тюремщик открыл вторую дверь. Заключенные построились в две шеренги вдоль стены.

Предводимая охранником, колонна медленно двинулась по коридору, по обе стороны которого зияли настежь растворенные проемы камер.

В каждой камере помещались обычно два узника. Они еще не были осуждены, находились под следствием и потому содержались в собственной, а не в арестантской одежде.

Всего узников насчитывалось около пятидесяти. Проскрипело двадцать пять ключей, поворачиваясь в скважинах, лязгнуло двадцать пять замков. Лишь шаги охраны нарушали воцарившуюся тишину.

Вот и все.

— Уфф! — с облегчением вздохнул Беник, повалившись на койку, покрытую соломой. — Я думал, что это никогда не кончится.

— У меня тоже терпение лопнуло, — подтвердил Жан-Мари, — этот волован жжет мне пальцы!

— Посмотри-ка, что там?

— Не решаюсь! Боюсь, как бы кто не пронюхал.

— Но мы одни. Чего бояться?

Бывший сержант надломил хрустящую корочку, потом положил волован на пол, повернулся спиной к окошку так, чтобы ничего не было видно снаружи. Запустил пальцы в мякоть и, к удивлению Беника, вытащил оттуда... золотую монету.

— Вот это да... монета! — прошептал боцман.

Они еще больше удивились, когда показалась вторая, третья, четвертая монеты.

* Подпилоч — то же, что напильник, инструмент для снятия небольшого слоя металла.

— Зачем столько денег? — недоумевал Беник.
— Думаешь, не найдем им применения?
— Но ведь тут по меньшей мере пятьсот франков.
— На эти деньги столько всего накупим, что сможем убежать хоть на край земли.
— Чтобы бежать на край земли, нужно сначала выйти отсюда.
— Терпение, матрос, терпение! Погоди, а это что такое?

— Я бы сказал, осколок... не знаю чего.
— Это обыкновенный черепок.
— Что это он, смеется над нами, что ли?
— Вечно ты со своими глупостями!
— Ладно, ладно!
— Наверно, юнга хотел нам написать.
— Ты думаешь, это письмо?..
— Подожди, я его потру.

Жан-Мари очистил черепок с обеих сторон от липкой начинки волована, внимательно разглядел и произнес:

— Я не ошибся!
— Читай же! Не медли!
— Он нацарапал это лезвием ножа.
— Что? Что нацарапал?
— Шесть слов: отель «Клебер», напротив моего окна — мол.

— Больше ничего?
— А ты хотел, чтобы он сочинил целую инструкцию?
— Отель «Клебер»...
— Неужели ты не понимаешь, что это его адрес?
— Это уже кое-что.
— Так... Что же дальше?

С обычным хладнокровием, иногда раздражавшим Беника, Жан-Мари продолжал потрошить волован. Начинка падала прямо на пол.

— Подпилоч! — радостно вскричал отставной сержант. — Отличный трехгранный подпилоч. Совсем новенький. С его помощью мы распилим решетки. Надеюсь, это ты понимаешь?

— Шути, шути! А все-таки Ивон хитрый малый!
— Если я и шучу над кем-то, то, уж конечно, не над ним. Он у нас парень с головой! Молодец! Ничего не забыл.
— Деньги, адрес, подпилоч! — не без удовольствия перечислил боцман, как бы еще раз подтверждая сообразительность племянника. — Послушай, Жан-Мари!

— Да?
— Думаю, нам не стоит здесь надолго задерживаться.
— Решено!
— Окно не слишком высоко.
— Нет, все-таки решетка высоковата.
— Чтобы пилить, придется вытянуть руки.
— Смастерим лесенку.
— А не начать ли прямо сейчас?
— С ума сошел! А окошечко в двери? Подождем до ночи.
— Черт побери! День длится бесконечно.
— Ничего не поделаешь! Время не в нашей власти.
— Что будем делать, когда распилим решетки?
— Хватит и одной.
— Это ясно. Я не о том.
— А о чем же?
— Куда мы направимся дальше?
— Для начала выберемся из этой конуры. А там видно будет.

— Как знаешь. Ты главный, тебе решать.
За день ничего больше не произошло, если не считать второй прогулки во дворе.
Больше всего персонал тюрьмы удивило появление третьего по счету торговца. Так же, как и его предшественники, он говорил по-французски.

Воистину у месье Дюфура большой штат.
Но все объяснялось проще. Месье Дюфур был осторожен. Он решил никого не посвящать в подробности утреннего происшествия и прислал другого мальчика. Власти подозрительны: мало ли что! Они могли лишить его права торговать в тюрьме. А месье Дюфур дорожил своей клиентурой.

Наконец наступил вечер. Матросы принялись за работу. Ивон снабдил их подходящим инструментом. Атака на решетку началась.

Жан-Мари прижался к стене и подставил плечи Бенику, который, воспользовавшись этой живой лестницей, с остервенением пилил железные прутья. Через четверть часа они поменялись местами. Понадобился целый час, чтобы распилить решетку.

Наконец главное было сделано. Напильник раскалился, как на огне. У Беника и Жана-Мари руки были стерты в кровь.

Не беда!

Боцман взялся обеими руками за решетку, напрягся так, что суставы хрустнули, и выломал ее.

— Не рано ли? Часы бьют...

— Десять часов!

— Думаю, надо бежать немедленно.

— Как хочешь! Не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, не так ли?

— Кто первый?

— Я,— ответил Беник.

— А почему не я?

— Вдруг тебя заметят!

— А тебя? Ну, ладно, старик. Давай! Привяжи ремень к решетке, чтобы я мог подтянуться. Здесь уж никого не останется, чтобы подсадить.

— Конечно.

Жан-Мари помог Бенику, и тот осторожно высунул в окно голову, плечи и в конце концов весь оказался снаружи. Он привязал к решетке ремень и решил уже было прыгнуть вниз. Висеть на стене неудобно, а высота небольшая, всего каких-нибудь три метра. Как вдруг холодный пот залил лицо бретонца и крик ужаса едва не вырвался из груди.

В темноте что-то сверкнуло стальным блеском. Прямо под собой моряк заметил неподвижную фигуру.

«Охранник! — обомлел он. — Боже правый! Мы погибли!»

Человек внизу по-прежнему не шевелился, только свет луны играл на стальном штыке.

Несмотря на все предосторожности, Беник все же произвел некоторый шум.

Решив не испытывать судьбу, он собрался было вернуться обратно, в камеру. Но это оказалось невозможно. Решетка не пускала его.

«Что ж! Тем хуже! Брошусь вниз».

Можно легко представить себе испуг негра-караульного, когда на него, сладко спящего, вдруг сверху свалилось ни много ни мало восемьдесят килограммов живого веса. Мало того! Этот живой вес принадлежал узнику, совершающему побег.

Некоторых людей ужас заставляет замереть. Они столбенеют и немеют. Другие, наоборот, кричат что есть мочи.

К счастью для Беника, охранник принадлежал к первой категории. Он вздрогнул, замер и так и остался стоять как вкопанный, забыв даже крикнуть: «Стой! Стрелять буду!»

Но уже через секунду солдат пришел в себя, прицелился и выстрелил.

Беник распластался на земле и прошептал:

— Вот я и готов!

Но, как ни странно, выстрел не оглушил и не ослепил моряка, он напоминал какой-то жалкий хлопок.

То ли ружье было скверное, то ли оно дало осечку. Во всяком случае, настоящего выстрела не получилось.

Воспользовавшись моментом, боцман бросился на охранника, схватил его за горло и, едва не придушив, процедил:

— Ни слова! Молчи, или прирежу тебя, словно курицу!

Несчастный прохрипел что-то, дернулся еще разок и застыл.

— Вот и хорошо! Умница! Я не желаю тебе зла, старина. Но мне нужно уйти. Так что уж не мешай, пожалуйста!

Беник быстро снял галстук, связал бедняге ноги и посадил в уголок, прислонив к стене.

— Ну, а теперь посмотрим! Где это я оказался? Тысяча чертей! Да это же внутренний двор! Конечно, это он, высоченные стены... Значит, все усилия напрасны. Мы пилили эту чертову решетку, чтобы, словно кролики, очутиться в клетке.

В это время в окне показался Жан-Мари. Беник понял это по шуму, раздававшемуся сверху.

— Матрос, — сказал он тихо, — назад! Мы в ловушке!

— Что?

— Окно выходит во двор!

— Проклятье!

— Брось мне ремень!

— Что ты собираешься делать?

— Надо забрать охранника в камеру. Иначе его найдут здесь, и нам крышка.

— Держи! Привязывай!

— Готово! Тяни!

— А теперь ружье...

— И меня не забудь!

Через пять минут ремень вновь упал сверху. Беник ухватился за него и взобрался по стене, ругаясь шепотом.

Опять проклятая камера.

— Итак, уйти невозможно? — спросил Жан-Мари.

— Ты же видишь!

— Теперь нас здесь трое.

Солдат тяжело дышал и дрожал всем телом.

Кервен успокоил его.

— Не бойся, мой мальчик! Мы тебя не съедем.

— Черт! Тише,— прервал его Беник. Боцман уловил какой-то шум в коридоре.

Двери открывались и закрывались. Шаги приближались. Еще одна дверь отворилась и закрылась.

— Проверка!

— Беник, ложись на койку и не шевелись!

Окошко приоткрылось, и в камеру проник луч света.

Ключ повернулся в замке. Вошли надзиратель с фонарем в руке и вооруженный солдат.

Заметив в углу ружье и связанного часового, тюремщик собрался уже бить тревогу, как вдруг Жан-Мари молниеносным ударом оглушил его. Тотчас подоспел боцман и сбил с ног солдата. Затем они закрыли дверь.

— Нельзя терять ни секунды! Свяжи-ка этого парня, Беник. Не теряй времени, просто заткни ему рот, чтобы не орал! Чудесно!

Надзиратель пришел в себя и стал было сопротивляться. Хотя отставной сержант был против чрезмерного насилия, ему пришлось все же вновь ударить его. Больше тот не двигался.

— Беник!

— Что?

— Раздень этого приятеля!

Оба, солдат и надзиратель, так были напуганы, что не пытались двинуться с места. Придя в себя после удара, надзиратель предпочел не подавать признаков жизни, справедливо рассудив, что третьего удара таким кулачищем ему не выдержать.

Беник уже натянул солдатскую куртку и теперь примеривал кивер *. Он укрепил на поясе патронташ ** и надел на плечи ранец. Затем взял ружье и приладил штык.

Жан-Мари облачился в костюм надзирателя — полувоенное, полугражданское одеяние, состоявшее из широкополой шляпы, куртки с красными обшлагами *** и воротником, а также ремня, на котором висели кривой тесак **** и связка ключей.

* К и в е р — военный твердый высокий головной убор.

** П а т р о н т а ш — сумка, перевязь с гнездами для ружейных патронов.

*** О б ш л а г — отворот на конце рукава.

**** Т е с а к — рубящее и колющее оружие с широким клинком на крестообразной рукояти.

— Ты готов, Беник?
— Готов!
— Прекрасно!
— Куда мы направляемся?
— Уходим!
— Но куда?
— Пока в дверь! А если повезет, то и дальше. Я сержант, а ты мой рядовой. Понял?
— Ясно!

Жан-Мари спокойно закрыл дверь, два раза повернул ключ в замке и направился по коридору, пытаясь подражать тяжелой походке охранника.

Он не знал, как устроена тюрьма, поэтому приходилось идти наугад. Тем не менее они благополучно добрались до двери, возле которой находился ночной постовой.

Жан-Мари и Беник приготовились пройти мимо сонного солдата. Но тот, увидев двоих мужчин, вскочил и спросил по-испански, куда они направляются.

Матросы растерялись. Они не знали, что в обязанности постового входило спрашивать каждого, кто бы он ни был, если дело происходило ночью.

Дверь закрывалась на простую задвижку, и Жан-Мари, ничего не отвечая, хотел выйти. Однако постовой решил применить силу, он принял беглецов за двух охранников, которым пришлось в голову удрать с дежурства и покутить в кабаре *.

Жан-Мари оттолкнул солдата, пропустил вперед Беника и последовал за ним. Постовой понял, что тут дело неладно.

— Тревога!.. К оружию!

— Я погиб! — прошептал Жан-Мари. — Хорошо, хоть Беник успел уйти.

Со всех сторон сбегались вооруженные караульные. Их набралось человек шесть. Поняв, что его вот-вот схватят и разоблачат, бретонец нахлобучил на лоб кивер и бросился бежать по коридору. Часовые, которые еще ничего не знали, пропускали его без всяких помех, их вводила в заблуждение форма.

Вдруг дерзкая мысль пришла Кервену в голову.

— Ага! — нервно усмехнулся беглец. — Они не хотят

* Кабаре — кафе или ресторан с эстрадной программой.

меня выпустить, так я им наделаю столько хлопот, что навек меня запомнят!

Недолго думая, он открыл камеру под номером один, где томились двое гаучо.

— Друзья,— сказал он, стараясь припомнить испанские слова,— если вам дорога свобода, спасайтесь! Я такой же узник, как и вы... Охранник заперт в моей камере... Сейчас открою остальным. Объясните им все и бегите вместе к главному выходу. Торопитесь!

Гаучо, для которых потерять свободу хуже, чем расстаться с самой жизнью, все поняли, узнав в солдате одного из заключенных французов...

Держа в одной руке фонарь, а в другой связку ключей, Жан-Мари бежал по коридору, гремел замками, открывал двери. Здесь томились узники всех рас, со всех концов света.

— Вперед, друзья! Вперед! — кричали гаучо. Все были оживлены и радовались неожиданному освобождению.

Но бретонцу этого казалось недостаточно. Охранники ни в коем случае не должны помешать заключенным уйти. Жан-Мари разорвал тюфяк, вытащил маисовую солому, грудой свалил ее на пол и, открыв фонарь, полил керосином и поджег. Пламя взвилось. Все вокруг затрепетало, засверкало, зашипело.

То же самое повторилось и в других камерах.

Отблески пожара осветили коридор. Отовсюду раздавались возгласы:

— Пожар! Пожар!

Заключенные орали во всю глотку. Солдаты, обезумев от испуга, ничего не видя вокруг, бежали к выходу.

Подгоняемые дымом и пламенем, гаучо быстро оказались у настежь открытой двери.

Жан-Мари бежал за ними по пятам, но вдруг вспомнил и чертыхнулся:

— Тысяча чертей! Ведь в моей камере остались люди! Они поджарятся...

Не думая о том, что рискует свободой и жизнью, оставленной сержант бросился назад. Открыв дверь, он вытолкал солдата и охранника.

— Идите за мной, если дорожите шкурой!

Оба ни слова не понимали по-французски, но сейчас это оказалось не важно. Они быстро сообразили что к чему.

Пламя уже вовсю бушевало не только в камерах, но

и в коридоре. Зрелище так поразило обоих служак, что они лишились дара речи. И уж окончательно сразило их то, что заключенный для спасения тюремщиков жертвовал своей жизнью.

Тюрьму охватила паника. Все случилось молниеносно, никто не успел опомниться. Ударили в набат, но помощь не подоспела.

Наконец, задыхаясь от дыма, Жан-Мари добежал до выхода. Одежда на нем тлела.

Дверь все еще была открыта, но заключенные уже ушли далеко. Какой-то солдат держал за шиворот привратника, который отбивался и вопил:

— На помощь!

— Да закрой наконец пасть! Исчадь ада! — рычал на него солдат.

Голос показался матросу знакомым.

— Беник! Ты...

— Ну, конечно, я!

— Что ты здесь делаешь?

— Жду тебя и вот этого держу.

— Надо было спастись!

— Без тебя?.. Ну, ты скажешь!

— Ладно! Теперь мы вместе, осталось отыскать мальчишку.

Друзья преспокойно покинули тюрьму: Беник — с ружьем на плече, Жан-Мари — с фонарем и связкой ключей, от которых он поспешил поскорее отделаться, чего нельзя было сказать о Бенике, крепко державшем ружье.

Они шли по улицам как ни в чем не бывало. Наглость французов была беспредельна. Они стучали в окна домов и посылали на пожар заспанных буржуа.

— Свобода! Наконец-то! Мне хочется петь,— произнес боцман и подпрыгнул, словно мальчик.

— Так в чем же дело, старина? Пой! А лучше расскажи, что ты делал там с этим болваном?

— Поняв, что ты остался в тюрьме, я попытался вернуться. Однако этот дурень меня не пускал. К счастью, дверь не была заперта. Ну, я ее и толкнул. Смотрю: целая толпа заключенных. Тогда я открыл обе створки и заорал: «Пожар!» Все орали, ну и я тоже. Охранник хотел было меня ударить, но я его опередил. Вот и все. А много мы шуму, однако, наделали!

ГЛАВА 5

Погоня.— Толпа.— На углу.— Капитан Анрийон! — Командир погибшей «Дорады» узнает, что Феликс жив, но стал Синим человеком.— Наутро.— Беник и Жан-Мари.— Изумление.— В лодке.— На пароходе.— Приключения капитана.— Марахао — Колон — Панама.— Игорный дом.— Шестьсот тысяч франков.— Как капитан стал владельцем «Авраама Линкольна».

Месье Дюфур, владелец ресторана в Буэнос-Айресе, вне себя от ярости вопил на всю улицу:

— Держи вора!

Пожалуй, меньше всего на свете Ивону хотелось сейчас привлечь внимание окружающих. Он поставил на землю корзину, бросил вырученные в тюрьме деньги. Месье Дюфур ничего другого не оставалось, как собрать свое имущество.

Булочник был уязвлен. Мальчишка не вор? И он напрасно кричал на всю улицу? Дюфур привык везде видеть обман и мошенничество, всегда был готов дать отпор и теперь не мог простить маленькому сорванцу, что тот обвел его вокруг пальца. Обмана не было. Воровства не было. Как же так?

Месье Дюфур подобрал все монеты до одной, со злостью пнул погой валявшуюся корзину и опять закричал:

— Держи вора!

Ивон, отделавшись от белой куртки и передника, начал петлять по улочкам, словно заяц. Разумеется, истощный крик булочника был услышан. Ах, как много еще у нас простаков! Прохожие сначала замедляли шаг, потом останавливались, озирались вокруг, соображая что к чему и наконец пускались вдогонку.

В результате из всей толпы, гнавшей за Ивоном, никто толком не знал, что происходит и кого ловят.

Все опрометью неслись вслед за человеком. Воистину! Глас народа — далеко не всегда глас Божий.

Ивон бежал во всю прыть. Щеки его покраснелись, он едва переводил дух. Мальчишка как будто чуял, куда надо сворачивать. Его гнали, словно дичь, и весь он сосредоточился на единственном стремлении — спастись!

Свобода нужна была юнге во что бы то ни стало. Это сейчас самое драгоценное. Если его схватят, кто поможет его друзьям? Кто доведет до конца так удачно начатое дело?

Ивон бежал вдоль улиц, через проспекты и бульвары. Хладнокровие оставило его. Ему не пришло в голову,

что самое простое — остановиться и тоже кричать: «Держи вора!»

Толпа, не ведавшая, куда и зачем бежит, не обратила бы на него никакого внимания. Ивон смог бы уйти незамеченным и скрыться навсегда.

И вот то, что неминуемо должно было случиться, наконец случилось. Повернув за угол, Ивон наткнулся на прохожего. Человек был гораздо выше и крупнее, поэтому мальчик кубарем покатился по тротуару.

— Я пропал! Бедный месье Феликс! — вскричал беглец.

— Черт побери! — выругался мужчина по-французски.

Ивон прислушался. Известный тоже обратил внимание на французского сорванца.

Тот не успел подняться, как человек подхватил его и разразился гомерическим хохотом.

— Стоять, юнга!

— Капитан!..

— Ивон...

— Капитан Анрийон!.. Капитан, спасите меня!

— Успокойся, мой мальчик!

— За мной гонятся, меня хотят арестовать.

— Арестовать? Тебя? — Поль переспросил, так как не расслышал слов Ивона. — У меня есть два пистолета...

В это время самые проворные из преследователей уже выбежали из-за угла. Капитан загородил ребенка собой:

— Не двигайся!

Впрочем, он мог этого и не говорить. Ивон совершенно обессилел, еле дышал и не в состоянии был пошевелиться.

Уловка оказалась удачной. Ищейки не обратили никакого внимания на стоявшего неподалеку мужчину, покрутились на перекрестке и бросились дальше с криками: «Держи вора!»

— Ну, вот видишь, дружок, все очень просто! Дадим этим дурням убежать подальше и пойдем в обратную сторону.

— Капитан, но есть еще месье Дюфур!

— Кто это?

— Булочник. Вот он!..

— Вон тот толстяк? Этот двуногий боров? Ну, ему еще долго придется догонять тебя. Вставай, надо идти. Какого черта ты наделал? Почему они гонятся за тобой?

— Я торговал булками и пирожными... вернее...

— Ничего не понимаю! А где Беник?

— В тюрьме!
 — Черт возьми!
 — Вместе с Жаном-Мари!
 — А кто это, Жан-Мари?
 — Его матрос, бывший сержант с «Диаманты».
 — Я не знаю его.
 — Это прекрасный человек, капитан, лучший из матросов.
 — О! Если это матрос Беника, я в этом не сомневаюсь.
 — А месье Феликс...
 — Ты сказал, месье Феликс?
 — Да, капитан! Месье Феликс Обертен, ваш друг, бывший пассажир «Дорады»...
 — Боже мой! — вскричал капитан. — Так он жив?
 — Конечно!
 — Разве англичане не повесили его?
 — Простите, капитан, но они его повесили!
 — Как это?
 — Месье выжил, но теперь серьезно болен.
 — Где он? Черт тебя побери! Да слышишь ли ты меня?
 Я немедленно хочу его видеть! Боже мой! Феликс жив...
 — Он в больнице.
 — А чем он болен?
 — Он посинел, капитан...
 — Посинел!.. У тебя, наверное, солнечный удар, или испуг так на тебя подействовал...
 — Капитан, я в своем уме и понимаю, что говорю. Повторяю вам, месье Феликс стал синим. А время от времени он чернеет. Становится похожим на настоящего негра.
 Анрийон был из тех, кого трудно чем-либо удивить. Но в этот раз он оказался явно обескуражен.
 — Ни слова не понимаю из того, что ты говоришь.
 — Поверьте, все это так.
 — Ладно. Допустим. Отведу тебя в какой-нибудь отель, не можем же мы торчать здесь.
 — Но у меня есть угол, капитан.
 — В таком случае идем к тебе. Если там найдется свободная комната, я ее сниму.
 — Простите, капитан! Могу я задать вам вопрос?
 — Валяй!
 — С каких пор вы здесь?
 — Не более часа. Мое судно пришвартовано * там, на главном рейде.

* Пришвартовано — поставлено на причал.

— «Дорада»?
— Нет! Бедняжка «Дорада» погибла.
— Ах!
— Теперь я командую большим пароходом.
— Как здорово...
— Да! Но еще лучше то, что я встретил тебя, мой дорогой!

— О! Капитан, это точно! Счастливый случай.
— Очувившись в Марахао, я по всему побережью ищу вас. Я был уверен, что Феликс давно мертв. Ты вернул меня к жизни своим сообщением. Мы заберем его из больницы.

— Видите ли, тут еще англичане... Они опять прицепились к нему.

— Ну, мы еще посмотрим, кто кого!

— А как быть с моим дядей и матросом?

— Разнесем тюрьму по кирпичику. Но сейчас надо добраться до твоего жилища. Там нам будет что рассказать друг другу. И еще: мне пришлось сменить фамилию. Я теперь больше не капитан Анрийон.

— Из-за проклятых англичан?

— Да! Для тебя и для всех остальных отныне я капитан Керневель. Это имя моей матушки.

— Ясно, капитан. А вот и мой отель, мы пришли.

Владелица отеля, добрейшая мадам Спиз, радушно приняла нового постояльца. Капитаны не часто останавливались у нее. Такой клиент льстил ей.

Новый постоялец, в свою очередь, вел себя так, будто у него туго набит кошелек, и заказал роскошный ужин. Ивон почтил его своим присутствием.

Хотя юнга был голоден и ел с завидным аппетитом, он все же находил время, чтобы в подробностях рассказать своему капитану обо всех невероятных приключениях их маленькой компании, состоявшей из Феликса, Беника, Жана-Мари и его самого. История так поразила Поля, что тот не успевал всплескивать руками и ахать.

Беседа затянулась. На город опустилась ночь, и, дойдя до того самого места, где произошла их встреча, Ивон не выдержал — заснул.

Было около одиннадцати часов вечера и капитан собирался уже лечь спать, как вдруг ему показалось, что под окном слышен знакомый свист — мелодия, известная всем морякам.

Анрийон никак не мог растолкать мальчугана. Юнга не просыпался. Пришлось прибегнуть к маленькой хитрости. Подойдя вплотную к кровати Ивона, капитан что есть силы закричал:

— Полундра! Подъем!!!

Услышав команду, мальчуган тут же открыл глаза и вскочил с готовностью, с какой каждый матрос привык вскакивать по тревоге.

На улице свистели сильнее.

— Это мой дядя, больше некому! — закричал юнга, прислушавшись.

— Ты уверен?

— Я так думаю, я надеюсь, капитан.

Капитан Анрийон, или капитан Керневель, как отныне он называл себя, осторожно приоткрыл окно и в тусклом сиянии звезд увидел двух мужчин. У одного в руках — ружье.

— Это ты, Беник? — спросил он на всякий случай.

Снизу послышался голос:

— Это не Ивон говорит. Кто ты?

— Беник!.. Это Беник! Дружище!

Человек с ружьем ответил:

— Провалиться мне на этом месте, если это не голос моего капитана!

— Тихо! Мы сейчас спустимся.

В гостинице для моряков жизнь не затихает ни днем, ни ночью. Постояльцы приходят и уходят когда им вздумается. После суровых и опасных морских походов матросы, оказавшись на берегу, предаются безудержному веселью. Никто не пеняет им за это.

Капитан рассудил, что Бенику и его приятелю не следует подниматься вверх. Несколько мгновений спустя он в сопровождении Ивона вышел на улицу. Двое мужчин поджидали их в нескольких шагах, на набережной.

— Прекрасно! Старый лис, — воскликнул Поль Анрийон, простирая руки к Бенику, — тебе удалось-таки бежать!

Боцман, сияющий, радостный, бросил ружье, со звоном брякнувшее о землю, и кинулся в объятия к другу.

— Капитан!.. Черт вас возьми, капитан!.. Месье Феликс спасся, вот и вы теперь с нами.

— Я, я, мой дорогой, собственной персоной.

— С неба вы, что ли, свалились? А каков у нас юнга!

Дай-ка расцелую тебя! Представляете, капитан, если бы не он, мы крепко засели бы на мели.

— Да, да! Мне все известно.

Пока Беник не переставая говорил, его напарник скромно стоял в стороне, ожидая, когда его представят.

— Это Жан-Мари, капитан, мой матрос.

— И мой,— отвечал Анрийон, энергично пожимая руку Кервену.— Можешь во всем рассчитывать на меня.

— К вашим услугам, капитан,— отозвался бретонец.

— Итак, дети мои,— продолжал Анрийон,— если уж вам удалось выбраться оттуда, надо сделать все, чтобы вы не попали обратно.

— Это точно! — в один голос отозвались оба моряка.

— Могу предложить местечко, где никто не будет вас искать.

— Вы, капитан, человек слова. Если сказали, значит, сделаете непременно. Доказательством служит хотя бы то, что вы с нами. Право, с луны вы, что ли, свалились? Я так волнуюсь, как никогда. Слово моряка!

— Будет, дружище. Пожалуй, пора кончать разговоры и сниматься с якоря!

Капитан направился к набережной, трое друзей последовали за ним. Подойдя к воде, он сказал:

— Надо избавиться от твоего ружья.

— Ума не приложу, что с ним делать.

— Выкинь в воду! И кивер, и ранец, и патронташ...

— Все выкидывать?

— Абсолютно! И ты тоже, Жан-Мари, снимай куртку.

— Есть!

Матросы остались в одних рубашках, и теперь ничто не выдавало в них беглецов.

Капитан поискал что-то в темноте и вскоре нашел веревку от привязанной у мола лодки. На дне ее спали три перевозчика, курсирующие от берега к стоявшим на рейде судам.

Анрийон разбудил их, шепнул что-то по-испански и по-дозвал спутников. Те, ни слова не говоря, сели в лодку, подняли парус, и суденышко заскользило по водной глади в сторону лимана * Плата.

Спустя час показались пришвартованные суда. Парус спустили и пошли на веслах. По тому, как капитан

* Л и м а н — вытянутый мелководный залив у впадения реки в море.

лавировал * и выбирал путь, было видно, что здешние места ему знакомы. Лодка приближалась к огромному кораблю, легко покачивавшемуся на волнах.

— Эй! На борту! — закричал капитан, сложив ладони рупором.

— Кто здесь? — отозвался охрипший голос.

— Это ты, Геноле?

— Я, капитан!

— Что новенького?

— Ничего, капитан!

— Прекрасно, мой мальчик! Я привез людей. А ну-ка, Ивон, забирайся на палубу по канату.

Юнга моментально оказался наверху.

— Теперь ты, Жан-Мари.

По тому, с какой легкостью и ловкостью бывший сержант преодолел препятствие, было видно, что он не потерял матросских навыков.

Следующей была очередь Беника. Вслед за ним, щедро отблагодарив владельца лодки, поднялся и сам капитан.

— Дети мои! Вы у меня на судне, следовательно, считайте, у себя дома. Ты, Беник, по-прежнему будешь боцманом. Ты, Ивон, теперь матрос. Ну, а для тебя, Жан-Мари, думаю, не слишком обременительна будет роль обыкновенного пассажира.

— Я? Пассажир?! Это я-то, бывалый канонир?.. **

— Канонир? Браво! В таком случае тебе найдется работенка. Обещаю. Зайди ко мне в каюту, нам есть о чем поговорить. Вы, должно быть, умираете с голоду. Надо как следует поужинать, а на десерт *** — табак и ликер.

За столом прислуживал незнакомый юнга. Он очень гордился своим положением.

Беглецы так наворачивали, что непонятно было, куда все вмещается. Можно было подумать, у них резиновые желудки.

Как только утолили голод, капитан отослал юнгу, закрыл дверь, откупорил бутылку вина, закурил трубку и сказал:

— Ну что ж! Поговорим! Ивон поведал мне обо всех ваших приключениях до того момента, как вы совершили

* Л а в и р о в а т ь — двигаться, объезжая, огибая препятствия.

** К а н о н и р — в русской армии — рядовой в артиллерии, пушкарь.

*** Д е с е р т — фрукты или сладкие блюда, подаваемые в конце обеда.

побег. Теперь моя очередь. Начну с того проклятого дня, когда «Дорада», на свое несчастье, прибыла в Марахао. Помнишь, Ивон, и ты тоже, Беник, как нас захватили англичане и оставили на борту патруль? Что стало с теми бравыми ребятами, тоже, наверное, не забыли.

— Вы имеете в виду, капитан, как я напоил этих патрульных, чтобы взять для вас одежду их командира?

— Пьяницы всегда попадают в дурацкое положение,— серьезно вставил Жан-Мари. У него на этот счет, кажется, имелось категоричное мнение.

— Короче,— продолжал Анрийон, улыбаясь,— эти негодяи, едва только оказались на берегу, не придумали ничего лучше, как подвести нас под виселицу. Но в Бразилии суд не так скор, как в Англии. Тебе-то это известно, Беник!

— Так точно, капитан! Я знаю, что вам удалось выкрутиться и не оказаться под судом в качестве работорговца. Но чем кончилась история с бумагами «Дорады»?

— Меня обязали заплатить огромный штраф, и как можно скорее. В это время вы с Ивоном уже сбежали. Кстати, куда?

— На шахты Диаманты. Там мы и нашли месье Феликса. Он был абсолютно синий, его за деньги показывали в балагане. Сами посудите: разве могли мы оставить его в таком состоянии?

— Так вот,— продолжал капитан,— я уплатил штраф, команду отпустили. «Дорада» вновь была моей. Все это время чернокожие оставались на борту. Им давали еду из наших запасов.

— Бедняги! — посочувствовал Беник.

— Конечно, бедняги! Я много размышлял над их незавидной судьбой и, как только возвратился на судно, тут же приказал помощнику вывести пленников на палубу. Разделил между ними всю имеющуюся в наличии провизию, дал каждому немного денег, с которыми они поначалу даже не знали, что и делать. Потом оформил бумаги на их освобождение, высадил на берег и объяснил, что они свободны.

— Свободны! — в один голос закричали Жан-Мари, Беник и Ивон.— Ах, капитан, как это прекрасно!

— Я сказал, что местные власти помогут им найти работу, что работа эта будет оплачена, и никто отныне не покусится на их свободу.

— Но для вас это означало разорение!

— Что-то в этом роде. Но зато я поступил благородно.

Во всяком случае, постарался, насколько возможно, исправить положение.

— Вам ничего не оставалось, как выйти в море.

— Я и собирался так поступить. Но в одно прекрасное утро в Марахао появился весь экипаж треклятого английского крейсера.

— Черт побери! Разве торпеда не уничтожила его?

— Конечно, уничтожила. Однако этим бестиям удалось спастись. Одним словом, если мы избежали суда как работоторговцы, то теперь стали пиратами. Все это мне поведал один добрый малый, служивший в суде. Он неплохо на мне подзаработал. Первое, что сделал английский капитан, прибыв в Марахао, написал обо мне рапорт. Результат не замедлил сказаться. Через несколько часов меня вновь должны были схватить и передать британским властям, и повод был не пустячный: обвинение в умышленном потоплении военного судна. Недолго думая, я собрал всех своих, объяснил что к чему и приказал сматываться, и побыстрее, если они не хотят угодить за решетку. Упрашивать не пришлось. Все заторопились покинуть судно. Своя шкура дорога, через четверть часа их и след простыл. Свидание назначили через три месяца либо в Пернамбуко, либо в Рио, либо в одном из главных портов Бразилии. Мы не теряли надежды все же выпутаться. Пора было и мне уходить. Оставить мою «Дораду»! Но ведь они ее продадут... «Нет. Ничего они не получают», — решил я. Спустившись в камбуз, я разлил весь спирт, который там был, и поджег. Бедная моя «Дорада»! Я едва успел сойти на берег. Она вспыхнула, словно бочка с гудроном. И тут как раз обнаружилось, что приближается патруль, чтобы арестовать меня...

— Бедная «Дорада»! — завздыхали Беник и Ивон. Настоящие моряки, они любили свой корабль.

— Я убежал, — продолжал капитан, — прятался в городе. Мне повезло: удалось сговориться с капитаном одного американского судна, которое готовилось отплыть на другой день. В кармане не было ни гроша, ведь все, что имел, я раздал людям. Пришлось наняться матросом. Американец, очевидно, принял меня за дезертира, но, окинув взглядом мою крепкую фигуру, вероятно, решил, что я смогу пригодиться. Меня взяли на борт. На следующий день мы отплыли. Странные бывают случаи! Оказавшись в море, я стал рыться в кошельке, надеясь, что между бумагами завалялся какой-нибудь банковский билет. Сунул туда руку и... Угадайте!

— Билет на тысячу франков! — вскричал Беник.

— Два билета по тысяче каждый! — подхватил Жан-Мари.

— Не угадали! Это оказался вексель * на двести тысяч франков, оставленный мне Феликсом. Я мог получить по векселю деньги, взять нужную сумму, а остальное отправить его семье. Естественно, я никому не сказал о находке и продолжал работать матросом. По прибытии в Колон ** я поспешил сойти на берег и по железной дороге направился в сторону Панама ***. Почему именно в Панаму? Думаю, что меня вела судьба. На следующий день, слоняясь вокруг игорного дома, я встретил своего приятеля-американца. Тому не терпелось повеселиться, и он намеревался промотать свои доллары в игорном доме. Он взял меня с собой, ссудил несколькими монетами, чтобы я попытал счастье. И я выиграл! Потом снова выиграл! Все время выигрывал! Вскоре передо мной на столе лежала гора золота и банкнот. Я взял банк в триста тысяч франков.

— Тысяча чертей! — ахнули моряки.

— Мой капитан, напротив, проигрался в пух ****. На следующий день повторилось то же самое. Я уже не знал, куда девать деньги. Я был чертовски богат — шестьсот тысяч франков!

Американец напился в стельку. Он получил от меня около десяти тысяч франков, но проиграл. Это был настоящий игрок, он не хотел отступать.

— Мистер Керневель, — сказал он мне, — у меня нет денег даже на один коктейль...

— Я в вашем распоряжении.

— Нет! Сделаем лучше так: фортуна ***** должна улыбнуться мне. Я хочу играть, но не имею денег... Вы отличный моряк, я продам вам свой корабль.

— Но, капитан, я не так богат...

— Вот все бумаги... Сто тысяч долларов... Идет?

— Это слишком, — ответил я, нужно же было поторговаться. — Сорок тысяч франков!

— Годится! Идите в консульство и подпишите купчую. Капитан Керневель, «Авраам Линкольн» — ваш! Доставите мой груз в Колон, и все. Может, возьмете еще груз?

* Вексель — письменное долговое обязательство.

** Колон — город в США.

*** Панама — город в Бразилии.

**** Проиграться в пух — потерять все деньги во время игры.

***** Фортуна — в древнеримской мифологии — богиня судьбы, счастья, удачи.

— Благодарю вас, капитан! У меня нет для этого денег.

— Так играйте!

— Никогда в жизни! Слово моряка! Не следует дважды искушать судьбу.

Два часа спустя акт о купле-продаже был подписан, и я отправился по железной дороге в Колон. Вместе со мною поехал служащий американского консульства, он должен был присутствовать при моем вступлении во владение судном и подтвердить законность сделки. В три дня подобралась отличная команда. Завтра вы ее увидите.

— А ваш приятель? Что с ним стало? Бьюсь об заклад, он до нитки проигрался,— воскликнул Беник.

— На следующий день после моего отъезда пустил себе пулю в лоб. Я узнал об этом из присланной мне телеграммы.

— А что было потом?

— Это, собственно, и все. Я стал другим человеком. Владелец и одновременно капитаном великолепного судна. Тут же вернулся в Бразилию. По всем портам искал матросов с «Дорады». И что удивительно, нашел почти всех.

— Значит, и Кервен...

— Кервен на борту.

— Ах! Капитан...— прервал их Жан-Мари, побледневший как мертвец.— Кервен?.. На борту?..

— Конечно!

— Мой брат! Я не видел его десять лет!

— Твой брат? Настоящий матрос, лучший из моих матросов. Он заменил Беника, стал боссманом.

— Капитан, разрешите мне повидаться с ним.

— Ну конечно же, друг мой.

— Прямо сейчас? Не так ли?

— Я позову юнгу. Он разбудит его и приведет сюда. А потом, коль уж мы собрались все вместе, обдумаем, как вызволить Феликса из лап этих негодяев. Возможностей не слишком-то много. Нужна смекалка и конспирация *. Ты, Беник, и ты, Жан-Мари, можете не беспокоиться. Никому и в голову не придет искать вас на борту. Завтра с раннего утра мы с Ивоном сойдем на землю. Узнаем, где Феликс, а часам к двенадцати отправимся в отель «Клебер». Там будет наш штаб на суше. Думаю, нет нужды напоминать о том, что языки надо держать за зубами. Никто, кроме твоего брата, Жан-Мари, не должен знать о наших планах. А! Вот и юнга. Сейчас он позовет Кервена.

* Конспирация — соблюдение, сохранение тайны.

ГЛАВА 6

Досадное препятствие.— Благородное сердце.— Архитектор.— План.— Стратегия.— Пожар на рейде.— Корабль в огне.— Душераздирающие крики.— Это англичанин.— А тем временем...— Ночной поход.— В клумбе с гортензиями.— Да будет свет! — Персонал возвращается.— Взломанная дверь.— Охота на человека.— Нагнали.— Другой Синий человек.

— Итак, доктор, вы утверждаете, что месье Феликса в больнице нет?

— Увы! Капитан, я пытался сделать все, что в моих силах, чтобы продержать этого милейшего господина здесь как можно дольше. О, мой несчастный соотечественник!

— Значит, я пришел слишком поздно!

— Очень сожалею! Видите ли, ненависть англичан крайне опасна. Они из тех людей, что, вцепившись в жертву, уже не отпускают ее.

— Но их версия, поверьте, совершенно абсурдна *. Не понимаю, в каком горячем мозгу она родилась.

— Я в курсе. Месье Обертен все мне рассказал, и нет оснований не верить ему.

— Какая досада, что я не пришел сюда двадцать четыре часа назад! Силой бы забрал его из больницы. Расшвырлял бы этих негодяев, этих шпииков, что топчутся у входа, и увез бы на борт своего судна.

— А теперь его препроводили в английскую миссию и содержат под охраной солдат, которые головой отвечают за пленника.

— Какая низость!

— Согласен с вами. Но в моих силах только протестовать, что я и делаю.

— Его арестовали вчера, не так ли?

— Нет, только сегодня утром. До этого состоялся обмен нотами ** между британским представительством и аргентинским правительством... Англичане обвинили месье Обертена в совершении правового преступления и утверждали, что Синий человек — подданный Ее Величества. Естественно, он не мог дольше оставаться здесь. Я получил приказ префекта, письменное указание, не препятствовать аресту, чему вынужден был подчиниться.

* Версия абсурдна — т. е. данное объяснение бессмысленно.

** Обмен нотами — обмен официальными письменными дипломатическими обращениями.

— Неужели французский посол сквозь пальцы смотрит на нарушения международного права?

— Посол в отсуствии...

— Их никогда нет на месте в нужный момент. Эти высокопоставленные персоны на расстоянии чувят неприятности.

— Да. Высокопоставленные и часто абсолютно бесполезные. Секретарь посольства не удосужился сказать ни слова в защиту вашего несчастного друга.

— Ну, ничего! Я разберусь в этом деле.

— Не надеетесь ли вы, капитан, освободить месье Обертена силой?

— Именно! Силой и хитростью, доктор.

— Я целиком на вашей стороне. Но, ради всего святого, будьте осторожны. Вы имеете дело с врагом столь же умным, сколь и беспощадным. У них на рейде патрульные суда, множество матросов и солдат морской гвардии.

— Спасибо, доктор. Я ведь тоже не лыком шит *. И у меня есть обстрелянные ребята.

— Повторяю, я в вашем полном распоряжении. Все, что удастся узнать, буду сообщать вам. Помогу, чем только смогу. К несчастью, в английской миссии мне не очень-то доверяют. Все из-за того, что в первый раз я встретил их представителей не очень-то радушно.

— Еще раз спасибо за все, спасибо от всего сердца. Буду держать вас в курсе всех моих действий, если, конечно, это вас интересует.

— Не сомневайтесь, друг мой! А чтобы вы убедились в моей искренности, в том, что я целиком на вашей стороне... Прошу вас не обижаться на меня за то, что я сейчас скажу.

— Но позвольте, доктор! После всего, что вы сделали! Выказали столько участия ко мне и к судьбе моего бедного друга!..

— Хорошо! Так вот: без обиняков хочу прямо спросить, не нуждается ли вы в деньгах. С деньгами любое дело идет быстрее, будь то война или... авантюра **. Располагайте мной... мое состояние в вашем распоряжении. Я дам столько денег, сколько понадобится. Считайте меня своим другом. Не стесняйтесь. Вы доставите мне удовольствие.

— Доктор,— прервал его моряк, не на шутку смущен-

* Не лыком шит — не так-то прост.

** Авантюра — дело, предпринятое без учета реальных условий.

ный таким бескорыстием,— вы настоящий человек, настоящий француз.

— Так вы согласны, не так ли?

— К счастью, в данный момент я очень неплохо обеспечен. К тому же мой друг Феликс располагает кредитом * в двадцать тысяч франков. Но поверьте, никогда не забуду вашего благородного порыва. Я так признателен вам и навсегда ваш покорный слуга!

— Ну что ж! Все к лучшему.

— Еще одно слово, если позволите. Как полагаете, насколько серьезна болезнь моего друга? Вы находите ее неизлечимой?

— Боюсь, что да! Однако же природа человеческая обладает такими обширными ресурсами **, о каких мы подчас даже и не подозреваем. Я не возьму на себя смелость категорично утверждать, что болезнь никогда не отступит. Будем надеяться, что организм месье Феликса сумеет преодолеть недуг. Если он совсем и не излечится, то, быть может, состояние его все же станет лучше. Что до лекарств, то они способны лишь облегчить его участь. Приходите ко мне завтра. Я распишу строгий режим, которого он должен будет придерживаться после того, как, надеюсь, вам удастся его вызволить.

— До свидания, доктор. Благодарю вас!

— До скорого свидания, капитан.

Из разговора доктора Роже с капитаном «Авраама Линкольна» читатель может заключить, в каком незавидном положении оказался герой нашего повествования.

Оставив на борту своего судна Беника и Жана-Мари, капитан сошел на берег, сопровождаемый Ивоном.

Первой его заботой было посетить центральную больницу, где, как он надеялся, лежал Феликс. Нужно ли говорить об овладевшем Анрийоном отчаянии, когда он узнал, что лишь сегодня утром Обертена увезли из клиники.

Поль не хотел верить. Все его планы рушились. В слабой надежде на ошибку он решил встретиться с главным врачом больницы, доктором Роже. Ему дали адрес.

Увы! Посещение профессора лишь подтвердило печальное известие. В довершение всех своих несчастий Феликс очутился в лапах англичан.

Увезти его из госпиталя, воспользовавшись доверчивостью лечащего врача, было бы делом несложным. Но как

* К р е д и т — предоставление в долг товаров или денег.

** Р е с у р с ы — средства, запасы, резервы (здесь — организм).

вырвать друга из лап английских властей? Там уж не приходится рассчитывать на доброту хозяев. Англичане, должно быть, охраняют свое представительство не хуже, чем настоящую цитадель *.

— Не беда! — успокаивал себя Поль Анрийон, быстро шагая вместе с Ивоном по мостовой. — Мы преодолеем любые преграды, все в щепки разнесем! Хитростью ли, силой ли, но спасем его. Правда, Ивон?

— Конечно, капитан! Разнесем их в пух и прах!

— Но все надо делать с умом и по порядку. Для начала главное узнать, что и как внутри этого распроклятого здания.

— А что, если нам поболтаться возле него, повывнюхать, что к чему?

— Идет!

До английской миссии они дошли за какие-нибудь пятнадцать минут. Достаточно было взглянуть на это сооружение, чтобы понять, что перед ними своеобразный дворец. Здание было одноэтажным, как большинство жилых построек в Буэнос-Айресе, но вокруг раскинулся громадный парк с вековыми деревьями и тенистыми аллеями. Листва деревьев почти полностью закрывала мощные стены. В одной части строения находились жилье, бюро и салоны, а в другой — хозяйственные службы и другие помещения, необходимые для персонала...

— Надо бы заполучить план этого логова, — прошептал капитан. — Но как его добыть?

Разговаривая с Ивоном, Анрийон обводил взглядом стены и вдруг заметил надпись на фасаде **. Архитекторы почему-то любят украшать свои творения банальными изречениями *** и выбивать на фасаде свое имя, надеясь, вероятно, что память о них останется, таким образом, в веках. А может быть, дело просто в рекламе.

Надпись, на которую обратил внимание капитан, была предельно скромной: имя архитектора — Орlando, и год — 1867.

— Вот это здорово! Нам остается только выяснить, жив ли еще сеньор Орlando, создатель этого произведения искусства, и живет ли он в Буэнос-Айресе. Ивон, ты не хочешь пить?

— Не прочь, капитан.

* Цитадель — крепость.

** Фасад — наружная лицевая сторона здания.

*** Банальные изречения — избитые, пошлые изречения.

— В таком случае зайдём в кафе, выпьем стаканчик вермута с сельтерской *.

В каждом столичном кафе есть справочник с адресами всех жителей города.

Пока Ивон смаковал напиток, любимый моряками всего мира, его спутник судорожно перелистывал справочник. Вдруг он радостно ахнул. Наткнулся на искомое имя архитектора. Напротив был выведен адрес.

— Вперед! В гости к сеньору Орландо!

План капитана был прост.

Он представился архитектору как богатейший судовладелец, который хочет обосноваться в Буэнос-Айресе. Не в самом городе, а в предместье.

Так как сеньор Орландо здесь первый зодчий, то он и решил обратиться к нему с просьбой спроектировать и возвести особняк, достойный его богатства. Он не поскупится. Денег полно, так что дом должен быть построен быстро.

Архитектор был явно польщён и обрадован. Что и говорить, дельце выгодное. Он принял капитана не как обыкновенного клиента, а словно дорогого гостя, и начал расспрашивать, какие требования тот предъявляет к будущему жилищу, каким хотел бы его видеть.

— Все самое лучшее, все самое большое, все самое дорогое,— отвечал собеседник, стараясь подчеркнуть полное свое неведение в области архитектуры и строительства.

— Что-нибудь похожее на правительственные здания... Быть может, такое... вам подойдет?

— В них есть нечто казарменное.

— Городское управление?..

— Чересчур административно...

— Испанское представительство...

— Очень напыщенно.

— Дворец герцога Монтана...

— О, этот выскочка!.. Нет. Мой дом должен быть добротным, но не кричать о том, сколько денег и труда на него затрачено. Попробуйте понять меня, и я щедро заплачу вам.

— Есть ещё здание английского представительства.

— Вот-вот! Пожалуй, годится.

— Это здание строил я.

— Мои комплименты, сеньор Орландо.

— Вы очень любезны, сеньор...

— Керневель!..

* Вермут с сельтерской — сорт вина с минеральной водой.

— Могу показать вам земли, что сейчас продаются. Это недалеко от рейда.

— Подходит.

— Не хотите ли взглянуть на план постройки?

— С огромным удовольствием.

— Смотрите: вот план в разрезе и общий...

— Для меня это все равно, что китайская грамота. Если вы не против, я хотел бы изучить план на досуге.

— Все бумаги в вашем распоряжении, сеньор Керневель.

— Вы очень любезны, сеньор Орландо. Могу я забрать их с собой?

— Их вам доставят.

— Не беспокойтесь, я возьму лишь на сутки.

— Как угодно.

— Послезавтра верну их вам в целости и сохранности.

— Я отдам распоряжение служащему упаковать документы. Одну минуточку.

— Мне бы хотелось отблагодарить этого молодого человека. Прошу вас передать чек на пятьсот франков. Думаю, чаевые ему не помешают.

И Анрийон, сопровождаемый Ивоном, покинул дом архитектора Орландо. Тот на прощание рассыпался в любезностях, а про себя отметил: «Ну и оригинал!.. С ним я, пожалуй, смогу заработать неслыханные деньги».

Оба моряка поспешили в отель «Клебер». Капитан немедленно принялся изучать план, вычерченный на кальке *.

Неблагодарная, нудная, утомительная работа, но Анрийон с такой легкостью читал чертежи, что, посмотри на него архитектор сейчас, он крепко задумался бы над тем, стоило ли доверять свои документы.

Так прошел весь день. Лишь глубокой ночью работа была окончена.

— Готово,— воскликнул Поль, засовывая чертежи в карман и потягиваясь.— Время не ждет. Эти англичане до того расторопны и оперативны, что я каждую минуту вздрагиваю, подумав о судьбе моего бедного друга. Медлить нельзя. К счастью, больница у них находится отдельно, в парке. Не позже, чем через два дня Феликс должен быть на борту «Авраама Линкольна». В противном случае нас повесят вместе.

Через сорок четыре часа после торжественного обеща-

* К а л ь к а — прозрачная бумага, пропитанная специальным раствором, применяется для снятия копий с чертежей или рисунков.

ния, данного капитаном, у мола раздался оглушительный взрыв, потрясший всю округу.

Было половина двенадцатого ночи. Спящий город внезапно наполнился шумом и суетой. Второй раз за последнюю неделю ударили в набат *, и в сумерках вспыхнули языки пламени.

Пожар тюрьмы, случившийся несколько дней назад, не вызвал сильной паники в городе. Огонь удалось быстро погасить.

Но на этот раз все оказалось куда серьезнее: пламя было таким сильным, что горожане спрашивали друг друга, не загорелся ли весь квартал.

Улицы запрудил волнующаяся толпа. Вскоре до нее дошла страшная новость. На рейде горел корабль. Говорили, что там много горючего и взрывчатых веществ. Никто не знал точно, был это порох, алкоголь или нефть. Казалось, пожар угрожал деревянному молу и многочисленным привязанным здесь лодкам.

Как обычно в подобных случаях, распространились самые невероятные, самые противоречивые слухи.

Что это за корабль? Под каким флагом плавает? Эти вопросы прежде всего интересовали служащих многочисленных представительств и консульств. Ими правил скорее эгоизм, нежели международная солидарность.

Тут и там сновали запыхавшиеся полисмены, приносящие последние новости.

Горящий корабль принадлежит англичанам, и плавает под британским флагом — стражи порядка видели это собственными глазами, а также собственными ушами слышали душераздирающие крики на борту. Несколько несчастных спали и сгорели заживо!

Когда дело касалось других, сыны Альбиона ** проявляли невиданный, немыслимый эгоизм, возводя этот эгоизм в ранг национальной политики. Они совершенно хладнокровно могли бросить в беде любого иностранца, но по отношению друг к другу проявляли удивительную солидарность и взаимовыручку, часто доходящую до самопожертвования и героизма.

Простые слова: горящий корабль принадлежит англичанам! Англичане в трауре! Подняли на ноги всех до одного подданных Ее Величества, находившихся в Буэнос-Айресе.

* Ударить в набат — звоном колокола оповещать о бедствии, сзывать людей.

** Сыны Альбиона — англичане.

начиная с его светлости полномочного посла и кончая последним докером.

В мгновение ока его светлость лично в сопровождении секретарей, советников и атташе * прибыл на набережную, где собралась испуганная, бурлящая толпа.

Пожар, однако, разгорался все сильнее. Тому способствовало горючее, находившееся на борту. Пламя распространялось с необыкновенной быстротой. Если первоначальные опасения за гибель мола и пришвартованных рядом шаланд оказались все же излишними, то корабль, без сомнения, был безвозвратно потерян.

В небо взвивались огромные языки пламени и плясали на фоне клубов черного дыма. Корабль походил на извергающийся вулкан.

Сперва надо всем этим адом видны были тонкие линии мачт, но мало-помалу пламя охватило и их. Невольно на ум приходила мысль, что некто всемогущий устроил для собственного развлечения грандиозный фейерверк **. Блики пожара металась по фасадам прибрежных зданий.

Вскоре крики, раздававшиеся из адского пекла, последние, безнадежные крики о помощи смолкли. Несчастные жертвы отмучились. Им теперь уже не поможешь.

Толпа беспомощно взирала на катастрофу, положить конец которой человеку было не под силу.

Английский посол расспрашивал начальника порта об этом корабле. Но начальник ничего не мог толком сказать. Никто не видел, когда корабль пришел в порт, семафоры *** не сообщили о его прибытии. Судно не подавало никаких сигналов. И только флаг развевался на мачте, чтобы все издали видели, чей это корабль. Обратили внимание на судно, когда раздался взрыв.

Вот и все. Оставалось опросить свидетелей, единственное, что могло внести хоть какую-то ясность в случившееся. Но посол был окончательно поставлен в тупик, не зная, кому верить. Каждую минуту ему приносили сведения, исключаяющие одно другое. Бесконечные противоречивые рапорты агентов только запутывали и без того путаное дело.

Толпа все еще встревоженно гудела. И никто не обращал внимания на снующих тут и там подозрительных

* А т т а ш е — официальное лицо в дипломатическом представительстве, специалист в определенной области (военной, торговой и др.).

** Ф е й е р в е р к — декоративные разноцветные огни, образуются при сжигании слабовзрывчатых смесей.

*** С е м а ф о р — столб на берегу для сигнализации проходящим судам.

личностей. Лучшее время для карманников. Подобные типы всегда чувствуют добычу. Когда все увлечены, легко шарить по карманам. А мы добавим: время подходящее и для авантюристов.

Если легковверные аргентинцы развесив уши ловили каждое слово, ахали и охали, глядя на догорающий корабль, если воры воровали, то авантюристы работали.

И если бы его светлость, глава английской миссии, догадался тотчас вернуться к себе, он, быть может, несмотря на природную невозмутимость, все же поразился бы, заметив, что по парку и дому кто-то шныряет.

И правда, что происходило здесь? Что за люди бесшумно, словно тени, проворно пробирались по аллеям, занимали посты у входов и выходов?..

А дело вот в чем.

В тот самый момент, когда весь персонал покинул здание, откуда ни возьмись появилась группа неизвестных. Они стояли возле стены, окаймлявшей парк с северной стороны, то есть прямо напротив фасада.

Вдоль стены тянулась плохо освещенная улочка с выщербленной брусчаткой *. В этот поздний час вокруг было пустынно.

У каждого из пришедших в руках оказался смотанный трос ** с крюком на конце. Бросок — и трос накрепко зацепился за верх стены.

Потом раздалась команда. Всего три слова, произнесенные низким голосом:

— Давайте наверх, ребята!

И ребята легким движением, как будто всю жизнь только и делали, что занимались гимнастикой, вскарабкались на стену и, усевшись верхом, перекинули трос на другую сторону, в парк.

Потом послышалось:

— Спускайтесь!

Пришедшие оказались посреди великолепного сада, принадлежавшего его светлости. Наступая на клумбы и без зазрения совести давя роскошные гортензии *** — жемчужины, выпестованные английским послом собственными руками, неизвестные направились дальше.

Один, которому местность, очевидно, была знакома,

* Б р у с ч а т к а — камни в виде брусков для мощения улиц.

** Т р о с — пеньковый или стальной гибкий канат.

*** Г о р т е н з и я — комнатное полукустарниковое растение с круглыми листьями и зонтиковидными соцветиями.

оторвался от группы, прошел несколько шагов и вполголоса произнес:

— За мной!

Все гуськом пошли след в след, дружно топчя стриженный газон *. Кстати, газон был очень к месту, он скрадывал шаги, так что в саду не раздавалось ни шороха.

Компания приблизилась к стоящему поодаль строению. Окна были едва освещены.

— Больница,— шепнул тот же голос, видимо, принадлежащий предводителю.— Стоп! Никому не двигаться. Я посмотрю, что там.

Пять минут спустя вокруг внезапно загорелся яркий свет.

— Я открыл газ. Со светом как-то уютнее,— проговорил вожак.— Здесь никого нет, кроме портье **. Только он в дымину пьян. Поторопимся! Время не ждет. Корабль ведь не будет гореть бесконечно. Того и гляди, вернутся. Я войду, со мной Джим. Остальным — оставаться на месте! Выйдем втроем. Человек, который будет с нами, болен и очень слаб. Если он не сможет идти, вам придется его нести на руках. Поможете ему перелезть через стену. А потом сами знаете, куда идти. Если нападут, пользуйтесь только ножами. Упаси вас Бог стрелять. Никакого шума. Нам не нужно встреч с полицией. Понятно? Джим, я рассчитываю на тебя. В случае чего не забывай, что тебе светят две тысячи долларов.

— Все ясно! — по-английски ответил тот, кого звали Джимом.

Двое мужчин беспрепятственно проникли внутрь. Главный чиркнул спичкой, зажег крошечный фонарик и стал одну за другой обходить совершенно пустые комнаты.

— Вероятно, англичане в Буэнос-Айресе неплохо живут. Во всяком случае, не болеют,— заметил он.

Одна из дверей не поддавалась. Она была заперта на два оборота. Однако ключ оказался тут же в замочной скважине.

Мужчина вошел и направился прямо к кровати. Из груди его вырвался радостный возглас:

— Черт побери! Феликс! Ни слова...

— Кто это?

— Это я, твой друг, Поль Анрийон... Со мной еще

* Газон — площадка в саду, парке, на бульваре, засеянная с декоративной целью травой, обычно коротко и ровно подстригаемой.

** Портье — привратник, швейцар.

два десятка молодых. Мы пришли, чтобы освободить тебя. Скорей!

— Но я раздет!.. В одной рубашке! — ответил слабый голос.

— Мы позаботимся о твоём целомудрии *. Завернись в одеяло и следуй за мной.

Капитан погасил фонарь, взял бакалейщика под руку и собирался уже присоединиться к своим спутникам, как с улицы раздались крики.

Это, обогнав своих высокопоставленных хозяев, вернулась прислуга. В здании темно, но в саду явно кто-то есть. Воры?

Заметили слабый свет у больницы и бросились туда. Сначала двое, потом четверо, десятеро... Все с фонарями, вооружены вилами.

А тут подоспели и его светлость, советники, секретари, атташе с револьверами.

Капитан Айрийон все же успел присоединиться к своим. Выпустив руку Феликса, он сказал:

— Беник!.. Жан-Мари!.. Хватайте нашего больного и уносите отсюда во что бы то ни стало. Галопом, ребята! Мы вас прикроем.

Две пары сильных матросских рук подхватили парижанина, точно пушинку.

Англичане по-прежнему шумели, метались вокруг больницы. Затем рассеялись по парку.

— Сюда! — завопил один из них. — Сюда!

Когда самые прыткие подбежали к кричащим, оба моряка вместе с Обертенем были уже на стене. В одну секунду они перемахнули через нее и оказались на темной улочке. Раздались револьверные выстрелы. Пули просвистели мимо голов, но не задели никого.

В стене была прорублена единственная дверь, возле которой лежало громадное дерево, недавно спиленное садовником. Англичане схватили бревно и, превратив его в таран **, взломали дверь.

Послышался шум катящейся повозки, гневные крики:

— Воры!.. Держи преступников!

Швейцары, секретари посольства, выездные лакеи, советники, архивариусы, повара, словом, все, забыв о чинах и различиях, выбежали на улицу.

Ночные визитеры разбежались кто куда. Их пытались преследовать, но это делалось скорее для очистки совести.

* Ц е л о м у д р и е — нравственная чистота, стыдливость.

** Т а р а н — древнее стенобитное орудие.

Поймать никого не удавалось. Матросы явились хорошими бегунами.

Однако погоня не прекращалась. И вот за углом показались беглецы. Один из них был закутан в одеяло и еле-еле поспевал за остальными.

— Сто гиней * тому, кто его поймает! — вскричал по-сол.

Сто гиней! Щедрое обещание приободрило преследователей, собиравшихся было оставить эту затею.

— Ура! Да здравствует Англия!

Все внимание ловивших сосредоточилось на человеке в одеяле. На прочих уже никто не смотрел.

Наконец один из полицейских решительно перерезал ему дорогу, схватил за грудки и... отпрянул в ужасе.

Он увидел нечто, отчего вся его смелость и решимость моментально испарились.

— Санта Мария! — вскричал изумленный страж. — Этот человек синий!

— Ура! — воскликнули англичане. — Синий человек взят в плен!

Пленник сбросил одеяло и, скрестив руки на груди, спокойно сказал по-английски с едва заметным американским акцентом:

— Боже мой! С каких это пор запрещено ходить по улицам Буэнос-Айреса завернутым в одеяло? И почему нельзя вымазать себе лицо кобальтом **? Что, собственно, происходит?

— Вы вор!.. Убийца!.. — вне себя от ярости вопил мажордом его светлости.

— Джентльмены! Вы по ошибке задержали не того человека.

— Вы выбежали из парка английского представительства, вы попали туда незаконно.

— Нет, сэр! Кто меня видел в парке? Я прогуливался вдоль стены парка, по улице. Что верно, то верно. А разве это запрещено? По ночам мне нравится гулять там так же, как нравится заворачиваться в одеяло и мазать лицо краской. Я матрос и развлекаюсь как хочу. Это ведь мое дело, не так ли?

— Извольте следовать за нами!

— А! Английские ищейки! Вы надоели мне!

* Г и н е я — старинная английская золотая монета, равная 21 шиллингу (около 10 рублей).

** К о б а л ь т — темно-синяя краска.

С этими словами он мощными ударами опрокинул двоих полицейских, которые хотели его схватить, затем повалил на землю и того, кто задержал его и теперь в страхе молился всем святым. Поработав кулаками, человек скрылся, только пятки засверкали. Англичане остались с носом.

ГЛАВА 7

*На лодке.— «Авраам Линкольн».— Порт закрыт.— Вне-
ред! — Капитан признается в том, что он устроил пожар.—
Ужасная судьба десяти свиней.— Фальшивый Синий человек.— Из
Буэнос-Айреса в Пара.— Маришут в страну паталосов.— Токан-
тинс.— Глава экспедиции.— Черные мысли Беника.— Все слиш-
ком хорошо.— Сатанит — предвестник несчастий.*

Капитан Керневель предусмотрел буквально все, чтобы дерзкий налет удался. Поблизости от английского представительства их ждала повозка. Туда усадили Синего человека, у которого почти полностью отказали ноги, и окольными путями по набережной повезли прочь. С парижанином были Беник, Жан-Мари и сам капитан.

Феликс все время пытался что-то сказать, но шум колес заглушал его слабый голос. Не верилось, что его вырвали из английского застенка *, и бакалейщик без конца пожимал руки своим верным друзьям.

Поездка продолжалась недолго, всего несколько минут. У берега извозчик не остановился, а направил лошадей прямо в воду. Оказалось, что для них это вовсе не ново, а, наоборот, вполне обычно. Дело в том, что в этом месте глубина незначительна. Можно уйти или уехать далеко от берега, и все еще будет по щиколотку.

Если путешественник спешит и не имеет времени, чтобы добраться до того места, откуда ходят шаланды, можно увидеть такой спектакль — ходьбу по воде, будто посуху. Фиакры ** здесь частенько катятся по морю.

У Анрийона были все основания избегать многолюдных мест. Поэтому он и не поехал к молу. Там оставалось еще немало зевак, глазевших на догоравший английский корабль.

Капитан счел, что лучше не испытывать судьбу и перебраться по воде в повозке.

* З а с т е н о к — место пыток, тюремных истязаний.

** Ф и а к р — наемный экипаж.

Получив соответствующие инструкции, извозчик погонял лошадей. Вскоре вода стала доставать до ног седоков, а потом подбираться и к брюху лошади. Тогда кучер свистнул. На свист подошла лодка, приняла на борт четырех пассажиров и в два счета доставила их к другой шлюпке, ожидавшей неподалеку.

— Теперь, мой дорогой Феликс,— радостно возвестил капитан,— ты у себя дома!

— Поль! Мой славный, храбрый Поль! — без конца повторял Обертен. Удивлению его и радости не было конца.

— Это я, я! Это мы... Беник, Жан-Мари, Ивон. Им не терпелось увидеть тебя.

— Как я мечтал! Друзья мои! Мне необходимо было видеть вас, слышать ваши дорогие голоса... Я никак не решался поверить, что все это реальность.

— Ты еще насмотришься на нас! Дай срок, вот доберемся до места, поднимемся на борт...

— А разве мы не на борту?

— Черт поberi! Не думаешь ли ты, что мы вечно будем болтаться в этой шлюпке?

— А куда же...

— Немного терпения! Механик, свистни-ка погромче, чтобы точно знали, где мы.

— Не волнуйтесь! Ребята не ошибутся. Если им назначено свидание, придут точно по расписанию в назначенное место. Их не собьешь ни золотом, ни виски *.

И действительно, вскоре навстречу пришла еще одна лодка.

— Подруливай! Причаливай! — командовал Анрийон.— Все ли на месте?

— Да, капитан,— отозвался кто-то из темноты.

— Никто не отстал? А Джим?

— Все в порядке, капитан. Джим тоже успел! — Человек говорил с легким американским акцентом.

— Bravo, ребята!

Все участники ночного происшествия, как по мановению волшебной палочки, вновь собрались вместе, разместившись в большой лодке. Мотор взвыл, и только ветер засвистел в ушах.

Через три четверти часа они были уже на рейде и поднимались на борт большого парохода. Судя по судовым огням, вскоре намечалось сниматься с якоря.

* В и с к и — крепкая английская водка.

Чтобы помочь Феликсу взобраться, пришлось спустить трап. Анрийон заметил, что его друг был очень слаб.

— «Авраам Линкольн»! Наш корабль! — объявил Поль, едва вступили на палубу. — Поднимайся, поднимайся! Дорогой мой, чувствуй себя как дома, даже лучше.

Синий человек был поражен и не произнес ни слова. Он медленно поднялся по трапу, пересек палубу, спустился вниз и очутился в просторной каюте, где уже был накрыт стол.

Ярко освещенная каюта сияла. На белоснежной, хрустящей скатерти сверкали хрусталь и серебро.

— Ну, а теперь, — радостно произнес капитан, — обнимемся наконец и расцелуемся, как люди, с честью выполнившие свой долг. И достойно отпразднуем нашу долгожданную встречу! Дай мне посмотреть на тебя!

— Ты увидишь лишь синее лицо, — вздохнул Феликс, обнимая друга.

— Что правда, то правда, дружище! Ты действительно синий! Впрочем, это почти незаметно. Не будем обращать внимания! Давай болтать, смеяться, есть! Ты все так же чертовски прожорлив, не так ли?

— Вот бы хорошего аперитива *...

— Я помню о твоих слабостях! Поэтому заранее дал распоряжения повару.

— Сколько же нам нужно рассказать друг другу, Поль!

— Да! Сколько невозможного, невероятного, невообразимого произошло с нами за это время!

— Каким чудом тебе удалось вызвать меня оттуда? Как ты оказался здесь, на этом корабле?

— Погоди, погоди немного! Все по порядку. Начну с конца. Но только во время обеда. Беник, Жан-Мари и Ивон обедают вместе с нами сегодня вечером... Да нет, наверное, лучше будет сказать — ужинают с нами сегодня ночью. Уже час ночи. Сядь за стол и подожди меня.

— Ты далеко?

— Да нет! Просто пора отдать команду об отплытии.

— Мы уходим? Браво! И большое спасибо. Мечтаю поскорее покинуть эту проклятую страну.

В это время в дверь постучали, и их разговор прервался на полуслове.

В комнату вошел рулевой.

— Что тебе нужно? — спросил Анрийон.

— Капитан, все семафоры показывают одно и то же!

* А п е р и т и в — спиртной напиток для возбуждения аппетита.

— Ну, и что же они показывают?

— Порт закрыт, никто не имеет права выйти в море.

— Вот тебе и на!

Не сказав больше ни слова, Поль поднялся на палубу, приказал загасить все огни и крикнул:

— Всем быть готовыми к отплытию! — И немного погодя: — По местам стоять! С якоря сниматься!

Послышался пронзительный свисток боцмана, и судно начало маневрировать. Все происходило спокойно, без спешки и аврала *. Точь-в-точь как на военном корабле.

Наконец из воды показались якоря и застыли на якорных цепях. Заработала машина, судно вздрогнуло и зашевелилось, словно разбуженный кит.

Анрийон стоял на капитанском мостике, то и дело переговаривался с машинным отделением и отдавал распоряжения.

— Полный вперед!

Там, в глубине металлической громады, заработал двигатель, и «Авраам Линкольн» отплыл, невзирая на запретные сигналы семафоров и яркие, разноцветные ракеты, взвивавшиеся в небо словно огненные змеи.

Через полчаса на вахту заступил второй помощник. Когда судно было уже вне досягаемости, а значит в безопасности, бортовые огни вновь засияли.

Корабль спокойно скользил по волнам. Поль спустился в кают-компанию в сопровождении Беника, Жана-Мари и Ивона. Они застали Синего человека сидящим во главе стола и за обе щеки уплетающим огромный пирог.

— Мы в открытом море, далеко от Буэнос-Айреса, дорогой друг.

— Несмотря на то, что порт закрыт, — тихонько рассмеялся Беник.

— Да, похоже, что друзья англичане не теряют времени даром.

— Я не совсем понимаю, — проговорил парижанин с полным ртом.

— Но это же так просто: эти мерзавцы всегда уверены в том, что только им одним известно, что хорошо, а что плохо. Они решили закрыть порт, наплевав на то, что судам нужно отплывать именно в этот момент, а не позже. Их выгода превыше всего.

— Зачем они все это делают?

* Аврал — спешная работа на судне, в которой принимает участие весь личный состав команды.

— Из-за нашего сегодняшнего ночного переполоха. Подняли на ноги всю полицию в городе. Предполагают, что у тебя, Феликс, есть сообщники среди моряков на тех судах, что стоят на рейде, и, вероятно, решили произвести обыски на всех, без исключения, кораблях. Но мне-то их запреты до лампочки. Дудки!

— Надо думать,— добавил Жан-Мари,— на эту мысль их натолкнул пожар.

— Господи! Какой еще пожар? — спросил Обертен.

— Моя идея. Ну, ладно! К столу, друзья. Давайте есть, пить. Чувствуйте себя свободно, как дома.

— Нет, ты Расскажи мне, что это за идея!

— Понимаешь: необходим был отвлекающий маневр на то время, пока мы извлекали тебя из посольства.

— Это не простое дело.

— Огнюдь. Очень даже простое. Я купил старую баржу, совсем дряхлую, ни на что не годную. Загрузил на борт двенадцать тонн нефти, столько же гудрона и десятков свиней.

— Свиней?

— Именно. Живых свиней. В десять часов вечера отбуксировал баржу на рейд с помощью моторной лодки. На ней же, кстати, приплыли те, кто должен был принимать участие в походе в английскую миссию. Мы прикрепили на мачте британский флаг, подожгли баржу и преспокойно покинули ее, оставив у рейда, но так, чтобы пламя не достигло шаланд. Затем высадились на берег и отправились к посольству ждать, когда раздастся взрыв и англичане побегут спасать своих.

— А свиньи?

— Нужны были жертвы... Обгоревшие трупы... душераздирающие крики несчастных, заживо сожженных. Необходимо было вызвать сострадание, сочувствие, привлечь внимание толпы, словом, устроить настоящую диверсию *. Для этого и понадобились свиньи. Убежден, что завтра в городских газетах будет море разлитое чернил и слез по поводу ужасной судьбы принявших мученическую смерть в адовом огне. Все это стоило мне пять тысяч франков. Пустяк, как видишь.

— Безусловно, это пустяк в сравнении с результатом. Но я ведь должен возместить все расходы, которые ты понес, вызволяя меня.

— Когда-нибудь, конечно! Не думай, что я такой

* Диверсия — вид подрывной деятельности, преступный, вредительский акт.

уж богат, что в состоянии проворачивать подобные де-
лишки даром.

— Но дело в том, что у меня ничего нет.

— Не может быть!

— Да! Я совершенно разорен.

Внезапно капитан Керневель разразился громким сме-
хом, даже бокалы на столе задрезбужали от его хохота.

— Ты смеешься...

— Не над твоим несчастьем, конечно, но над твоим
кислым выражением лица.

— Есть над чем смеяться, право! Ах! Если б я не
был синим!

— Оставь это... мы вернем тебе твоё состояние...
ещё больше.

— Остается лишь надеяться на золотые копи.

— Чудесно! Займемся добычей золота.

— Это уже сделано. Беник, Ивон и Жан-Мари теперь
капиталисты.

— Увидишь: все станем миллионерами! Впрочем, ты
напрасно думаешь, что остался вовсе без копейки.

— Но это действительно так. Единственное, что оста-
лось, так это двадцать тысяч франков, присланные моим
отцом. Ивон успел вынуть их из-под моей подушки.

— Есть и ещё кое-что,— прервал его капитан, доставая
из бумажника какой-то документ.— Гляди-ка! Это вексель
на двести тысяч франков.

— Не может быть! Ты сохранил его?

— А ты думал, что я сделал из него пыж *?

— Поль, дорогой мой! Тебя послало providение. Мы
сможем разделить эти деньги!

— Стоп! Не делай глупостей! Я достаточно богат,
а если тебе не терпится кого-нибудь облагодетельствовать,
так у меня есть подходящая кандидатура — мой матрос
Джим.

— Из новичков?

— Этот молодец неплохо справился с заданием. Он
заслуживает премии за то, что мастерски сыграл роль Сине-
го человека.

— Я не понимаю тебя.

— Чтобы оставить англичан с носом и обеспечить твою
безопасность, я напряг все свои умственные способности

* Пыж — войлочная или картонная прокладка между порохом
и дробью, предназначенная для защиты дроби от пороховых газов и очи-
щения канала ствола от нагара предшествующего выстрела.

и кое-что придумал. Мне кажется, что мои актеры, ей-богу, достойны поощрения.

— Безусловно: пожар на корабле, нефть, гудрон, сгоревшие заживо свиньи...

— Можешь еще добавить: подмененный Синий человек. Фальшивый, понимаешь?

— Не очень.

— Нам, разумеется, не слишком хотелось попасть в лапы к англичанам, значит, следовало отвлечь их внимание, пустить по ложному следу. Ты сам охотник...

— Был когда-то... Я вроде бы понимаю тебя.

— Так вот. В то время, когда настоящий Синий человек удирал в повозке в сопровождении верных друзей, фальшивый был пойман.

— То есть твой матрос Джим?..

— Его лицо и руки мы как следует вымазали кобальтом. Он был совершенно синий.

— Но ведь этот смелый парень сильно рисковал.

— Потому я и говорю, что ему нужно хорошенько заплатить за разыгранный перед англичанами фарс*. Все могло кончиться гораздо хуже.

— И ему удалось выйти сухим из воды?

— Да! Он сейчас здесь, хлопчет по хозяйству. Я ведь приказал выдать праздничный паек и экипажу, чтобы и они отметили твоё освобождение. А Джиму обещал две тысячи долларов.

— Он честно заработал их! Я рассчитываю на тебя, Поль. Надеюсь, ты выдашь ему эту сумму из денег, полученных по векселю.

— Конечно, я к твоим услугам, друг мой! Мы договорились с Джимом, деньги отложены и будут лежать в моем сейфе до следующей стоянки. А теперь, дорогие соотечественники, выпьем, закусим! В общем, повеселимся!

И потекли спокойные деньки.

На борту «Авраама Линкольна» все были счастливы. Поль оттого, что нашел наконец своего друга и предоставил ему убежище на великолепном судне. Жан-Мари оттого, что был рядом с братом. Ивон с удовольствием рассказывал всем о том, какие штуки вытворял с англичанами. Беник чувствовал себя счастливым, вновь став боцманом. И хотя он

* Фарс — пьеса легкого содержания. В переносном смысле шутовская выходка.

предпочел бы пароходу парусник, все же это не омрачало его радости. Матросы были довольны своим капитаном, Джим — перспективой получить неплохой куш * и пропить его с товарищами. Даже Феликс ощущал душевный подъем — море, отсутствие волнений и страхов благоприятно отразились на его состоянии.

Впервые за долгое время все складывалось хорошо в этом лучшем из миров.

Кроме того, надежда на блестящее, невероятное, ослепительное богатство поднимала настроение тех, кто был посвящен в тайну клада паталосов **.

Сколько раз Феликс, капитан, Беник и Жан-Мари обсуждали возможность поскорее вернуться и с наименьшими затратами. Ивон тоже участвовал в обсуждении и, несмотря на молодость, подчас давал неглупые советы.

Друзья раздумывали, прикидывали и в конце концов решились. «Авраам Линкольн», груженный провиантом и углем, отправится прямым ходом в Пара, крупный бразильский порт в районе Амазонки, расположенный в 1° 28' южной широты и 50° 20' западной долготы. Согласно новому приказу Пара станет отныне портом приписки «Авраама Линкольна». И вот почему.

Построенный на восточном берегу великолепной бухты, при слиянии рек Гвиара и Токантинс ***, город находится на том самом пути, который пятеро французов избрали, чтобы добраться до паталосов.

Этот путь, столь же верный, сколь и короткий.

Протяженность реки Токантинс около тысячи восьмисот километров. Она течет с юга на север, пересекая провинции Гояс, Мату-Гросу и Пара ****, образуя затем дельту шириной более тридцати километров и впадая в Атлантический океан.

Так как Токантинс судоходна практически по всему течению, то лучшего пути для того, чтобы пробраться в центр Бразилии, а именно в самую глубь провинции Мату-Гросу, и найти трудно.

Наших героев тянуло туда неодолимо.

От Пара «Авраам Линкольн» поднимется по реке так далеко, как только будет возможно, по крайней мере, до Мораэса, может быть, даже до Азеведо. Там участники

* Куш — большая сумма денег.

** Паталосы — индейское племя людоедов.

*** Гвиара, Токантинс — реки в Бразилии.

**** Гояс, Мату-Гросу, Пара — штаты в Бразилии.

экспедиции покинут судно и продолжают путь на борту парового буксира, который потащит за собой шаланду.

Запасы угля очень громоздки. Поэтому капитан, прибыв в Пара, заменит колосники *. Это позволит машине работать на дровах. Несколько дней на них можно продержаться.

При слиянии рек Сан-Мигель и Токантинс встречается несколько крутых порогов **. Но это не слишком серьезные препятствия. Увеличив скорость, их можно легко преодолеть.

После этого останется добраться до страны паталосов. Последний отрезок пути придется пройти пешком, что потребует нескольких дней.

Таков в общих чертах план, на котором после долгих споров и различных предложений сошлись пятеро друзей. План достаточно прост. Оставалось претворить его в жизнь.

Первый этап, от Буэнос-Айреса до Пара, путешественники преодолели беспрепятственно и довольно быстро. В Пара пополнили запасы горючего и приступили к подготовке экспедиции.

Вообще-то капитан хотел сопровождать золотоискателей вплоть до страны паталосов, а там оставить корабль на рейде под присмотром второго помощника, человека в высшей степени порядочного, рассудительного, знающего моряка.

Кроме того, Поль собирался оставить на борту Феликса. Он не без оснований опасался, что тому не перенести тягот пешего перехода.

Однако ни то, ни другое друзьями принято не было. И вот на каком основании.

«Авраам Линкольн» представляет немалую ценность. Важно не позволить чужакам захватить его.

Кто знает, не объявили ли его вне закона после отчаянной выходки в Буэнос-Айресе. Кто может поручиться за то, что его не ищут повсюду? А следовательно, если найдут, тут же арестуют и лишат свободы передвижения.

Между тем на пароход возлагают свои надежды столько людей. Значит, необходимо, чтобы судном командовал человек решительный, способный согласно обстоятельствам принимать неожиданные, дерзкие решения, действовать отчаянно, но эффективно ***, преодолевать какие угодно

* Колосник — чугунная решетка в топке для прохода воздуха под топливо и отделения золы.

** Порог — каменистое возвышение речного дна.

*** Эффективно — результативно, с большим успехом.

препятствия, сознавая ответственность и чувствуя доверие друзей.

Стало быть, капитан Керневель останется на борту у причала в Пара, будет завязывать полезные знакомства и держать нос по ветру на случай тревоги.

Второй помощник, которого посвятили в цель путешествия, будет сопровождать экспедицию. Во главе же ее, после долгих раздумий и препирательств, решили поставить Обертена.

Да и могло ли быть по-другому? Разве Феликсу имеет смысл оставаться на корабле в то время, как его друзья отправятся к паталосам? Что скажут милейшие людоеды, если их Синий человек, их Лазурный Бог, их идол, не вернется, как обещал? Нет! Золото они отдадут только ему одному.

А Генипа, Знатор кураре *, неподкупный страж клада?..

Согласится ли он отдать золото чужим, пусть даже с ними придут Беник и Жан-Мари? Он сохранял клад для Синего человека. Да! Только для него. Желтая земля принадлежит Лазурному Богу, он и должен получить ее.

Парижанин и сам не прочь был вновь повидать своих милых подопечных, которым очень симпатизировал.

И потом, не лучше ли тому, чей вид заставляет собак заливаться звонким лаем, мальчишек смеяться, а прохожих сворачивать с дороги, не лучше ли ему находиться не в цивилизованном городе Пара, а там, где его чтут как полубога?

Прежде чем отправиться в путь, бакалейщик написал длинное, ласковое письмо отцу. Рассказал о своих горестях, надеждах, передал сдержанный привет своей супруге и просил напомнить о себе кассиру фирмы, чтобы тот не сбрасывал окончательно имя Обертена со счетов. И только о главном, о своей болезни, Феликс не счел нужным упоминать.

Наконец снарядили шлюпку. Команду набрали главным образом из французов. В нее вошли двенадцать матросов и три механика, выполнявшие одновременно и обязанности рулевых.

Вооружение состояло из охотничьих ружей, карабинов **, револьверов, запаса патронов. Получился целый арсенал.

В шлюпку погрузили все необходимое для палаточного

* Кураре — яд для стрел, смесь сгущенных экстрактов из растений.

** Карабин — ружье или винтовка облегченного веса, с укороченным стволом.

лагеря, а также провизию. Устроили навес из непромокаемого паруса. Если по какой-либо причине невозможно будет спать под открытым небом, можно прекрасно устроиться под навесом. Это полезная вещь в экваториальном климате.

В специальном ящике размещалась небольшая дорожная аптечка — средства для оказания первой помощи. К каждому лекарству прилагалась инструкция с указаниями, как и в каких случаях его применять.

Все заботливо продумали, предусмотрели каждую мелочь, которая могла бы пригодиться.

Когда русло Токантинса перестало быть проходимым для «Авраама Линкольна» и компания перебралась в лодку, Обертен заявил:

— Теперь это уже не экспедиция, а прогулка.

— Поживем — увидим, месье Феликс, — ответил рассудительный Беник.

— Что у вас опять, дружище? Все время ворчите и бранитесь.

— Что у меня?.. Я совсем не в восторге от необходимости покинуть корабль.

— Бросьте!

— Итак, поднять флаг!.. Шлюпка прощается с кораблем. Последние рукопожатия нашему отважному капитану...

— Беник, вы слишком много выпили!

— Простите, месье! Но вы напрасно волнуетесь. Я выпил самую малость. И прекрасно соображаю.

— И что же?

— А то, что я не жду от этого путешествия ничего хорошего.

— Не каркайте, Беник.

— Видите ли, месье, я успокоюсь, только когда мы вернемся в Пара. А мы еще туда не вернулись.

— Естественно! Ведь мы еще и не покинули город. Когда вернемся в Пара, вы будете ворчать, что мы еще пока не во Франции.

— Точно.

— Повторяю, Беник: не надо каркать.

— Это не я, месье.

— Вы опять про своего сатанита!..

— Про него.

— Но, дорогой мой, это старая песня, ей-богу!

— Вот именно! Бог нас и рассудит. Бог и укажет, кто из нас прав, а кто нет.

— Аминь!

ГЛАВА 8

Беник не в духе.— Пятница, 13-е число.— «Нас тринадцать!» — Состав экспедиции.— Первые приключения.— Синий человек дает названия новым городам.— Черепахи.— Через пороги.— Меню индейцев.— Жареные муравьи, земляные черви, рыбная мука.— Порванная цепь.— Гроза.— При слиянии Токантинс и Арагуая.— Дорога на Гояс.— Катастрофа.— Взрыв на шлюпке.— Вперед!

«Пятница, 13-е июня. Мы отправляемся в страну паталосов в пятницу, которая падает на 13-е число. Эту дату избрали без всякого умысла. Никому и в голову не пришло, что этот день и это число таят какие-то злые предначертания.

Беник заметил это, только когда «Авраам Линкольн» в последний раз просигналил нам флажками. Открытие поразило моего друга и укрепило в мысли о дурных предзнаменованиях. Ах! Надо, надо было перенести отплытие на следующий день.

Я предложил ему остаться и пуститься в путь завтра, но в одиночку. На это он не пошел, категорически отказался. Оставшись с нами, боцман тем не менее ворчал без умолку и еще сильнее, чем прежде.

Итак, мы легко преодолеваем течение Токантинс.

Я пишу «легко», потому что в начале нашего путешествия ничего неожиданного не случилось. Вот уже четыре часа, как мы в пути. Но кто знает, что нас еще ожидает!

У меня много свободного времени. Надеюсь, оно будет и дальше. Поэтому-то я и решил завести дневник. Надо же тратить часы на что-нибудь, кроме сна. Здесь, вблизи экватора, ночи длинные, и у меня нет ни малейшего желания проводить их впустую.

Судовой журнал ведет второй помощник с «Авраама Линкольна». Он здесь находится под моим началом. Я же взял на себя роль летописца нашего путешествия.

Великий Боже! Сюда идет Беник. Вид у него печальнее обычного.

— Месье Феликс! — говорит он изменившимся голосом.

— Боцман Беник!

— Вы не можете себе представить... это невозможно... это выше понимания.

— Не вижу ничего невозможного и, кажется, все прекрасно понимаю.

— Вам бы все шутить!

— Ах! К сожалению, у меня слишком много причин, чтобы грустить! Не нужно долго искать.

— Знаете ли вы, сколько нас на борту?

— Двенадцать, черт возьми!

— Вот, вот, двенадцать!.. То есть капитан взял на борт дюжину матросов... Но вы забываете о том, кто возглавляет экспедицию.

— И правда! Но ведь экспедицию возглавляю я. Таким образом, количество увеличивается на одного.

— А следовательно, нас на борту тринадцать.

— Да, тринадцать!

— Вам не кажется странным, что мы отплыли тринадцатого числа и на борту нас тринадцать человек?

— Я как-то об этом не подумал. Благодарю вас. Впрочем, дорогой Беник, считайте, что вас двенадцать, а меня как бы вовсе не существует. Мне же куда приятнее быть тринадцатым, чем некой абстракцией *.

Сбитый с толку, удрученный Беник удалился, чтобы поведать о своей печали Жану-Мари. Тот смотрит на вещи трезво. В ответ Жан-Мари просто расхохотался. Смеясь до упаду, он изобразил Беника, пришедшего к нему с важной вестью.

Это единственное событие дня. Беник расстроился и не пришел обедать. К тому же он долго распекал Ивона, рассердился на Кервена и послал ко всем чертям Жана-Мари.

К вечеру мы бросили якорь у берега и, устроившись на ночь, заснули сном праведников.

У нас были с собой накомарники **. Малюсенькие кровопийцы пели вокруг свою песню, но до кожи добраться не могли.

14 июня. Как и обещал капитан, мы прошли точно пятьдесят четыре морские мили, что равняется ста километрам или около двадцати пяти лье ***.

Здесь очень красиво. Все довольны лодкой. Правда, жара невыносимая. Однако на воде немного обдувает ветерком. Это спасает. К тому же при такой скорости встречный ветер немного освежает.

Что касается меня, то я предпочитаю плыть на шаланде, а не на паровой шлюпке. Таким образом хоть как-то могу

* Абстракция — отвлеченное понятие.

** Накомарник — сетка или мешок для защиты от комаров.

*** Лье — устаревшая французская мера длины, равная 4,5 км, а на море — 5,5 км.

отделаться от ужасающего запаха, доносящегося из машинного отделения. Со мной на шаланде еще четверо. Каждый из них по очереди управляет ею.

На шлюпке осталось восемь человек. Капитан почти постоянно находится с нами. Он определяет характер течения и сверяет с картой. Важно выяснить, соответствуют ли картографические данные действительности, в чем я лично очень сомневаюсь. Капитан наш из бретонцев. Его зовут Корсон. Это человек исключительной смелости, но слишком уж неразговорчивый. У него живой и открытый взгляд, широкие, мощные плечи. Лет ему около сорока. Остальные бретонцы — Беник, Жан-Мари, его брат Кервен, Ивон и механик по имени Леонек. Есть еще два помощника механика, они выполняют работу рулевых: Робер Рошфорте и Артур Ларош — парижанин двадцати лет, редкостный шутник. Думаю, с ними наше путешествие будет веселым.

В команде есть и американцы, вернее, один американец. Это Джим — мой спаситель, фальшивый Синий человек. О! Это удивительный тип. Настоящий клоун. Никак не может вести себя как все нормальные люди. Все у него какие-то выкрутасы и выдумки.

Еще Мариус, родом из Марселя. Черт побери! Минуты не проходит, чтобы он не сцепился с Артуром. У них бывают невероятные схватки.

Бертран — нормандец * из Гранвиля **. Это рыжеволосый геркулес *** с немного косящими глазами, он никогда не говорит ни да, ни нет и пьет сверх всякой меры.

И наконец, последний — Лефор. Он из Луизианы ****, но француз по происхождению.

Всего двенадцать сильных и решительных мужчин, прекрасно знающих свое дело, полных энтузиазма, жизнерадостности и готовых сломя голову кинуться в неизвестность.

Тринадцатый — это я: Синий человек, хозяин — так меня здесь называют.

Пока у нас не слишком много дел, все слоняются туда-сюда и размышляют о небесных кренделях. Главное сейчас — заготовить дрова. Каждый самоотверженно выполняет эту повинность.

Вчера проплыли мимо двух городов, во всяком случае,

* Н о р м а н д е ц — житель французской провинции Нормандия.

** Г р а н в и л ь — портовый город на севере Франции.

*** Г е р к у л е с — человек, обладающий огромной силой. Происходит от имени героя древнегреческой мифологии Геракла.

**** Л у и з и а н а — штат на юге США.

такowymi они числятся на карте: Азеведо и Карнета *. Один раскинулся на правом берегу реки, другой — на левом. На самом деле это несколько захудалых лачуг и барачков, служащих, вероятно, для хранения товаров. Только никак не возьму в толк, каких именно.

Сегодня на правом берегу увидели Кажуэйра и виллу Байао. Это два местечка, похожие, как две капли воды, на вчерашние. Все население составляют мулаты **. Они только и делают, что сидят у своих хижин да курят огромные сигары. Праздность — обычное занятие в этих местах.

Немного погода по левому борту оставили позади приток Токантинс. Это Паранамуку, как любезно объяснил капитан. Его услужливость доставляет мне удовольствие.

Места по-прежнему до противного дикие. Однако, надо признать, мы видали и похуже.

Пять часов. Стоп машина! Замедляем ход, причаливаем. Наступает время заготовки дров. После работы — ужинаем, поем, ведем оживленные беседы. Не обходится без колкостей. Ну, а потом — спать.

15 июня. Вчера прошли еще около двадцати пяти лье. Сегодня, если ничего не помешает, пройдем столько же. Однако в полдень, во время обеда — бац! Первый удар. Это большая неприятность. Мы располагаем бразильской картой, но надо признать, что если карта составлена в Бразилии, то это вовсе не означает, что она превосходна. Капитан страшно ругается. Не отстают и все бретонцы, включая Ивона, чей фальцет *** выводит всевозможные моряцкие проклятья, которые, впрочем, уместны в подобном случае.

Обычно, если происходят какие-то неполадки, принято причаливать и разбираться. Так и сделали, потеряв кучу времени и горячего.

Пришвартовались к берегу, на котором заметили полдюжины индейских хижин. Это местечко не удостоено чести быть отмеченным на карте. Я предложил капитану исправить оплошность, и он пометил новую точку, дав ей имя Вермина.

Название придумал я. В этих местах такое множество беспощадных паразитов и я так настрадался от них, что это название с окончанием на «а» показалось мне сегодня вполне подходящим.

* Карнета — город в Бразилии.

** Мулат — потомок от смешанного брака негра с представителем европейской расы.

*** Фальцет — высокий звук мужского голоса.

Мне, как всегда, больше всех нужно. Захотел рассмотреть поближе, что представляет собой Вермина. И получил свое. Моя внешность, с которой я уже совсем свыкся, на наивных детей природы оказала устрашающее действие. При виде Синего человека все с криками разбежались, предоставив нам полную свободу действий.

Четыре сваи *, крыша из пальмовых листьев, кишателей насекомыми гамак: клопы, клещи, блохи, вши и прочая нечисть... Несколько громадных глиняных горшков, две или три корзины, стрелы. Вот, пожалуй, все, что составляло небогатый скарб граждан маленькой империи.

Вокруг хижин — плантации бананов, маниоки **, ямса ***, бататов **** и табака.

Пришлось на самом видном месте разложить несколько сабель и рыболовных крючков, с тем чтобы продемонстрировать попрятавшимся хозяевам добрые намерения и благородство Синего человека.

Право же, я не теряю времени даром! Во всяком случае, за столь короткое время удалось дать название новому городу.

Сегодня прошли всего шестьдесят километров.

Неудачный день. Но все же, надеюсь, не потому, что он тринадцатый.

Вблизи порогов течение, кажется, стало быстрее, наверстать упущенное время нам вряд ли удастся.

16 июня. — Хозяин, земля вертится! — вскричал Артур Ларош, выпучив глаза. Он замолчал, но рот его так и остался открытым, что выражало крайнее изумление.

— Это всем известно. Она вертится с тех пор, как существует, — ответил я, смеясь над физиономией рулевого, походившего на Пьеро, которого ударили палкой.

— Да нет же! Я не о той Земле, которая шар... Почва!.. Берег!.. Смотрите!

— Невероятно!

— Действительно! — подтвердил Беник.

— Да, у парижанина, похоже, все в порядке со зрением, — заключил Жан-Мари. — Никаких сомнений: земля

* С в а и — бревна или брусья, забитые в грунт для его укрепления.

** М а н и о к а — растение, плод которого содержит крахмал; из корней получают ценные пищевые продукты.

*** Я м с — травянистые растения со съедобными крахмалистыми клубнями.

**** Б а т а т — растение со съедобными мучнистыми клубнями, сладкий картофель.

действительно крутится, движется, шевелится, дрожит... Что бы это могло означать?

— Ба! — вскричал Джим. — Да это же черепахи!

— Как черепахи?

— Обыкновенные черепахи. У них сейчас время кладки яиц! Понимаете?

Черепах было сотни тысяч, миллионы. Повсюду, куда только доставал глаз, земля кишела панцирными. Они медленно передвигались, ударяясь друг о друга с сухим, характерным звуком, вытягивали свои морщинистые шеи, рыли когтистыми лапами песчаную почву и откладывали яйца в ямки. Большинство из них были настоящие гиганты, длиной от семидесяти сантиметров до метра. Во всем этом ощущалось какое-то остервенение, неистовство.

Хорошо бы поймать нескольких, дабы разнообразить наш стол. Когда-то я пробовал земляных черепах и сохранил о них самые приятные воспоминания, как, вероятно, и мой желудок.

Нет ничего проще, чем поймать это доисторическое создание. Полдюжины самых лучших, самых красивых мои спутники просто-напросто перевернули на спину и привязали к шляпке за задние лапы.

Их приготовят целиком, в собственном панцире. Никто, думаю, не откажется.

Затем взялись вырывать яйца, оказавшиеся абсолютно круглыми, как бильярдные шары, и крупными, величиной с куриные. Любопытная деталь: на яйцах не было привычной нам скорлупы. Они покрыты белой пленкой, мягкой, но чрезвычайно прочной, так что, в отличие от куриных яиц, черепахи при перевозке биться не должны.

Артур правильно заметил, что мы теперь сможем постоянно готовить омлет.

Жан-Мари уверил нас, что индейцы раскладывают черепахи яйца на решетках и сушат на солнце, — это лучший способ сохранить продукт на зиму.

Вполне возможно, что и мы прибегнем к этому способу, чтобы сделать запасы.

Жан-Мари, хорошо изучивший здешние обычаи, утверждает также, что индейцы добывают из черепаших яиц масло и натирают им тело, спасаясь, таким образом, от москитов *.

* М о с к и т ы — мелкие кровососущие насекомые.

Было бы неплохо. А то эти мерзкие насекомые уже изрядно попортили нам шкуры. Не можем же мы, в самом деле, все время укрываться под сеткой. Надо же и работать.

Итак, дело сделано. Первая черепаха уже варится. Яйца погружены на борт.

Вперед!

Хотя Токантинс с виду никак не изменилась и ширина ее не увеличилась, стало труднее плыть. Приходилось преодолевать какое-то невидимое сопротивление.

Случилась и еще одна неприятность.

— К берегу! — пронзительно закричал рулевой, и Беник недружелюбно покосился на него.

Пришлось причалить. Эта операция далась не без труда. Впереди знаменитые пороги. Течение стало совершенно бешеным, и капитан здраво рассудил: чтобы не попасть в водоворот, необходимо сначала вымерить глубину. Наконец у левого берега удалось обнаружить самое глубокое место.

Даже на большой скорости шлюпка едва могла двигаться. А вскоре и вовсе остановилась, хотя машина перегревалась, работая на пределе. Все напрасно!

Джим абсолютно серьезно посоветовал капитану залить в топку несколько литров спирта, с тем чтобы нагрузить клапаны.

Ох этот янки *! Чего только не придумает!

Однако капитан — человек осторожный. Предпочел посадить восемь человек на берег, а спирт, который Джим предназначал для машины, влить им в глотку, на что те с удовольствием согласились и, накачавшись таким образом, потащили судно с помощью канатов.

Решение оказалось весьма удачным. Суденышко без помех пересекло пороги, простиравшиеся примерно на километр.

Наступило время привала.

За порогами мы обнаружили компанию индейцев, готовящих дьявольское варево.

В отличие от своих собратьев, эти и не подумали убежать при нашем появлении. Напротив, они и глазом не моргнули, едва взглянув в нашу сторону. Артур, уязвленный тем, что мы больше не производим впечатления, засвистел что есть мочи. Индейцы попадали ничком и испуганно закричали.

Однако наши подарки, кое-какие безделушки быстро

* Я н к и — прозвище, данное уроженцам США европейцами.

успокоили их. К тому же краснокожие понимали диалект *, известный Жану-Мари, так что он поспешил обменяться с местными жителями несколькими словами.

Таким образом, мы стали друзьями.

Как историограф экспедиции, прибегну к некоторым документальным фактам.

Индийское меню: красные муравьи величиной с мизинец. Употребляются в пищу жареными на камнях или сырыми. Кушанье называется бахако. Это и в жареном виде отвратительно, а уж в сыром и подавно!

Земляные черви. Водятся в прибрежной глине и достигают обычно шестидесяти сантиметров в длину, а в ширину с большой палец. Туземцы режут их на кусочки и кипятят, приправляя всевозможными травами. Мне так и не достало смелости попробовать это блюдо, вопреки настойчивым уговорам и упрощениям гостеприимных хозяев. Даже гримасы, выражавшие на их лицах неземное наслаждение, не убеждали.

И наконец, рыбные консервы. Рекомендую тонким ценителям и гурманам **.

Когда случается добрый улов, а это бывает частенько, рыбу потрошат, слегка поджаривают и высушивают над огнем. Затем растирают вместе с головой и чешуей. Получившуюся муку засыпают в выдолбленный ствол дерева или новенькое каноэ ***. Все это бродит там, и в результате получается крутое тесто с исключительно сильным запахом. Тесто также высушивают на солнце и снова растирают. Образовавшуюся муку засыпают в корзины, смешав с небольшим количеством соли, и так оставляют на зиму.

Из рыбной муки с маниоккой готовят густую похлебку, очень питательную, но отвратительную на вкус. Во всяком случае, Жан-Мари уверил меня в этом. Я же предпочел поверить ему на слово и не ставить экспериментов на собственном желудке.

17 июня. Дни бегут. Они теперь совсем не похожи один на другой. Дела идут все хуже.

Внезапно понизилось давление, а перед этим над нами пронеслась ужасная гроза. Погода хмурится, облака свинцового цвета с желтоватым отливом закрывают солнце. Кругом сверкают молнии и совершенно ослепляют нас. Беспрестанно

* Диалект — местное наречие, говор.

** Гурман — любитель и знаток тонких блюд.

*** Каноэ — выдолбленный челн, легкая лодка индейцев.

грохочет гром такой силы, человеческое ухо не в состоянии выдержать его. Кажется, лопаются перепонки.

Ветер постепенно усиливается и в конце концов переходит в настоящую бурю. Несмотря на то, что здесь мелководье, Токантинс бушует, словно океан. Поднимаются такие буруны *, что трудно удержаться на ногах. Нас страшно трясет.

Положение что ни час, то серьезнее. Начинаем не на шутку беспокоиться.

Дождь льет как из ведра. Настоящий тропический ливень обрушился на наши бедные головы. Можно подумать, что на небе разом открылись гигантские резервуары, из которых низверглись вселенские потоки воды. Даже днем почти ничего не видно, так пасмурно.

Бац! Внезапный удар, сильный толчок! Оказывается, якорная цепь, которая соединяла шаланду со шлюпкой, оборвалась, как тоненькая ниточка. Впрочем, этого следовало ожидать. Теперь мы дрейфуем. Если, не дай Бог, врежемся в берег или со всего маху сядем на мель, от шаланды останутся одни щепки. Необходимо прекратить этот опасный дрейф.

Я бросил якорь, лежавший на дне шаланды. Безрезультатно. Попробовал еще раз. Вновь неудачно. Потом еще. Наконец якорь укрепился как следует.

Нас опять здорово потрянуло. Якорная цепь так натянулась, что вот-вот готова лопнуть. Выдержит ли?

Среди грома и шума бури слышится свист. Без сомнения, нас потеряли во тьме. На всякий случай сделал несколько выстрелов из ружья, надеясь, что за блеском молний и громовым грохотом на шлюпке все же заметят ружейные залпы и вспышки.

Так оно и получилось. И очень вовремя. В темноте шлюпка едва не налетела на нас. Еще секунда — и было бы поздно.

В смертельном ужасе прошел час. Затем буря начала стихать. Шлюпке удалось пришвартоваться, и мы высвободили якорь из грунта. Беник починил порванную цепь, и мы вновь продолжили путь на буксире.

Однако долго пыть не пришлось. Дрова были на исходе, и топка постепенно заглохла. Теперь нужно ждать, пока солнце вновь не осушит прибрежные деревья. Это дело двух часов.

В шаланду набралось немного воды. Необходимо ее

* Бурун — волна с пнистым гребнем над подводными камнями.

тщательно осмотреть и проверить. Короче говоря, на все про все мы потеряем примерно день.

18 июня. Сегодня судьба даст нам передышку. Никаких событий. Ничего особенного не происходит. Мы очутились у слияния двух рек, одна из которых уходит вправо, а другая — влево. Левая река по-прежнему называется Токантинс, правую же зовут Арагуая.

В какую сторону плыть? Мы в растерянности. Не можем решить, что выбрать, словно буриданов осел *.

Однако необходимо, в конце концов, на что-то решиться. Тем более что мы здесь не одни. С берега наблюдают, и потому не хочется ударить в грязь лицом.

Кто наблюдает?

Солдаты. На пересечении двух водных потоков построен форт **. Не сказать, чтоб он производил солидное впечатление. Тем не менее над ним развевается бразильский флаг, а за стенами видны защитники крепости. Пока они покуривают и имеют довольно мирный вид.

Напротив расположена небольшая деревушка Сан-Хосе-дас-Дуас-Баррас.

Капитан вывесил на мачте французский флаг и отдал салют бразильцам. Те также отсальтовали в ответ и поинтересовались, кто мы и куда плывем.

Жан-Мари ответил им на чистом португальском языке, что мы — французские путешественники, плывем на поиски наших соотечественников, которые попали в плен к паталосам.

Нам пожелали доброго пути.

Воспользовавшись представившимся случаем, Жан-Мари спросил бразильцев, в каком направлении следует плыть.

— Берите левее,— ответили те.

— Спасибо и прощайте!

Не теряя больше ни минуты, повернули на Токантинс, радуясь тому, что бразильскому патрулю не пришлось в голову повнимательнее присмотреться к нам.

Слава лени этих храбрых ребят!

Приближаемся к порогу под названием Сан-Антонио.

На сегодня все.

19 июня. Порог прошли без приключений. Еще один порог, отмеченный на карте. Отмечен-то он отмечен, а ока-

* Буриданов осел — в рассказе, приписываемом И. Буридану (ум. ок. 1360 г.), говорится об осле, который не мог решиться, какую из двух равных охапок сена есть, и оказался обреченным на голодную смерть.

** Форт — укрепление, составная часть крепости.

зался в другом месте. Уж и не знаю, кто врет: река или топограф *. Второй порог находится в десяти километрах от первого. Мы сейчас как раз в этом месте. Течение здесь очень бурное. Машина пыхтит, напрягается. Но, кажется, все в порядке.

Вот и деревня Сан-Педро-де-Алкантара. Несколько невзрачных лачужек. Мы спросили у туземцев, не слышать ли чего о паталосах, которые могут быть недалеко отсюда.

Но едва только несчастные услышали слово «паталосы», как в страхе разбежались, будто увидели самого дьявола.

Похоже, мои друзья-паталосы не пользуются здесь доброй славой. Возможно, они когда-нибудь уже пировали в этой деревеньке, поджарив на обед пару-тройку себе подобных.

Плыдем дальше.

20 июня. Впереди еще одна деревня: Сан-Лореко. Совсем маленькая по численности населения. Местоположение — весьма удобное.

Во-первых, тут имеется паром, на котором можно пересекать реку. Этот паром соединяет два отрезка пути из Бом-Ферас, то есть от устья реки Марахао, в Гояс. Это та самая памятная дорога, на которой был остановлен экспедиционный корпус. Остановлен с помощью фантастического оружия, изобретенного Ивоном.

В Сан-Лореко нам объяснили, что эта дорога тянется вдоль реки вплоть до Гояса. Услышав приятную новость, все хором закричали браво!

Немного погодя показался еще один форт — Каза. А проще говоря, обыкновенная хибарка.

Нас приняли за правительственную миссию и дали зеленую улицу.

Вот мы и в Ассумпсао. Старый индеец, весь покрытый коростой и пятнистый, словно гончая, сказал, что знает паталосов.

Я в знак благодарности за столь ценное признание подарил ему саблю и пачку табака.

Жан-Мари уверяет, что ему знакомы очертания гор, которые видны слева.

Беник не так уверен в этом. Ивон — еще менее. А что до меня, то я вообще ничего здесь не узнаю.

21 июня. Какой ужасный день! Поневоле начинаешь

* Топограф — съемщик планов местности, ее поверхности.

думать: а не прав ли Беник? Быть может, действительно не стоит начинать какое-нибудь дело тринадцатого числа, да к тому же в количестве тринадцати человек!

Причалили, как обычно, на дневную стоянку. Мы всегда останавливаемся в полдень. Привязали шлюпку к берегу, но мотор не заглушили, оставив режим малых оборотов. На обед была рыба и свежие бананы. Во время трапезы мы, как обычно, беседовали о разных разностях.

Внезапно в нескольких шагах раздался страшный взрыв. Нас обволокли клубы пара. Отовсюду: слева, справа — на воду, на наши головы обрушился град обломков. Расколовшаяся шлюпка пошла ко дну.

Кочегар так и подскочил на месте. Ах! Какими словами описать его изумление и нашу растерянность? Почему произошла катастрофа? Кто, какие силы лишают нас главного средства передвижения?

Давление в топке было нормальным. Капитан сам его проверял. Из-за чего же тогда произошел взрыв? Остается предполагать, что в топке хозяйничали какие-то сверхъестественные силы... порох... динамит... понятия не имею!

Быть может, среди нас есть предатели? Но нет! Стоило только взглянуть на растерянные и испуганные лица присутствующих, чтобы понять, как вздорны подобные предположения. Ни один из членов команды не совершил бы такого. Да и в каких целях? Ведь виновный обрекал себя на ту же участь, что и нас.

Была ли это чья-то неосторожность? Возможно. Кочегар мог недосмотреть и после того, как прошли пороги, не подбавил давления.

Первый момент оцепенения миновал. Мы понемногу приходим в себя. Решили сделать переключку. Слава Богу, все отозвались. Но материальные потери были невосполнимы.

В нашем распоряжении осталась шаланда с оружием и провиантом на борту. Надо благодарить капитана. Именно ему пришла в голову счастливая идея держать снаряжение подальше от машинного отделения.

Как бы то ни было, а пути дальше нет, тем более по воде.

Но и застревать здесь мы не можем.

Что же делать?

Собрали совет. После долгих споров решили: вещи, которые не в состоянии унести с собой, зарыть в землю, по

возможности в сухом месте, завернув предварительно в брезент. По возвращении отыщем их.

С шаландой дело обстояло серьезнее, куда серьезнее. Одни предлагали спрятать ее в прибрежных зарослях среди водяных растений. Не лучшее средство. Индейцы не преминут вытащить столь ценную находку и, если не используют целиком, разломают и растащат по кусочку.

Другие советовали оставить четырех вооруженных людей сторожить судно. Но сие значило ослабить нашу команду, и без того не слишком сильную. К тому же сохранялся большой риск нападения со стороны туземцев.

И вновь эта бестия Ивон предложил выход.

— У меня есть идея, месье Феликс,— сказал он, когда все остальные отчаялись что-нибудь придумать.

— Давай! Что там у тебя?

— А что, если нам потопить шаланду?

— Ты здорово соображаешь, дружок! — поддержал его капитан. — Пара пробойн величиной с большой палец, и она камнем пойдет ко дну! Черта с два ее здесь кто-нибудь найдет! А по возвращении вытащим за якорную цепь.

На этом я завершаю свое повествование. Надеюсь продолжить когда-нибудь, если позволят обстоятельства.

Завтра утром пешком отправляемся к паталосам».

ГЛАВА 9

Ходячий Дождь. — Предложение марсельца. — С оружием и багажом. — Парижанин просит сделать остановку. — Что можно смастерить из брезента. — Новая прихоть стихии. — Из-под земли. — Странный звук. — Уаруку! — «Хозяин, ты пришел слишком поздно!»

— Господи, ну и пекло! — вскричал наш зубоскал Артур Ларош. — Я плаваюсь! Когда-то давно я прочитал один роман о приключениях ирокезов *. Там речь шла об индейце по имени Ходячий Дождь! Так вот это я и есть!

— На мне нитки сухой нет, — вздохнул Бертран, нормандец из Гранвиля.

— Тю! — прервал его Мариус, марселец. — Вот это солнце так солнце! Красиво!

— Красиво, слов нет, но немного жарковато.

* Ирокезы — группа родственных по языку индейских племен.

— У нас бывает так же жарко.

— Смеешься, что ли? Может, скажешь, что и в Париже такое солнце!

— О! Черт возьми!..

— Вот это точно! А я так и вижу раскаленный тротуар, когда каблуки и зонтики проваливаются в асфальт.

Марселец расхохотался. Он был из тех, кого трудно заставить врасплох. За словом в карман не лез, а потому быстро возразил своим певучим голосом:

— Чепуха твое парижское солнце! Ты бы побывал в Марселе! Тогда узнал бы, что такое настоящее солнце, когда асфальт течет как вода...

— А утки у вас летают?

— Нет! Поищи дураков! Они прекрасно знают, что не смогут выдержать, так и зажарятся живьем.

— Точно, как мы сейчас.

— А что же делают пешеходы?

— Ах! Ну, это просто. Они разбирают все лодки на рейде, и каждый плывет по улице, как по ручью из гудрона.

Несмотря на то, что положение, в котором оказались путешественники, было далеко не смешным, все прыснули. Уж больно забавной показалась болтовня марсельца. Впрочем, его невероятные выдумки, как и шутки неутомимого рулевого, подбадривали в трудную минуту.

Небольшой отряд, возглавляемый Синим человеком, некоторое время все же ковылял с грехом пополам. То и дело раздавались тяжелые, протяжные вздохи да побрякивало всевозможное железо, которое люди тащили на себе.

Артур несколько не преувеличивал, говоря, что похож на Ходячий Дождь. Действительно, у всех был такой вид, будто путешественники только что вышли из бани. Если бы бразильское солнце вдруг взошло над Марселем, то можно не сомневаться: все население этого досточтимого города поджарилось бы в собственном соку.

Пот градом катился по усталым лицам, затекал в рот и в глаза, тяжелыми каплями повисал на бородах и волосах, пенился на ружейных ремнях, затвердевших и в кровь царапавших кожу.

И так продолжалось ни много ни мало шесть кошмарных дней.

С тех пор как Токантинс осталась позади, то есть уже на протяжении недели, моряки с «Авраама Линкольна» брели не зная дороги — то направо, то налево, то вперед, а бывало, и назад. Они шли по раскаленным пескам и пожухлым

травам, под кронами вековых деревьев-гигантов и по камням, из-под которых не выбивается ни одна травинка.

Тому, кто путешествует налегке, чей нехитрый багаж ограничивается кинжалом, прогулка в такой местности и в такое время года сулит невероятные трудности, суровые испытания. Она требует недюжинных сил, которых порой хватает лишь на три часа ходьбы.

А что уж говорить о наших путниках! Эти отважные люди решились странствовать с такой неподъемной ношей, размеры и вес которой испугали бы, пожалуй, даже выдавших всякое зуавов *, а они обычно несут в походе тяжелейшие мешки и спокойно переносят алжирское солнце. Их выносливость стала легендой.

У наших друзей не было классического солдатского снаряжения, а оно, между прочим, всегда уравновешено, удобно прилегает к спине и плечам и, таким образом, составляет как бы единое целое с телом солдата. Чего никак нельзя было сказать об участниках этого похода. Если бы нам пришлось в голову перечислить все неудобства, которые испытывали герои, то список занял бы немало места, к тому же потребовались бы еще и комментарии.

Скажем вкратце.

Каждый участник экспедиции нес личное оружие — карабин винчестер, двести пятьдесят патронов к нему, револьвер с сотней патронов да еще саблю, которая одновременно выполняла роль орудия труда.

К этому следует добавить свернутый в трубку гамак с подвешенными лопатой и топором и недельный запас провизии в рюкзаке.

Была еще общая поклажа: два котелка, четыре ручные пилы, навигационные инструменты и большой кусок промасленного брезента. Его взяли по настоянию Жана-Мари. И правильно сделали. В дороге все успели оценить необходимость пусть и самодельной палатки. Все это разделили между собой. Таким образом, к личным вещам, которых у любого члена экспедиции оказалось немало, добавился весьма значительный груз.

Под такой тяжестью, изнывая от нечеловеческой усталости, куда более сильные и выносливые люди давно сдались бы. Однако вопреки всем тяготам отряд продолжал идти вперед с той упрямой решимостью, над которой ничто не властно.

В конце концов они дошли до цели своего путешествия.

* Зуав — солдат наемных стрелковых частей в алжирской или турецкой армии.

Сначала Жан-Мари, потом Ивон, Беник, а за ними и Феликс Обертен по одним только им понятным признакам обнаружили то место, где находились залежи золота, а неподалеку обнаружили следы своего прежнего пребывания. Радостная весть заставила всех ликовать.

Оставалось пройти совсем немного. Близость цели придавала людям силы. Сделали краткий привал. Мариус опять смешил моряков своими небылицами. Однако вскоре отряд вновь пустился в путь.

Артур, с виду хрупкий и тщедушный, оказался выносливым, как сталь. Он остановился и вдруг закричал:

— Мариус, ты все знаешь, скажи, чего, по-твоему, я сейчас хочу?

— Стаканчик абсента * перно!

— А вот и не угадал! Ну-ка, ты, Джим!

— Коктейль с кучей льда... Много льда.

— Опять мимо! Попробуй ты, Лефор!

— Бутылку шампанского,— ответил луизианец.

— Тоже не угадал! Ты, нормандец?

— Водки, что ли?

— У тебя уж, наверно, кишки горят, хочется промочить! Ну, а вы, бретонцы?

— Хорошую кружку сидра,— ответил от имени своих земляков Ивон, у которого во рту все пересохло.

— Ага! Вот я и узнал все о ваших желаниях! У каждого в брюхе, должно быть, как в паровозной топке... А? То-то языки высунули! Ну, Робер!

— Я один выпил бы сейчас и абсент, и коктейль, и водку, и сидр, и шампанское. Пусть бы даже и лопнул, все равно!

— Ну, хватит, черт бы вас побрал совсем! — вмешался Феликс. Он тяжело дышал и, видимо, страдал от жажды больше других.

— Простите, патрон, но окажите честь, обращайтесь ко мне не на «вы», а на «ты». Когда вы говорите мне «вы», я смущаюсь...

— Как хочешь, неисправимый болтун! Все-то тебе нейдет. Ну, чего еще?

— Мне кажется, что неплохо бы отдохнуть. По-моему, и вы сами того же мнения.

— А ты прав, дружок. Думаю, что, если вы и не сошлись во вкусах на выпивку, сейчас разногласий не будет. Не так ли, капитан?

* Абсент — спиртной напиток, настойка из полыни.

— Как угодно, хозяин. Надо, впрочем, признать, что этот вертопрах и балаболка попал в самую точку.

— Стоп! — скомандовал бакалейщик.

Все мгновенно скинули на землю поклажу. Завязали, загремели железки. Команда разложила на солнышке оружие, а потом и одежду, насквозь промокшую от пота.

Между двумя деревьями натянули брезент. На случай внезапной смены погоды было готово укрытие. Прежде чем устроиться на отдых, порубили вокруг траву. Только так можно бороться с назойливыми насекомыми. Затем спокойно растянулись на земле.

Решено: на ночь они останутся здесь. На сегодня достаточно. Человеческие силы не безграничны. Только самоубийца решится продолжать путь в таком состоянии. А они вовсе не собирались рисковать собственными жизнями впуская.

Если индейцы Южной Америки пускаются в дальний поход, то обычно к вечеру делают остановку и сооружают шалаш. Это их ночное прибежище. Искусство строить такие шалаши знакомо им с самого раннего детства и передается из поколения в поколение. Краснокожие достигают величайшего мастерства в этой области — жилище, которому не страшны экваториальные ливни, возводится всего за сорок пять минут.

Ничего нет проще и в то же время прочнее временного убежища, которое завтра будет покинуто навсегда. В землю на расстоянии двух метров вбиваются четыре сваи, верхушки которых соединяются канатом, свитым из лианы *. Получается каркас **, несущая конструкция будущего сооружения. К этой раме сверху к каждой свае прикрепляют по палке длиной в один метр. Их скрещивают и также связывают лианой. Все это густо покрывают пальмовыми листьями и всем, что оказывается под рукой. Получается роскошная непромокаемая крыша. Под ней можно укрыться и от дождя, и от жары. Под крышей прикрепляют поперечину, на нее вешают три или четыре гамака и спят как убитые, несмотря на целую симфонию звуков, которыми лес наполняется ночью.

Европейцы, даже золотоискатели, известные своей ловкостью и умением выйти из любого положения, никогда не сравнятся с индейцами. Тем не менее, когда им случается делать остановку в лесу, первое, о чем они думают, это

* Л и а н ы — вьющиеся растения.

** К а р к а с — металлический или деревянный остов какого-либо сооружения.

о каком-нибудь шалаше. Ведь на ночь нужно укрыть провизию от диких зверей, а также и от людей, встречи с которыми приносят подчас несчастье.

Жан-Мари это хорошо усвоил, потому и настоял на том, чтобы захватить брезент. Пусть весь он покрыт пятнами гудрона, пусть добавится лишняя тяжесть. Не беда!

Если есть кусок брезента, всегда можно в несколько минут соорудить палатку, которая не уступит индейской. Для этого достаточно двух деревьев. В брезентовом полотнище по периметру * проделывают двенадцать отверстий и продевают сквозь них бечевку. Меж двух стволов натягивают веревку или лиану немного более длинную, чем само полотнище, и вешают брезент на эту веревку будто для сушки. Концы, свисающие к земле, закрепляют с помощью колышков. Получается нечто, очень напоминающее крышу деревенского дома.

Вот и все.

Наши герои знали, что не следует пить сразу, и поэтому, устроив палатку, улеглись отдохнуть. После получасового отдыха решили позаботиться об ужине. Для этого следовало сходить за водой и нарубить дров. Дело немудреное. Кругом лес и много ручейков.

Отправили небольшой отряд, как всегда на всякий случай вооруженный. Возглавил его Жан-Мари, которого усталость, кажется, никогда не брала.

Не всякие дрова годятся для приготовления пищи. В этом нужно понимать толк. Дерево различается и по горючим свойствам, и по вредности для человеческого организма. Одно быстро чернеет, превращается в угли, но пламени не дает. Другое может оказаться ядовитым. Если из его прутика сделать вертел **, то он передаст яд насаженному на него куску мяса. А то еще бывает дерево, которое при горении распространяет вокруг такой отвратительный запах, что так его и называют — Дерево-Ка́ка. Нечего сказать, название красноречивое!

Жан-Мари решил сверить направление с карманным компасом. Вдруг лицо его исказилось, он поднял глаза к небу. Над поляной плыли несколько легких, барашковых облачков. Отставной сержант быстро сделал несколько шагов, молча

* П е р и м е т р — общая длина всех сторон плоской фигуры; здесь: по всем сторонам брезентового полотнища.

** В е р т е л — обычно металлический прут, на который насаживают обжариваемое над огнем мясо.

качая головой. Внезапно он упал навзничь, приложил ухо к земле и внимательно прислушался. Затем вскочил и закричал:

— На нас идет страшный ураган! Быстрее! Надо спастись!

— Но мы же в укрытии,— спокойно заметил Синий человек.

— Нельзя терять ни минуты! Нас раздавят деревья, здесь низина. А может и затопить.

— Да, ветер уже подымается,— отметил Ивон.

— И лес зашумел,— добавил Артур.

— Через пять минут будет поздно. Хватаем снаряжение и бежим! — скомандовал бретонец.

Не медля больше ни секунды, он ножом обрубил веревки, которыми был привязан брезент,— времени отвязывать уже не было. Каждый в спешке ухватил столько, сколько мог. Все, что под руки попало. А затем испуганные люди со всех ног кинулись бежать из низины наверх.

Прошло не больше семи-восьми минут, и небо покрылось тяжелыми, зеленоватыми тучами, летящими над головой, словно метеоры. Послышался глухой вой, похожий на тот, что бывает во время весеннего паводка.

— Сюда! — кричал Ивон. Он и рулевой оказались поворнее остальных и опередили товарищей.

Вокруг было голо и неудобно. В небо уткнулось несколько остроконечных утесов. Крупные деревья отсутствовали, лишь редкие, чахлые кустарнички цеплялись за гранит. Чуть дальше, метрах в двухстах, виднелась скалистая гряда. Природа так причудливо соединила вершины, что они образовывали своеобразный купол,— именно то, чего не хватало беглецам, которые совсем обессилели и едва переводили дыхание. Еле волоча ноги, люди добежали до спасительного укрытия, затащили под навес багаж и, съевшись от страха и озноба, стали ждать.

Вдруг оглушительно загрохотал гром. В небе засверкали молнии. Налетел такой ветер, какого моряки и представить себе не могли. Он с корнем вырывал вековые деревья-исполины, поднимал в воздух, словно невесомые соломинки, разбивал в щепу или уносил куда-то далеко. Только шлейфы из лиан болтались по земле.

— Этот чудовищный смерч * есть порождение четырех ветров, дующих навстречу друг другу и сталкивающихся будто в поединке...

* Смерч — вихревое движение воздуха в виде столба, поднимающее песок, пыль или воду.

Вскоре с неба обрушился град — явление довольно редкое в этих краях. Настоящие льдышки величиной с куриное яйцо, но угловатой формы, обламывали ветви и листву. В одно мгновение вся земля покрылась плотным ковром из опавших листьев.

На людей, прижавшихся друг к другу, нашел ужас. Никто не решался заговорить. Видя страшные разрушения, принесенные ураганом, слыша, как беснуется циклон *, каждый с замиранием сердца понимал, что только сверхъестественное чутье Жана-Мари спасло их от верной гибели.

Стихия свирепствовала около получаса, а потом град прекратился. Градины оказались настолько крупными, что не таяли сразу и лежали на земле тридцатисантиметровым слоем.

Однако буря не стихла. Вслед за градом пошел дождь, ледяной ливень.

С каждой минутой раскаты грома становились все мощнее. Новые и новые удары заставляли несчастных всякий раз молиться и думать: «Ну вот, конец!»

В тот самый момент, когда вдали вновь засверкала молния и огненное копьё ударило в землю, послышался негромкий, но резкий и протяжный звук, шедший словно бы из земных глубин. Он напоминал шуршание саранчи **, но через неравные промежутки времени раздавались другие звуки, похожие на взрывы артиллерийских снарядов.

У путешественников от грохота заложило уши. Они никогда не слышали ничего подобного. Шум обеспокоил их еще больше. Кто объяснит, что это за чертовщина! Кто знает, не страшнее ли он бушевания ветра?

Во всяком случае, ни на один из известных звуков, встречающихся в природе, этот протяжный звук не походил. Источник был никому не известен.

Ивон, тихо притулившийся к шершавой каменистой стене, вдруг заметил, что сверху то здесь, то там падает гравий. Вопреки обычной выдержке он не смог сдержать крика. Юнга почувствовал под рукой что-то холодное и влажное. Товарищи невольно отпрянули, решив, что мальчик дотронулся до змеи или жабы.

Дождь все еще лил стеной, но небо, казалось, светлеет и буря утихает.

* Ц и к л о н — сильная буря, ураган, атмосферный вихрь.

** С а р а н ч а — насекомое, вредитель сельского хозяйства, перелетающее большими массами.

— Ивон, дорогой мой, с тобой все в порядке? — встревожился Беник.

Слова боцмана нарушили тревожное молчание, наступившее с той поры, как разразилась буря. Мужчины почему-то схватились за оружие и приготовились встретить любую опасность достойно.

— Я не знаю, дядя... — отвечал мальчик, — там в темноте что-то шевелится, смотрите!

Боцман поднял саблю и приготовился нанести сильный удар по невидимому противнику. В эту секунду он походил на сказочного богатыря.

Что-то маленькое, коричневое, неопределенной формы подскочило у ног мальчугана и громко зарычало. Вслед за тем послышалось неистовое, радостное, ласковое повизгивание.

— Остановитесь, дядя!.. Стойте! — что есть мочи завопил юнга, обнимая обеими руками какое-то существо, которое виляло хвостом и облизывало ему лицо.

— Что случилось, малыш? Кто это?

— Уаруку! Дядя, это Уаруку!

— Пес Генипы?

— Он самый!

Услышав свое имя, собака еще сильнее взвизгнула, подпрыгнула, снова завертелась вокруг Ивона, лапаясь и прикусывая его руку. Затем Уаруку подбежал к Бенику и, подняв на него умные, добрые глаза, лизнул в лицо. Получив порцию ласк от боцмана, пес кинулся к Жану-Мари, а потом и к Феликсу. Виляя хвостом и заливисто лая, Уаруку вернулся к Ивону.

— Собака узнала нас, — сказал Беник нежно.

— Но если собака здесь, — заключил Обертен, — то где-то неподалеку должен быть и хозяин.

— Такое впечатление, что пес явился из-под земли.

— Тем более что я наткнулся на его мокрый нос, приняв за змею, — подтвердил Ивон. — Надо найти Генипу во что бы то ни стало. Хорошо, что у нас есть инструменты.

Тем временем остальные члены команды, поначалу опешившие от неожиданности, пришли в себя и, обрадованные удивительной встречей, с энтузиазмом принялись за раскопки.

Не обращая внимания на холод и проливной дождь, не оставивший на них сухой нитки, моряки кирками и лопатами просто вгрызались в землю.

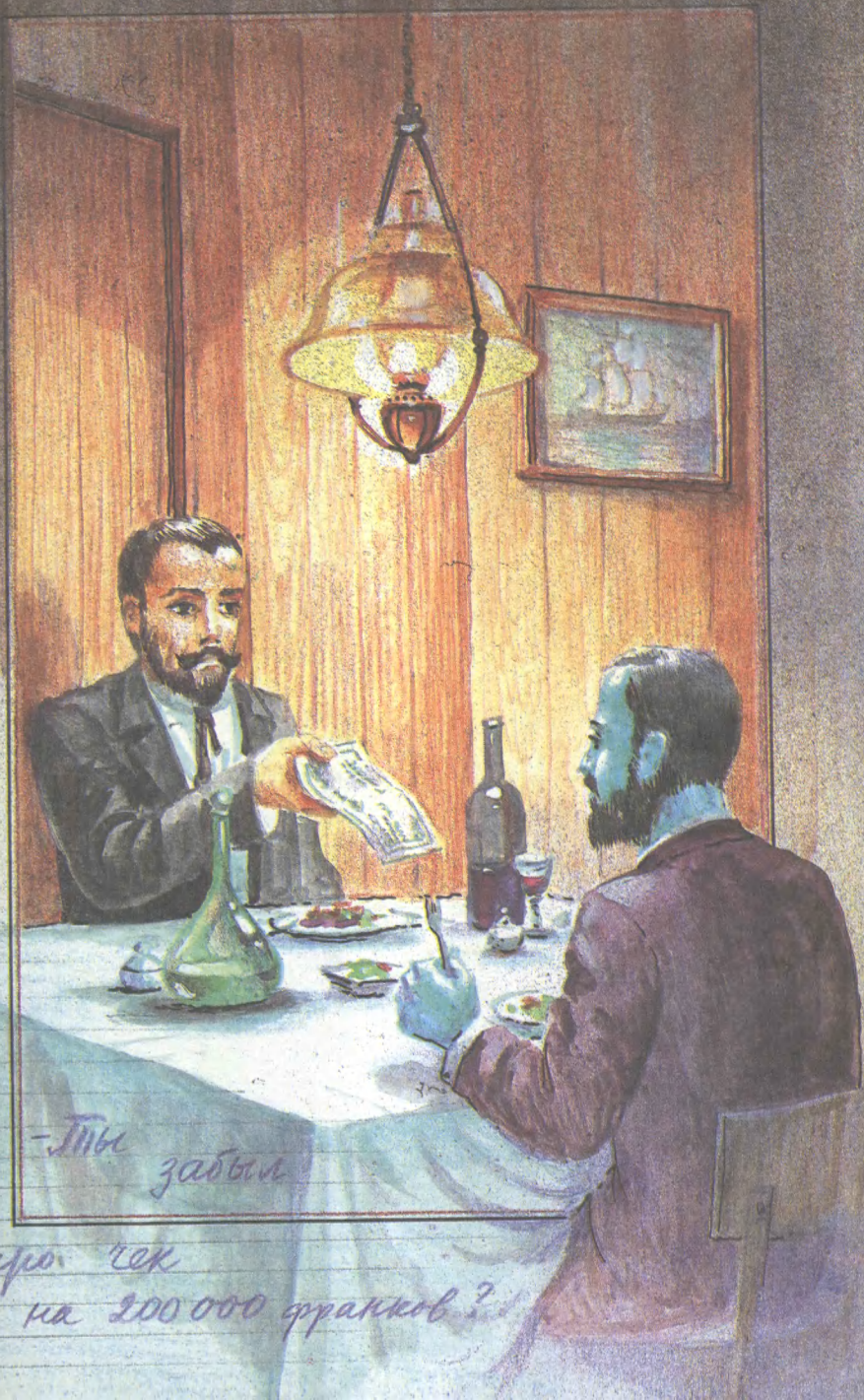
Уаруку будто бы понял, чего они хотят. Он подбежал

Heute
kann man
nicht

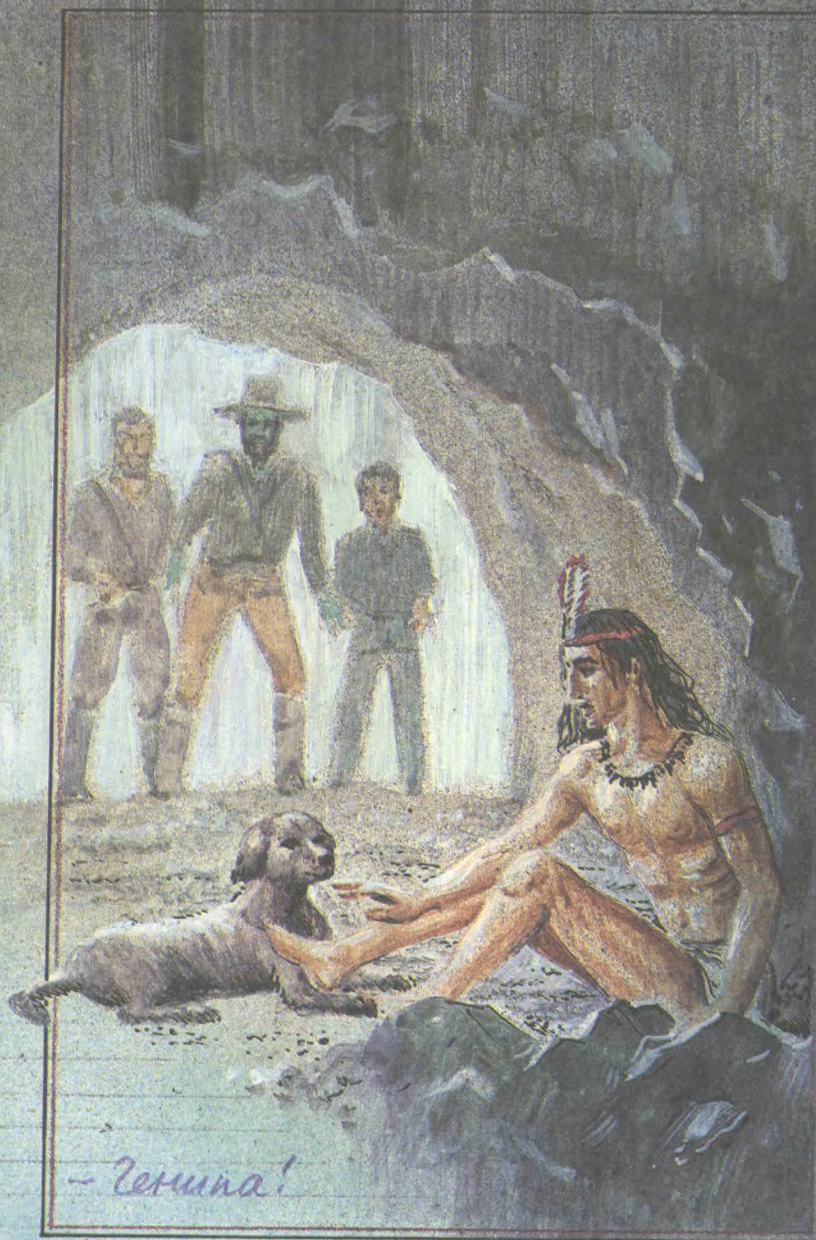
... На рейде
горел
корабль.

-Ты забываешь

про чек
на 200 000 франков?

- Гешина!

Бедный наш
друг!

Гятери сагат

Столеруи
грошадний
камень...

Мина готова.
Осталось
поджечь шнур.

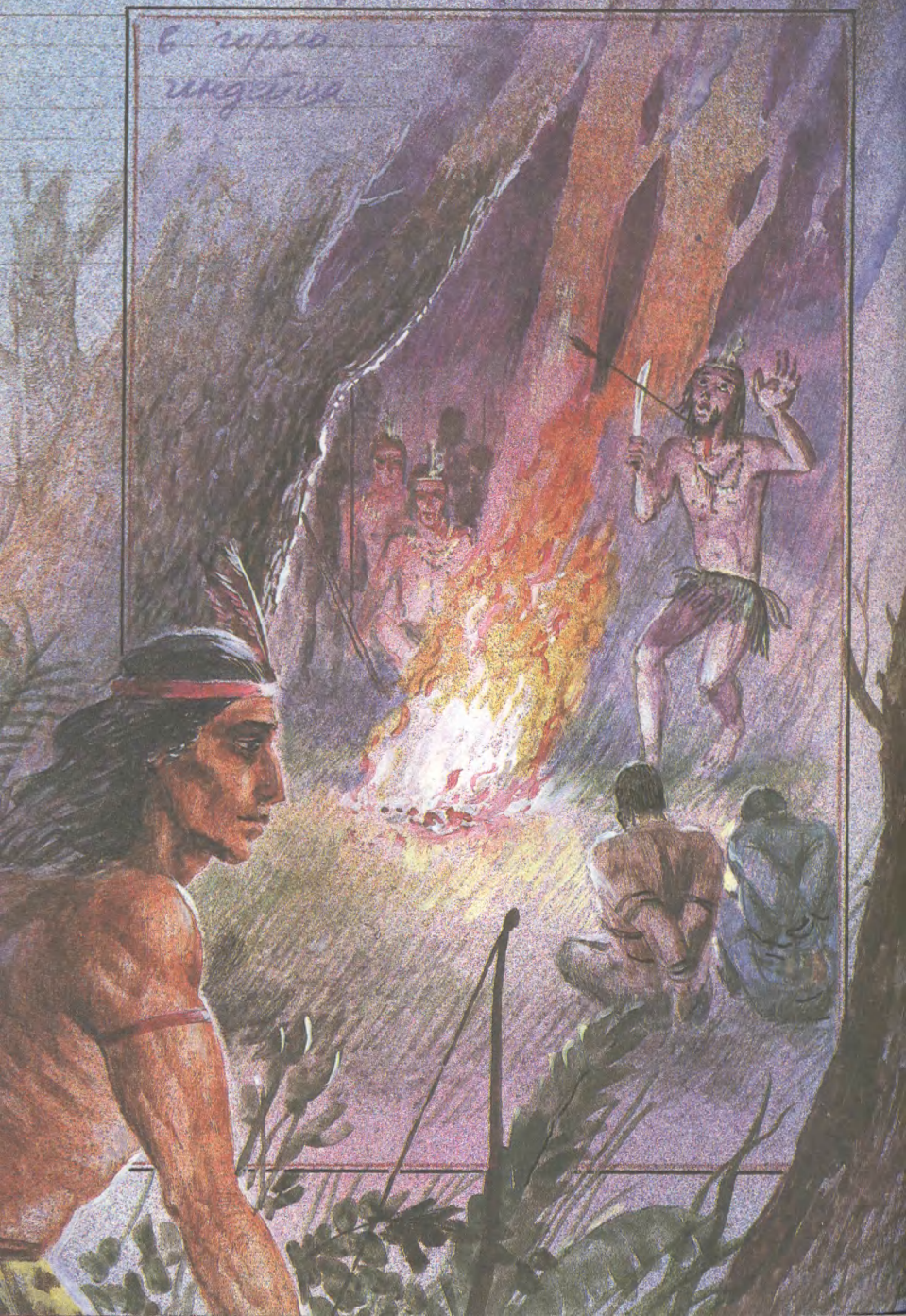
Индейцы несли

гамак
с больным.

... и стрела
воткнулась

в сердце
индейца

к отверстию, из которого появился, поскреб лапами землю, засунул нос в дыру, напоминавшую вход в лисью нору, и вдруг с громким лаем исчез в ней.

Понемногу лай удалялся, ослабевал. Вскоре его и совсем уже не было слышно.

— Черт побери! — сказал Жан-Мари. — Не кажется ли вам, что пес ведет себя более чем странно.

— Он подает нам знак, что нужно следовать за ним. Не так ли, матрос? — обратился к Жану-Мари Ивон.

— Не сомневаюсь в этом, малыш.

— Уверен, что наш бедный друг Генипа где-то там, внизу.

— Это плохо. Чертов утес тверже и прочнее, чем сталь.

— Нам понадобится много часов, чтобы разрыть нору хоть немножечко.

— Да уж! Ничего не скажешь! Сюда разве что ласка * пролезет.

— Не унывать, друзья, не унывать! — вмешался Артур Ларош. — Пусть хоть голова пролезет, а там, я вам обещаю, дело пойдет.

— Послушай-ка, мой дорогой, — сказал Феликс, — тысяча франков **, если ты ухитришься пробраться в грот ***.

— Ради вашего удовольствия все что угодно, месье. Если вы так хотите...

— Я тоже пойду с рулевым, — вызвался американец Джим.

— Хорошо, у тебя достаточно тонкая кость. Должно получиться.

— А я, — забеспокоился Ивон, — неужели я шире в плечах, чем вы двое? Решено! Идем втроем: Артур, Джим и я. Я иду первым.

— Только после меня! Я старше тебя, и, если нарвемся на что-либо, первый удар по праву должен принять на себя я. Знаю, ты молодец. Но в этом случае, понимаешь, нужна хватка. Смотри-ка: собака возвращается! Похоже, что с ее хозяином и правда что-то стряслось.

Возвратившийся Уаруку действительно жалобно скулил, как будто говорил: медлить нельзя.

— Нечего и думать! Пес просит о помощи.

* Ласка — хищник из породы хорьковых с очень вытянутым, тонким телом и короткими ногами.

** Франк — денежная единица в ряде стран Европы.

*** Грот — пещера.

После оперативного совещания Жан-Мари, Беник и нормандец Бертран — самые сильные в отряде — совершили невозможное. Взяв топор, Беник подсунул его под огромный камень и как рычагом начал раскачивать.

— Помоги мне, Геркулес! Лезь туда. Я подтолкну, а ты подхватывай!

Нормандец уперся своей мощной спиной в глыбу так, что кости чуть не затрещали, можно было увидеть, как напрягся каждый мускул. Вдруг камень подался и отодвинулся в сторону. Беник, тяжело дыша, расправил плечи.

— Ура! — вскричал янки, увидев ход величиной примерно с печную топку.

— Ничего не сломал, Бертран?..

— Не больно? — бросились к нему одновременно капитан и боцман.

— Ничего! Все в порядке, — отвечал силач, отбрасывая от входа небольшие валуны.

— Прекрасно! Теперь вперед! — провозгласил Артур и собрался уже войти в пещеру.

— Не так прытко, парень, — остановил его капитан Корсон, — нам нужно хоть немного света. А вдруг попадем в какую-нибудь яму!

— Но, капитан, легко сказать — свет. А где его взять?

— Вам нужен свет?.. Сию секунду, — вмешался Жан-Мари.

— Ну да! Ты, наверное, хочешь сказать, что твои ясные глаза осветят нам путь.

— Замолчи, болтун несносный! Ты треплешься за двоих, но твое счастье — работаешь за четверых.

Жан-Мари порылся в вещах и вытащил фитиль.

— Есть у кого-нибудь сухая рубашка?

— У меня сухая, — ответил Ивон, — я ведь все время сидел под навесом.

— Оторви рукав... Хорошо! Теперь возьми нож и изрежь материю как следует.

Пока Ивон потрошил рукав, Жан-Мари взял патрон, зубами вытащил из него пулю, насыпал пороха на истерзанный рукав, протянутый ему мальчиком, рядом укрепил фитиль и поджег его с другой стороны. Огонь быстро добежал до пороха, и тряпка загорелась. Отставной сержант оторвал кусок от брезента, свернул его в длинную трубку и поднес к огню. Гудрон воспламенился, сверкнул и загорелся красноватым огнем. Этого было вполне достаточно, чтобы осветить грот.

— Огня хватит на десять минут,— сообщил бретонец,— нам нужно наделать полдюжины таких факелов. Ну, друзья мои, а теперь, кто пойдет первым?

— Я,— тихо отозвался Феликс, взяв из рук Жана-Мари самодельный факел.

Парижанин решительно вступил в темноту пещеры, из глубины которой раздавался нетерпеливый лай собаки. Его спутники с револьверами в руках и саблями наголо последовали за ним, тихо ступая след в след и не произнося ни слова.

Ход расширился и привел в просторный грот. Даже стен не было видно. Тринадцать человек шли по мельчайшему песку, скрадывавшему шорох шагов. В тишине без конца слышался лай собаки. Уаруку бежал где-то впереди.

Долго петляли и в конце концов вышли к небольшому возвышению. Там среди множества отбросов Феликс заметил совершенно голого человека. Худой, изможденный мужчина лежал ничком. Он поднял на вошедших затуманенный взор.

— Генипа! Мой бедный друг! Боже! В каком ты состоянии! — вскричал Феликс, узнав в этом полумертвом существе Знатока кураре.

— А! Хозяин...— прошептал индеец умирающим голосом.— Ты пришел слишком поздно!

ГЛАВА 10

Нормандец отдает свой неприкосновенный запас.— Голод и жажда.— Тяжелое состояние.— Приключения Генипы.— Первые волнения.— Возвращение на золотое поле.— Чужаки.— Добыча началась.— Оживший призрак.— Управляющий.— Слепое доверие.— Водка сделала свое дело.— Знатока кураре отвечает за всех.— Каким образом цивилизованные люди разговаривают с дикарями.— В пещере.— Собачий инстинкт.— Клятва мщения.— Заживо замурованы!

При мерцающем свете факела, изобретенного бывшим сержантом, вождь урити сразу узнал своих друзей. У него еле хватило сил, чтобы пожать руки встревоженно склонившимся Бенику и Жану-Мари. Он смог лишь шепнуть:

— Беник!.. Жамали!..

Генипа с трудом улыбнулся Ивону, поддерживавшему его голову.

Пес индейца вернулся. Он тяжело дышал и тыкался

в ноги то одному, то другому из новых знакомых, стараясь запомнить их запах, чтобы потом уже никогда ни с кем не спутать.

— Генипа, друг мой, ты слышишь меня? — позвал Феликс. Он сжимал руку краснокожего и с ужасом замечал, что пульса почти нет.

Умиравший лишь глубоко вздохнул и не смог вымолвить ни слова, так велико было его чувство к друзьям и так неумолимо покидали последние силы.

— Он умирает! — вскричал Синий человек. — Неужели мы пришли сюда только для того, чтобы услышать последний вздох!

— Во всяком случае, положение этого бедняги, видимо, незавидное, — пробормотал Артур, и голос его, обычно громкий и веселый, показался тихим и нежным. — Если бы можно было дать ему выпить глоток-другой! Так нет! Все флаги пусты.

— Проклятые гуляки! Не могли сохранить чуточку водки на всякий случай.

— У меня, кажется, есть немного, — раздался невыразительный голос нормандца. Он вынул из внутреннего кармана куртки маленький, плоский флакончик, который всегда носил про запас.

— О! Да у него есть заначка, — радостно воскликнул Джим.

— Возьмите, хозяин. — Бертран с тяжелым вздохом протянул Обертену флакончик. — Не стесняйтесь, дайте ему сколько нужно.

Такая самоотверженность дорогого стоит. Ведь для Геркулеса, а он, между нами говоря, любил выпить больше, чем остальные, содержимое флакончика было дороже золота.

Феликс напоил умирающего водкой, которая на сей раз была сродни эликсиру * жизни. Потом сказал:

— Друзья мои, нам придется задержаться здесь на какое-то время. Нужно поскорее принести багаж, его нельзя оставлять снаружи.

— Есть, хозяин!

Шесть добровольцев бросились к выходу и вскоре вернулись с головы до ног обвешанные оружием, инструментом и остатками провизии. Съестных запасов оставалось дня на полтора.

К счастью, в багаже нашлось несколько свечей. Это сокровище припас все тот же предусмотрительный Жан-

* Э л и к с и р — крепкий настой на спирту; здесь: фантастический напиток, якобы продлевающий человеческую жизнь.

Мари. Но впопыхах, когда все были взволнованы лаем Уаруку, он забыл об этом.

Тем временем Знаток кураре медленно приходил в себя. Глоток спиртного взбодрил его. Силы понемногу возвращались. Генипа сел, обвел всех долгим взглядом и сказал:

— Есть! Я хочу есть!..

Феликс принес ему бисквит, на который тот набросился, точно дикий зверь. Вождь урити проглотил бисквит в два счета, так что чуть не подавился.

— Еще, хозяин! Еще!

Синий человек отдал ему второй бисквит, который тоже моментально был съеден.

— Еще!

— Нет! Пока хватит! Дай тебе волю, так ты с голодухи, пожалуй, и полено съешь.

Беник зажег свечу. Брезентовый факел едва горел.

Состояние несчастного индейца было действительно плачевным. Костлявые ноги покрыты язвами, тело — кожа да кости, лицо, некогда круглое и мясистое, стало вытянутым, щеки впали, как у чахоточного.

Вокруг валялись полусгнившие, распространяющие удрушливый, смрадный запах объедки. Мертвецкий вид несчастного и все вокруг говорило о том, что он оказался замурован, и, видимо, давно. Вождь стал жертвой какой-то драмы.

У этих железных людей-индейцев, представителей древнейшей расы, обмороки обычно непродолжительны. Поев бисквита и допив оставшуюся водку, Генипа заметно оживился и начал свой рассказ. Говорил он быстро и возбужденно. Хотя Феликсу и не терпелось узнать о его приключениях, все же он попросил рассказчика не торопиться.

Но если в обычных обстоятельствах Знаток кураре был на редкость неразговорчив, слова из него не вытянешь, то сейчас говорил без умолку.

Увещевания Синего человека не возымели ни малейшего действия. Очевидно, произошедшие события были действительно очень серьезны. Так что правильнее всего было предоставить краснокожему полную свободу изложения.

Пока суд да дело, моряки, которые тоже умирали с голоду, сжевали всухомятку несколько бисквитов, открыли последнюю консервную банку и в один момент проглотили содержимое. Заморив червячка, они с нескрываемым интересом приготовились слушать.

У Генипы оказалась великолепная память. Он не

упускал ни малейшей детали, ни единого, пусть даже пустячного, события. Его гортанный голос гулко звучал в тишине, которую время от времени нарушал только Феликс.

Расставшись с Синим человеком, Жаном-Мари, Беником и Ивоном на ранчо * дона Рафаэля Кальдерона, доброго белого, как его называли в округе, Генипа и паталосы, верные данной ими кровавой клятве, тотчас же возвратились к золотому полю.

Обратно они шли по своим же собственным следам. Для индейцев найти обратную дорогу — пара пустяков. Шли не торопясь. Да и торопиться-то, собственно, было особенно некуда. Все складывалось благополучно.

По пути паталосы рыбачили, охотились, устраивали облавы на крупного зверя. Лазурный Бог щедро одарил их за помощь, и теперь следовало достойно отметить удачу.

На подходе к золотому полю их ожидал неприятный сюрприз.

Общаясь с белыми людьми, Генипа, сам того не приметив, привык размышлять. Его соплеменники обыкновенно не утруждали себя всевозможными соображениями. Дети природы, они умели радоваться, если была причина, но не видели дальше собственного носа. Вождь урити был не таков.

Следуя по дороге на Гояс, он поначалу очень удивился, что не нашел следов войскового подразделения, которым некогда командовал бывший управляющий шахтами. Ведь их послали в Гояс, и рано или поздно они должны были туда отправиться.

Что до паталосов, то их мало занимала мысль о том, проходил или не проходил здесь экспедиционный корпус. Краснокожие были целиком поглощены счастьем возвращения домой, радостью от того, что обладали несметным богатством, подаренным Синим человеком. Больше индейцев ничего не интересовало. Хоть трава не расти.

Впрочем, Генипа и не счел нужным посвящать их в причины беспокоества. Но когда подошли к недавнему полю боя, где Ивон одержал славную победу, неслыханную по оригинальности и эффективности оружия, Знаток кураре совсем приуныл. Он заметил, что следы ведут вовсе не в направлении провинции Гояс, а в сторону золотого поля.

* Ранчо — в странах Латинской Америки и США — хутор, усадьба с развитым скотоводческим хозяйством.

Напрасно вождь ломал голову в поисках причины, которая могла заставить бразильских солдат изменить направление и не выполнить приказа.

Неужели весь отряд дезертировал? С какой целью? Что произошло? Из-за чего солдаты нарушили дисциплину? Ведь здесь за самовольные действия сурово карают, почти так же сурово, как в Европе.

Снедаемый беспокойством, но не подавая виду, Генипа подгонял своих спутников, придумывая всякие причины, чтобы убедить их идти побыстрее.

Каково же было его удивление, когда, прибыв на золотое поле, первым, кого он увидел там, был управляющий собственной персоной, заклятый враг его бледнолицых друзей, злодей, причинивший им столько зла.

Против всех ожиданий управляющий оправился после серьезного ранения, которое, однако, оставило страшные, неизгладимые следы на его лице. Все зубы ударом ядра ореха оказались выбитыми. Впалые губы напоминали беззубый рот дряхлого старика. Из-за сломанной переносицы нос стал плоским и неимоверно расширился. На лбу краснел ужасающий шрам, а по щеке до самого глаза шел уродливый коричневый струп.

Тем не менее никаких сомнений, что этот человек — бывший управляющий шахтами в Диаманте, не было. Несмотря на отталкивающую внешность, он выглядел весьма респектабельно в своей униформе и с важным, начальственным видом прохаживался, опираясь на длинную трость.

Генипа не верил глазам. Он давно числил этого бледнолицего в мертвецах и никак не ожидал увидеть его здесь живым и здоровым. Но पुще всего огорчало индейца то, что он нашел на золотом поле лагерь, устроенный по всем законам симметрии * и военного дела. Посреди лагеря копошилось множество негров.

Они сновали туда-сюда с лопатами и ружьями, то ли солдаты, то ли рабочие. Там и тут виднелись разветвленные траншеи. Повсюду, вдоль тех самых пирог, которые бросил Синий человек и его друзья, струилась вода.

Негры-рабочие копошились словно муравьи. Они копали и перевозили землю, наполняя ею драги. За ними пристально наблюдали младшие офицеры.

* Симметрия — соразмерность, расположение точек в пространстве, при котором одна половина является как бы зеркальным отражением другой.

Вот тебе на!

На золотом поле полным ходом идут работы. Три сотни солдат, которых направили в Гояс, гнут спину не покладая рук.

В деревне паталосов быстро разнеслась весть о возвращении вождя и его спутников. Их встретили сердечно и с радостью.

Генипа поспешил утихомирить расчувствовавшихся индейцев и сообщил им под большим секретом, что Синий человек и его друзья должны вот-вот прийти и облагодетельствовать все племя.

Обещание успокоило паталосов, и они продолжали жить как обычно, не вмешиваясь в дела негров. Между тем племени приходилось поставлять золотодобытчикам провиант. И разумеется, бесплатно.

Управляющий сосредоточил своих солдат исключительно на поисках золота. У них даже не оставалось времени и сил на то, чтобы подумать о собственном существовании. Не иначе, как эта ненасытная утроба поставила себе целью окончательно истощить землю.

Как известно, дичи и рыбы в этих местах тьма-тьмушая. В обязанность индейцев входила охота и рыбная ловля. За полученные продукты рабочие не платили туземцам денег, но отдавали всякие безделушки, что приводило дикарей в восторг. Большого им и не нужно было.

Через два дня после возвращения Генипа с радостью заметил среди солдат сержанта Педро, приятеля Жана-Мари. Хитрому индейцу удалось разговорить наивного, доверчивого негра. Тот не умел держать язык за зубами, да, собственно, ему и нечего было скрывать.

Знаток кураре узнал, что управляющий, вынужденный из-за серьезного ранения какое-то время не двигаться, стал потихоньку приходить в себя. Солдаты, оставшиеся с командиром и ожидавшие скорее его смерти, нежели выздоровления, завязали знакомство с паталосами. У негров оставалось несколько бутылок водки, и, придя в индейскую деревню, они легко установили контакт с местными жителями.

К несчастью, среди этих любителей-экскурсантов нашелся один бывший золотоискатель. Человек осмотрел участок, прикинул приблизительно его золотоносность и принес несколько образцов.

Управляющий хоть и был при смерти, но мигом понял, чем для него может обернуться неожиданная находка. Лечили управляющего паталосы с помощью чудодейственного укууба. Дело быстро пошло на лад. Раненый вернулся

к жизни и, хотя был еще очень слаб, приказал отнести его в деревню.

Хитрец рассудил так: его отряд был атакован, сам он получил серьезные ранения, и теперь время, отведенное для выздоровления, можно использовать для добычи золота. Случай в пути оказался как нельзя кстати, начальство будет признательно за такое открытие.

Главное для этого человека — выгода. Гарнизон Гояса подождет.

Солдаты, в мгновение ока превратившиеся в старателей, тотчас же взялись за работу.

Если укууба — поистине волшебное средство от самых тяжелых ран и увечий, то алчность *, видит Бог, тоже лекарство не из последних. Жадность завладела управляющим. Неукротимое желание разбогатеть подняло его на ноги в какую-нибудь неделю. Нужно разведать, насколько богат этот участок, и суметь по-хозяйски воспользоваться им.

Чтобы снять с себя ответственность, управляющий послал в Марахао четверых солдат и сержанта с донесением о постигшей отряд катастрофе и ее последствиях. Однако о месторождении золота не было сказано ни слова.

Гонцами отправили самых нерадивых из всего отряда. Чтобы добраться до Марахао, им понадобится целый месяц. За это время здесь можно развернуться. Много воды утечет, пока посланные возвратятся, если, конечно, бездельникам не придет в голову дезертировать.

Во всяком случае, пока судьба преподнесла управляющему подарок, он стал хозяином золотого прииска. Этим надо воспользоваться.

Вот что удалось узнать Знатоку кураре. Он еще больше опечалился, задавая себе один и тот же мучительный вопрос: что произойдет, если Синий человек и его товарищи, вернувшись, обнаружат здесь этих молодцов?

А что будет с сокровищем? Надежно ли оно укрыто от посторонних любопытных глаз? Кто знает, не случится ли так, что по неосторожности, а то из-за предательства оно попадет в руки алчного бразильца?

Начиная с момента возвращения несчастный Генипа только об этом и думал. Теперь он постоянно жил в страхе.

Что делать? На что решиться? Преданность Лазурному Богу, любовь к друзьям заставляла строить планы, один

* Алчный — жадный.

другого фантастичнее. Но своими мыслями он ни с кем не мог поделиться, а в одиночестве не решался предпринять что-либо.

Вождь хотел бы убить всех негров по очереди. Это для него раз плюнуть. Ведь сарбакан * и стрелы, отравленные кураре, всегда под рукой.

Признание, высказанное с такой обескураживающей искренностью, заставило Феликса содрогнуться.

— Надеюсь, ты никого не убил? — воскликнул он в ужасе.

— Хозяин, я не смог, — тихо ответил индеец, — а то бы ни одного разбойника не осталось в живых.

— Какое счастье, Генипа! Подумай только, что бы мне оставалось делать, если б я послужил причиной смерти хотя бы одного-единственного человека? Никогда, никогда в жизни не соглашусь на такое!

— Но ведь ты хозяин! Прикажи, и я убью всех!

— Мне не нужны их жизни.

— Тогда я никого не убью.

— Надеюсь. Однако продолжай, если долгий рассказ не слишком утомил тебя.

— Я поел... и выпил огненной воды... теперь у меня много сил.

В течение почти целого месяца, то есть вплоть до возвращения гонцов, посланных управляющим в Марахао, тайна спрятанного сокровища свято соблюдалась. К несчастью, курьеры привели с собой подкрепление и к тому же приволокли большой запас водки.

В тот же вечер на золотом поле состоялась чудовищная оргия **, в которой принимали участие и несколько паталосов, в том числе бывший вождь, приятель Феликса, который, как помнит читатель, выкрасился в синий цвет, чтобы больше походить на своего идола.

Опрокидывая стакан за стаканом, бедолаги совсем потеряли головы, и водка без труда развязала языки.

Неизвестно кто именно проговорился, но только солдаты узнали про драгоценный клад, про желтую землю, спрятанную белыми. Но выведать, где именно находилось сокровище, им так и не удалось. Даже сильное опьянение не заставило индейцев указать заветное место.

* Сарбакан — стрелометательная трубка, применяемая индейцами для охоты.

** Оргия — разгульное, разнузданное пиршество.

Новость, разумеется, передавали из уст в уста. Вскоре она дошла до ушей главного. А тот все время был настороже, готовый к любым подвохам или неожиданностям.

Золотоносная жила, найденная управляющим, и сама по себе была удачей. А уж слухи о кладе и подавно увеличивали ценность находки. Прохвост прекрасно понимал, что здесь пахнет несметными сокровищами, неслыханным, баснословным богатством.

Он заставил привести паталосов, снова напоил их и обманом попытался выведать нужные сведения. В ход шло все: лесть, угрозы, обещания. Но ему так и не удалось ничего узнать.

Протрезвев, бедняги поняли, какую страшную оплошность допустили. Водка, проклятая водка заставила предать Синего человека, их друга, их Бога! Кто мог знать, какие невероятные, неслыханные напасти грозили отныне их племени? А может быть, и все племена паталосов, весь народ теперь исчезнет с лица земли.

Страх еще пуще, чем любовь и преданность Лазурному Богу, накрепко закрыл им рты. Никакими ухищрениями из индейцев не выманить теперь тайны. Ласка, посулы, угрозы, лесть — все бесполезно.

Но слово сказано. Зло сделано. И начиная с этого дня землекопы пядь за пядью перерыли всю округу в надежде отыскать клад и получить крупный приз, обещанный управляющим тому, кто первым наткнется на тайник.

В конце концов все средства иссякли и терпение лопнуло. Солдатам надоело возвращаться каждый вечер не солоно хлебавши, и они, обозленные и уставшие, раздраженные тем, что никакими силами не могут убедить индейцев открыть тайну, решили применить силу, бить до тех пор, пока не заговорят.

Первые палочные удары не дали ни малейших результатов. Солдаты понимали: нельзя забить индейцев до смерти, потому что некому будет показать заветное место. Еле живых паталосов отпустили, обещав, однако, что назавтра экзекуция * повторится.

У племени не оставалось никаких иллюзий ** на счет намерений незваных гостей. Мучимые страхом перед будущими истязаниями и перед местью Лазурного Бога, паталосы ночью незаметно исчезли, оставив клад без присмотра,

* Э к з е к у ц и я — телесное наказание.

** И л л ю з и я — искаженное восприятие действительности, принятие кажущегося, мнимого за действительное.

а своих мучителей без последней надежды. Пусть разбираются сами.

Долгое время, к вящей ярости управляющего и его людей, беглецов не могли отыскать. Однако Генипа не решился уйти далеко. Отважный воин понимал, что Синий человек и его друзья могут вот-вот вернуться. Он должен быть на посту. Иначе кто же предупредит их о том, что на золотом поле враг? Кто помешает им попасться в лапы управляющего и его многочисленного отряда?

Потому-то вождь урити и продолжал скитаться неподалеку от золотого поля, один-одинешенек, терзаемый страхом и плохими предчувствиями.

Время от времени он бродил по дороге на Гояс в надежде встретить французов. Но все напрасно. Вновь и вновь краснокожий возвращался ни с чем.

Однажды, сбегав в очередной раз на дорогу и едва дыша, вернувшись обратно, Знатор кураре заснул мертвым сном. Его собака тем временем напала на след какого-то зверька и убежала на поиски.

Индеец проснулся оттого, что почувствовал, как чьи-то грубые руки связывают его. Как ни сопротивлялся он, как ни кричал, ни кусался, ни брыкался, все зря. Генипа ничего не смог поделать против полудюжины негров-атлетов. Те скрутили его и притащили в лагерь, издавая при этом громкие и резкие крики — знак триумфа и радости.

Пленника привели прямо к управляющему, привязали к стволу дерева, словно зверя. Измученный неуголимой алчностью, командир отряда находился тут же, неподалеку, и усиленно обдумывал, как бы ему побороть упрямство краснокожего.

— Ты ведь скажешь мне, где зарыт клад, не так ли?

— Ищи! — последовал гордый ответ.

— Ты не хочешь говорить?

— Нет! Я ничего не знаю.

— Тем не менее сокровища существуют.

— Не знаю.

— Послушай, я дам тебе все, чего пожелаешь. Табак, оружие, водку, одежду...

Знатор кураре молчал.

Управляющий накалился от злости и гнева. Он принялся страшно бранить пленного:

— Грязная индейская собака! Я с тебя живого сдеру кожу и брошу муравьям.

— Он умрет, а вы так ничего и не узнаете, — заметил

один из младших офицеров,— не попробовать ли морить дикаря голодом? Быть может, тогда этот негодяй станет разговорчивее.

— А ты, пожалуй, прав. Для начала посадим этого молодца на строгую диету.

Заметив, что туземцу выражение «посадить на строгую диету» ничего не говорит, управляющий приказал объяснить ему, что и как.

— Тебя посадят в пещеру недалеко отсюда. Ты знаешь, где это. Там очень крутой склон и только один выход. Помнишь? Тебя отведут туда сейчас же. Выход мы замуруем и не будем приносить еду до тех пор, пока не решишься что-нибудь нам рассказать. Посидишь без воды и пищи. Может быть, тогда расскажешь, где спрятано сокровище.

Индеец стоял неподвижно. Он спокойно выслушал все, что ему говорили, и даже бровью не повел. Свидетель этой сцены подумал бы, что пленник просто-напросто не понял из сказанного ни слова.

Между тем бразилец продолжал:

— Мы оставим крошечное отверстие. Когда образумишься или захочешь есть и пить, позовешь. Два раза в день буду посылать к тебе человека, чтобы ты мог передать ему свое решение. Эй, вы! — обратился он к неграм. — Посадите-ка его в ту пещеру, что находится у дороги.

Генипа внимательно огляделся, чтобы удостовериться в том, что выхода нет. Восемь вооруженных солдат окружили его, готовые вскинуть ружье при первой же попытке бежать.

Вождь понял, что на этот раз проиграл. Но он не был сломлен. Пожал плечами и двинулся в путь.

Следуя со своими конвоирами, Знаток кураре дал себе клятву, что, если когда-нибудь ему посчастливится спастись, первое, что он сделает,— это убьет бледнолицего отравленной стрелой. Воистину, если бы управляющий мог знать, что происходит в душе пленника, он немедленно приказал бы расстрелять его, потому что такая клятва была равносильна смерти.

Но с виду Генипа, казалось, смирился и покорился судьбе. Индейца заживо замуровали в каменной могиле, вход в которую завалили той самой гигантской глыбой, которую с таким трудом пришлось отвалить морякам с «Авраама Линкольна».

Так прошло двенадцать часов. Голод мало-помалу на-

чал давать о себе знать. Еще немного — и он мучил уже всерьез.

Ситуация усугублялась еще и тем, что в пещере не было света и ни капли воды.

— Ну что ж,— решил вождь,— я умру здесь, если Синий человек не придет на помощь. Но он придет, обязательно придет. Ведь он обещал. Нужно продержаться как можно дольше.

Пленник поковырял связанными руками устилавший землю песок в слабой надежде найти под ним хоть немного влаги.

Ничего!

Убедившись в бесполезности новых усилий, краснокожий решил, что лучше беречь силы, улегся на землю и, вытянувшись, стал ждать, как умеют ждать только индейцы.

Прошло еще полдня, и Знаток кураре сквозь дрему услышал звонкий лай, доносившийся от входа в пещеру. Он узнал голос своей собаки, подполз к малюсенькому отверстию, оставленному солдатами, просунул в него голову и свистнул.

Пес, услышав знакомый сигнал, мигом проскользнул в лаз и очутился рядом с хозяином, виляя хвостом и лапаясь.

Немного погодя собака убежала и примерно через час вернулась, неся в зубах мышь, пойманную в лесной чаще.

В этом месте рассказ Генипы прервал общий вздох удивления. Слушающие не могли поверить своим ушам, так поразило их сказанное.

— Неужели,— вскричал Синий человек,— неужели твоя собака охотилась совершенно одна, без тебя, и принесла тебе дичь?

— Да, хозяин!

— Но как же она могла сообразить, что от нее требуется? Какой же у нее, по-твоему, ум?

— Не знаю, но я просто сказал ей, чтобы она пошла и искала что-нибудь поесть.

— Сказал... Это понятно. Я только не в состоянии поверить, что она способна была тебя понять.

— Хозяин, зачем искать объяснение тому, что существует без всяких объяснений? Мышь была еще теплая. Я ногами разорвал шкурку, выпил кровь и съел мясо. В это время снаружи кто-то позвал меня. Они пришли, чтобы узнать, не передумал ли я и не хочу ли говорить. Я отказался.

На следующий день Уаруку вновь принес с охоты какую-то живность. Он появился внезапно, неся в зубах пальмовую крысу. Генипа тут же с жадностью съел ее.

Так умная тварь приносила Знатоку кураре все, что ей удавалось добыть. Меню оказалось довольно разнообразным, подчас даже слишком экзотическим. Однако и обстоятельства, в которых очутился вождь, были не совсем обыкновенны. Поэтому выбирать не приходилось.

Игуаны, ужи, черепахи яйца, птенцы прямо из гнезда, четвероногие — все шло в дело. Быть может, не всегда было вкусно, но подопечный Уаруку ничем не брезговал. Ведь только так он мог поддерживать свои силы и не умереть с голоду.

К несчастью, была одна вещь, которую сообразительный пес при всем желании не мог принести Генипе. Он не мог раздобыть ни капельки воды. В течение долгих дней индеец мучился страшной жаждой.

Вскоре беспорядочный режим и полная невозможность двигаться вызвали тяжелую лихорадку. Язвы, которыми покрыты ноги большинства туземцев из-за постоянной ходьбы босиком, начали гноиться, причиняя сильные страдания.

Больной чувствовал ужасную слабость. Оттого, что он никак не мог встать или хотя бы сесть, приходилось все время лежать ничком посреди гниющих отходов: внутренностей, кожи, сухожилий — словом, всего, что оставалось от съеденных животных.

Живя в постоянной тьме, Знатор кураре потерял счет времени, не понимая, день сейчас или ночь. Он уже не разбирал, что именно приносил верный Уаруку, а ел все подряд.

В довершение всех его несчастий и этот последний источник жизни прекратился. Уаруку без конца курсировал из леса в пещеру и обратно, и в конце концов солдаты, дважды в день приходившие к пещере, заметили его. Об этом тут же доложили управляющему, и тот приказал немедленно закрыть лаз наглухо.

Напрасно бедное животное, в кровь разодрав десны и кожу на лапах, пыталось вырыть ход и проникнуть наружу. Поняв наконец, что все его усилия бесполезны, пес взвыл и улегся возле хозяина.

Так и лежали они долго-долго. Генипа — в полузабытьи стоически ожидал смертного часа, без устали оплакивая судьбу дорогого его сердцу Синего человека и не смея надеяться на спасение.

Бедняга пытался утолить голод, поедая валявшиеся вокруг останки. Но это уже не помогало, мучительная тошнота подкатывала к горлу. Уаруку пожирал падаля с меньшим отвращением, сил у него было побольше, чем у хозяина. Пес по-прежнему дни и ночи напролет лежал рядом.

Наконец вождь почувствовал, что смерть близка, последний раз мысленно обратился к тому солнечному миру, где он знал столько счастья, и даже обрадовался, что покидает эту давящую темноту, невыносимую для души, привыкшей к свободе и простору. Генипа приласкал собаку и шепнул:

— Прощай! Знаток кураре умирает.

Потом, когда ему показалось, что душа уже отлетела в тот славный мир, где все вокруг зеленеет и цветет, где бывший охотник вдоволь может добыть дичи, он вдруг очнулся и увидел перед собой Синего человека...

Простой искренний рассказ Генипы о страшных мучениях и жестоких испытаниях растрогал моряков до слез. Они не могли скрыть умиления и восхищения.

И странное дело, чем дольше говорил индеец, тем бодрее и сильнее, казалось, становился. Голос его был теперь увереннее и тверже, жесты энергичнее. И следа в нем не осталось от апатичного * аборигена, в безделье проводящего дни напролет лежа в гамаке и равнодушного ко всему, что бы ни происходило вокруг.

Темные глаза краснокожего сверкали, лицо было подвижно, он все время жестикулировал и, поднявшись на ноги, крикнул:

— Хозяин, господин! Белый должен умереть от моей стрелы, а ты должен забрать желтую землю.

— Не торопись, друг мой,— ответил Феликс, внимательно оглядывая Генипу,— ты еще слишком слаб!

— Хозяин, послушай... время не ждет... Они скоро придут, я чувствую!..

Как будто желая придать словам вождя больший вес, Уаруку, все это время бегавший вокруг ни разу не присев, вдруг насторожился. Шерсть на его спине встала дыбом, он громко залалял.

— Хозяин! Видишь собаку... Слышишь?.. Уаруку никогда не ошибается.

— Ну хорошо! Будь по-твоему. Идем! Нужно покинуть

* А п а т и я — состояние безразличия, равнодушия, отсутствия интереса.

это проклятое место, где ты так много и жестоко страдал, страдал за меня, верный мой друг. Иди к своим лесам, к высоким деревьям, к солнцу, к голубому небу.

Моряки собрали оружие и отправились в путь. Впереди шел Жан-Мари, неся над головой факел. Рядом бежала собака, которая все злее рычала и все больше нервничала.

Внезапно страшное ругательство сорвалось с уст Жана-Мари. Он остановился.

Вся цепочка тоже прекратила движение.

Теперь в тишине слышалось лишь глухое рычание пса да громовые возгласы отставного сержанта.

— Ну, что там, Жан-Мари? Что случилось, дружище? — спросил Феликс, подойдя ближе.

— Случилось?.. Да уж, случилось! А то случилось, месье, что я хотел бы поджечь весь лес и поджарить заживо тех негодяев, которые замуровали нас в этой пещере!

— Замуровали?..

— Да, месье! Именно замуровали... Они устроили нам ловушку, словно лисьему выводку, который необходимо выкурить из норы.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что вход в пещеру замурован. Даю вам слово.

ГЛАВА 11

Пятьдесят часов агонии.— Роковая встреча.— Кто и почему замуровал пещеру.— Тяжелая работа не приносит плодов.— Дерзкий план.— Мина.— Пятнадцать кило пороха.— Что можно сделать из трех тысяч патронов.— Озарение.— Все не так просто.— Взрыв.— Свободны!..— На золотом поле.— Одни.— Сокровища исчезли.

Жестокие проклятья, изрыгаемые моряками, понявшими, что они тоже стали пленниками пещеры, сменились физической и моральной апатией, с которой трудно было бороться.

Однако это длилось недолго. Мужественные люди все же нашли в себе силы не пасть духом. Новая беда, внезапно обрушившаяся на их головы, не смогла парализовать силы путешественников.

Моряки собрали всю волю в кулак, каждый в отдельности и все вместе показали неслыханную твердость.

Пятьдесят часов длилась неравная борьба. Только смертельная опасность могла заставить людей так работать.

Пятьдесят часов без пищи, воды, света, почти без воздуха!

Пятьдесят часов непосильного, нечеловеческого, безнадёжного труда. Даже стальные инструменты не выдержали — сломались, затупились. К тому же они стали слишком тяжелы для измученных, искалеченных, окровавленных рук.

С первых же часов работа была строго организована. Нельзя впустую тратить силы. Держали совет. Досконально исследовали пещеру, каждую стену, каждый угол, обошли все закоулки, все ответвления.

Никакого выхода, никакой лазейки. Ни единого места, где стена оказалась бы тоньше. Повсюду один и тот же глухой звук, свидетельствовавший о равномерной толщине гранитного монолита. Это была огромная глыба, внутри которой невероятным образом ветвились никуда не выводившие ходы. Всюду — тупик.

Но ведь их же тринадцать! А со Знатоком кураре даже четырнадцать. Они без усталости атаковали каменные стены. С ними их сила, их мужество.

Съестные запасы на исходе. Собрав все, что осталось, подвели итог: пищи хватит на четыре неплотных обеда.

Значит, они будут работать натошак!

Нет ни капли воды. Между тем в пещере невыносимо жарко.

Пусть так! Они не будут пить. Это даже и лучше. Меньше будут потеть.

Все силы решили сосредоточить на том участке, где еще недавно находился выход, заваленный во время грустного повествования Генипы огромными каменными глыбами.

Работая, каждый надеялся, что вот-вот блеснет перед глазами уголок синего неба. Однако все были готовы к тому, что у входа их ждет засада. Поэтому те, кто в данную минуту отдыхали, а работали они по очереди, — держали наготове карабины.

Но все бесполезно!

Толщина стены достигала нескольких метров. Она состояла в основном из кварца, и никакие кирпичи не брали ее, только высекали бесчисленные искры.

— Между тем, — заметил капитан, — вспомните: когда мы шли сюда, эти глыбы тоже находились у входа, но между ними можно было пройти без особых усилий. Стало

быть, кто-то намеренно придвинул их поближе. Но кто? И как? Ведь прошло слишком мало времени.

Пленники пещеры никак не могли взять в толк, что же произошло, почему приключилась с ними эта катастрофа?

А дело было так.

В тот самый час, когда начался ураган, к пещере шли четверо солдат во главе с сержантом. Управляющий послал их, чтобы в последний раз попытать счастье и узнать, не хочет ли индеец открыть им тайну клада. Солдаты шли через лес, когда налетел первый порыв ветра. Испугавшись, они ускорили шаг, а затем спрятались под нависшей скалой, недалеко от входа в пещеру.

Каково же было их удивление, когда в двух шагах появилась группа европейцев с поклажей, которые прямо перед их носом заняли укрытие, на которое солдаты так рассчитывали.

Негры не решились присоединиться к незнакомцам. Бедняги прижались к гранитной стене и все время, пока лил дождь и валил град, стояли, боясь выдать себя и надеясь, что, как только буря прекратится, непрощенные гости уйдут восвояси.

Но ничуть не бывало. Белые не только не собирались уходить, но заметили вход в пещеру и проникли в подземелье.

Солдаты хорошо понимали, как нужен их пленник командиру. Опасаясь, что Знатор кураре вскоре получит возможность выйти из заточения, они тихонько подкрались к выходу и прислушались. Ничего ни услышав, не долго думая, стали заваливать ход камнями.

Для четверых негров-великанов это не было тяжелой работой. словно по иронии судьбы одна глыба, которая весила, должно быть, не меньше тонны, стояла непрочно, покачивалась. Оказалось достаточно небольшого усилия, чтобы она плотно закрыла собою вход в пещеру.

Гордые своей удачной выдумкой, солдаты со всех ног бросились обратно в лагерь и рассказали командиру о невероятном открытии, не упустив, конечно, из виду и успешную операцию.

Управляющий шахтами не колебался ни секунды. Соменений нет! Белые — это те, кому принадлежат сокровища. Пришельцы многочисленны, сильны и, надо думать, прекрасно вооружены. Теперь они попали в каменный мешок: Важно не выпустить их оттуда, не дать улизнуть. Это редкое везение, врагов удалось заманить в ловушку, не

сделав ни единого выстрела, вообще не приложив ни малейших усилий. Какая радость держать этих баловней судьбы в своей власти.

Индеец не желает говорить! Ну что ж! Европейцы не так выносливы, как дикари. Они заговорят.

Стоит помучиться несколько часов от голода и жажды, потерять силы и надежду, как обещание спасти жизнь заставит открыть тайну клада.

Обещание же это ни к чему не обязывает. Как только клад будет в его руках, они умрут, причем самой мучительной и жестокой смертью. Уж он, управляющий, об этом позаботится. Он помнит о своем изуродованном лице и, чтобы отомстить, готов дать не одно ложное обещание этим негодяям.

Все это вместе взятое до такой степени обрадовало бразильца, вселило такую надежду и умиление, что, забыв о своей обычной скупости, он мигом отсыпал солдатам целую пригоршню золота, которую те честно поделили между собой.

Этот человек был из той породы людей, которые ничего не делают наполовину. Ни секунды не медля, он собрал двадцать негров и отправился с ними к гроту, чтобы привалить еще одну огромную глыбу к выходу. Он был абсолютно убежден в том, что пленники при всем желании не смогут убежать. Довольный собой и удачно прожитым днем, управляющий вернулся в лагерь на золотом поле.

Не подозревая, что происходит снаружи, узники тем временем работали не покладая рук, чтобы выбраться из проклятого заточения.

Тяжелые кирки со звоном ударялись о камень, отбивая крошечные кусочки. Когда одна группа выбивалась из сил, ее заменяла другая. Даже Ивон, больной Феликс и полумертвый Генипа вкалывали наравне с другими.

Шли часы. Жажда становилась невыносимой. Дышать было почти нечем, в воздухе летала каменная пыль.

За сутки им удалось пробить каких-то шестьдесят сантиметров. Но мужество не покинуло людей.

Быть может, им суждено умереть с голоду. Пускай! Все равно! Они будут сражаться не переставая.

Невероятно, но самоотверженная работа продолжалась еще целых двадцать четыре часа.

Феликс перетруился, и ему сделалось дурно. Дыхание стало прерывистым, грудь судорожно вздымалась. Он непо-

движно лежал возле плачущего Ивона. Мальчик сбил в кровь руки и не мог больше держать кирку.

Артур еще шутил, посмеивался над старухой смертью, приближение которой уже явно ощущали все.

Мариус не уступал, уверяя, что в Марселе гранит еще прочнее, чем здесь. Чего ни придумаешь, чего ни сделаешь, чтобы только не сдаться, не опустить руки.

Джим решил, что самое время покувыркаться и походить на руках. Нормандец ворчал. Только бретонцам, этим железным ребятам, не было износу. Они упорно долбили скалу и страшно ругались.

Но никто не уступал злой судьбе. Никто не отказывался продолжать работу, хотя ее бесполезность становилась чем дальше, тем очевиднее.

У них не было надежды. Но они не сдавались.

Работали уже давно в темноте. В запасе осталась всего одна свеча, ее берегли на самый черный день. Мало ли что могло случиться.

— Слава Богу,— в сотый раз произносил Беник,— вот мы и спеклись. Это должно было когда-нибудь произойти. Сколько же можно испытывать судьбу: убить сатанита в море, отправиться в путь тринадцатого числа в отряде из тринадцати человек!..

— Ты говоришь глупости,— вмешался Жан-Мари,— теперь-то нас уже четырнадцать!

— Четырнадцать и собака! Лучшая из всех известных мне собак! — добавил Ларош.

— Которая копает и трудится не хуже любого из нас, бедняга...

— Которая страдает от голода и не жалуется.

— Вам бы все шутить,— ворчал Беник,— а между тем инструменты уже вышли из строя. По-моему, нужна мина, чтобы выбраться отсюда.

— Мина!.. А почему бы и нет, матрос,— вскричал Артур, ударив себя по лбу.

— У нас есть порох!

— И патроны!

— Ты прав, дружище!

— А вы думали, я только трепаться могу?

— Давай-ка сюда фитиль.

— Вот, возьми. У каждого из нас по двести пятьдесят патронов к винчестеру. Джим, я ведь правильно произношу слово винчестер?

— Лучше не бывает! Как картавый попугай.

— Ну ладно! Патроны есть у двенадцати человек, а не у тринадцати. У хозяина их нет. Значит, двести пятьдесят умножить на двенадцать... равно... равно... Черт побери! Счет — это не по мне, я тут не очень силен и в школе не был примерным учеником.

— Три тысячи,— подсказал Геркулес.

— Стало быть, три тысячи. В каждом патроне по пять граммов пороха. Три тысячи на пять... Три тысячи на пять... Получается пятнадцать тысяч граммов... Или пятнадцать кило.

— Пятнадцать кило! Из этого может получиться неплохая мина.

— А куда ее нужно положить? — поинтересовался Беник.

— В самом начале пещеры, у входа, в том месте, где мы пытаемся копать. Как раз там, между двумя глыбами, есть подходящее местечко.

— Скажите, капитан, что вы думаете обо всем этом?

— Думаю, что идея рулевого хороша. Это единственный и последний наш шанс. Надо попытаться счастье. Разве мы имеем право упустить такой случай? Жан-Мари, зажги свечу и поставь чуть подальше, чтобы не снесло взрывной волной. А теперь давайте сюда патроны.

— Куда будем ссыпать порох?

— Каждый в свою шапку.

— А тот, кто голоден, может преспокойно проглотить гильзы, не правда ли, капитан? Так, по крайней мере, хоть брюхо набьешь!

Несмотря на напряженную ситуацию, никто не удержался от смеха. Артур Ларош не изменял себе. К тому же к людям возвращалась надежда, и ее слабый, мерцающий свет заставлял забыть о недавних испытаниях и горестях.

— Однако,— вновь серьезно заговорил капитан Корсон,— каждому нужно сохранить хотя бы по десять патронов на случай боя.

Десять патронов — решено! У них имеются еще револьверы.

Наконец все гильзы опустошены. С легко понятной поспешностью моряки бросились к выходу. В каждой шапке оказалось по кучке пороха. Его ссыпали в молочную флягу. Получилось довольно много. Все действовали очень быстро, но слаженно, не суетясь.

Артур с удовлетворением отметил, что его идея, пожалуй, работает. Пороха хватит на добрый взрыв.

— Сможешь ли ты это сделать? — спросил Беник начальственным тоном, вдруг вспомнивший, что он боцман.

— Не бойся! Справимся. Вот что: нужно, чтобы все выстроились в цепочку. Передайте мне сюда порох, я высыплю его куда следует.

С этими словами рулевой прижался к стене, пошарил вокруг, постучал, прислушиваясь, и в конце концов нащупал место, где, по его мнению, сходились каменные глыбы. Туда и засыпал порох.

— Хорошо,— заговорил Беник,— а чем ты собираешься тут орудовать, приятель?

— У нас есть лопаты. Накидаю булыжников.

— С ума сошел! Кремень о кремень! А что, если будет искра?! Мы все взлетим в воздух!

— В таком случае сначала насыплю несколько шапок песку. Это предохранит от искры.

— Не глупо, не глупо... Для рулевого это совсем неплохо.

— Послушай-ка, боцман, что это ты? Зачем придираешься? Или голод делает тебя ворчуном?

— Ты лучше скажи, где фитиль, а? То-то.

— У каждого из нас есть огниво. Оттуда и возьмем фитили. Чего тут особенного?

— А отверстие, ведущее к пороху, чем сделаешь?

— Стволом карабина. Он как раз годится.

— Ну да! Стальной стержень — это то, что нужно! Опять искра — и привет! Взлетим на воздух, как миленькие. Взрыв получится что надо. Только рановато. А кроме того, ты в жизни не сумеешь засунуть фитиль в эту крошечную дырочку в стволе...

— Значит, надо придумать что-то другое!

— Подумаем!

Не прошло и минуты, как Артур всплеснул руками и закричал:

— Нашел! У меня есть идея!

— Говори, сынок!

— Кто из нас не слишком дорожит своим карабином? Конечно, я. Без него мне будет только легче шагать, когда выберемся отсюда. Капитан, разрешите использовать ствол по своему усмотрению, даже если придется окончательно вывести его из строя!

— Да, я согласен.

— Прекрасно! Значит ли это, что меня не лишат чинов и наград за потерю боевого оружия?

— Когда же ты перестанешь трепаться?

— Все, капитан! Я абсолютно серьезен. Беру свой нож...

— А зачем тебе нож?

— Отвертки-то у меня нет.

— Нет.

— Стало быть, нужен нож. Мне надо разобрать карабин. Я с этим быстро справлюсь. Так, готово... Оставляем только ствол.

— Что ты собираешься с ним делать?

— С его помощью разожгу огонек и стану печь блинчики!

— Оставь свои дурацкие шутки!

— Ну, ладно! Я собираюсь взять фитиль немного длиннее, чем этот ствол, продеть сквозь него... Понимаете? Проблема решена.

— А дальше?

— Смотрите. Этот конец я обмотаю тряпкой, чтобы не было удара и искры. Затем продену фитиль в ствол, оставив снаружи один конец... Вот и отверстие. Поняли?

— Ларош, ты просто гений! Нет слов! Обещаю тебе, если захочешь, получишь любую должность на корабле. Хватит тебе сидеть и коптиться в машинном отделении.

— Поживем — увидим, патрон! Сейчас не время об этом. Протянутый сквозь стальной ствол фитиль не порвется. Если мы подожжем с одного конца, то огонь медленно пойдет внутрь. И как только доберется до пороха — трр-ах!

Шутник был явно в ударе, говорил оживленно, сочетая теоретические выкладки с практическими действиями.

Он разобрал карабин. Держа в руках ствол, поднес его к правому глазу, посмотрел, как в подзорную трубу. Потом продел сквозь него фитиль так, чтобы по обе стороны стального стержня свисали концы веревки. Наконец осторожно укрепил стержень возле кучи пороха.

Теперь оставалось засыпать его песком и булыжниками, и мина будет готова. Тут нужна осторожность, внимательность. Малейшая оплошность, и взрыв неминуем. Работа тяжелая, тем более для изголодавшихся, мучимых жаждой, обессиленных людей.

Прошел час. Все было сделано как надо.

— Друзья мои! — Голос рулевого звучал непривычно серьезно, резко контрастируя с обыкновенным его смешливым тоном. — Наступил самый ответственный и сложный момент. Пан или пропал! Или нам повезет и мы станем

свободными, или пещера навсегда погребет нас под своими обломками.

— Все ясно,— произнес Феликс,— в конце концов, надо попытаться так или иначе выбраться из безвыходного положения. Мы ведь не можем сидеть сложа руки. Значит, решено. Не так ли, друзья?

— Все верно! Все верно! — закричали моряки. Они не могли больше мучиться и ждать.

— Можно поджигать, хозяин?

— Давай!

Артур крикнул, сияя:

— Жан-Мари, свечу!

— Вот она, матрос! Сейчас зажгу... Готово! Теперь всем отойти вглубь пещеры. Американцы, французы — назад! Я останусь здесь, чтобы держать свечу. Будь что будет! Знаете, этот огонек — самый красивый, самый яркий и лучистый из всех, которые я видел в жизни. Итак, все — назад.

Прошло десять минут. В пещере царила мертвая тишина. Моряки старались бодриться, однако каждый ощущал ужас. Он проникал во все поры, сковывал движения и дыхание. С виду все были сдержанны и хладнокровны. Но что творилось в душе! Тело била дрожь, глаза широко открыты, сердце то и дело падает куда-то, так что дух захватывает. Каждому мерещилось приближение смерти. С этим ничего нельзя поделать. Ужас приближающегося конца не побороть, не победить, не одолеть.

— Да-а! — протянул Артур.— Мы тут как в пороховом погребе. Я пережил множество аварий, а сколько раз умирал... Но это всегда происходило быстро, не успеваешь опомниться. Так долго, как сегодня, я никогда еще не ждал смерти.

— Скажи,— обратился к нему Феликс, который хоть и не был моряком, но сумел сохранить в этих жутких условиях остроумие и самообладание,— если бы ты вдруг заметил, что фитиль плохо горит, смог бы подойти и раздуть пламя?

— Кто знает, хозяин, быть может, вскоре получите возможность убедиться в этом.

— А ты, Ивон, мой бедный малыш, как себя чувствуешь? Прости, мы заставили тебя столько пережить.

— Месье Феликс,— отозвался юнга,— поверьте, каждый волен распоряжаться своей судьбой сам.

— Парень хорошо сказал,— обрадовался за племянника

Беник,— за такой ответ я расцелую тебя, мой мальчик, если только мужчинам можно целоваться. Черт его знает, есть ли в этом вообще какой-нибудь смысл!..

— Двадцать минут! — сказал Обертен, взглянув на часы.

— Черт! Слишком долго,— ответил капитан, потирая лоб.

— Да, минуты тянутся, словно резиновые,— подтвердил Артур.

— А вдруг фитиль погас?

— Да нет! Я чувствую запах гари...

В эту минуту земля загудела и вздрогнула. Затрещали стены, и моряки повалились друг на друга. Раздался глухой взрыв. Пещера на мгновение озарилась ярким, словно молния, светом, мелькнувшим там, у входа.

Все вокруг заволокло едким дымом и погрузилось в крошечную тьму, так что ровным счетом ничего не было видно. К тому же, падая, Ларош задел рукой свечу и нечаянно загасил ее.

Люди начали было пробираться вперед на ощупь, но вдруг хором воскликнули. В глаза бил яркий дневной свет. Ничего прекраснее никто из них в жизни не видывал. Глаза не могли насмотреться.

Внезапно свет померк, и пещера вновь погрузилась во тьму. Но секунду спустя они опять видели солнце, а еще через секунду слышали снаружи гортанную тирольскую песню:

— Ти-ла-ла! Ла-у-ла — ла-у-ли! Выход есть! Ла-у-ла!

Это рулевой, неунывающий рулевой, едва выбравшись на свет Божий, уже славил его, а заодно и себя, придумавшего выход из безвыходного положения.

— Итак! Мадам и месье, не соблаговолите ли выйти наружу! Дверь открыта! Приятно познакомиться, я тут числюсь консьержем *. Прошу вас! Эй, Беник! Консьерж к вашим услугам!

— Черт тебя побери, фигляр **! Я первый кричу громче всех: «Да здравствует Артур Ларош!»

— Мариус! Скажи, дружище, а как открывают подобные двери в Марселе?

— Слово марсельца! Это отличная работа!

Затворники с криками «ура!» шумной гурьбой выбежали из пещеры. Голоса смешались в единый радостный, беспорядочный гомон.

* Консьерж — швейцар, привратник.

** Фигляр — скоморох, шут, кривляка.

Путешественники разом взглянули на солнце, которое ослепило, околдовало вышедших из темноты людей. Взявшись за руки, они вдруг умолкли и стояли так, глядя вверх, не в силах поверить в освобождение. За их спинами зияла зловещая темная дыра. Из пещеры еще валил дым, а по краям входа, на камнях, виднелись черные пороховые разводы.

— Все ли здесь? Никто не остался внутри? — спросил Феликс.

— Все на месте, даже собака!

Вместе со своим хозяином Уаруку вышел последним. Услыхав пение рулевого, он взялся было вторить ему, получилось очень смешно. А потом пес принялся бегать вокруг каждого, вилять хвостом и ласкаться.

Однако нужно торопиться. Остаться опасно. Тем не менее, второпях никто не оставил оружия и инструменты. Когда все необходимое было собрано, беглецы спешно покинули проклятое место.

Друзей гнал прочь не только страх, но и голод, жажда. Теперь, когда их жизнью уже ничто не угрожало, терпеть становилось невыносимо.

Генипа прекрасно ориентировался на местности. Знал, где находится ручей. К тому же он нашел разные съедобные растения.

К вечеру у них будет дичь, фрукты, рыба или черепахи.

А пока пришлось заморить червячка плодами капустной пальмы.

Несколько часов спустя все лишения и переживания последних дней забылись, стерлись в памяти. Путешественники разбили лагерь в лесу, наелись, напились и теперь отдыхали, растянувшись на траве. Решено было на всякий случай выставить часовых.

Невероятно, но Генипа, который, казалось, после всех мытарств и мучений первым должен был заснуть мертвым сном, этот самый Генипа со своим неизменным спутником Уаруку только что вернулся откуда-то. Его не было в лагере около двух часов.

То ли от усталости, то ли от волнения, но лицо его побелело, а руки дрожали.

Знаток кураре легонько толкнул Синего человека. Тот проснулся, улыбнулся солнцу, пышной зелени вокруг и спросил:

— Что случилось? Что тебе нужно?

— Пойдем! — коротко ответил индеец.

— Куда?

— Пойдем!

Феликс прекрасно знал, что, если уж Генипа сам не говорит, из него клещами слова не вытянешь. Бакалейщик разбудил остальных. Те зевали и сладко потягивались.

— Друзья мои, мы уходим.

Все с готовностью поднялись, собрали оружие и нехитрый скарб и через несколько минут были готовы к походу. Обертену оставалось только сказать:

— Вперед!

Отряд медленно двигался сквозь густые заросли. Примерно через час вышли к золотому полю. Никто и не предполагал, что оно так близко.

Странно, но вокруг было пустынно и тихо. Никаких следов пребывания человека. То там, то здесь чернели валуны, земля была покрыта углем и головешками.

— Сожгли? — спросил Синий человек.

— Да, — ответил Знаток кураре.

— А что это?..

— Пироги, в которых промывали золото.

— Их тоже сожгли?

— Да! Негры все сожгли и ушли туда. — Вождь урити указал на юг.

Сомнений не было. На золотом поле больше никого не осталось. Покидая его, солдаты решили оставить только пепелище.

— Ну что ж! Тем лучше. По крайней мере, можем не опасаться нападения и спокойно забрать золото.

— Не можем забрать желтую землю, — возразил индеец.

— Почему?

— Потому что негры унесли ее.

— Они унесли наши сокровища?

— Унесли!

— Тысяча чертей!.. Нас обокрали! Сколько труда, пота, страданий! И все напрасно! Это невозможно!

Генипа подал знак Синему человеку и его друзьям следовать за ним. Вскоре он привел их к тому самому месту, где французы некогда спрятали клад.

Земля была разрыта, все разворочено. Казалось, место выбрали так удачно. Теперь перед глазами желтели лишь обломки бутылочных тыкв, запорошенные золотым песком.

Ужасная новость потрясла всех.

Невероятно, но факт: сокровища исчезли.

ГЛАВА 12

В которой все узнают, что Беник никогда не получит рыболовецкое судно, а Жану-Мари не бывать муниципальным советником.— Грустное расставание.— Генипа уходит.— Месть Знаточа кураге.— Последний подарок друга.— После взрыва.— Богатое месторождение.— Разочарование.— Из чего сделать ящики.— Жан-Мари приходит на помощь.— Четырнадцать тысяч франков на человека в день.

— Вот так-так! Нас обокрали!

— Да, Беник! Обокрали, словно на большой дороге.

— И у нас нет больше ни су. Господи! Как это обидно!

— Обидно — не то слово.

— Оказаться в луже после того, как стал обладателем несметного богатства! Вот это я понимаю! Залп из всех орудий.

— Капитан «Авраама Линкольна» — настоящий человек и командир что надо. Он поможет вам восстановить состояние.

— С нашим-то жалованьем? Долгая песня! А начинать сызнава... Никогда! Ну что ж! Значит, у меня не будет рыболовецкого судна, я не стану хозяином.

— Это сильно вас огорчает, Беник?

— Дело не во мне, месье Феликс, а в Ивоне. Я был бы счастлив сделать что-нибудь для нашего дорогого юнги. Мне бы не хотелось видеть, как он всю жизнь работает на износ, подобно своему дядюшке.

— Обещаю вам позаботиться о его образовании и добыть для него хорошее место.

— Вы очень добры, хозяин. Вы всегда были добры к нам. Но ведь и у вас, простите, положеньице, как говорится, аховое. Ваши карманы пусты.

— Ничего! У меня осталось кое-что. Этого хватит на то, чтобы исполнить обещанное. А вы, бедный мой Жан-Мари, не станете муниципальным советником в Роскофе.

— Для меня это к счастью, месье, по крайней мере, буду избавлен от необходимости произносить глупые речи в городской ратуше*.

— Чудесно, если вы так легко относитесь к случившемуся!

* Р а т у ш а — здание, где помещается городское самоуправление.

— К чему рвать на себе волосы, кусать локти? Что произошло, того уж не исправить. Печально другое. Жаль, что по возвращении в Марахао или какой-либо иной порт не удастся отблагодарить моряков, которые столько перенесли вместе с нами. Надо бы им погулять.

— Это я беру на себя!

— Эй, слышите? Несмотря на неудачу, хозяин обещает заплатить вам. Сможете хорошенько кутнуть!

— Да здравствует хозяин!

— А когда это будет? — спросил Артур Ларош.

— Как только вернемся.

— Да! Но когда же мы вернемся?

— Чем скорее, тем лучше.

— Простите, хозяин... но, если тут залегает золото, почему бы нам не начать снова и не намыть хоть немного золотого песка? Во всяком случае, это даст хотя бы карманные деньги.

— Нас ждет «Авраам Линкольн».

— Да, вы правы.

— Он в одном из бразильских портов, а мы вне закона на всей территории Бразилии. Кто знает, не скомпрометирует ли друзей наше опоздание.

— И опять вы правы!

— Однако мне трудно и грустно прощаться с этим сказочным местом, которое едва не сделало всех нас обладателями сокровищ.

— А что, если вернуться в Марахао и потом всем вместе — сюда.

— Об этом необходимо посоветоваться с капитаном. Я не могу взять на себя право задерживать вас здесь дольше, чем мы договаривались.

— Экая досада!

— Да уж! Обидно так обидно! — вскричали моряки все разом, словно античный хор *.

— Право же, в жизни бывают такие минуты, когда хочется стать дезертиром!

— Чтобы вас считали преступником на собственной родине?

— Когда становишься богачом, тебя прощают.

— Рулевой, да ты философ.

— Это мое единственное богатство.

* Античный хор — в Древней Греции и Риме, в пьесах античных авторов всегда присутствовал хор.

— Ваше мнение, месье Феликс?

— Я убежден, что нужно как можно скорее возвратиться на корабль. Надеюсь, капитан «Авраама Линкольна» примет решение вернуться сюда и добывать золото. Со своей стороны, приложу все усилия к тому, чтобы так и случилось. Я тоже полагаю, что нельзя упускать подобную возможность.

— Хорошо же! В дорогу, друзья! Генипа нас проводит.

— Нет! — решительно отказался индеец.

— Ты хочешь покинуть нас?

— Да!

— Но почему же, друг мой?

— Бледнолицые только и думают, что о желтой земле. А как же месть? Случай уходит. Неужели вы забыли о тех, кто замуровал вас там, в пещере! Вы забыли о тех, кто приговорил вас к смерти? Но Знаток кураре все помнит, он ничего не забыл! Теперь я приговариваю черных солдат и их командира к смерти. Он умрет!

— Но его охраняет многочисленное войско! А нас совсем мало.

Вождь улыбнулся и добавил:

— Знаток кураре пойдет один, он не боится... Он выпустит свою смертельную стрелу. Бледнолицые и Синий человек предпочитают мести желтую землю. Это их дело. Прощайте!

— Дорогой мой, смелый мой индеец! Тебе трудно понять нас. Ты не знаешь требований нашей жизни. Желтая земля в нашей стране — все. Без нее нет жизни, ничего нет. Понимаешь? Она дает все.

— Я не понимаю, что ты говоришь. Ты вернешься в свою страну, где белые люди хотят повесить тебя? Почему? Почему ты не хочешь остаться здесь? Почему ты не хочешь стать индейцем? Ты был бы вождем урити, а я стал бы твоим помощником. У тебя имелось бы сколько угодно желтой земли. Племя бросило бы ее к твоим ногам.

— Неужели ты не понимаешь, что я оставил там мать, отца, ребенка, который ждет меня и плачет?..

— И всем им нужна желтая земля?

— Да!

— Послушай! Я не думаю, как ты, но я твой друг. Индейцам — лес. Бледнолицым — огромные камни в горах. Каждому — свое. Возвращайся к своим бледнолицым. А я останусь здесь. Твоей матери, твоему отцу, твоему ребенку нужна желтая земля?.. Я покажу тебе, где ее

столько, что твои люди не унесут. Отправляйся в грот, где мы едва не погибли. Там ищи у входа, под камнями. А теперь прощай! Меня зовет голос мести. Прощай, Синий человек! Прощай, Жамали! Прощай, Беник! Прощай, Ивон! Знаток кураре никогда не забудет вас.

С этими словами краснокожий повернул к югу, поманил собаку и пошел прочь не оглядываясь.

Через десять минут он исчез из виду, скрылся в лесной чаще.

Первым молчание нарушил Артур:

— Да-а. Этому пройдохе-управляющему не долго осталось ликовать.

— Я не захотел бы за все золото, что мы найдем у входа в нашу бывшую тюрьму, оказаться сейчас в шкуре управляющего,— заметил Жан-Мари.

— Ему крышка! — заключил Беник.

— Один против трех сотен... — сокрушался Мариус.— Как жаль, что он не марселец.

— Не беспокойся, сынок! Будь уверен: Генипа пройдет по пятам отряда след в след, догонит их и выберет самый подходящий момент, чтобы пустить отравленную стрелу в этого негодяя.

— Не будь я Жан-Мари, если это не так! Мерзавец сдохнет, словно корабельная крыса, объевшаяся мышьяка *.

— Между тем, хозяин, индеец, согласитесь, уходя, преподнес вам неплохой подарок.

— Ты хотел сказать: нам преподнес.

— Если вы хотите взять нас в долю, мы не откажемся.

— Каждый получит равную часть.

— Как говорится: всем поровну,— заявил капитан.

— Еще не все потеряно! Беник получит свое рыболовецкое судно. Жан-Мари станет муниципальным советником, Ивон превратится в господина Ивона, а все мы закатим такой пир, что до самого Китая будет слышно.

— Тише, друзья мои, тише! — вмешался Синий человек.— Из слов Генипы я понял, что речь идет не о золотом песке. Иначе мы потеряли бы много времени на его добычу.

— Я думаю, что он говорил о кладе...

— Кубышка!

— Секрет индейцев!

— Сейф на дикарский манер!

* Мышьяк — здесь: отравляющее вещество.

— Вот что, хватит болтать! Мы теряем время. Вернемся к гроту и покопаемся там, где он сказал...

— Да, по-моему, мы все сошли с ума. Индеец наверняка обманул. А может быть, специально обманул.

— Тогда у него должно быть каменное сердце...

— Вперед!

Все бросились бежать наперегонки. Самые проворные мигом скрылись в лесу. Без сомнения, их влекло богатство, но и желание добежать пораньше и первыми, еще издалека, оповестить остальных о находке.

Впереди всех мчались Джим и Артур. По пятам за ними неслись самые молодые среди моряков. Феликса сдерживала болезнь, Беника и Жана-Мари — возраст. Капитан посчитал для себя несолидным бежать вприпрыжку, словно мальчишка. Последним оказался Ивон — его мало волновало богатство.

Первые добрались до места за полчаса. Замыкающим потребовался целый час.

Наконец все собрались, обливаясь потом и еле переводя дух. Хуже всех, пожалуй, чувствовал себя Обертен.

Когда Синий человек показался из леса, его встретили крики ликования.

Казалось, люди сошли с ума. Они безумствовали, вопили что есть мочи и прыгали, словно обезьяны. Все были охвачены каким-то неистовым весельем, бешеной радостью. Можно подумать, с ними случилась горячка. Да так это и было на самом деле. Моряков била лихорадка — золотая лихорадка. Они ничего не видели, ничего не слышали и только без конца твердили охрипшими голосами:

— Сокровища!.. Сокровища!..

Нет, это не был клад, спрятанный некогда Синим человеком и его товарищами. Он безвозвратно исчез. Но то, что увидели моряки, превосходило самые смелые ожидания. Стоило раз-другой копнуть лопатой, как в глаза брызнул слепящий золотой блеск.

— Индеец сказал правду, хозяин! — крикнул Ларош. Голос его трудно было узнать. — Вот она — кубышка! Смотрите, капитан! Беник, взгляни только на это чудо! А ты, Жан-Мари!.. Почему же вы молчите? Скажите что-нибудь, засмейтесь! Радуйтесь же, черт вас побери! Пойте, ликуйте, скачите от счастья! Это золото!.. Золото!

И все снова стали бесноваться и кричать не своими голосами:

— Золото! Золото! Золото!

Сомнений не было. Взрыв поднял пласт земли, под

которым оказалось богатое месторождение. Как говорят настоящие старатели *, — жила.

Золотые блески ярко горели. Из-за них даже не было видно песка. Неопытный в таких делах человек и тот сказал бы с уверенностью, что драгоценного металла здесь в два раза больше, чем грунта.

Подобного никто еще не видывал и не слыхивал. Профессионал сразу объяснил бы, каким образом в этом месте скопилось столько золота.

Долгие годы породу вымывало водой, то и дело наполнявшей грот. Это можно было увидеть и невооруженным глазом — стены изъедены трещинами и углублениями. Только воде под силу сделать такое. Заполнявшие грот грунтовые воды, чья скорость, вероятно, очень велика, захватывали с собой золотые песчинки. Влага впитывалась в почву, служившую своеобразным фильтром **, золото оставалось на поверхности, смешавшись с песком и гравием. И так происходило на протяжении, быть может, десятков, а то и сотен лет.

Со временем грунтовые воды иссякли. То ли испарение было тому причиной, то ли смещение подземных пластов, но только водяной поток совсем истощился. Время шло, и золотая жила покрылась слоем гравия, песка, разных обломков и всякой всячины. Так бы и осталась она скрытой от человеческих глаз, не случись взрыва.

Такова, во всяком случае, наиболее правдоподобная версия. Окажись золото на поверхности, оно не ускользнуло бы от алчного взора солдат, которые по два раза в день навещали Генипу и буквально попирали ногами несметные сокровища. Не заметили они их и когда замуровывали вход в пещеру.

Сильный взрыв сместил породу и оголил золотой слой.

Если вдуматься, нет ничего удивительного в том, как отреагировали матросы на увиденное. Их ослепило сверкание, которое, пожалуй, затмило бы и солнечное сияние. Почему они не заметили золота раньше, как только выбрались из заточения? Это объяснить просто. Люди, долгое время находившиеся в кромешной тьме, не сразу ориентируются, выйдя на волю в яркий солнечный день. Они смотрели не под ноги, а на голубое небо. К тому же очень торопились добраться до золотого поля и готовились встретиться там со смертельным врагом.

* Старатели — индивидуальные или собранные в бригаду добытчики золота.

** Фильтр — приспособление для очищения жидкости путем процеживания.

Вспомним, Генипа вышел из грота последним. Менее впечатлительный, чем его товарищи, и куда более рассудительный, он, по несчастью, привыкший быть готовым к любым неожиданностям и превратностям судьбы, конечно, сразу заметил золото. Можно даже предположить, что к этому времени краснокожий уже достаточно хорошо понимал, какова ценность желтой земли, зная, с каким упорством и рвением белые люди добывали ее. Но что ему, сыну природы, до этих богатств? У вождя на уме было совсем иное.

...Придя в себя, моряки принялись собирать золотые камешки, на которых играло и переливалось солнце.

Внезапно их энтузиазм исчез. Причиной тому был Синий человек.

— Послушайте, друзья мои, какого черта вы здесь делаете? — сказал он, вытирая вспотевшее лицо.

Этот неожиданный вопрос показался всем весьма странным. Уж не спятил ли часом их хозяин. А вдруг у него солнечный удар?..

— Матерь Божья! Мы собираем денежки, обеспечиваем себе неплохой доход на всю оставшуюся жизнь, — ответил Беник.

— Все это, простите за вульгарность, коту под хвост, — заявил Феликс.

— То есть вы хотите сказать, хозяин, что мы работаем впустую?

— Абсолютно впустую, во всяком случае в данный момент. Вы только перекладываете золото с места на место, отделяете от гравия и песка...

— Конечно, так мы и делаем. По-вашему, лучше оставить все это богатство в куче пыли?

— Но, дорогие мои, это же несерьезно. Судите сами: как вы собираетесь транспортировать металл?

— Проклятье!

— А ведь вы правы!

— У нас нет ящиков!

— Ни корзин!

— Ни тачек!

— Ни бочек!

— Ни сундука!

— Ровным счетом ничего!

Каждый механически произносил новое название, перечисляя нужные предметы, и это было забавно и грустно одновременно.

Полые * бамбуковые палки... Об этом нечего и думать. Они хороши для очищенного от примесей золота. К тому же их бы понадобилось огромное количество.

Смастерить ящики? Но нет инструментов для того, чтобы сбивать планки.

Сшить сумки из брюк и курток? Остаться в чем мать родила, забыв о палящем солнце и стыде? Да и ткань не выдержит большого веса.

Проблема, поднятая бакалейщиком, оказалась самой важной и определяющей. Новоявленные старатели как-то сразу сникли, мигом позабыв о золотой лихорадке.

Должен быть выход. Подумаем, поищем. Такие молодцы найдут решение.

Но напрасно зывали они к своему жизненному опыту, напрасно пытались придумать что-нибудь. В жизни этим людям приходилось выкручиваться из самых невероятных переделок. Но сейчас ум отказывался подчиниться.

В головах рождались невообразимые планы, но ничего реального, ничего, что можно было бы осуществить.

Даже марселец не придумал ничего лучше, как предложить наполнить золотым песком оставшиеся пустые гильзы, которые в изобилии валялись в пещере.

— Да ты с ума сошел, бедняжка мой, — улыбнулся рулевой. — Спасибо, если в трех тысячах гильз поместится золота хотя бы на сто кило.

— Сто кило — это не так плохо!

— Но там ведь половина песка!

— Значит, пятьдесят кило золота... Я бы остался доволен и этим.

— Пятьдесят килограммов чистого золота, друг мой, — прервал его Обертен, — не дадут вам и ста пятидесяти тысяч франков. А здесь миллионы!

— Однако богатство слишком много весит.

— Для того, чтобы иметь миллион, нужно приблизительно сто триста тридцать три килограмма золота.

— Надо же! А я-то думал, что преспокойно смогу унести в руках золота на миллион франков.

— Как видите, вы просчитались.

— В таком случае признаю, что выдумка с гильзами — глупость. Но можно же использовать бамбук, как тут уже кто-то предлагал.

* П о л ы й — пустой внутри.

— Это, без сомнений, удобнее! Но представьте себе, какая это адская работа!

— Значит, надо придумать что-то иное,— вступил в разговор Жан-Мари. До сих пор он не вмешивался, а лишь шептался о чем-то с Ивоном.

— Ну так придумай!

— Кое-что у меня есть.

— Не может быть! — в один голос закричали моряки и обступили его.

— Вот послушайте! Как справедливо заметил месье Феликс, бамбуковые палки мы использовать не можем. Это все равно, что мертвому припарки. Но вы забываете, что бывают деревья, у которых ствол абсолютно полый сверху до низу, как печная труба. Кора у них при этом очень плотная и прочная. Другими словами, я хочу сказать, что в нашем распоряжении могут оказаться великолепные вместилища для золота.

— Но где же они?

— Черт возьми! Мой топор достаточно острый, и мне не терпится превратиться в дровосека! Работы тут хоть отбавляй. Извольте! Покажу вам один из таких резервуаров. А там уж не ленись!

Сказав так, Жан-Мари взял топор и отошел метров на сто. Он остановился около живописного, не очень большого дерева с тоненьким, прямым, беловатым стволом, похожим на березовый, и красивой, кудрявой, зеленой кроной. Вернее, зеленые листочки были только сверху, а нижняя часть отливала серебром.

Бретонец аккуратно подрубил дерево под корень, потом обхватил его руками и начал раскачивать что есть силы. Борьба продолжалась недолго. В конце концов дерево с треском повалилось на землю.

Матросы расхватили кто топор, кто кирку, кто лопату и бросились на помощь бывшему сержанту.

Когда Жану-Мари удалось повалить первое дерево, по лесу разнеслось зычное «ура». Матрос тем временем отпилил от целого ствола бревно длиной метров в десять.

— Прекрасно! Ну как, ребята, нравится вам моя затея? Это полое бревнышко, пожалуй, будет лучше, чем сотни патронных гильз! Эй, марселец, радость моя! Разве я не прав?

— Да что уж говорить! Эта штука похожа на голенище от сапога...

— Нет, она напоминает пустой рукав...

— Или телескоп *...

— Стальную опору...

— Она похожа на то, что нам и нужно: полая — прячь что хочешь, к тому же водонепроницаемая.

— Так что же, херувимы ** мои! Обещал я вам, что будут ящички? Вот вам и тара! Сделаем хотя бы двенадцать бревен такого размера, и мы наполним их грунтом, заткнув с обеих сторон тряпками, как пушечное дуло.

— Правильно! Верно! Здорово придумано, Жан-Мари! Сразу видно, что ты настоящий матрос! Голова у тебя работает что надо!

— Однако обрати внимание, Артур: эта деревянная штуковина, наполненная золотым песком, станет очень тяжелой.

— Согласен! Чтобы ее перенести, понадобится, по крайней мере, шестеро человек.

— А куда перенести?

— До того места, где мы оставили шаланду.

— Шесть дней!

— Ничего не поделаешь, дружище! Без труда не выловить и рыбки из пруда! Если вес бревен будет триста кило...

— Столько весит миллион! Половину положим на шлак, не меньше.

— Да! Стало быть, пятьсот тысяч франков!

— Пятьсот тысяч франков, шесть дней, шестеро мужчин... Получается приблизительно четырнадцать тысяч франков в день на человека...

— Дьявол!

— Вот и я думаю: неужели среди нас найдется хоть один, кого испугает такая работенка. Неужели кто-нибудь побоится попотеть, чтобы получить неплохой куш? Мы и не такое выделывали.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что тут дела-то всего — три-четыре ходки.

— Двенадцать дней туда и обратно.

— Но ведь мы за один раз сможем перенести целых два бревна... Во всяком случае, думаю, не пожалеем времени. Не так ли, друзья?

— Вот если бы еще отыскать индейцев нам в помощь!

— Посмотрим! Может быть, и повезет. Однако пока нужно положиться лишь на самих себя. За работу!

* Телескоп — оптический прибор для рассматривания небесных светил.

** Херувим — в христианской религии высший ангел.

ГЛАВА 13

Дерево-пушка.— Чего только из него не сделаешь.— Болезнь Синего человека.— Ожидание.— Испуг.— Генипа!— Как провел время Знаток куфаре.— Курс лечения.— Талисман.— Из змеиного желудка.— Суд Генипы.— Уши управляющего.— Феликс отправляется в путь в гамаке.

— Жан-Мари, послушай-ка, это дерево для всего годится, не так ли?

— Да, рулевой! Из него можно сделать много всякой всячины, не считая того, что мы сейчас мастерим.

— А как оно называется?

— Дерево-пушка или дерево-труба. Это из-за полого ствола. А еще его называют ярума, кубеким, амбауба, уракузека...

— Мне больше по душе дерево-пушка.

— Это уж как тебе нравится, матрос. Ты спросил, для чего оно используется. В колониях из него делают водопроводные и водосточные трубы, на сахарных заводах — трубы, по которым стекает сок из тростника. Дикари, у которых нет спичек, добывают с его помощью огонь. Это обычный их способ — трением. Сок этого дерева обладает лечебными свойствами. Говорят, он излечивает дизентерию и заживляет раны. А еще считается, что он останавливает кровь.

— А что еще?

— Ей-богу, думаю, это все. Разве мало?

— Да-а! Для одного растения более чем достаточно.

— Здорово ты придумал, матрос, смастерить из него ящики... Если их можно так назвать, конечно. Однако это не имеет значения. Главное, в них удобно переносить желтую землю. Дерево-пушка... Вот уж истинно. Артиллерия по первому классу. Я бы хотел всю жизнь оставаться при нашей батарее...

— У тебя губа не дура! * Никто не откажется от такой пушечки, в дуле которой полно золотого песка!

— Беда в том, что каждому достанется, наверное, немного, хватит на пару безделушек...

— Ушам не верю! Артур, неужели это ты говоришь? Мы еще и не начинали работать, а ты уже сдаешься? Этого я от тебя не ждал. От кого угодно, но только не от тебя!

* У тебя губа не дура — т. е. ты помнишь о своей выгоде.

— Не беспокойся, матрос! Я в порядке.

— Ну так за работу!

— Мне всего лишь хотелось сказать, что нам придется здорово попотеть, пока отыщем шаланду.

— Ничего! Зато когда мы наконец покинем эту дикую страну и отправимся к цивилизованным людям, ты забудешь о том, как было тяжело, как все время хотелось пить...

— Да, хочется пить, Жан-Мари. Жажда такая, будто я нахожусь возле топки в кочегарке.

— К сожалению, здесь нет чистой воды.

— Поэтому давай поскорее убираться отсюда...

— Мне тоже не очень-то хочется задерживаться здесь. Надо сматываться, а то как бы чего не вышло.

— Ты говоришь о хозяине?

— Именно о нем. Тебе не кажется, что ему совсем худо?

— Думаешь, дело плохо?..

— А ты разве не видишь, как он страдает, хоть и старается не показать виду. Стоит пройти сто шагов, как силы оставляют беднягу, он задыхается, да так, что кажется, вот-вот Богу душу отдаст. Есть стал очень мало. Это он-то, который всегда отличался звериным аппетитом! К тому же у него лихорадка, без конца пьет и пьет... Не далее как вчера я заметил, что у него ужасно отекли ноги. Он даже не может зашнуровать ботинки.

— Да, дело дрянь! Какое несчастье! И с таким достойным человеком!..

— Феликс наш друг, мой, Беника и Ивона. Понимаешь, Артур? Для сухопутного у него необыкновенно доброе и открытое сердце, он смел и вынослив, как настоящий матрос. Видишь, Беник становится все грустнее и грустнее. Ходит темнее тучи. А вчера ночью Ивон плакал. Бедный малыш. Как только он заметил, что я не сплю, разрыдался в голос и закричал: «Жан-Мари!.. Жан-Мари!.. Я боюсь, что он умрет».

— Он не сможет идти с нами дальше.

— Тогда мы его понесем.

— Согласен.

— Хорошо бы уговорить его побыстрее отчалить отсюда. Но это невозможно. Он хочет, чтобы мы во что бы то ни стало добыли себе вдоволь золота. Не надо быть врачом, чтобы увидеть, как губителен для него здешний климат. Он угасает с каждым днем.

— Чертова болезнь!.. Странная какая-то.

— Доктор сказал, что такое случается редко... Это из-за

сильного потрясения. Что-то произошло в крови. Ему необходим покой, прохлада, лекарства, режим и никаких волнений. Я готов сквозь землю провалиться, когда вижу, как ради нас он губит себя, жизнью платит за то, чтобы у нас в карманах звенело золото. Господи! Больше денег, меньше — разве в этом счастье!

— Нужно поторопиться, скорее добраться до корабля. Шесть дней — это слишком долго. Шесть человек на одно бревно — тоже много. Будь моя воля, я бы решил, что достаточно и половины.

— Спасибо, рулевой. У тебя доброе сердце.

— Ладно! Дело не во мне. Каждый из нас готов сделать все что угодно, только бы нашему хозяину стало лучше.

— Не сомневаюсь в этом. Но посуди сам. Мы отправили первую партию. Уже прошло много времени, а они все не возвращаются.

— Сегодня как раз десять дней...

— Только десять! Надо бы поторопиться, поднатужиться. А то прокопшимся здесь еще целых пять недель. А что будет потом? Боже! Мне страшно думать об этом.

Из этого разговора читатель может понять, что на новом месторождении все обстояло и хорошо и худо. Генипа преподнес друзьям щедрый подарок, а сам ушел, покинул их, влекомый одной страстью, одним стремлением — мстью.

Работа спорилась благодаря изобретению Жана-Мари.

С первого же дня моряки с энтузиазмом взялись за дело. Выбрали самые крепкие и ровные деревья из тех, что росли неподалеку. Срубили их и распилили стволы. Из обрубков смастерили большие пробки, похожие на те, которыми заткают пушечные жерла. Получившиеся резервуары наполнили золотым песком.

Чтобы упростить операцию, решили вырыть в земле длинную траншею. Бревна укладывали туда так, что они оказывались в наклонном положении.

Теперь не надо ни трясти бревно, ни проталкивать песок внутрь чем-то длинным. Он сам сыпался вниз и быстро заполнял весь объем.

Таким образом, чтобы заполнить первое бревно, хватило одного часа. Когда цилиндр наполнился, его герметично закупорили.

Готово!

К вечеру следующего дня были готовы уже семь емкостей. Работали не покладая рук.

Решили, что первый отряд отправится немедленно. Участников первого похода отобрали по жребию. Идти выпало механику Леонеку, Роберу, Джиму-американцу, марсельцу Мариусу, Бертрану из Нормандии и Лефору из Луизианы.

Те, кому жребий не выпал, должны были оставаться на прииске. Во-первых, состояние Синего человека не позволяло бросить его одного, необходим был уход, а во-вторых, кто-то должен сторожить обнаруженное золото.

Шестеро мужчин взвалили на плечи груз и направились в сторону Токантинс. Им поручили подыскать нескольких индейцев-носильщиков.

Прошло десять дней.

По самому строгому подсчету на дорогу в оба конца понадобится не меньше двенадцати суток. И это в том случае, если в дороге не произойдет ничего неожиданного. Никто не мог также в точности сказать, сколь утомителен будет этот переход. Быть может, моряки так устанут, что путешествие растянется надолго.

Кто знает, что еще может случиться в дороге!

К несчастью, усталость, непрерывные волнения и тяжелый климат сделали свое дело. Состояние Феликса все ухудшалось. И если у самого Обертена оставались хоть какие-то иллюзии на счет собственного здоровья, то друзья смотрели на ситуацию трезво и понимали, насколько она серьезна, если не сказать безнадежна.

Перед ними были несметные богатства, сулившие роскошную жизнь. Но ничто не радовало. Хозяин слабел изо дня на день.

Поговорив с рулевым, Жан-Мари впал в обыкновенную для него задумчивость. Его мучила одна мысль — как спасти, как оградить больного от губительного климата. Погрузившись в размышления, отставной сержант не сразу заметил Беника. Тот недавно отправился за дикими ананасами, с некоторых пор эти ароматные, сочные плоды составляли единственную пищу Феликса, и теперь возвратился, держа в руках фрукты. Когда Жан-Мари поднял глаза, то сначала даже вскрикнул: «Берегись!» Беника окружали какие-то люди. Через минуту, однако, матрос успокоился. Страх сменился удивлением, а затем и радостью.

— Генипа!.. Неужели это ты?

— Я, Жамали! Здравствуй, друг.

— Здравствуй, здравствуй, приятель! Послушай-ка, ес-

ли не ошибаюсь, ты привел с собой наших старых друзей! Это паталосы?

— Паталосы! — отвечал Знаток кураре.

— Да откуда вас черт принес?

— Нас встретил Беник. Он собирал ананасы.

— Вот уж попали так попали! В самое время! — Жан-Мари пожимал руки всем по очереди.

Генипа привел с собой человек двадцать пять — тридцать индейцев.

— Но почему среди них нет вождя?

— Я вождь.

— О! Прими мои поздравления! А где же тот, Синий человек номер два?

— Он умер.

— Ах, умер? Бедняга!

— Да! Это я его убил, — спокойно ответил Генипа.

— Что ты говоришь? Как убил?..

— Очень просто. Убил, и все.

— Но за что?

— Он предатель.

— Предатель?.. А кого же он предал? Бьюсь об заклад, это он рассказал управляющему о нашей тайне.

— Да.

— А что стало с управляющим?

Знаток кураре тихо засмеялся, ничего не ответил, и в свою очередь сам задал вопрос:

— Могу я видеть Синего человека?

— Он очень болен. Смотри! Вон там, в гамаке под навесом. С ним сейчас Ивон.

Услышав, что Лазурный Бог болен, Генипа сорвался с места и кинулся к гамаку, где метался в лихорадке его друг.

При неожиданном появлении индейца юнга радостно вскрикнул и протянул к нему руки.

Услышав шум, полусонный Феликс приоткрыл глаза, поднял голову и, узнав вождя, улыбнулся.

— А! Хозяин, — сказал Знаток кураре, — я пришел вовремя. Ты еще жив.

— Но, дорогой мой, я вовсе и не собирался умирать, хотя климат в твоей чертовой стране действительно для меня не годится.

— Страна не виновата. Не она сделала тебя больным.

— А кто же, по-твоему?

— Бледнолицый, злой бледнолицый. Он околдовал тебя.

— Какой еще бледнолицый? О чем ты?

— Управляющий... враг... вор... Но будь спокоен! Я за тебя отомстил...

— Каким образом? — спросил парижанин, невольно улыбаясь наивности краснокожего.

— Увидишь. Я принес тебе талисман *. Это всемогущий талисман.

— Дорогой мой, смелый, отважный Генипа! Ты самый добрый из всех, кого знаю. Когда ты так внезапно покинул нас, я думал, что никогда больше тебя не увижу. Ты себе представить не можешь, какая радость для меня твое возвращение!

Знаток кураре был невыразимо счастлив и горд. Сам Синий человек говорил ему такие слова. Генипа подал знак одному из паталосов, по-прежнему толпившихся вокруг Беника.

Индеец быстро подошел к вождю, стараясь удерживать равновесие. Это было не просто, ибо на голове он нес одну из тех огромных плетеных корзин, которые в этих местах называют пагара.

Носильщик торжественно вручил корзину Генипе, который открыл ее и вынул оттуда завязанный веревочкой пакет.

Внутри первого пакета, помятого и уже вскрытого кем-то, оказался второй, точь-в-точь такой же, за ним третий, потом четвертый.

— Ох! Ох! — успевал только охать бакалейщик. — Там должно быть нечто очень серьезное, если вы завернули его в четыре слоя.

Индеец не отреагировал на шутку. У него был вид человека, хорошо знающего, что ему надлежит делать. Наконец он добрался до пятого конверта, обвязанного, как и все предыдущие, веревочкой, развернул его, разгладил и поднес к глазам больного. Тот был заинтригован, однако относился ко всему скептически **. Так часто бывает, когда не знаешь, с чем имеешь дело.

Феликс увидел маленький голубой камешек неправильной формы, но гладко отшлифованный, затем голубоватый лоскутик, с виду напоминающий пергамент, и два белых кусочка странного оттенка, округлой формы, с неровными углублениями.

* Т а л и с м а н — предмет, который, по суеверным понятиям, приносит счастье, удачу.

** С к е п т и ч е с к и — недоверчиво.

— Это лекарства, не правда ли? — спросил Обертен, стараясь говорить так, как обычно говорят с ребенком, не желая оскорбить его наивную серьезность.

— Это всемогущий талисман. Он вылечит тебя, — последовал таинственный ответ.

— Его надо съесть или просто носить с собой?

— Ты повесишь его на шею вот в этом мешочке.

— Он поможет мне снова стать белым?.. И лихорадка пройдет?.. И я не буду больше дышать так тяжело, как будто бы бежал целый час?

— Обещаю тебе это!

— Ну что ж! Хорошо бы. Но можешь ты мне, по крайней мере, сказать, что это такое?

— Конечно! Смотри.

— Черт возьми! — Парижанин покривился. — Какой отвратительный запах...

— Этот голубой камень я достал из желудка змеи.

— Неужели! Здорово... Такое и вправду попадаетеся в змеиных желудках?

— Знаток кураре никогда не лжет.

— Но эта змея, должно быть, очень ядовита. Ты рисковал. Ведь она могла укусить тебя.

— Меня не берет змеиный яд.

— Ах да! Ты как-то рассказывал мне об этом. А что это за кожа, чья она? Не могу понять, какому животному она принадлежит.

— Кожа... Я срезал ее со щеки второго Синего человека, вождя паталосов.

— Господи! — в испуге вскричал Феликс. — Ты говоришь о Синем человеке? Что это значит?

— Вождь паталосов предал! Он открыл белым тайну желтой земли. Я убил его.

— Боже мой! Что за ужасы ты рассказываешь!

— Так оно и было. Он предал, а я его убил.

— Но это отвратительно!..

— предавать тебя? — спросил краснокожий с невероятным простодушием.

— Да нет, убивать отвратительно...

— Хозяин! Ты болен и не знаешь, что говоришь. Ты спрашивал меня, хотел знать. Так вот, что касается этих двух ушей...

— Как? Теперь еще и уши?..

— Да! Они принадлежали врагу, бледнолицему, который обокрал тебя.

— Управляющему? Ты и его убил?

— Конечно! Убил отравленной стрелой. Я же поклялся. Он вел своих людей, а я спрятался в лесу. Когда он проходил мимо, я выстрелил... Стрела попала в шею. Бледнолицый сказал: «Ах!» — и умер. Я правду говорю. Через пять минут он уже окоченел и стал твердым, как кусок железного дерева. Его люди оставили труп и убежали. Тогда я отрубил голову и отрезал уши, чтобы сделать из них талисман. Потом ушел, а тело оставил. Думаю, что маниоковые муравьи съели его до косточек в тот же день. Когда я вернулся на золотое поле, то нашел там паталосов. Они были счастливы, что чернокожие наконец ушли. Паталосы пили и плясали от радости. Вождь выпил слишком много и стал совсем пьяным. Тогда-то он и рассказал, что выдал тайну желтой земли. Я убил его одним ударом, а паталосы съели. Теперь я их вождь, потому что я — Знаток кураре. Они выполняют все, чего только ты не пожелаешь. Ведь я твой друг, а они слушаются меня.

Феликс не находил слов. Он был вне себя, тяжело дышал, так поразил его не столько рассказ вождя, сколько невозмутимый, будничныи тон, каким он все выкладывал.

Индеец воспринял молчание как высшую похвалу. Он чрезвычайно гордился своими подвигами во имя Лазурного Бога.

Генипа аккуратно собрал и положил в мешочек содержимое пакета и хотел было повесить на шею Феликсу. Однако больной наотрез отказался и оттолкнул протянутую руку. Понятно, что его пробирала дрожь от одной мысли об этом отвратительном талисмане.

По-прежнему невозмутимый, Знаток кураре бережно сложил все обратно в пакет, затем в другой, в третий, в четвертый... Так же спокойно упрятал в корзину.

Он не пытался уговорить, переубедить Синего человека, только произнес тем тоном, которым опытный врач пытается урезонить тяжело больного, чтобы не раздражать его:

— Ты прав, друг... Позже, потом... Ты сам попросишь...

— Никогда! Слышишь? Никогда!

— В тебе говорит лихорадка. Это не Синий человек говорит, а твоя болезнь. Знаток кураре не будет настаивать. Позже... Потом...

Беника и Жана-Мари взволновало выражение лица Феликса, и они подошли ближе.

— Что за мерзости ты рассказываешь хозяину? Как

тебе удалось довести его до такого состояния? — спросил Жан-Мари.

— Я только хочу вылечить его, а он отказывается.

— Помоги-ка нам лучше перенести его на берег То-кантинс.

— Хорошо.

— Паталосы до сих пор так привязаны к нам, что согласились помочь дотащить эти деревяшки, в которых мы упрятали золотой песок.

— Да. Я согласен.

— Дней через пять-шесть, надеюсь, будем уже на борту. Нас там ждут.

— Да.

— Ты, как всегда, не слишком разговорчив. Но говоришь то, что нужно. Когда думаешь отправляться?

— Сейчас.

— Тогда в путь! Чем скорее, тем лучше. Здесь нам как-то не по себе.

Вождь отдал своим людям необходимые распоряжения. Сам Знатор кураре срезал гибкую, упругую и очень длинную хворостину, очистил ее от веток, проверил на крепость и повесил на нее гамак.

Затем вновь крикнул что-то паталосам, те не заставили себя долго ждать, с готовностью взвалили на плечи наполненные золотом стволы.

Генипа обратился к Бенику:

— Показывай дорогу.

Индейцы, согнувшиеся под тяжестью ноши, тронулись в путь следом за боцманом.

— Теперь — Синий человек!

Со всевозможными предосторожностями Феликса переложили из его гамака в тот, что приготовил Знатор кураре. Двое краснокожих взяли за оба конца длинной палки, подняли гамак и побрели вслед за своими сородичами. Те шли в ногу и, несмотря на тяжелый груз, довольно быстро. Вскоре они почти исчезли из виду.

Вдруг Генипа окликнул соплеменников. Сорвав большой банановый лист, нанизал его на палку так, что получился навес.

— Вперед!

Изобретение вождя, простое, как все гениальное, защитило больного от палящих лучей солнца. Он улегся поудобнее, и вскоре мерное покачивание усыпило его.

Но Генипе этого показалось мало. Добрый индеец не на

шутку привязался к парижанину и готов был сделать для него все что угодно. Сорвав пальмовый листок, Знатор кураре пошел рядом с носильщиками гамака. В этих местах слишком много надоедливой мошкеры.

Всю дорогу Генипа будет зорко охранять покой Лазурного Бога, отгоняя мошек.

Замыкали процессию европейцы. Неожиданный поворот событий слегка выбил их из колеи. Но они были рады покинуть проклятое место.

ГЛАВА 14

Болен! — Смена династии. — Политика и каннибализм. — Долгое отсутствие. — Птица-пересмешник. — Таинственный сигнал. — Связаны. — Под лезвием ножа. — Бойня. — Дело сделано. — Синий человек будет доволен. — Марселец рассказывает. — Шестеро матросов попали в переделку. — Токантинс. — Расставание. — Путь на родину.

Как верно заметил Жан-Мари, Генипа и впрямь стал для Синего человека и для всех них посланцем неба.

Действительно, что стало бы с этими смелыми, энергичными, но не знакомыми со здешними местами и обычаями людьми, не окажись тут Знатока кураре, не появляясь он рядом в самые тяжелые и безнадежные минуты.

Любого из этих бравых парней, не говоря уж о бакалейщике, в дрожь кидало от одной мысли об этом.

С тех пор, как индейский вождь снова был с ними, никто уже не вспоминал о недавних тяготах и горестях. Такова человеческая натура. Дурное быстро забывается. Теперь все мысли о радостном возвращении на корабль.

Дорога не утомляла, ведь львиную долю тяжести взяли на себя паталосы. Они бодро шагали по пыльной тропе, как будто слившись со своей ношей и не горбясь под ее тяжестью.

Хотя европейцам осталось нести только оружие и кое-что из провианта, они едва успевали за туземцами.

Солнце, как всегда, нещадно палило, люди обливались потом, мучились от невыносимой жажды и не могли взять в толк, как удастся краснокожим идти легким шагом, словно гуляючи, будто и нет у них на плечах огромных, невероятной тяжести бревен. Индейцы ни разу не остановились,

чтобы попить из ручья. Но что самое поразительное, на них не было видно ни капельки пота.

Синий человек, покачиваясь в такт шагам, мирно спал в тени бананового зонтика.

Среди дня, когда солнце и впрямь становилось беспощадным, делали остановку. После легкого обеда все крепко засыпали. Через три часа поднимались и вновь отправлялись в путь, ни на шаг не отклоняясь от еще свежего следа, оставленного первым отрядом.

Когда наступал вечер, наскоро разбивали лагерь. Вот уж воистину: возможности человеческие неисчерпаемы! Вместо того чтобы замертво повалиться на землю и тут же уснуть, паталосы уходили на охоту. Час спустя они возвращались с добычей.

Недалеко от ручья разводили костер, готовили пищу и не спеша разбредались по своим местам. Лежа в гамаке, приятно ощущать тяжесть в желудке и смотреть на звезды, пока сон не сомкнет глаз.

Кроме всех своих достоинств, Генипа еще и прекрасно готовил. У путешественников не было соли, но зато он приправлял кушанья экзотическими * пряностями, так что самый изощренный гурман не придрался бы. Для белых друзей вождь старался особенно и всякий раз снова и снова удивлял их. Одна мысль о том, что на этот раз приготовит вкусный повар, разжигала зверский аппетит.

И только Феликс ел очень мало. Знатоку кураре еле-еле удавалось убедить его проглотить хоть несколько ложек рагу. Лихорадка терзала Обертена и лишала аппетита. У Генипы и на этот случай было средство. Он знал какую-то травку, которая увеличивала аппетит. После каждого ужина ему всеми правдами и неправдами приходилось уговаривать друга выпить лекарство, очень горькое, но, по утверждению Генипы, эффективное.

— Пожалуйста, выпей. И завтра сможешь съесть побольше.

И больной с трудом выпивал все до дна, к радости туземного лекаря. В эти минуты обычно невозмутимое лицо индейца озаряла загадочная улыбка.

Коротая время, болтали о разном, обсуждали происшествия, даже пели иногда, к величайшей радости паталосов. Особенным успехом у них пользовался рулевой.

Артур Ларош помнил все модные песенки, какие только

* Экзотический — причудливый, диковинный.

приходилось слышать в разных концах света, не говоря уже о репертуаре парижских театров. Не было ничего смешнее, чем разительный контраст * между опереточными руладами **, которые мастерски выводил помощник механика, и его зрителями. Индейцы стояли неподвижно, их загорелые тела напоминали медные статуи. Слушали они, открыв рот и хлопая глазами.

Француз самозабвенно пел, и ночные звуки леса вторили ему. Ни одному, пусть самому искусному, художнику не под силу создать столь пленительную декорацию: сумерки, опушка леса и искры догорающего костра.

Пока пение продолжалось, все молчали и слушали, но стоило исполнителю умолкнуть, тотчас же начался негромкий разговор о том о сем.

Жан-Мари рассказал о гибели управляющего и о том, что Генипа теперь вождь паталосов. Артур знал об управляющем и о его жестокости лишь понаслышке. Рассказ о кровавой мести поразил его. Молодой человек вообще был в душе романтиком и обожал необыкновенные истории.

— Так ты говоришь,— переспросил он,— что эти молодцы съели своего бывшего вождя?

— Представь себе! Сожрали, как жирного борова.

— Я, конечно, не вмешиваюсь, но не могу не сказать, что у наших симпатичных друзей очень уж своеобразный взгляд на политику.

— А ты это называешь политикой?

— Ну, а как же? Смена династий ***. Одного монарха свергли. Трон захватил другой. Как еще назвать такое событие? Конечно же это политика.

— Наверное, ты прав.

— Только политические процессы у них протекают, как бы это помягче выразиться, не совсем обычно. Хотя это дело привычки и нравов местных жителей. Однако мне все-таки кажется, что с людоедством необходимо все же бороться... А ты как думаешь?

— Я? Да я привык. За десять лет столько всего навидался!

— Скажи, а их много еще в этой стране?

— Любоедов?

* Контраст — резкая противоположность.

** Рулады — быстрое, раскатистое пение.

*** Династия — монарх одного рода, сменяющие друг друга на троне по праву наследования.

— Да.

— Как тебе сказать... По-разному. Никогда нельзя быть на сто процентов уверенным в индейцах.

— Не может быть!

— Точно. Рядом с ними можно прожить долгие месяцы и не подозревать, кто они. И в голову не придет, что у них такие своеобразные вкусы.

— Гастрономы...

— Если угодно, да — гастрономы. Живешь себе, живешь. Вдруг, в один прекрасный день, глядь: человек на вертеле.

— В таком случае им может прийти в голову попробовать котлетки и из нашего мяса или приготовить из нас копченый окорок с пряностями. Это уже будет не смешно.

— Не волнуйся! Мы вне опасности, ведь мы их друзья. Они съедают только пленников. Людей другой расы они употребляют лишь в том случае, если убили их за что-то. Понимаешь, должна быть причина.

— Ну что ж! Будем надеяться. Правда...

— Что ты хочешь сказать?

— Да нет, ничего. Просто хочу напомнить тебе, что мы в дороге уже полтора дня, значит, с тех пор как ушли наши, прошло одиннадцать дней. Мы давно уже должны бы встретить их.

— А ведь ты прав!

— Не случилось ли чего? В этих местах живут и другие индейцы, которые нам незнакомы. А что, если наши товарищи встретили их? Эта встреча может плохо кончиться.

— Но они мужчины! Должны же защищаться! Ладно, завтра будет видно. Пока еще можно надеяться, есть время. Давай спать!

На следующий день ничего особенного не произошло. Паталосы хорошо отдохнули и с новыми силами пустились в путь. Феликс провел спокойную ночь, чем, безусловно, был обязан Знатоку кураре и его целительному напитку. Он снова удобно устроился в гамаке. Европейцы, как и накануне, составляли аррьергард *. Процессия двинулась дальше.

Время шло, а отряд, покинувший лагерь две недели назад, все не появлялся. Беспокойство возрастало. О причинах их исчезновения судили, рядили каждый на свой лад, но ничего толком придумать не могли. В конце концов, начали всерьез опасаться за их жизнь.

* Аррьергард — часть войска, высылаемая в сторону противника при отступлении, для прикрытия отхода главных сил.

Миновал еще один день, и опасения превратились в нешуточный страх. Даже заядлые оптимисты понимали, что с их товарищами случилось несчастье.

Между тем Синему человеку становилось лучше. Он был еще слаб, но лихорадка прошла. Феликс с аппетитом съедал все, что готовил для него Знаток кураре, и без разговоров выпивал горькое лекарство.

Через два дня ситуация не изменилась. Им никто не встретился на дороге. Матросы были в отчаянии. По вечерам в лагере уже никто не пел, никто не рассказывал невероятные истории. Безудержная радость в предвкушении встречи сменилась печалью. Генипа видел, как обеспокоены и испуганы его друзья. Он разделял их тревогу и поэтому приказал своим людям идти быстрее. Трудно поверить, но индейцам удалось пройти за два дня путь, рассчитанный, по крайней мере, на трое суток.

Бешеная, безостановочная гонка, казалось, не слишком утомила паталосов. А вот матросы буквально с ног валились от усталости.

На пятый день повеяло свежим ветерком. К тому же местность как-то неуловимо изменилась. Все говорило о том, что Токантинс близко.

Приближалась ночь. Продолжать ли путь, невзирая на кромешную тьму? Или сделать остановку в лесной чаще? Осторожность шептала: остановитесь. Страх подсказывал прямо обратное.

Неутомимый Генипа предложил оптимальное решение, объединяющее несоединимое.

Вооружившись сарбаканом, он в одиночку отправился на разведку. Вернее, вождь был не совсем один. С ним пошел Уаруку. Вот уже несколько суток, как пес томился без дела. Теперь ему суждено было вновь сыграть важную роль в этом путешествии.

Приняли все меры предосторожности. Разожгли костер, разговаривали во весь голос, чтобы слышно было издали. Решили не спать, пока не вернется разведчик.

Всему этому научил Знаток кураре. Отдав последние распоряжения, он бесшумно исчез среди гигантских деревьев. Индеец чувствовал себя здесь так же легко и свободно, как завсегдатай парижских Больших бульваров во время моциона *.

Час прошел в напряженном ожидании. Никто не двинулся с места.

* Моцион — прогулка.

Вдруг в темноте раздался резкий, пронзительный крик, как будто кто-то хохотал. За время своего путешествия моряки много раз слышали этот оглушающий вопль, и поэтому он не показался им странным.

— Гляди-ка! Птица-пересмешник,— процедил сквозь зубы Жан-Мари.

Но паталосы задрожали от страха и разом повскакали с мест, как солдаты, поднятые по тревоге.

Через мгновение они уже готовы были убежать. У всех в руках оказались сарбаканы.

Когда в темноте крик повторился, еще более резкий и пронзительный, дикари, позабыв о своих белых спутниках, словно хищники, бросились сквозь густой кустарник и исчезли из виду.

Невозможно описать ужас, охвативший моряков, наблюдавших странную и неожиданную сцену. Им и в голову не приходило, к чему отнести внезапное бегство. Опасаясь ловушки, подвоха, спешно похватали оружие, отошли метров на пятьдесят от места стоянки и стали ждать развязки.

Вскоре послышался третий, более спокойный и тихий, сигнал. Паталосы хорошо знали его. Это был сигнал сбора. Ориентируясь в темноте словно кошки, они окружили Генипу, у ног которого по-прежнему вился Уаруку.

Вождь, вероятно, быстро бежал, потому что никак не мог отдышаться. Негромким, срывающимся голосом он что-то приказал своим людям. Те поняли и немедленно исполнили, кинувшись бежать бесшумно, но очень быстро.

Ничто не могло остановить их: ни густые ветви, меж которых они пробирались подобно змеям, ни шипы и колючки, от которых они уворачивались так, что те даже и не задевали кожу. Краснокожим не мешали тяжелые сарбаканы, для них не существовало преград, они не спотыкались и не оступались во тьме.

Добежав до границы леса, паталосы скрылись за густой стеной лиан. Впереди, метрах в шестидесяти, пылал гигантский костер. Пламя его озаряло воды Токантинс, бьющиеся о берег.

У костра лежали шестеро связанных полуголых мужчин.

Вокруг извивались в диком, зловещем ритуальном танце пятьдесят индейцев. Один из них, очевидно, колдун, увешанный причудливыми украшениями, испуганно бил в барабан, как во время похода. В движениях дикаря нетрудно было разгадать их ужасный смысл: вначале он будто перерезал жертве горло, а затем съедал ее.

Что-нибудь более мрачное и зловещее трудно было себе представить. Танцоры с ног до головы выкрасились в красный цвет, словно только что выкупались в крови. Отблески костра придавали им устрашающий вид.

В пляске они наклоняли головы то вправо, то влево. То вправо, то влево металась их черные, косматые шевелюры. Одержимые, туземцы швыряли оземь и разбивали вдребезги бутылочные тыквы, распевали во всю глотку свои протяжные песни, прыгали в разные стороны, подходя все ближе и ближе к беззащитным пленникам.

Выстроившись в шеренгу друг за другом, людоеды образовали круг, посреди которого пылал костер и томились жертвы. Круг быстро сужался. Сомнений не было: наступал последний миг жизни несчастных.

Барабан стих, и безумные крики прекратились по сигналу колдуна.

Один из воинов, размахивая саблей, подошел к лежащим на земле людям и схватил за волосы первого попавшегося.

Бедняга принялся изо всех сил кричать и отбиваться, к удовольствию палачей, разразившихся дьявольским смехом.

Но клинок не успел вонзиться в горло обреченного. Внезапно раздался тихий свист, на который поначалу никто даже не обратил внимания, решив, что поет колибри.

Однако в ту же минуту убийца метнулся назад, выпустил из рук жертву и схватился за шею.

Испуганные индейцы сгрудились вокруг него и в ужасе отскочили прочь. Шею пронзила тоненькая, едва заметная щепочка.

Не в силах произнести ни слова, а только охая и стелая, раненый упал, потом вновь поднялся на ноги, опять упал, царапая землю. Тело его дергалось в страшной агонии *.

Его сородичам не надо было объяснять, что произошло. Им слишком хорошо известен яд кураре, который опаснее жала гремучей змеи.

Обезумев от страха, они собрались уже было бежать, забыв об ожидавших своей участи шестерых пленниках. Но колдун все же успел сказать несколько слов, ободрить соплеменников, объяснить, что их много, что они способны дать отпор любой атаке, и не стоит упускать удачу.

Эти слова долетели до спрятавшихся среди кустарника

* А г о н и я — состояние, предшествующее смерти.

паталосов и вызвали лишь холодную улыбку на устах вождя Генипы.

Тем временем колдун, подавая пример, поставил перед собой барабан, созвал воинов, отчитал их за малодушие и, схватив саблю, подошел к связанным.

Авторитет колдуна непререкаем. Колдун — почти бог. Решительные действия подняли дух его воинства. Краснокожие ринулись вперед, размахивая оружием.

Однако путь им вновь преградила таинственная сила, которую они явно недооценили.

Опять послышался тот же свист, только теперь он был громче и настойчивее. Шестеро туземцев схватились за горло, как только что их товарищ, и в страшных судорогах рухнули на землю.

Но этим дело не кончилось. Индейцы оцепенели и несколько секунд стояли недвижимо. И тут из темноты на них обрушился целый град стрел. Каждый из этих смертоносных шипов нашел свою жертву. Ни один не пропал даром. Ничтожная щепочка! Ее укол не всякий и почувствует. Но от нее спасения нет.

Оставшиеся в живых совсем обезумели. Издавая душе-раздирающие вопли, они бросились назад, к костру. Добежав до огня, стали кружиться вокруг, словно дикие звери, загипнотизированные пламенем.

Развязка наступила быстро. Не прошло и тридцати секунд, как сраженные насмерть каннибалы корчились в последних муках в отблесках костра. Еще мгновение — и они навсегда затихли.

Паталосы терпеливо ожидали конца представления. Что сделает Генипа? За последнее время авторитет его сильно возрос. Вождь подал знак, и воины, один за другим, покинули укрытие и подошли к пленникам.

Те не могли поверить своим глазам. Они не понимали, каким образом свершилось это внезапное массовое убийство. Оно показалось им еще более ужасным, потому что все произошло совершенно беззвучно, как во сне. Бедняги в оцепенении наблюдали за паталосами, которые появились из зарослей словно тени.

Первым шел Генипа. Он опустил оружие, наклонился к одному из мужчин и, развязывая ему руки, спокойно произнес:

— Здравствуй, друг.

Пленник оказался марсельцем Мариусом.

В бедном парне ничего не осталось от болтуна-

горожанина. Экскурсия в края каннибалов, видимо, сильно охладила его пыл и поубавила остроумия.

— Индеец!.. Боже мой! Опять индеец!..— вопил он без умолку.

Рассудительный и менее впечатлительный нормандец Бертран, которого Знаток курае тоже успел освободить, узнал его и бросился пожимать руку спасителя, да с такой силой, что у того хрустнули суставы.

— Эй, ты! Простофиля марселец!.. Неужто не узнаешь индейца хозяина?

— Ба! И правда! Дикарь ты мой, дорогой! Отважный мой друг! Мы у тебя в долгу.

Тем временем вождь обошел всех, разрезал веревки и, довольный, пробормотал:

— Синий человек будет рад!

Конечно! Конечно же Синий человек будет рад. Да и не он один. Разве расскажешь, что делается в душе людей, избежавших мучительной смерти?..

Спасенные обступили Генипу, пожимали ему руки, обнимали, целовали, благодарили, словно самого Господа Бога. Индеец совсем смутился и растерялся.

Вскоре, правда, он взял себя в руки, прервал всеобщий благодарный хор и сказал:

— Желтая земля с вами?

— Конечно, там, на берегу. Все в порядке. Этим мерзавцам только и нужно было, что обглодать наши косточки,— ответил механик Леонек, разминая ноги.

— Тогда пошли!

— Идти? Но куда, дружище?

— К Синему человеку.

— Но он очень далеко отсюда.

— Нет! Мы пришли по вашим следам.

— Так пойдем скорее! Что до меня, то мне и секунды неохота оставаться на этой милой стояночке. А как вы, матросы?

— Да уж! Черт побери! — ответили все разом.

— Проклятая желтая земля! Ей хоть бы хны. Что ей сделается. А меня до сих пор трясет и в дрожь кидает.

Вслушав признание марсельца, все отправились в путь. Сначала шли медленно, ноги затекли, и не просто было заставить их вновь подчиняться. Идти пришлось недолго. Скоро показался лагерь. Еще немного — и они окажутся среди своих и станут наперебой рассказывать о недавнем жутком происшествии.

Чтобы избежать недоразумений, Генипа возглавил процессию, а матросов оставил с паталосами. Последние молча выполнили все приказания вождя, но видно было, что они неохотно покинули поле боя.

Жаль было оставлять посреди леса такую добрую добычу.

Вскоре Знатока кураре окликнули. Он ответил. На знакомый голос вышли до смерти перепуганные, утомленные ожиданием люди.

Индеец, как всегда сдержанно, начал рассказывать о происшедшем. В это время моряки уже подходили к лагерю. Услышав голос Обертена, они бросились вперегонки и принялись кричать как ошпаренные:

— Хозяин! Это мы!

— Ну и приключения! Черт возьми!

— Убей меня Бог! Еще немного, и нас бы съели!

— Проклятье! На вертел... Всех на вертел... И уже почти поджарили! Хозяин!.. Индейцы... Людоеды... Больше пятисот!

— Поверьте мне! Еще немного, и от нас не осталось бы ничего, кроме косточек!

— Но тут появился Генипа!..

— И паталосы!..

— И вот! Пять тысяч людоедов повержены!

Синий человек не знал, кого слушать. Он тщетно пытался выведать хоть словечко правды. Но куда там! Все потонуло в общем гоме.

Моряки пожимали друг другу руки, хлопали по плечам, обнимались, и все продолжали и продолжали говорить, стараясь перекрыть друг друга. Пока они галдели, паталосы уселись на землю и стали ужинать.

Феликсу с трудом удалось успокоить гомонящих матросов. Он все же хотел узнать подробнее, что произошло.

Марселец, оратор от рождения, взял слово:

— Должен вам сказать, хозяин, что до того места, где осталась наша шаланда, мы добрались без всяких происшествий.

— Факты, факты давай! Болтун ты эдакий.

— Сейчас, друзья, сейчас. Мы легли спать и так крепко заснули, что даже не слышали, как подкрались индейцы. Они схватили нас, связали. Все случилось мгновенно. В результате лежим, повязаны по рукам и ногам, не можем шевельнуться. А эти негодяи кормят нас из рук, как рождественских гусей. Сами понимаете, как

мы себя чувствовали в подобной роли. Стало ясно, что они собираются с нами сделать. Откармливали на убой.

— Сожрать они нас хотели! — в нетерпении вмешался Леонек.

— Нам повезло! К счастью, они решили подождать, отложить свой шабаш * на шесть дней.

— Шесть дней...

— Ни дня больше! Этих типчиков не назовешь эгоистами. Они, видите ли, захотели пригласить своих друзей на праздничный обед. А фирменным блюдом должны были быть мы! Наконец собралось все племя, и праздник начался. Он был в самом разгаре, когда появились присутствующие здесь благородные паталосы. Нечего сказать, они подоспели вовремя. Еще немного, и из нас приготовили бы отличное фрикасе **.

— Теперь я понимаю, почему так внезапно исчез Генипа. Этим и объясняется его ночной побег, условные знаки из темноты и исчезновение его людей.

— О! Хозяин, поверьте, это было очень страшно! Ума не приложу, каким крысиным ядом эти субъекты пропитали свои стрелы? Одна минута! Одна — и целое племя кровожадных людоедов валяются, словно дохлые кошки.

Разговору не было конца. Спрашивали, отвечали, снова спрашивали. Стояла глубокая ночь, а друзья все шумели, вздыхали, восклицали и на все лады расхваливали героев дня — паталосов.

А герои дня, ничего не подозревая, ничего не слыша, на славу поужинав, крепко спали. Они хорошо поработали и теперь отдыхали после трудов праведных.

На следующее утро, на рассвете, вся компания посетила поле боя, усеянное трупами каннибалов. Тела их застыли в самых невероятных, нечеловеческих позах.

Общими усилиями вытащили из воды шаланду и привели ее в порядок. Потом погрузили бревна с золотым песком. Здесь же, неподалеку, лежали бревна, принесенные первой шестеркой. Индейцы не тронули их.

Феликс и его люди устремились к шаланде и готовились отчалить. Всем было жаль расставаться с Генипой. Они собирались уже прощаться, когда Знатор кураре заявил, что вместе с паталосами будет сопровождать экспедицию.

* Ш а б а ш — в средневековых поверьях: ночное сборище ведьм.

** Ф р и к а с е — нарезанное мелкими кусочками жареное или вареное мясо с какой-либо приправой.

— Но, друг мой, в лодке для вас не найдется места! Нас и так тринадцать человек на борту.

Индеец, как обычно, загадочно улыбнулся и свистнул.

В ту же минуту появились краснокожие. Они несли четыре огромные пироги.

— Пироги! Черт побери! Откуда?

— Ставлю свою трубку, что это имущество побежденных, — воскликнул Беник.

Лодки действительно принадлежали каннибалам. У паталосов нюх на такие дела. Они быстро нашли пироги, хотя бывшие хозяева искусно спрятали их в прибрежных зарослях.

Теперь ничто не мешало отправиться в плавание. Капитан Корсон дал команду, и шаланда в сопровождении целой туземной эскадры пустилась вниз по течению То-кантинса.

Присутствие паталосов вселяло уверенность. Они были настороже, и путешествие прошло без приключений. Шаланда набрала такую скорость, что никому и в голову не пришло сокрушаться о потерянной шлюпке с паровым двигателем. К тому же жизненный опыт не раз подтверждал: тише едешь — дальше будешь.

Пять дней спустя флотилия приблизилась к «Аврааму Линкольну». Индейцы никогда не видывали таких гигантов. Белоснежный красавец внушал им суеверный ужас. Но на борту устроили теплый прием, и паталосы быстро освоились. Особенно их порадовали подарки. О! Их щедро отблагодарили. Все четыре пироги загрузили доверху всякой всячиной.

Однако дорога была каждая минута. Капитан волновался, был, казалось, чем-то всерьез озабочен. Он все время подгонял матросов, пока те прощались с индейцами — своими спасителями и друзьями. Капитану не терпелось сняться с якоря.

— Что с тобой, Поль? — спросил друга парижанин, поспешность Анрийона удивляла его. — Неужели мы не можем еще хоть несколько часов побыть рядом с нашим добрым индейцем, которому все мы многим обязаны? Посмотри! Жан-Мари, Беник и Ивон никак не могут с ним распрощаться... Да и сам он как в воду опущенный. Тебе не кажется, что столь поспешное отплытие напоминает бегство?

— Ты прав, именно бегство.

— Нас кто-то преследует?

— Пока нет, но боюсь, что скоро так и будет. Делать

нечего! Надо уходить, и как можно быстрее. Отплываем!

— Мы направляемся в Европу, не так ли? — спросил Феликс, когда пароход медленно двинулся по реке мимо ошеломленных индейцев.

— Пароход идет в Пара, мой дорогой. А там мы расстанемся!

— Не может быть!

— Увы! Это необходимо. Я не могу, вернее, не решаюсь вернуться во Францию или в любой другой европейский порт. Наверняка обо мне сообщили уже во все полицейские управления. Это опасно.

— Что же ты намерен делать?

— Во-первых, попробую в открытом море подгримировать корабль так, чтобы его не узнали. А во-вторых, отправлюсь в Соединенные Штаты и попытаюсь продать его. В моих интересах тянуть время, пока обо мне забудут. Понимаешь?

— Ты покидаешь родину?

— Разве для моряка море не родина?

— А что же будет со мной?

— Завтра на рейде в Белене * будет стоять французский теплоход. Вы пересядете на него: Жан-Мари, Беник, Ивон и ты. Ну, разумеется, заберете с собой и золото. Я уже отдал распоряжение, чтобы изготовили подходящие ящики.

— Прежде всего, я должен разделить его между теми, кто был со мной там.

— Каждый должен получить столько, сколько он на самом деле заработал.

— Конечно.

— В таком случае дай каждому по пять тысяч франков и десять тысяч капитану.

— Этого мало. Кроме того, я сам без копейки.

— Да у тебя же есть сто тысяч по векселю!

— И правда! Я и позабыл.

— Я знаю в Белене одного француза, который займется твоим документом.

— Отлично! Но только одно условие: себе я оставляю десять тысяч франков на поездку и на непредвиденные расходы. Остальное получают мои компаньоны.

— Ты хочешь сказать — девять из них. Ведь остальные трое уедут с тобой.

— Да! Именно девять.

* Белен — портовый бразильский город на берегу Атлантического океана.

— Послушай! Позволь мне этим заняться. Я считаю: вместо пяти положим каждому по восемь тысяч. Матросов восемь. Стало быть, получается шестьдесят четыре тысячи. Шестнадцать тысяч — капитану Корсону. Всего восемьдесят тысяч франков. Себе возьми двадцать тысяч. Кто знает, что может случиться в дороге! Теперь слушай внимательно: завтра француз, о котором я тебе говорил, придет, чтобы забрать тебя и твоих друзей с собой. Он берет на себя все формальности, связанные с вашим отъездом. Ни одна живая душа не должна знать, что вы имеете хоть малейшее отношение к «Аврааму Линкольну». Когда придешь во Францию, напиши мне до востребования в Нью-Йорк.

ГЛАВА 15

«Виль-де-Рио».— Возвращение.— Любопытство.— Феномен.— Синий человек во Франции.— Поезд прибывает в пять утра.— Месье и мадам Обертен.— Синего человека наконец-то поцеловали.— Золото отяняет.— В Париж! — Женщине не до сна.— Улица Ренар.— Горный инженер и торговец золотом.— Ужас и разочарование.— Сокровища не стоят и тысячи франков.— Не все то золото, что блестит.— Развод!

Кому, кому, а жителям приморских городов Франции не привыкать к портовой сутолоке. Но и их привел бы в изумление вид порта в Гавре. Бог весть откуда прибывают суда под флагами, каких, кажется, и вовсе не существует.

Судно останавливается, ему дают номер, на мачте взвигается сигнальный флажок. Сотни телеграмм летят во все концы. Первыми в порт прибегают судовладельцы, торговые посредники, купцы. А вслед за ними мол и причал заполняют толпы зевак.

Вот появляется одномачтовая яхта. Она доставляет лоцмана *. Ему предстоит провести судно в порт. Санитарный патруль тут как тут. И снова с судна докладывают: название, страна, порт приписки.

Этот пароход называется «Виль-де-Рио», он принадлежит французской ассоциации ** грузовладельцев.

Огромных размеров судно прибыло из Белена. Оно находилось в плавании двадцать два дня.

* Лоцман — специалист по проводке судов на определенных участках.

** Ассоциация — объединение, союз.

Корабль, рассекая волны, появился на горизонте. Он растет, приближается. Вот уже и цвета национального флага можно разглядеть на мачте. Судно, словно живое существо, переводя дыхание после долгого и трудного похода, замедляет наконец ход, плывет все тише и тише, поднимает сигнальный флажок, зажигает сигнальные огни и величественно заходит на рейд.

Пассажиры спешат на палубу. Они смущены, взволнованы, дыхание их прерывается, глаза полны слез. Они счастливы, им не терпится ступить на родную землю.

Пройдет еще несколько минут, и корабль окончательно остановится, бросит якорь и замрет. Этот док * принадлежит французской компании. Матросы спускают на причал трап **. Пассажиры вереницей сходят на землю.

Крепкие рукопожатия, поцелуи, радостные восклицания. Людское море в мгновение ока заполняет набережную. Радуюсь, словно дети, недавние путешественники разбегаются кто куда по всему городу, даже не захватив багаж. Нет сил оставаться в порту еще хоть минуту. Домой! С багажом успеется.

Однако корабль покинули не все. Одна из кают первого класса, расположенная у кормы, ближе к апартаментам *** капитана, наглухо закрыта. Матросы говорят, что в ней разместились четверо пассажиров. Но вот что странно: наружу всегда выходят только трое. Два коренастых, бывалых матроса и юноша, почти мальчик.

Четвертого никто не видел. Они сели на пароход ночью. Таинственный пассажир все время находится в каюте и не кажет носа.

Напрасно любопытные первое время пытались разузнать хоть что-нибудь о нем, раскрыть инкогнито ****. Напрасно заговаривали с моряками.

Любезность, лесть, ликеры на все вкусы. Ничего не помогало. Матросы упорно молчали. На любезности отвечали любезностями, на лесть — обычными морскими шуточками. Если им предлагали выпить за компанию, пили в свое удовольствие, но платили всегда сами. Видно было, что эти ребята не прочь гульнуть, но себя не забывают.

Юноша ни в чем не отставал от старших, с той лишь

* Док — портовое сооружение для осмотра и ремонта подводной части судов.

** Трап — лестница на судне.

*** Апартаменты — здесь: каюта капитана.

**** Инкогнито — скрытно, тайно, не обнаруживая своего имени и личности.

разницей, что сам отличался невероятным любопытством и надоедал мальчишкам на побегушках, к великой радости этих неутомимых шутников и выдумщиков.

Капитан явно был в курсе дел четырех пассажиров и знал о таинственном пассажире больше остальных. Однако и он был скрытен и давал весьма уклончивые ответы одолевавшим его господам.

— Этот человек болен,— отвечал он сухо.

Между тем любопытство охватило всех, оно порождало раздражение и недоброжелательство, начиная с пассажиров второго класса, нижней палубы и кончая членами экипажа и кочегарами.

В течение всего путешествия по судну гуляли самые невероятные слухи и предположения, сомнительные шуточки, острые словечки, вздорные рассказы.

Буквально все чувствовали себя оскорбленными этим незнакомцем, не желающим или не решающимся выйти из своего убежища.

Поэтому, едва только пароход причалил и пассажиры высыпали на набережную, повсюду с быстротою молнии разнесся слух, что на борту «Виль-де-Рио» находится феномен *, монстр **, загадочная личность.

Спрашивали лоцмана, который беседовал с боцманом о случившемся.

Боцман, похоже, знал немногим больше прочих, однако и он как в рот воды набрал, слова не сказал. Кто знает, быть может, он водил дружбу с тем, кто скрывался в каюте первого класса...

Сойдя на берег, моряк, видимо, почувствовал себя свободнее и, решив, что отныне волен в своих поступках, стал разговорчивее. Он поведал нечто из ряда вон выходящее...

Он видел того человека однажды, когда тот прогуливался по палубе глубокой ночью.

«Поверьте! Слова матроса! Человек был абсолютно синий. Ярко-синий!»

Дальше — больше. Под строжайшим секретом боцман поведал о необыкновенном пассажире владельцу кафе. Его служанка поспешила поделиться новостью с мальчишкой — разносчиком из бакалей по соседству, а тот, в свою очередь, шепнул на ушко кухарке супрефекта ***. Кухарка же не

* Феномен — редкое, необычное, исключительное явление.

** Монстр — чудовище, урод.

*** Супрефект — помощник префекта.

преминула рассказать об услышанном дневальному у дверей полковника.

Сменившись, доблестный воин направился в таверну «Черная Венера», чтобы побалакать с моряками и солдатами — завсегдатаями заведения.

Синий человек! Не может быть! Невероятно! Откуда он? Сбежал из зверинца, дикарь, животное о четырех конечностях, татуированный ирокез, будущий обитатель зоологического сада? Или еще того хуже? Кто же он?

Его надо увидеть!

Военные, штатские, моряки — все ринулись в порт, к пароходу, в надежде лицезреть, как Синий человек спускается по трапу на землю.

Куда там! Синий человек, или как его там, не показывался. Скрипели снасти *. Трещали стропы **. Хрипела какая-то лошаденка. Из багажного отделения доставали бесчисленные ящики.

Вслед за пассажирами вышел и один из моряков. Но он переоделся, и никто не обратил на него ни малейшего внимания. Человек быстрыми шагами направился на телеграф и послал депешу *** следующего содержания:

«Мадам Обертен-младшей, вилла Монплеизр, Оливе, Луаре.

*Сегодня же будьте в Гавре ****. Болен, обезображен. Любый ценой отыщите меня в отеле «Фраскати». Важное дело. Отца не предупреждайте. К встрече со мной необходимо подготовиться.*

Феликс Обертен».

Отправив телеграмму, моряк поехал на вокзал и заказал на завтрашний ночной поезд спальное купе и багажное отделение. Затем снял номер в отеле «Фраскати» и вернулся на пароход, расталкивая собравшихся на причале зевак.

Наступил вечер. К счастью, полил сильный дождь, и любопытным волей-неволей пришлось разойтись по домам.

В десять часов, когда ливень лил как из ведра, трое мужчин и мальчик в сопровождении капитана спешно покинули «Виль-де-Рио». На всех четверых были резиновые плащи с огромными капюшонами, целиком скрывавшими лица.

Капитан тепло пожал руку одному из них и сказал:

* С н а с т и — комплект инструментов, приспособлений для чего-либо.

** С т р о п ы — кольцо из каната, цепи или веревки для охватывания груза и подвешивания его к крюку крана при погрузке.

*** Д е п е ш а — спешное уведомление, телеграмма.

**** Г а в р — портовый город во Франции.

— Прощайте, месье! Удачи вам и доброго здоровья!

— Прощайте, капитан, и спасибо за все! Никогда не забуду вашей доброты и вашего молчания.

Через несколько минут люди скрылись в дверях отеля и заняли снятые днем апартаменты.

Заперли двери. Плащи развесили в прихожей.

Читатель, безусловно, догадался, чьи знакомые и симпатичные лица скрывались под капюшонами. Феликс Обертен, Жан-Мари, Беник и Ивон.

Трое пышут здоровьем. Но парижанин, увы, совсем обессилел и посинел, как никогда.

— Ничего, месье Феликс, — сказал боцман, — мы дома, и все в порядке.

— Страшно признаться, дорогой мой, но я тоскую о бразильских лесах, о моих индейцах и приключениях.

— Ба! Оставьте эти мысли, месье. Разве это жизнь? Так долго не просуществоешь.

— Как говаривал Генипа... Ах! Генипа!.. Это имя странно звучит здесь, в большом городе, среди газовых фонарей, звона электрических звонков, гула железнодорожных составов.

— Это верно!

— Да, Генипа был прав. Там я был Синим человеком, хозяином, богом. Меня уважали и любили. А что ждет меня здесь? Синий человек здесь — монстр... Диковинное животное!

— Вы увидите жену, родителей, вашу малютку...

— Мне страшно показаться им в таком виде!

— Вот еще! Оставьте эти мысли! К тому же у вас кое-что есть с собой.

— Жан-Мари, вам бы с Ивоном нужно вернуться на судно. Капитан ждет. Надо выгрузить ящики и доставить их сюда. Беник останется со мной.

— Есть, хозяин. Мы идем.

Ожидая возвращения друзей, бакалейщик принялся перелистывать справочник железных дорог, а боцман, наконец расслабившись, закурил любимую трубку. Ему очень нравилось в отеле.

«Депеша ушла в два часа... Жена должна была получить ее в четыре, самое позднее в пять. Значит, могла сесть на орлеанский поезд, который отходит в шесть часов и приходит в Париж в четверть десятого. Так... четверть десятого... Нормандская ветка... вот она... Поезд на Гавр отходит только в десять минут двенадцатого. На место прибывает

в пять минут шестого утра. Брр! Ну и настроение у нее будет! Чего можно ожидать после ночи, проведенной в дороге?! Ладно! Как говорит капитан, мужайтесь!»

— Беник, надо бы поесть и выпить. А потом я посплю. Эй, дружище!

— К вашим услугам, месье.

— Закажи-ка торжественный ужин. Пусть накроют прямо здесь. А я пойду в свою комнату, чтобы прислуга меня не видела.

Ботман тут же нажал на кнопку электрического звонка, а Синий человек, удрученный своим положением, осторожно направился в соседнюю комнату.

Явился официант. Изучив меню, бретонец немного смутился. И половина названий блюд были ему незнакомы. Тогда находчивый моряк приказал принести все самые дорогие кушанья и самые старинные вина.

— Накройте на четверых. Весь провиант, напитки, посуду, словом, все, принесите сразу. После чего задрайте все люки, то есть закройте все двери и можете быть свободны. Прислуга нам не понадобится.

Вскоре в комнату принесли ящики с золотом, накрыли на стол, и четверо друзей в предвкушении удовольствия уселись ужинать. Чего-чего только здесь не было! Повар постарался на славу.

Пять часов утра. Беник и Жан-Мари, наевшись до отвала, заснули тут же, в комнате. Феликс съел немного и всю ночь не мог сомкнуть глаз. Его охватило беспокойство. Лежа в кресле-качалке, он тихо покачивался и беседовал с беспрерывно зевавшим Ивоном.

С улицы слышался грохот подъехавшего экипажа. Через несколько секунд в коридоре раздалось нервное торопливое постукивание каблучков. Бакалейщик сейчас же узнал этот звук.

В дверь постучали.

— Ивон, дитя мое,— произнес Обертен севшим от волнения голосом,— открой, а потом сразу иди спать. Черт побери! Никак не могу собраться.

В ту же минуту в дверях появилась юркая фигурка. Лицо женщины скрывала вуаль *. В руках она держала плед.

* Вуаль — прозрачная тонкая сетка из тюля, прикрепляемая к женской шляпке и закрывающая лицо.

Войдя, она подняла вуаль, уронила плед, протянула вперед руки и закричала:

— Феликс! Мой бедный друг... Ах! Я уж и не надеялась увидеть тебя!

— Дитя мое... Дорогая моя,— бормотал больной, смущенный и почему-то позабывший тут же обо всех неприятностях, которые когда-либо причиняла ему эта женщина.

Он встал и тоже протянул к ней руки. Свет озарил его лицо! Женщина в ужасе отпрянула, потом, потрясенная, прислонилась к стене и прошептала:

— Боже правый!..

— Чудовище! Я похож на монстра, не так ли?

Мадам Обертен остолбенела, будто увидела голову Медузы Горгоны *. Она не нашла, что ответить.

— Мне не нужно было возвращаться,— продолжал несчастный упавшим голосом.— Но разве я имел на это право? Дела есть дела... Честь семьи, честь фирмы. Марта, моя бедная девочка... Отец... мать...

— И я тоже,— сказала мадам Обертен кислым хорошо знакомым голосом. Потрясение, волнение ничуть не изменили его.

— Ну разве ты могла сомневаться, друг мой.— Голос Обертена прозвучал неубедительно.— Итак, мы разорены, не правда ли?

— Честь фирмы спасена, но мы в страшной нищете. У нас ничего не осталось.

— Ты в этом уверена?

— Увы! Если, конечно, ты не привез оттуда баснословного состояния. В чем я лично сильно сомневаюсь.

— Как знать!

— Что?

— Дорогая, сядь рядом со мной. Ты, наверное, устала и голодна?

— Об этом потом, Феликс, объясни, пожалуйста. Я как на иголках... Прошу тебя, оставь этот таинственный тон... Отвечай... Говори правду!

— Ну, хорошо! У тебя теперь нет мужа. Я понимаю, что смешно было бы рассчитывать на прежние отношения, я не питаю иллюзий. Однако взамен предлагаю тебе миллионера.

* Голова Медузы Горгоны — в древнегреческой мифологии Медуза Горгона — одно из трех крылатых чудовищ с головою женщины, чей взгляд превращает живое существо в камень. Герой сказаний Персей, одолев с помощью богов Медузу, отдал ее отрубленную голову богине Афине, которая укрепила ее на своем щите.

— Это правда? — Лицо маленькой женщины моментально оживилось.

— Ты ждешь доказательств?

— Почему бы и нет?

В ответ парижанин вынул из кармана связку ключей, отошел вглубь комнаты, где стояли четыре массивных ящика, обитые железом, открыл первый попавшийся, запустил руку, вытащил горсть гравия и сказал:

— Ты знаешь, что это такое?

— Но ведь это...

— Золото! Самородковое золото высшей пробы.

— И сколько его здесь?

— На миллион!

— В каждом ящике?

— В каждом ящике!

— И все это принадлежит тебе? Нам?

— Нам принадлежат три ящика, вернее, два с половиной.

— Три миллиона!.. Этой желтой земли...

— Ты говоришь как индеец...

— Три миллиона! — дрожащим голосом повторила мадам Обертен.

Она подошла к ящику и, даже не сняв перчатки, зачерпнула полную горсть желтого песка. Камешки сыпались сквозь пальцы, падали на пол. Но Аглая не замечала ничего, а лишь повторяла как зачарованная:

— Три миллиона! — И ни слова признательности, ни слова благодарности тому, кто доставил ей такое неслыханное богатство.

«Да,— подумал торговец колониальными товарами, глубоко опечаленный бесчувственностью своей жены,— госпожа Обертен, урожденная Аглая Ламберт, ничуть не изменилась. Кукла, алчная и равнодушная кукла».

Однако в эту минуту, словно услышав мысли Феликса, мадам Обертен опомнилась и воскликнула:

— Друг мой!.. Мой милый Феликс! Ты лучший из мужей! Ах! Как я в тебе ошиблась!

«Дьявол! Вот тебе и раз»,— подумал парижанин, смутившись.

— Дай расцелую тебя!

И, не выказывая ни малейшего отвращения, ни мгновения не колеблясь, она бросилась на шею мужу и дважды крепко поцеловала его синюю физиономию.

«Можно себе представить, как она отвернулась бы

от меня, вернись я нищим! Вот уж истинно: все покупается!»

— Что же мы будем теперь делать? — спросила Аглая после запоздалого проявления чувств.

— Как можно скорее поедem в Париж вместе с моими друзьями.

— Твоими друзьями?

— Двое бравых моряков и мальчик. Они прошли со мной через все испытания. Этим благородным сердцам я обязан всем: и нашим состоянием, и собственной жизнью.

— Прекрасно! А что же в Париже?

— Продадим золото. Я разделю деньги между всеми нами. Будем жить на ренту * с капитала, полученного таким скорым и таким опасным путем.

— Великолепно!

— Но ты ничего не рассказываешь о Марте... об отце, о маме, о твоих стариках.

— Все здоровы, спасибо! У малышки был коклюш, но теперь она выздоровела. Я два раза в день водила ее на процедуры. Она подросла, но по-прежнему очень медлительна, точно как ты, прости за откровенность.

— А обо мне она говорит?

— Она нервничает.

— Бедный ребенок!

— Ну, ладно! Так мы едем?

— Как? Прямо сразу, даже не отдохнув?

— И ты хочешь, чтобы я отдыхала! Ты меня плохо знаешь. Разве я когда-нибудь устаю?

— Есть поезд в девять тридцать две.

— Годится! Закрой ящик, а то я окосею, глядя на него. А что это за камешки там?

— Кварц попадаетсЯ. Мы вынуждены были работать очень быстро, надо было торопиться. Некогда выбрасывать. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что они ничего не стоят, а место занимают.

— Тут уж я ничего не могу поделать!

«Вот это аппетит! Ненасытная утроба! И это после того, как оказалась без су!» — отметил про себя Феликс.

Закрыв лицо платком и надвинув на глаза капюшон плаща, Синий человек почти бегом покинул отель

* Рента — регулярно получаемый доход с капитала, имущества или земли, не требующий от своих получателей деятельности предпринимателя.

«Фраскати», сел в экипаж, который окружными путями доставил его на вокзал, и ввалился в купе спального вагона.

Жан-Мари, Беник и Ивон тоже сели в этот состав, но предпочли купе, где можно было свободно разговаривать и не запрещалось курить.

Пассажирский поезд медленно, к великому неудовольствию нетерпеливой мадам Обертен, вразвалочку тронулся с места.

В Париж!

Чтобы кое-как скоротать время, бакалейщик рассказывал жене о невероятных приключениях, опасностях, неожиданных спасениях и, кажется, сумел заинтересовать ее.

Прибыв в Париж, они тут же отправились на улицу Ренар. Все магазины были закрыты. Перед глазами Феликса все еще стояли величественные картины бразильской природы: первозданные леса, исполинские деревья, божественные цветы и палящее солнце. Его физиономия приняла кислый вид. В этой клоаке * Феликс провел худшие дни своей жизни.

Ящики затащили в квартиру. Моряки с грехом пополам устроились в комнатах, некогда принадлежавших служащим фирмы.

Обертен вынужден был извиниться, он уверил друзей, что это ненадолго. А потом, утомленный бессонной ночью и путешествием в поезде, крепко заснул.

На следующее утро он проснулся с трудом. Самочувствие было отвратительное. Все та же одышка, та же слабость. И увы! Прежняя синева.

Хлопнула дверь. Этот короткий и, как ему показалось, нервический звук заставил путешественника вздрогнуть. Мадам Обертен ушла рано утром и теперь вернулась, приведя с собой двух незнакомцев, аккуратно одетых и исключительно вежливых.

Последовало представление:

— Месье Лозьер, горный инженер... Месье Леви-Бранун, банкир.

— Торговец золотом, — уточнил второй.

— Мой муж, месье Обертен.

Пока вновь прибывшие с ужасом вглядывались в лицо хозяина лавки, мадам Обертен продолжала тараторить:

— Сегодня утром я отправилась к месье Леви-Брануну и предложила ему купить наше золото по рыночному курсу...

* К л о а к а — место, загрязненное нечистотами, скопище грязи.

— Это прекрасно, но...

— Все будет оплачено и оформлено как положено. Вексель, банковские бумаги...

— Но...

— Месье Леви-Браун хотел бы сначала увидеть золото, взять его на анализ, чтобы установить пробу. Этим займется месье Лозьер. Однако, господа, надеюсь, вы не станете возражать, если экспертиза будет проведена и в другом месте. Поймите, я должна быть уверена. Дела есть дела, не так ли?

Мужчины вежливо поклонились. Тем временем мадам Обертен дрожащей рукой принялась открывать первый ящик.

Инженер подошел, склонился над ним, зачерпнул горсть песка, мгновение изучал его и наконец, подняв глаза на присутствующих, спросил:

— Скажите, содержимое остальных ящиков такое же, как и этого?

— Абсолютно! — отвечал Феликс. — Да вы можете сами в этом убедиться.

Мадам Обертен открыла остальные три ящика. Вид у нее все еще был решительный и деловой, но тень беспокойства пробежала по лицу.

Инженер наугад зачерпнул пригоршню из каждого ящика, потер, едва ли не понюхал и покачал головой.

— Месье! Почему вы молчите? — вскричала женщина, и голос ее дрогнул.

— Дело в том, мадам, что я не решаюсь сообщить новость, которая вряд ли обрадует вас.

— Как! Вы хотите сказать, что это золото...

— Но это не золото. Это слюда.

— Слюда... слюда... слюда!..

— Каждый из этих ящиков стоит не больше двухсот франков!

— Однако, месье, это невозможно! Вы... Вы... лжете! Посмотрите! Посмотрите же! Это золото, привезенное из Бразилии... Это все наше состояние... Скажите, месье, ведь это золото, не так ли? Это должно быть золото! Я так хочу!

— Я принес с собой реактивы *, но уверяю вас: это бессмысленно. Видите ли, даже несмотря на блеск, который хоть отдаленно и напоминает золотой, эту породу легко

* Реактивы — вещества, вызывающие химическую реакцию в соединении с другими веществами и тем представляющие возможность установить наличие искомого вещества в анализируемом составе.

отличить от золота. Ошибки быть не может. Опытному глазу все ясно. Быть может, в этом песке и есть незначительные вкрапления драгоценного металла. Если желаете, могу взять на пробу немного образцов и провести более скрупулезный анализ. А что касается самородков, то сомнений быть не может — это всего лишь слюда.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Супруги не в силах были рта раскрыть. Инженер, приняв молчание за согласие, огляделся, увидел на столе цветочную вазу, ссыпал в нее горсть песка и камней и, сделав знак своему спутнику, направился к двери. Месье Леви-Браун последовал за ним. Уходя, инженер пообещал, что завтра точный анализ будет готов.

— Но,— заключил он,— еще раз прошу не питать никаких иллюзий. Мое мнение окончательное — этот песок не имеет ценности.

Как только посетители ушли, мадам Обертен, потрясенная случившимся, обессиленная, вскочила с места, словно в ней сработала пружина. Ее светло-голубые глаза лихорадочно горели, губы до крови искусаны. Она едва могла говорить.

Аглая бросилась к мужу, словно разъяренная кошка, выпустившая когти.

— Дурак!.. О! Какой же ты дурак!

— Дорогая моя, уверяю тебя, я сам поражен услышанным... Верь мне...

— Замолчи! Замолчи, идиот, кретин, простофиля, чудовище!.. Двести франков за ящик... Какого черта я слушала ваши байки! Поехать в Бразилию, чтобы привезти оттуда четыре сундука слюды! Вернуться еще глупее, чем прежде, да к тому же еще и синим! Синим! Вы слышите меня — синим!

— Что? Ну, хватит! Всему есть предел, и моему терпению — тоже!

— Конечно! Ударь меня! Ты ведь уже разорил нас, чудовище! Чудовище! Монстр! Но так дело не пойдет. Я не желаю больше оставаться мадам Синий человек! Никогда! Сию же минуту нотариуса! Все равно какого! Бумагу, документ завтра, да нет — сегодня, сегодня же вечером, немедленно... Жестокое обращение... Неспособность распоряжаться состоянием... Бегство из супружеского гнезда... Ужасная болезнь... Развод!

Рыдая, крича, вздыхая и вытирая глаза платочком, мадам Обертен открыла дверь, молнией сбежала вниз по старой скрипучей лестнице и сломя голову понеслась в нотариальную контору.

ГЛАВА 16

Дуэль.— Встреча у отеля «Мерис».— Синий человек узнает вешателя.— Порт-Майо.— Ранен.— Синий человек больше не синий.— Все счастливы.— Желтая земля ничего не стоит.— Из огня да в полымя.— Горный инженер и торговец золотом приходят вновь.— Алмазы.

— Как ты полагаешь, эта дуэль серьезна?

— Дорогой мой! Дуэль — это всегда серьезно.

— Ба! Обычно довольно бывает царапины, первой крови, чтобы соперники посчитали себя удовлетворенными.

— Ты уже дрался когда-нибудь?

— Никогда.

— Так я и думал. Видишь ли, друг мой, нельзя предугадать, куда попадет пуля, ранит или убьет наповал. Невозможно точно определить, смертелен ли укол шпаги. Она может пройти в миллиметре от жизненно важного органа, а может и задеть его. Тут уж пан или пропал. Поэтому я и говорю тебе: когда двое мужчин собираются стреляться или биться на шпагах, это всегда серьезно. Ведь никто не знает, чем все это кончится.

— Ты, безусловно, прав...

— И что же?

— Я только хотел сказать, что меня бы устроила классическая дуэль на шпагах, после которой дуэлянтыжимают друг другу руки.

— А что, собственно, сделал тебе этот англичанин?

— Вчера я рассказывал свою историю тебе и Обри.

— Должен признать, она поистине поразительна.

— Однако я не закончил.

— Так будь добр, говори.

— Хорошо, друг мой! Проклятый англичанин, с которым я дерусь, человек, некогда повесивший меня.

— Боже правый!

— Он не обращал ни малейшего внимания на мои объяснения. Юридически я мертв. А то, что я стою перед тобой, не его заслуга. Это еще не все. Именно ему я обязан страшным, кошмарным недугом, превратившим меня в чудище... в монстра. В Синего человека. Один знающий врач в Буэнос-Айресе подтвердил, что я посинел из-за того, что был повешен. А что вы об этом думаете, доктор?

— С научной точки зрения, цианоз может объясняться именно этим. Вполне разделяю мнение моего коллеги.

— Попробуй встать на мое место, суди обо всем с моей

колокольни. Представь себя монстром, таким, каков я есть. И вдруг случай свел тебя с тем, кто стал причиной всех твоих несчастий. Станешь ли ты раздумывать?

— Конечно нет! Схватка будет долгой и жестокой. Но дело того стоит. Стреляешь-то ты, по крайней мере, хорошо?

— Как все.

— Значит: более или менее. Вообще-то, англичане по большей части дрянные фехтовальщики *... Если выпадет поединок на шпагах, у тебя есть надежда.

По Елисейским полям ** в сторону Триумфальной арки *** катилось ландо ****. В нем, друг против друга, сидели четверо.

На заднем сиденье — двое, по виду — военные. Красные галуны *****, одеты по форме. На переднем сиденье Синий человек, а рядом четвертый — врач.

Ехали, очевидно, к месту поединка.

Двое держали в руках пару шпаг и коробку с пистолетами.

Эта утренняя поездка в экипаже, который можно было бы назвать классическим, эти орудия смерти, да и содержание беседы, думается, все сказали читателю.

Синий человек собирался драться на дуэли!

Последствия этого события могли быть исключительно серьезными и, возможно, положат конец всем необыкновенным приключениям Феликса Обертена...

Дуэль! Но каким образом дуэлянты встретились?

После категоричного, не оставляющего никаких надежд заявления горного инженера, после бешеной выходки жены, бакалейщик почувствовал, что ему необходим свежий воздух.

Он послал за экипажем и вместе с Ивоном поехал куда глаза глядят. Беника и Жана-Мари оставили дома. Им парижанин не решился пока сообщить о катастрофе.

Экипаж все ехал и ехал. Кончилась улица Риволи. Вот и площадь Согласия. Немного не доезжая до отеля «Ме-

* Фехтовальщик — участник единоборства при помощи холодного оружия (шпага, рапира и т. д.).

** Елисейские поля — одна из главных и парадных улиц Парижа в западной части города.

*** Триумфальная арка — архитектурное сооружение в виде арки в центре Площади Звезды в Париже недалеко от Елисейских полей.

**** Ландо — четырехместная карета с поднимающимся верхом.

***** Галуны — нашивка из тесьмы золотого или серебряного цвета на форменной одежде и головных уборах.

рис», пришлось задержаться. Шла рекламная процессия, зазывные тележки, множество людей. Экипаж, в котором ехали Синий человек и Ивон, остановился.

Машинально, забыв о своей синеве, Обертен выглянул на улицу и вдруг заметил джентльмена с продолговатым лицом, несшего какой-то яркий плакат.

Англичанин!

При виде этого человека лицо Феликса выразило ненависть. Он вдруг истошно закричал и распахнул переднюю дверь.

— Стойте!.. Стойте!

— Эй! Месье! — испуганно воскликнул Ивон. — Что с вами? Посмотрите, вы опять почернели! Вы стали похожи на негра!

— Все в порядке, сынок! Оставь меня... Оставайся на месте! Мне необходимо поговорить с этим человеком.

Сказав это, парижанин с шумом захлопнул за собой дверь и, тяжело дыша, направился к прохожему, который принял его за сумасшедшего.

Подойдя ближе, Феликс крикнул:

— А! Ну теперь-то вы от меня не уйдете!

Можно себе представить, как испугался неизвестный. Однако не показал виду, смерил негра с ног до головы презрительным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Что вам угодно? Я вас не знаю!

— Неужели! Ну да, конечно! Вы же вешаете людей, создавая только видимость суда! Вы убиваете невиновных!

Услышав эти слова, джентльмен слегка побледнел. Видно было, что еще немного, и английская сдержанность изменит ему. Тем не менее, взяв себя в руки, он ответил:

— Офицер военно-морских сил Ее Величества королевы не может быть убийцей. Вы ошиблись. Прошу вас взять обратно свои слова.

— Офицер британского флота... Вот-вот... Так и есть. Ведь это вы шесть месяцев назад командовали крейсером недалеко от бразильских берегов. Это вы приняли меня за какого-то негодяя, вашего соотечественника. Меня, чистокровного француза!.. И именно вы приказали меня повесить, несмотря на мой протест, на то, что я был невиновен.

— Я еще раз спрашиваю вас, кто вы такой?

— Помните ли вы имя Джеймса Бейкера?

— Но вы не Джеймс Бейкер!

— Теперь-то наконец вы это признаете.

— Так же точно, как то, что Джеймс Бейкер,

осужденный трибуналом * на борту моего судна, был повешен. Его обвиняли в пиратстве. К тому же Джеймс Бейкер не был негром... или мулатом... или... чем-то в этом роде, как вы.

— Ладно! Хватит валять дурака, месье! Я несчастная жертва вашей ошибки, сознательной или нет. Во время того самого суда на борту вашего крейсера была допущена роковая ошибка. Все, что вы сейчас сказали, правда. Я действительно не Джеймс Бейкер. Я француз и никогда не занимался работорговлей. Однако вы все же приговорили меня к смертной казни и повесили. То, что я остался жив,— чудо.

— Я потерял свой корабль!

— А я благодаря вам превратился в чудовище!

— Что вы говорите?

— Я говорю о том, что последствием вашей страшной ошибки — осуждения невинного, стала тяжелейшая болезнь, сделавшая из меня монстра.

— Человека, которого мы захватили на невольничьем судне, осудили по закону, я ни в чем не пошел против совести.

— Неужели вы всерьез полагаете, что подобные заявления могут меня удовлетворить? Ваша так называемая совесть сделала меня уродом!

— Спрашиваю вас последний раз: чего вы хотите?

— Не имеет значения, что сегодня вы уже не возглавляете тот самый трибунал. Знайте: я не Джеймс Бейкер, и мою личность, если мало моего слова, могут подтвердить свидетели, достойные всяческого уважения и доверия.

— Прекрасно, я хотел бы верить, но...

— Верите вы или нет, сейчас не важно. Даже если вы и поверите, это меня не удовлетворит. Я намерен требовать иного.

— Иного?..

— Мы будем драться!

— Ах так! Ну что ж! После всего, что вы мне тут наговорили, я согласен. Вот мой адрес. Сегодня же вечером мои секунданты ** будут с нетерпением ожидать ваших.

Спешно обменявшись визитными карточками и церемон-

* Трибунал — специальный судебный орган, рассматривающий особо тяжкие преступления.

** Секундант — посредник и свидетель одного из участников дуэли.

но раскланявшись, противники разошлись в разные стороны. Англичанин прогулочным шагом отправился дальше, а Феликс, чье лицо постепенно светлело и наконец приобрело свой обычный синий оттенок, уселся в экипаж.

Не рассуждая долго, случай это или providение, столкнувшее его на улицах Парижа с командиром английского крейсера, бакалейщик вернулся к себе и послал Жана-Мари в библиотеку за ежегодным военным справочником.

Матрос вернулся скоро, всю дорогу он бежал бегом. Бывший сержант принес небольшую книжицу, форматом около четверти листа, которую парижанин тут же принялся листать. Обертен искал среди бывших однокашников, сохранивших с ним приятельские отношения, тех, кто служил в парижском гарнизоне. Первыми на глаза ему попались командир эскадрона Порталь и капитан кирасиров * Обри из военной школы.

Дрожащей от волнения рукой Синий человек написал обоим письма, в коих поведал о своих заботах, после чего отправил Жана-Мари и Беника по адресам.

Оба взяли по экипажу и, пообещав кучеру на добрую выпивку, помчались в нужном направлении. Коляски опрометью неслись по парижским улицам, что представляло довольно непривычную картину.

Морякам повезло. И капитан и командир эскадрона оказались дома. Мало того, и тот и другой изъявили желание немедленно ехать к товарищу.

Понятно, как поразила их неприглядная внешность друга юности. Прежде всего, Обертену пришлось в подробностях рассказать обо всех приключениях, чтобы объяснить теперешнее свое состояние и причину дуэли **.

Молча выслушав удивительный рассказ, командир эскадрона и капитан тотчас же поехали в отель «Мерис» и встретились там с секундантами англичанина.

Феликс великодушно предоставил своему сопернику выбор оружия. Тот, не желая уступать в вежливости и благородстве, заявил, что выбор между шпагами и пистолетами делает жребий.

Поединок назначили на семь часов утра следующего дня. Место дуэли — Порт-Майо. Именно туда и направлялся теперь экипаж, приближавшийся к Триумфальной арке.

Десять минут спустя, когда вокзальные часы пробили

* К и р а с и р ы — тяжелая кавалерия.

** Д у э л ь — поединок между двумя лицами.

ровно семь, ландо Синего человека остановилось в назначенном месте. Тотчас появился противник.

В это время прохожие в Булонском лесу * редки. Нет ничего проще, чем найти уединенный уголок, где, если тебе даже перережут горло, все равно никто не услышит и не заметит. Командир эскадрона Порталь знал превосходное местечко, будто специально предназначенное для такого рода встреч. Экипажи проехали по тропинке и остановились в конце одной из боковых аллей. Вокруг было совершенно пустынно.

Восемь человек вышли из экипажей, оглядели аллею, отсчитали пятнадцать шагов. Между секундантами произошел короткий разговор относительно вида оружия. Подбросили пятифранковую монету. Орел — шпаги, решка — пистолеты.

Выпал орел. Дуэль будет происходить на шпагах.

Во второй раз доверились жребию, чтобы определить, кому выпадет право руководить боем.

Эта деликатная миссия выпала командиру эскадрона.

Оба противника сбросили на землю плащи и жилеты и остались в одних рубашках. Встали друг против друга на установленной дистанции **. Порталь взял шпаги за клинки, одну в правую, другую в левую руку, и протянул рукоятками противникам так, что дуэлянты едва коснулись один другого.

Затем быстро отошел в сторону и скомандовал:

— Начинайте, господа!

По легкости, с какою действовал английский офицер, видно было, что он превзошел науку фехтования. Его защита была непроницаема. Феликс оказался менее проворен, однако и ему нельзя было отказать в умении и ловкости. Он успешно отбивал атаки и шел в наступление.

Внезапно послышался металлический звон. Доведенный до крайности, англичанин без предупредительного маневра предпринял головокружительную серию ударов.

С исключительным хладнокровием и сноровкой, встав в третью позицию, парижанин отбил их. Но противник вновь, с еще большим напором, пошел в атаку. Шпага Синего человека не успевала встречать его клинок.

Хотя Обертен кожей ощущал уколы, он и не думал прерывать бой, только инстинктивно стал защищать тело, закрываясь рукой.

* Булонский лес — парк на западной окраине Парижа.

** Д и с т а н ц и я — расстояние.

Шпага англичанина внезапно скользнула по руке Феликса и, вместо того чтобы попасть под мышку, угодила выше, в шею.

Синий человек вскрикнул, английский офицер тотчас отдернул клинок, стараясь как бы смягчить удар.

Оба врача и секунданты подбежали к раненому. Он выронил оружие и стал оседать на землю. Подоспевшие секунданты подхватили его на руки. Возле шеи на рубашке расплзлось красное кровавое пятно. Кровь залила уже все плечо. Она капала и капала из небольшой треугольной ранки.

Бакалейщика усадили на траву. Врачи в отчаянии качали головами.

— Со мной все кончено, не так ли? — пробормотал несчастный упавшим голосом. — А я ведь так любил жизнь!

Его противник поднял с земли плащ. По-прежнему сдержанный и корректный *, но немного бледнее обычного, он подошел ближе и произнес:

— Месье, хочу повторить, что там, на крейсере, я действовал по совести. Но теперь раскаяние мучает меня, потому что я жестоко ошибся. Однако меня оправдывают обстоятельства. Сегодня, Бог свидетель, я не хотел убивать вас. Очень надеюсь, что вы поправитесь. От всего сердца желал бы этого. Верьте мне, месье. Весьма сожалею. Дайте вашу руку.

Бедняга Феликс сделал последнее усилие, чтобы пожать руку своему противнику. Тот был смущен и говорил совершенно искренне.

Парижанин прошептал еще что-то невнятное и потерял сознание.

— Доктор, прошу вас, — заволновался боцман, — скажите, что вы об этом думаете? Он не может нас слышать, говорите откровенно.

— Поверьте, я в совершенной растерянности.

— Как так?..

— Кровь, кажется, идет меньше. А ведь только что кровотечение невозможно было остановить. Значит, вена, по всей видимости, не задета. Цвет крови подтверждает, что все артерии в порядке. Но я в который уже раз задаюсь вопросом, каким образом шпага могла нанести удар, не задев жизненно важные органы.

— Но он в обмороке...

* Корректный — вежливый, благопристойный.

— Это ничего.

— Так что же с ним будет?

— Думаю, что лучше перенести пострадавшего в экипаж. Одному из вас, господа, придется сесть рядом с кучером. Вот так, хорошо. Кладите на сиденье. Боцман, поддержите ему голову, а я дам нюхательную соль *.

— Вы полагаете, что приведете его в себя?

— Конечно! Смотрите, он очнулся. Тихо! Не говорите ничего! Вы обязательно выздоровеете, дорогой мой, но надо быть очень осторожным. Знаете ли, вы, можно сказать, заново родились. Да! Это все равно, как если бы вас вытащили из петли.

Доктор и не подозревал, что попал в самую точку.

Через час Феликса уложили в постель в темной и неудобной комнате на улице Ренар. Сиделками при больном стали Беник, Жан-Мари и Ивон.

Секунданты и врач ушли, пообещав навестить Обертена сегодня же вечером.

Троим матросам льстило, что их друг дрался на дуэли. Они еще больше гордились им. Однако все омрачала рана. Конечно! Как же могло быть иначе? Ведь хозяин дрался на дуэли с моряком. Пусть даже и с английским, но с моряком! А это особый тип людей. Сухопутный человек не устоит перед таким противником.

Синий человек спал. Сон был тяжелый, сказывалась повышенная температура.

Матросы устроились в столовой и через каждые четверть часа навещали к товарищу.

Было два часа дня. В комнату Феликса украдкой заглянул солнечный лучик.

В это самое время на цыпочках вошел Беник. Солнечный свет озарил лицо Феликса. Взглянув на него, боцман остолбенел.

— Черт побери! — вскричал он. В голосе его слышалось столько изумления, что Жан-Мари и Ивон опрометью бросились в комнату больного, испугавшись, не случилось ли чего.

— В чем дело?..

— Посмотрите!

— Тысяча чертей!..

— Ах! Боже мой!

* Нюхательная соль — вышедшее из употребления лекарственное средство, представляющее собой соду, пропитанную нашатырным спиртом.

— Хозяин больше не синий!..

Синий человек стал абсолютно белым, таким же, как любой другой нормальный человек. Вот это да!

— Что происходит? — спросил бакалейщик, разбуженный шумом.

— Вы спрашиваете, досточтимый сеньор, что происходит?.. А то происходит, что я готов прыгать от радости, петь и говорить всякие глупости.

— Точно! — поддержал Жан-Мари.

— Правда-правда! — поддакнул Ивон.

— С ума можно сойти от счастья...

— Просто голова кругом...

— Глазам не верю...

— Уверю вас, вы тоже потеряете голову, когда увидите!

— Зеркало, быстро!

— Вы больше не синий!

— Не синий?.. Я?..

— Ей-богу! Взгляните, полюбуйтесь на свой портрет!

— О, Боже! Боже мой! Это я, я, как прежде!..
Какое счастье!

— Может, и вы помешались, а? Скажите же! Впрочем, тише! Доктор не велел вам волноваться. Улыбайтесь, но не шевелитесь. А то поднимется температура.

— Дуэль! Это дуэль, моя рана подействовала...

— Генипа этого бы не сказал, — вырвалось у Беника, но он тотчас же прикусил язык.

— Генипа?.. Что он сказал?..

— Не важно!.. Я вам потом расскажу...

— Впрочем, все равно! Главное, что больше я не синий. Друзья мои, я здоров, я чувствую это, я так хочу. Теперь, когда я стал нормальным человеком и полон сил, я восстанавливаю состояние и честь фирмы. Все снова будет в полном порядке.

— Но, хозяин! Мы же богаты! Наше сокровище...

— Увы! Друзья мои, желтая земля — это всего лишь желтая земля. Слюда, понимаете? Обыкновенная слюда. Три су за килограмм!

В тот момент, когда все трое, обескураженные, растерянно уставились на парижанина, в прихожей послышался шум. Кто-то пришел.

Беник направился к двери, хотя ноги у него подкашивались, голова трещала, а по лбу крупными каплями стекал пот.

На пороге появились горный инженер и торговец золотом, которых в этом доме уж и не чаяли увидеть.

— Могу ли я видеть месье Обертена? — поинтересовался инженер.

— Он болен, ранен... — сбивчиво отвечал Беник, проклиная в душе непрошеного визитера.

— Нам необходимо поговорить с ним. Всего два слова, уверяю вас.

— Я узнаю. Он у себя в комнате.

— Мы принесли ему целое состояние. Речь идет о значительной сумме.

— В таком случае заходите. Деньги всегда кстати. Только не волнуйте его слишком. Он еще слаб.

— Глядите-ка! Да он больше не синий!

— Месье, — начал инженер после короткого приветствия, — перейду прямо к делу. Ваши ящики наполнены слюдой... А много ли там этой вот гальки?

— Очень много! — ответил боцман вместо Феликса, который лишь слабо кивнул.

— Браво! Мы поздравляем вас.

— Не понимаю, собственно, с чем! Эти камешки и желтая земля ни черта не стоят. У нас ни гроша. Чего же тут хорошего? — продолжал моряк.

— Но вы ошибаетесь. Анализ песка показал, что в нем нет золота.

— Нам это известно.

— Но зато я без труда установил природу камней, которые взял у вас вчера.

— И что же?

— Не покажете ли мне ящики еще раз?

— Пожалуйста! Беник, покажи господину ящики.

Все трое прошли в соседнюю комнату, и инженер открыл первый ящик.

— Колоссально! — обратился он к своему спутнику.

— Вы так считаете?

— Нужно бы их рассортировать.

— А как это сделать?

— Очень просто, — вмешался Беник, — нужно всего-навсего опрокинуть ящик.

Не долго думая, он обхватил огромный ящик своими мощными ручищами, приподнял его и перевернул вверх дном.

Во все стороны разлетелись бесформенные камешки вперемежку с более крупными, бесцветными, покрытыми желтоватой оболочкой.

За несколько минут боцман и двое пришедших набрали больше ста штук и разложили их на чайном подносе.

После этого все трое вернулись в спальню, где в нетерпении ожидал больной.

— Месье,— снова заговорил инженер, показывая Феликсу поднос,— знаете ли вы, что представляют собой эти столь разные по виду камни?

— Понятия не имею.

— И конечно, не подозреваете, какова может быть их стоимость?

— Тем более.

— Прекрасно! Месье, перед вами великолепнейшие образцы знаменитых бразильских алмазов!

— Алмазов?.. Вы говорите — алмазов?..

— Поверьте, месье! Это именно так. Вчера я еще сомневался, но анализ показал точно. Ошибки быть не может. В этой тусклой оболочке алмазы имеют неприглядный вид. Вы, естественно, не могли их распознать, рассчитывали получить миллионы за золото, но с этим ничего не вышло. Однако добытые алмазы, думаю, с лихвой окупят ваши труды и оправдают надежды.

— Скажите, а много ли денег можно за них выручить? — застенчиво поинтересовался Беник, который совсем уж не знал, чего ждать дальше. Он окончательно запутался, непрерывно обогащаясь и разоряясь.

— От восьми до десяти миллионов! Это самое меньшее, если в остальных ящиках наберется столько же.

— Черт побери! Жан-Мари, надо порыться. Слышишь, Ивон?

— Месье,— заговорил Феликс,— вы оказали нам огромную услугу. Назовите сумму гонорара *. Я привык платить за услуги.

— Все, чего мы бы хотели, когда вы отберете камни,— это получить право первых покупателей. Не торопитесь. Оцените ваши сокровища. Пригласите других экспертов. Мы заплатим вам столько, сколько пожелаете.

— До скорого свидания, месье! Выздоровливайте и не забываете нас.

* Гонорар — плата автору за произведение искусства: литературский, композиторский, научный и другой труд.

Э п и л о г

Через три недели после удивительных событий Феликс Обертен наряжался и придирчиво разглядывал себя в огромное зеркало, отражавшее его фигуру с ног до головы. Еще бледный после болезни, но от синего цвета не осталось и следа. Одет с иголочки.

Тут же суетились Беник, Жан-Мари и Ивон. На каждом был новенький, по последней моде, костюм. Надо признать, что прежние матросские робы * шли им куда больше.

Все были оживлены, в последний раз бросая взгляды в зеркало и прихорашиваясь.

Наконец они готовы. Удачно раненный, — а именно так отныне друзья именовали Феликса, — сегодня впервые выходит на улицу.

На столе лежала толстая пачка гербовой бумаги **.

— Теперь, хозяин, — проговорил Беник бархатным голосом, — наступило время, когда вы вроде бы овдовели.

— Овдовел!.. Господи! Что вы такое говорите?

— Святая дева! Но ведь ваша супруга уже как бы и не ваша супруга...

— Но она жива, слава Богу! Вы хотите сказать, что моя жена добилась своего — возбудила дело о разводе.

— Да! Вашу супругу не собьешь... Взгляните только, какая кipa документов! Весь стол завалили. Тут, по крайней мере, пол-арпана ***.

— Скажите, и она ни разу не справилась обо мне, пока я болел?

— Бросьте! Не думайте об этом, хозяин! У вас еще будет свое гнездышко. Вы достойны счастья и поверьте — будете счастливы. Слово матроса!

— Представляю себе, — прибавил Жан-Мари, — какое лицо у нее будет, когда она увидит такого красавца, когда поймет, что вы больше уже не Синий человек.

— Пойдемте, друзья мои! Пора. Нас ждут во Дворце правосудия.

От улицы Ренар до Дворца правосудия путь недолгий. Всего несколько минут в экипаже, и четверо друзей входят

* Р о б а — рабочая одежда.

** Г е р б о в а я б у м а г а — специальная бумага, предназначенная для документов.

*** А р п а н — старая французская земельная мера.

в комнату номер шесть. Здесь решаются гражданские дела.

Объявили слушание дела Обертен против Обертена. Обертен-ответчик по причине серьезной болезни поручил вести свое дело доверенному лицу. Однако в тот самый момент, как председатель начал читать решение суда, Феликс вошел в зал.

— Принимая во внимание... то-то и то-то... Принимая во внимание... Суд удовлетворяет просьбу о разводе супругов Обертен. Судебные издержки суд приговорил поделить пополам между истцом и ответчиком. Ребенок по решению суда должен шесть месяцев в году жить с матерью, а шесть — с отцом. Кроме того, господин Обертен обязуется ежемесячно выплачивать госпоже Обертен сумму в пятьсот франков... И так далее и так далее.

Дело закончено, секретарь уже собрался вызвать следующих, как вдруг, к удивлению председателя, со скамьи свидетелей поднялся и направился прямо к нему человек с открытым, симпатичным лицом.

— Уважаемый господин председатель! Я только что выслушал приговор судей и был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы изменили кое-что, а именно сумму алиментов *.

— Кто вы такой?

— Феликс Обертен.

— Но... Разве вы больше не...

— «Не синий», хотите вы сказать? Нет, господин председатель, я выздоровел и вновь обрел нормальный вид. Но говорить хочу вовсе не об этом. Я должен моей... мадам Аглае Ламберт выплачивать пятьсот франков ежемесячно.

— Цифра кажется вам слишком большой? У вас есть три месяца, чтобы подать апелляцию **.

— Напротив, нахожу эту цифру очень незначительной и хотел бы увеличить ее до пяти тысяч франков.

— В месяц?

— Разумеется.

— Это означает шестьдесят тысяч франков в год!

— Совершенно верно. Я готов предоставить эту сумму в распоряжение моей бывшей жены... в распоряжение мадам Аглаи Ламберт. Кроме того, хочу предложить ей одновременно капитал в миллион двести тысяч франков. У меня

* Алименты — средства на содержание нетрудоспособных членов прежней семьи, выплачиваемые при расторжении брака.

** Апелляция — обжалование какого-либо решения в высшую инстанцию.

огромное состояние, и я полагаю справедливым поделиться с той, кто еще так недавно была моей женой.

— Месье,— вновь заговорил председатель, чей голос, до сих пор ровный и бесстрастный, слегка дрогнул,— дело решено. Не угодно ли вам дополнительно договориться с противной стороной о предоставлении предлагаемой суммы. Ведь в момент подачи прошения о разводе вы не располагали подобным состоянием.

...Опираясь на руку Жана-Мари, бакалейщик спускался по лестнице.

Тук!.. Тук!.. Тук!..— послышался нервный стук каблучков. Бывший Синий человек слишком хорошо знал эту быструю, решительную походку, этот бешеный ритм. Наконец появилась женщина в черном, с густой вуалью, закрывающей лицо. Она притаилась в углу зала и теперь бегом бросилась за мужем.

— Феликс! О! Феликс! Как это я вас не узнала, друг мой. Подождите минуточку. Послушайте! Нет, я не могу, я не должна принимать от вас такую жертву.

— Мадам! Вы ошибаетесь, здесь нет никакой жертвы. Речь идет об обыкновенном коммерческом деле.

— Коммерческом?.. А мне показалось... Я по-иному восприняла ваш благородный поступок.

— Боже правый! Мадам, послушайте меня. Я в двух словах объясню вам ситуацию. До расторжения нашего брака мы располагали общим капиталом. Теперь мне необходимо уладить с вами финансовые дела.

— О! Как я была слепа! Безумна!

— Я продолжаю, мадам. Во время моей болезни случилось нечто, из-за чего я нежданно-негаданно стал обладателем огромного состояния. Оно, безусловно, принадлежит нашей с вами общей фирме. Это приблизительно четыре миллиона. Я выкупил всю обстановку и покрыл расходы. Осталось ровно три миллиона шестьсот тысяч франков. Предоставляю вам треть этой суммы. Еще треть — нашему ребенку. Миллион двести тысяч оставляю себе. Дела есть дела! А теперь прощайте, мадам. Или, вернее, до свидания. Пожмем друг другу руки и расстанемся друзьями. Не будем помнить зла. Сохраним уважение.

Феликс слегка побледнел, но сохранял достоинство и безукоризненный тон. Пока он медленно спускался по каменной лестнице, бедняжка стояла в растерянности и смотрела ему вслед. Затем, рыдая, удалилась.

— Друзья,— обратился Феликс к трем матросам,— сегодня же вечером отправляемся к моим орлеанцам. Хо-

чу навестить стариков — отца и мать. Да и по малютке Марте я соскучился. Поедем вместе. Отдохну немного на свежем воздухе, и мы все вчетвером отправимся в вашу Бретань*.

«Мой капитан!

Нам удалось вернуться на родину после самых невероятных приключений. Месье Феликс, который также пишет вам сейчас письмо, расскажет обо всем подробно. Добавят Жан-Мари и Ивон. Я же в полной растерянности, не привык держать в руке перо. Честно говоря, эта щепочка кажется мне тяжелее, чем самая мощная якорная цепь.

Надеюсь, вам приятно будет узнать, что месье Феликс больше не синий и что он дрался на дуэли с англичанином. Этот англичанин — бывший командир крейсера, как вы помните, повесил месье Феликса. Так вот. Англичанин ранил хозяина. Хирурги были весьма обеспокоены. Однако, по их мнению, именно рана помогла нашему другу выздороветь, сделаться от синюхи. Ерунда! Я-то знаю правду. Как-нибудь позже открою вам ее.

За двадцать четыре часа мы успели разориться и вновь разбогатеть. Сначала выяснилось, что желтая земля — вовсе не золото. А потом оказалось, что в ней множество алмазов, настоящих бразильских алмазов. Черт побери! Их там было на миллионы! Во всяком случае, мне так чудилось. У нас кассир месье Феликс. Он поделил деньги между нами: Жаном-Мари, мной и Ивоном. Каждый получил целое состояние. Невероятно, но это так. Теперь мы не знаем, что делать с деньжками, которые нам отвалили. К счастью, всегда приятно сделать что-нибудь хорошее. Жан-Мари собирается поделиться со своим братом, Кервеном. Кстати, не могли бы вы сообщить ему об этом? Мы с Ивоном хотим отдать половину нашего состояния на пенсии вдовам и сиротам моряков, пропавших в море. Я дам приданое племянницам. Ивон осчастливит своих родственников и братьев. Словом, отдадим, что можем. Вы должны понять меня. Если каждый день в кармане есть десять франков, я счастлив и весел. Больше мне не надо.

По-моему, есть еще миллион и для вас. Удивительно забавно распоряжаться таким богатством. Кроме того, отложена солидная сумма для вашего второго помощника, капитана Корсона. Прошу передать ему от меня самые сердечные поздравления. Нашим товарищам по походу за желтой землей тоже достанется немало.

Простите, капитан, что я вынужден так много писать о день-

* Бретань — область во Франции.

гах. Но в данный момент это самый важный вопрос. Надеюсь, у Жана-Мари хватит ума не лезть в муниципальные советники. Во всяком случае, я ему этого желаю. Я счастлив за него.

Собираюсь приобрести две рыболовные шхуны, а может быть и три. Наберу отличную команду из местных ребят. Стану капитаном самой крупной из них. А без этого со скуки помру. Ивон будет хорошо учиться, чтобы потом стать настоящим капитаном. Он сам так решил, а мы поддержали.

Вот, пожалуйста, и все, дорогой капитан, что имеет сообщить ваш старый боцман. С нетерпением ждем встречи с вами. Надеемся увидеть вас в добром здравии. Да сгинут все ваши несчастья.

Примите уверения в совершенном почтении и дружеский привет.

Ваш боцман Беник».

Пока Беник старательно выводил каракули, Феликс успел набросать письмо своему другу, капитану Анрийону, где поведал обо всех приключениях, и теперь писал в Буэнос-Айрес, доктору Роже. Он торопился рассказать врачу об удивительных обстоятельствах своего выздоровления.

Это послание достойно того, чтобы привести его целиком. Оно с научной точки зрения объяснит читателю феномен исцеления Синего человека.

«Доктору Роже, Буэнос-Айрес.

Мой дорогой доктор!

Я по-прежнему слово в слово помню все, что говорит медицина о постигшей меня ужасной болезни, которая в науке называется цианоз.

Ваши прогнозы сбылись в точности. Как вы и говорили, лекарства не в силах были помочь мне. Они лишь могли облегчить недуг, и только.

Необходимо было потрясение, сильный шок, чтобы улучшить состояние, а быть может, и совсем излечить меня.

Сегодня я счастлив сообщить вам о своем полнейшем выздоровлении, благодаря удивительному случаю, который, по всему, должен был бы лишить меня жизни.

Около двух месяцев назад, сражаясь на дуэли, я получил серьезное ранение в шею. Рана явилась результатом удара шпагой. По счастливой случайности, жизненно важные органы не были задеты. Этот удар, подобно лучшему врачу, сделал то, чего не могли сделать никакие лекарства. Видимо, он затронул нервные окончания. Вскоре я совершенно избавился от синюшной болезни.

Вот как объясняют этот феномен. Цианоз был вызван параличом нервов, происшедшим в результате повешения. Шпага попала

как раз в точку, укол ее произвел возбуждающее действие, которое и положило конец болезни. Таким образом, все пришло в норму.

Я не вправе, естественно, давать оценку этой гипотезе *, но рад сообщить вам о самом факте выздоровления до того, как мой врач пришлет обстоятельный и научно обоснованный отчет.

Стоит ли объяснять, какие чувства я испытываю, отделившись от страшного недуга. Нет слов, чтобы в полной мере выразить мое счастье.

В заключение хочу добавить, что, памятуя о внимании, с каким вы относитесь ко всем французам, попадающим в Буэнос-Айрес, я решил в меру своих сил и средств тоже оказать им помощь через вас.

В связи с этим имею честь послать вам чек на двести тысяч франков. Используйте его по своему усмотрению. Пусть эти деньги послужат тем вашим соотечественникам, кто больше всего в них нуждается.

Примите, дорогой доктор, выражение самой горячей признательности.

Феликс Обертен».

Феликс конечно же сообщил о содержании письма своим друзьям, а также ознакомился с литературным трудом Беника. Оба письма были одобрены. Но письмо моряка вызвало у паражанина недоумение.

— Объясните мне наконец,— обратился он к боцману,— что означает фраза относительно того, что вам известны подлинные причины моего выздоровления?

— Ну... Ну, месье Феликс!..

— Что ну? Отвечайте.

— Врачи есть врачи. У каждого свой метод.

— А у вас, кажется, имеется собственный.

— Конечно!

— Что вы понимаете в медицине?

— Все, что нужно.

— Ведь это и меня касается, Беник. Расскажите же, в конце концов.

— Никогда!

— Но почему же?

— Это невозможно!

— За этим скрывается нечто необыкновенное?

— Если угодно. Хозяин, все что хотите, только не это. Я не могу!

— Итак, вы мне отказываете...

* Г и п о т е з а — предположение.

— Месье Феликс, умоляю! Попросите у меня луну с неба, мою жизнь, но..

— Беник, друг мой, во имя нашей дружбы, я хочу, чтобы вы все рассказали. Вернее, прошу вас об этом.

— Хорошо! Дело в том, что речь пойдет... об ушах того негодяя, которые Генипа отрезал, чтобы сделать вам талисман.

— Вы говорите об управляющем?

— Именно о нем. Потом еще о кусочке кожи вождя паталосов, вашего двойника, Синего человека номер два. И еще о голубом камешке из желудка змеи...

— Вы хотите сказать, что из-за того, что Генипа принес мне эти странные предметы, я выздоровел?

— Да... только... — У боцмана пересохло от волнения горло.

— Ну, что еще?

— Этот проходимец Генипа... Он добрый малый, к тому же сообразительный... Он нашел способ заставить вас... ну... проглотить все это...

— Что такое вы говорите?..

— Проглотить понемножечку...

— Боже правый! — вскричал Феликс, бледнея. Потом он так побагровел, что друзья испугались, не сделается ли он вновь синим.

Тем временем бретонец продолжал:

— Вашим питанием занимался Генипа. Каждый раз он подмешивал в еду немного... ну... этого...

— И вы знали и ничего мне не сказали, не помешали ему?!

— Я хотел помочь вам, месье! Все равно как, но лишь бы помочь. Вот вам и доказательство: вы стали белым.

Еще секунду-другую парижанин стоял как вкопанный, потом, поняв, что теперь разбирательства бессмысленны, взял себя в руки и продолжал в комическом тоне:

— Ну, что же поделаешь! В жизни всякое случается. Я был работником, висьельником, чудом природы Синим человеком, идолом, миллионером, потом банкротом, затем вновь миллионером. Недоставало только одного: должен же я оказаться еще и людоедом! Сегодня узнал, что был им.

— Да, конечно! Но вы позабыли еще одно. Вы стали белым.

— К счастью! Только поэтому прощаю вам участие в этой аванюре, не самой, однако, невероятной из всех приключений Синего человека.

Конец

Гвианские робинзоны

БЕЛЫЙ ТИГР *

ГЛАВА 1

Буря на экваторе.— Переключка каторжников.— Усердие не по разуму.— «К оружию!» — Бегство.— Жертвы голода.— Охотники за людьми.— Гусь свинье не товарищ.— Среди собак.— Ночь в девственном лесу.— Добыча во мраке.— Тигр полосатый и тигр белый.— Неудачный выстрел и блестящий сабельный удар.— Месть благородного сердца.— Просьба о прощении.— Свобода!..

Могучие деревья тропического леса клонились под ураганным ветром. Над их макушками, окаймленная угрожающей медно-красной полосой, зависла огромная черная туча. Вспышки разноцветных молний, мгновенные и продолжительные, иногда причудливые, но всегда ужасные, вырывались из нее, словно из опрокинутого жерлом вниз кратера вулкана. Оглушительно звучали раскаты грома. Тяжелые испарения, поднятые палящим солнцем с бесконечных болот, клубились, собираясь в облака, чтобы тут же обрушиться на землю невиданными ливнями — то, что в Европе называют струями дождя, здесь превращалось в сплошные потоки, похожие в отсветах молний на полосы расплавленного металла.

Время от времени громадное красное дерево **, гордость девственного леса, тяжело валилось на землю, а цветущее эбеновое *** — высотой в сорок метров, крепкое как

* В старых переводах роман выходил под названиями: «Беглецы в Гвиане» (издание П. Сойкина) и «Тайна золота» (издательство «Земля и Фабрика»).

** Красное дерево — тропическое дерево (акажу, копайба, махагони и др.) с ценной древесиной красного цвета различных оттенков.

*** Эбеновое, или черное дерево — тропическое дерево (брауна и др.) с темной, иногда почти черной древесиной, очень твердой и красивой, которую используют не только в промышленности, но и для изготовления деревянной скульптуры.

железо — раскачивалось из стороны в сторону, будто ивовый прут; столетний кедр в четыре обхвата раскалывался с треском, словно сосновое полено.

Эти гиганты с мощными ветвями, усыпанными цветами орхидей * и других растений, сперва лишь стонали и гнулись, связанные немислимим переплетением лиан **, но в конце концов уступали натиску урагана. Тысячи красных лепестков усеивали траву, напоминая брызги крови, пролитой поверженными лесными исполинами.

Обезумело и затаилось от страха все живое. Звучал, достигая неправдоподобной силы, только яростный голос бури.

Величественная симфония природы, сочиненная и исполненная самим Духом Ураганов, заполняла просторную долину Марони — большой реки во Французской Гвиане.

Ночь, как всегда в этих местах, где солнце всходит без зари и заходит без сумерек, наступила внезапно.

Но человека, бывалого, привыкшего к чудесам тропиков, поразило бы, несомненно, не это, а вид доброй сотни людей всех возрастов и рас, выстроившихся в четыре шеренги под широким навесом. Молчаливые и бесстрастные, они стояли, держа в руках шапки.

Хлипкое сооружение из пальмовых листьев грозило рухнуть каждую секунду. Горшки для оливковых выжимок *** подрагивали в своих ячейках, четыре фонаря, развешанные по углам, казалось, вот-вот погаснут.

Но лица людей — арабов, индусов, негров, европейцев — сохраняли хмурую безучастность.

Все были босы, в серых полотняных штанах и блузах, помеченных на спине большими черными буквами У. и П., разделенными изображением якоря.

Между шеренгами медленно прохаживался среднего роста мужчина, с широкими плечами и грубым лицом. Кончики его длинных усов были тщательно закручены, а холодный и цепкий взгляд светлых глаз придавал физиономии выражение хитрости и двуличия.

* Орхидея — растение из семейства орхидных (более 20 тыс. видов), в тропиках укореняется на коре деревьев, обладает причудливыми по форме и окраске ароматными цветами.

** Лианы — древесные и травянистые лазающие растения.

*** Оливковые выжимки — каша, которая остается после отжима из маслин оливкового масла. Оливковое дерево, или маслина, распространилось по всему миру как масличная культура.

Отложной с серебряным позументом * воротник темно-синей суконной тужурки незнакомца, гармонировал с серебряными галунами ** обшлагов. На боку у него висела кривая сабля, бившая при ходьбе по лодыжке, за поясом торчал пистолет, а в руке была увесистая дубинка, которой ее самодовольный владелец время от времени ловко выделял фехтовальные коленца.

То и дело обмахиваясь синей суконной фуражкой, он с головы до пят оглядывал каждого в шеренге, кто откликался, заслышав свое имя.

Переключку проводил человек в той же форме, но внешне совсем иной: высокий и худой, с хорошей фигурой, молодым и открытым лицом. Вместо дубинки в руке он держал маленькую записную книжку и громким голосом, стараясь пересилить вой бури, выкрикивал имена из списка:

— Абдулла!

— Я!

— Минграссаи!

— Я! — хрипло отозвался индус, весь дрожа, несмотря на жаркую духоту.

— Еще один пляшет танец святого Ги ***... — гаркнул человек с закрученными усами. — Ну, погоди, мерзавец, по тебе уже плечет дубина для ослов!..

— Симонен!

— Я!.. — с трудом держась на ногах, еле выговорил европеец с мертвенно-бледным лицом и впалыми щеками.

— Громче отвечай, скотина! — на плечо бедняги опустилась дубинка, каторжник согнулся и застонал от боли.

— Ну! Я же знал, что голос к нему вернется! Ишь верещит, как обезьяна.

— Ромулюс!

— Я! — оглушительно выкрикнул огромного роста негр, оскалив два ряда зубов, которым позавидовал бы и крокодил.

— Робен!

* Позумент — шерстяная или шелковая тесьма с добавлением блестящей металлической нити. Используется для обшивки военного обмундирования.

** Г а л у н — нашивка из золотой или серебряной мишурной тесьмы на форменной одежде.

*** «...танец святого Ги» — иначе: пляска святого Витта; обиходное название хорси, нервной болезни, которая проявляется в непроизвольном подергивании, несогласованных движениях. Надзиратель именует так сильною дрожь у заболевшего лихорадкой заключенного.

Молчание.

— Робен! — повторил молодой человек с записной книжкой.

— Отвечай, сволочь! — рывкнул владелец дубинки.

Но ответа не последовало. Только едва слышный шепот пробежал по шеренгам.

— Молчать, собаки!.. Первому, кто сдвинется с места или скажет хоть слово, я продырявлю глотку пулей! — Надзиратель выхватил из-за пояса пистолет.

На несколько секунд воцарилась тишина, не нарушаемая даже громом. И вдруг издалека донеслось:

— К оружию!

Раздался выстрел.

— Тысяча чертей! В хорошенькую переделку мы попали! Значит, Робен сбежал, а он политический! Чтоб я сдох, если не отхвачу за это три месяца ареста!

«Депортированный» Робен был отмечен как «отсутствующий», и перекличка завершилась.

Мы сказали «депортированный», а не «транспортированный». Первое из обозначений относилось к осужденным за политические преступления, второе — к уголовникам. Только в этом и состояло весьма незначительное различие между арестантами. Все остальное было одинаковым: каторжные работы, питание, одежда, режим... Депортированные и транспортированные пользовались равными «щедротами» начальства вплоть до количества палочных ударов охранника Бенуа, чей нрав, как уже могли понять читатели, очень мало соответствовал его имени *...

Итак, мы находимся во Французской Гвиане, на правом берегу реки Марони, отделяющей наши владения от Голландской Гвианы.

Исправительная колония, где разворачивается в феврале 185... года пролог драмы, называется Сен-Лоран. Она открыта совсем недавно. Это филиал ** колонии в Кайенне ***. Каторжников здесь пока немного, не более пятисот. Местность нездоровая, часты заболевания болотной лихорадкой, а работы по раскорчевке пней тяжелы и изнурительны.

* Бенуа (Benoît) (фр.) — блаженный, снисходительный. (Примеч. авт.)

** Филиал — отделение, часть учреждения или организации, торговой фирмы.

*** Кайенна — столица Французской Гвианы. (Примеч. авт.)

Надсмотрщик Бенуа сопровождал свою бригаду в казарму. Ретивый полицейский пес чувствовал себя униженным и растерянным. Дубинка уже не плясала в его здоровенных руках, кончики усов уныло повисли, а козырек форменного кепи утратил лихой наклон в сорок пять градусов.

Беглец — «политический», человек энергичный и умный. Его исчезновение — настоящее бедствие для надзирателя; о каком-нибудь убийце или фальшивомонетчике Бенуа думал бы не больше, чем о стаканчике тафии *.

Зато каторжников происшествие обрадовало донельзя — именно потому, что выбило из колеи охранника. Впрочем, свою радость они выдавали лишь взглядами — единственным проявлением протеста, доступным узникам в присутствии злого и жестокого служаки.

Люди вскоре улеглись на койках, подвешенных между брусьями, и, лишенные сил, забылись хоть и тяжелым, но крепким сном.

А Бенуа, несмотря на ливень и грозу, отправился, полный дурных предчувствий, к начальнику каторжной тюрьмы.

Тот уже все знал и спокойно отдавал распоряжения по поимке беглеца. Впрочем, как человек опытный, начальник был почти уверен: быстрее снаряжаемой погони бежавшего настигнет голод. Настигнет и приведет назад. Побег с каторги случались и раньше, но всякий раз голод, лучший из охранников Сен-Лорана, оказывался на высоте. От его недреманного ока смогли ускользнуть лишь те, кто стал добычей крокодилов, ягуаров или ядовитых насекомых, чьи укусы смертельны.

Правда, энергия и упорный характер Робена были хорошо известны в Сен-Лоране, и мало кто сомневался, что он сдастся на чью-то милость.

— Этот не возвратится,— негромко заметил начальник.— Конченный человек.

— Господин начальник,— Бенуа надеялся показным рвением отвести от себя угрозу сурового наказания,— я его приволоку живым или мертвым! Клянусь, вот увидите!

— Ну, «мертвым» — это уже чересчур... Вы меня поняли? — жестко ответил начальник, справедливый и твердый по натуре, умело совмещавший свои мрачные обязанности

* Та фи и я — водка из тростникового сахара. (Примеч. авт.)

с некоторой долей гуманности.— Мне не раз приходилось обуздывать вашу грубость. Предупреждаю в последний раз: никакого самоуправства!.. Постарайтесь найти беглеца и привести обратно, если хотите избежать дисциплинарного совета *, а после выполнения задания приготовьтесь к восьми дням тюремного заключения. Идите!

Надсмотрщик резко откозырял и убрался восвояси, обрушивая по дороге на голову бежавшего потоки грязных ругательств.

— Ну, только попадись, паскуда... Ты меня еще не знаешь... Доставить живым!.. Именно живым он мне и нужен... Хотя пулю в мягкое место всажу ему обязательно и дубинкой добавлю так, чтобы сдох не сразу, а потом...

Надзиратель пришел в хижину, которую делил с другими охранниками, побросал в вещевой мешок кое-какой провиант, вооружился компасом, тяжелым ножом с широким лезвием — такие используют здесь для расчистки дороги в джунглях, и вскинул на плечо охотничье ружье.

Было около семи вечера. Прошло три четверти часа, как хватились Робена.

Бенуа, старший по званию, решил взять с собой еще троих надзирателей.

— Послушай, Бенуа,— заговорил один из них, тот, кто проводил перекличку,— зачем выходить в такую погоду, да и время позднее? Подожди хоть, пока стихнет ураган. Робен далеко не уйдет... А завтра...

— Я здесь командир и делаю то, что считаю нужным,— отрезал Бенуа.— Свои советы держи при себе. Подлец Робен попытается перебраться через Марони и укрыться в поселках Аруаг или Галиби. Надо перехватить его раньше, чем он построит плот. Черт побери! Эта скотина глупа, как и все прочие. Позавчера несколько краснокожих свиней шатались возле северной засеки... Погодите, голубчики, скоро услышите обо мне... Не правда ли, Фаго, мы им развяжем языки?..

При звуке своего имени коротконогий спаниель **, злобный на вид, с умными глазами и взъерошенной шерстью, выбрался из-под грубо сколоченного стола.

* Дисциплинарный совет.— Здесь: группа администрации, которая разбирает дела о провинностях служащих и определяет им наказание.

** С п а н и е л ь — порода охотничьих собак с длинными свисающими ушами и длинной волнистой шерстью; масть черная, светло-рыжая, коричневая или черная с серым.

На тюремном жаргоне «фаго» означает «каторжник» — такую остроумную, как он сам считал, кличку дал собаке Бенуа. Эта четвероногая тварь ненавидела не только своих собратьев-псов, принадлежащих свободным людям, но и самих этих людей и, заливаясь истощным лаем, чужала беглого или просто незнакомого человека на немыслимо далеком расстоянии.

За годы, проведенные в Гвиане, Бенуа неплохо изучил страну, стал отличным следопытом и с помощью Фаго мог бы соперничать с лучшими охотниками здешних мест.

Придя в казарму, он отвязал койку беглеца и дал обнюхать собаке, прищелкивая языком:

— Ищи, Фаго! Ищи!..

Собака несколько раз сильно втянула воздух, потом завиляла хвостом и твякнула, как бы говоря: «Есть! Приказ принят к исполнению!»

— Проклятая погода... Чтобы удрать, лучше не придумашь, — проворчал один из надзирателей, сразу же промокший до нитки под потоками дождя. — Черта с два мы его найдем!

— Точно... — поддержал другой. — Не хватало еще наступить на гремучую змею * или провалиться в трясину.

— В такую погоду собака не возьмет след, — заявил третий. — Дождь все смоеет, никакого запаха не останется. Робен не мог удачнее выбрать момент!

— Эй вы, вперед! Слышите? Я не в бирюльки ** играю! Буря вот-вот кончится, луна взойдет, все будет видно как днем. Пошли к Марони, и Бог нам в помощь!

Четверо в сопровождении собаки продвигались бесшумно, индейской цепочкой, по узенькой, едва заметной среди зарослей тропинке, которая вела к верховью реки.

Охота на человека началась.

В тот момент, когда каторжники выстроились на переключку, часовой на посту возле здания отчетливо увидел при блеске молнии человека, убегающего со всех ног.

Ошибки быть не могло. Беглец одет в арестантскую робу. И солдат не колебался. Он взвел курок и выстрелил, даже не окликнув, как положено: «Стой! Стрелять буду!»

* Гремучая змея — ядовитая змея длиной до 2,4 м; чешуи на хвосте образуют погребок, отсюда и название.

** Бирюльки — игра, во время которой надо из кучки мелких деревянных игрушек, снабженных петельками, вытягивать при помощи особого крючочка одну вещь, не зацепив остальных. Выражение «играть в бирюльки» в переносном смысле означает «заниматься пустяками».

Молнии вспыхивали непрерывно, охранник хорошо видел цель, но промазал.

Беглец услышал свист пули, прибавил скорости и скрылся в чаще в ту самую минуту, когда охрану подняли по тревоге.

Не обращая внимания на дождь, ветер и грозу, заключенный, взяв влево, углублялся в лес с уверенностью человека, отлично знакомого с местностью. Колония осталась у него за спиной, речной берег — по правую руку.

Робен с бега перешел на быстрый шаг и, двигаясь по едва заметной в густых зарослях тропинке, через полчаса оказался на просторной поляне, загроможденной стволами сваленных и частично уже распиленных деревьев.

Это был один из лесных складов каторги. В нескольких шагах от расчищенной зоны торчал метровый пенёк. Именно такие пни оставляют по обычаю гвианские лесорубы.

Каторжник остановился и ощутил его: вспышки молний сделались редкими, и глаза не сразу смогли различить нужную приметку.

— Здесь,— тихо промолвил Робен, нащупав деревянную рогатину, оставленную вроде бы ненароком.

Он схватил ее и стал быстро ковырять рыхлую, будто недавно вскопанную землю; вскоре конец рогатины, твердый как железо, звякнул по металлу.

Беглец без особых усилий вытащил белый жестяной короб, квадратный, каждое ребро сантиметров сорок, один из тех, в которых хранятся на кораблях галеты *.

Длинная и гибкая лиана опоясывала ящик несколько раз; на одной из сторон были оставлены две широкие петли — крепления, как у рюкзака. Человек продел в них руки, пристроил ящик на спине, потом вытянул из укрытия короткий тесак с деревянной рукоятью со вставками из латуни ** для прочности, подхватил левой рукой рогатину и несколько минут постоял молча, прижавшись к огромному пню.

Затем гордо выпрямился и произнес:

— Наконец-то я свободен! Свободен, как свободны в этих глухих просторах дикие звери! И пускай даже меня ужалит змея, растерзает в клочья тигр, пускай меня дочерна

* Галеты — сухие лепешки из пресного теста, могут храниться долго. Современное значение слова — «сухое несладкое печенье».

** Латунь — сплав меди с цинком, употребляется для различных изделий, а также для защитного (против ржавчины) покрытия других металлов, чаще всего — стали.

опалит солнце, изведет лихорадка, замучает голод... Лучше смерть, чем проклятая каторжная жизнь! Один ад сменяется другим, но тот, где я умру свободным, все-таки лучше!

Старший надсмотрщик не ошибся в своем предсказании насчет тропической грозы. Ее бурные вспышки ужасны, но преходящи. Очень скоро тучи унеслись прочь. Луна медленно поплыла над непроницаемым покровом листвы, окаймлявшим берега реки. Диск ночного светила засиял ярким блеском, неведомым в европейских широтах, от него искрились еще не улегшиеся волны и капли дождевой влаги на листьях. Голубоватые лучи кое-где проникали сквозь плотные лиственные своды, скользили вдоль стволов, высвечивая переплетения вьющихся растений и цветов на высоких прямых деревьях, напоминавших колонны громадного собора.

Робен не оставался бесчувственным к красоте лунной ночи, но время подгоняло его. Надо бежать дальше как можно быстрее, надо воздвигнуть непреодолимый барьер пространства между ним и преследователями.

Всего на несколько минут после своего страстного монолога о свободе каторжник замер в молчаливом созерцании, затем сориентировался и пустился в путь.

За время пребывания в исправительной колонии Марони он не раз наблюдал, как совершались побегы. Ни один не оказался удачным. Беглецов рано или поздно ловили надсмотрщики, иногда — выдавали голландские власти; случалось, несчастные просто погибали от голода и лишений. Некоторые, еле живые, возвращались сами, чтобы добровольно сдаться на милость начальства, предпочитая тюрьму мучительной гибели в лесу.

Военный трибунал добавлял им от двух до пяти лет ужесточенного режима. Но они все-таки возвращались, настолько сильна в человеке жажда жизни, какой бы жалкой и убогой эта жизнь ни была.

Что касается нашего героя, он без колебаний посвятил себя служению идее; смерть мало значила для него. Робен знал, как избежать встречи с голландцами. Это легко. Надо лишь оставаться на правом берегу реки. На голод же — наплевать. Крепкое сложение и неиссякаемая энергия позволяют ему долго продержаться. Ну а коль суждено погибнуть... Что ж! Он не первый, чей скелет, до блеска отполированный муравьями, найдут в этом лесу.

Впрочем, беглец вовсе не хотел умирать. Он был муж и отец, его не сломил изнурительный каторжный труд, не опустошила нищета, тюрьма не заставила опустить руки.

Он хотел жить для своих близких. И когда человек такой закалки говорит: «Я хочу!» — он может.

За ним, конечно, пошлют в погоню самых ловких тюремных ищеек, уж они-то будут стараться изо всех сил. Ничего не попишешь, если он дичь, надо попробовать перехитрить охотников. И — прежде всего направить их по ложному пути.

«Они, конечно, убеждены, что я двинусь к голландским поселениям, — размышлял Робен. — Поддержим их в этом заблуждении и для начала построим плот».

Француз круто свернул к реке, шум которой доносился до него справа. Стало ясно: это грохочет вода на Голубых Камнях, и если подняться вверх по течению, то в километре отсюда можно найти материал для плота.

Производя не более шума, чем краснокожие на тропе войны или на охоте, каторжник направился прямо к берегу, до которого было чуть меньше часа ходьбы.

Осуществление задуманного плана требовало чрезвычайной ловкости и смелости. Робен понимал, что преследователи направились именно к реке, то ли вверх, то ли вниз по течению от Сен-Лорана. Одно из двух: либо идущие по следу уже миновали место, где он рассчитывал соорудить плот, и тогда нечего волноваться, либо нет. Во втором случае придется спрятаться в прибрежных зарослях. Там тюремщики его не найдут, сколько бы ни искали. Робена не смущало даже то, что предстоит Бог весть сколько просидеть в воде, в соседстве с пресноводными акулами *, хищными пирайями **, электрическими угрями *** или скатами-хвостоколами ****.

* Пресноводные акулы. — Некоторые виды этих хищных рыб могут существовать как в соленой морской, так и в пресной воде.

** Пирайи (пираньи) — хищные южноамериканские рыбы, известные своей агрессивностью и прожорливостью. Зубы пирай без труда рассекают кость. Рыбы небольшие, не длиннее 60 см, но очень опасные для животных и человека в воде.

*** Электрический угорь — змеевидная крупная рыба (длиной до 1,5 и даже до 3 м), обитающая в неглубоких реках северо-восточной части Южной Америки, в том числе и в Гвиане. Угорь дышит атмосферным воздухом (в воде заболоченных рек мало кислорода); электрический орган угря занимает до 4/5 длины тела, напряжение тока от 350 до 600 вольт, но сила тока невелика, и удар его хоть и опасен для человека, но не смертелен.

**** Скот-хвостокол — плоская рыба с широким телом, имеет на хвосте острую иглу, у многих видов снабженную ядовитыми железами. Южноамериканские речные хвостоколы могут, нанеся рану иглой, вызвать сильное отравление с тяжелыми последствиями, вплоть до паралича конечностей.

Он не мог знать заранее, какое из двух предположений окажется верным и, подойдя к берегу, без задержки приступил к осуществлению плана. Опытным глазом выбрал пару прямых деревьев, белых и блестящих, словно серебряные бруски, свалил их двумя ударами, а затем решительно вступил в воду и по грудь вошел в гущу ароматных водорослей, называемых здесь «мукумуку». Эти ярко-зеленые растения, в изобилии устилавшие речное дно, необычайно легки, прочны, хотя и хорошо поддаются ножу. Робен отобрал десятка три побегов, длиною метра по два, бесшумно срезал их, стараясь не обжечься едким соком, потом натянул крест-накрест — вроде решетки — между жердями.

Получилась двухметровая квадратная платформа, прекрасно державшаяся на воде. Веса человека она бы, разумеется, не выдержала, но для той цели, которой добивался Робен, вполне годилась.

Соорудив плот, он скинул с себя тюремную робу, набил ее листьями и пристроил так, чтобы она напоминала прилежшего на плоту человека; в рукав чучелу сунул вместо весла широкий лист и провел плот через скопление водорослей к чистой воде.

Приливная волна, которая давала знать о себе за двадцать с лишним километров от устья огромной реки, уже поднималась. Плот подхватило течением и повлекло, медленно кружа, к противоположному, голландскому берегу.

— Прекрасно! — воскликнул Робен. — Готов поклясться, что через четверть часа наши молодцы ринутся вдогонку за куклой на плоту!

Француз понимал, что лучший способ остаться незамеченным — и в безлюдной местности и в населенной — это не избегать торных дорог. И потому без малейшего колебания ступил на тропу, где мог легко встретиться со своими преследователями.

Углубляться сейчас в нехоженный лес не следовало. Он может послужить укрытием в случае необходимости, но в темноте сквозь него не продерешься.

Робен двигался с бесконечными предосторожностями, стараясь не производить никакого шума, и время от времени останавливался, пытаясь уловить необычный звук в шелесте зеленого океана.

Ничего подозрительного!.. Только падают капли на влажные листья, мерцающие в лунном свете, только шорох змеи или ящерицы в траве, безмолвное мелькание насекомых, да иногда хлопнет крыльями намочшая птица.

Он шел все время под темными сводами деревьев, слегка подсвеченными голубоватым сиянием луны, сквозь мириады светлячков, которые в полете прочерчивали ночной мрак огненными линиями.

Вскоре наш герой достиг бухты Балете — небольшой протоки, шириной метров пятьдесят. Он знал, что встретит эту водную преграду, образованную притоком Марони, и должен будет немедленно ее преодолеть, чтобы оставить водный рубеж между собой и преследователями.

Для могучего пловца, каким был Робен, задача не составляла особого труда, глубина протоки не превышала пяти метров.

Но, прежде чем погрузиться в воду, он затаил дыхание и пристально взгляделся в очертания берега. Вначале ничто его не встревожило, но через минуту-другую послышался отчетливый шепот — акустика * тропических ночей удивительна! — и беглец застыл на месте.

— Говорю тебе, это плот...

— Ничего не вижу.

— Погляди, вон там... впереди... в сотне метров от берега. Ну, видишь?.. Темное пятно. На плоту человек. Мне хорошо видно...

— Ты прав!

— Плот и человек на нем. Точно! Однако он гребет против течения...

— Черт побери! Прилив начался... Его закружит и вынесет на голландский берег.

— Ну нет! Ни за что! Даром, что ли, мы поперлись в такую рань...

— А если я прикажу ему причалить к берегу?

— Скажешь тоже! Глупец! Вот если бы этот «фаго» был уголовником, тогда другое дело. Испугался бы пули и послушался... Но политический! Никогда...

— Ты прав. К тому же это Робен.

— Смелый человек, что ни говори.

— Да, но этого смельчака надо поймать.

— Если бы Бенуа был на той стороне!

— Хорошо бы... Но он закусил удила. Пересек залив на пароме и теперь черт знает где... Далеко впереди...

* Акустика — в физике наука о звуке; автор книги имеет в виду, что в неподвижном воздухе тропической ночи даже негромкий звук распространяется далеко и хорошо слышен.

— Давай пульнем по плоту.

— Жалко. Я никогда не держал зла на Робена, он лучше всех. Вежливый.

— Что верно, то верно. Бедняга! Мы невзначай продырявим ему череп, и кайманы * им пообедают.

— Кончай болтать! Стреляй!..

Три огненно-ярких вспышки рассекли ночную тьму, тишину взорвали три глухих выстрела, поднявшие в воздух встревоженную стаю попугаев.

— Какие же мы глупцы! Тратим патроны впустую, а ведь перехватить плот проще простого.

— Как?

— А вот послушай. Лодка, на которой Бенуа перебрался через бухту, стоит на приколе на том берегу. От берега до берега протянута лиана, по ней ходит паром. Я лезу в воду, хватаюсь за эту лиану и плыву на тот берег. Возвращаюсь с лодкой... Забираю вас, и мы продолжаем свою охоту...

— ...и завершаем ее успешно!

Придя к такому решению, трое охранников не теряли времени даром, и вскоре, гребя изо всех сил, покинули бухту Балете, держа курс на Марони.

Робен выслушал все не шелохнувшись. Судьба благоволила к нему, подарив шанс на спасение. Едва пирога ** исцезла, как беглец в свою очередь схватил лиану, одним ударом тесака перерубил ее и оказался в воде, удерживаясь рукой за конец растения.

Природная якорная цепь, с помощью которой он плыл, под воздействием течения описала четверть окружности. Центр окружности находился в месте крепления лианы на другом берегу. Перемещение каторжника произошло бесшумно, даже без особого напряжения сил с его стороны, и поверхность воды осталась почти не потревоженной...

Десять минут спустя француз выбрался на противоположный берег и, не повторяя ошибки надзирателей, перерезал лиану. Та сразу же исчезла под водой.

— Так-так,— сказал Робен,— значит, меня преследует Бенуа. Он где-то впереди. Отлично. До сих пор я следовал за охотниками, и маневр удался. Продолжим в том же духе!..

Наш герой вытащил из заплечного короба галету,

* Кайман, или аллигатор — американский крокодил, различные виды которого распространены в Южной Америке.

** Пирогa — лодка, выдолбленная из ствола дерева.

сжевал ее прямо на ходу, затем отпил немного тафии, подкрепившись таким спартанским завтраком *, ускорил шаг.

Минуты и часы летели незаметно, луна следовала своим путем. Вскоре должно было взойти солнце, на горизонте занималась яркая заря. Лесная чаща пробудилась и заговорила многими голосами.

К воркованию и свисту пернатых, к монотонному жужжанию насекомых, резким крикам пересмешника ** вдруг примешался отрывистый собачий лай. Так лает пес, бегущий по следу.

— Индеец охотится?.. А может быть, это надсмотрщик?.. Уж лучше бы краснокожий! Но если надзиратель... Однако я от своего не отступлюсь! Будь что будет!

Лес посветлел. Большие деревья расступались, открывая свободное пространство. Обилие выходящего дикого винограда «пино» указывало на близость высохших болот, так называемых «пинотьер».

Едва Робен ступил на поляну, как внезапно рассвело. Он едва успел спрятаться за огромным кедром, чтобы ненадолго не выдать себя.

Лай приближался. Каторжник стиснул в руке рогатину и затаил дыхание.

Спустя минуту небольшое красивое и стройное животное, коричневое, с прямыми рожками, пробежало мимо дерева, за которым спрятался Робен.

Это была «кариаку», гвианская косуля ***. Стараясь ее достичь, в ту же секунду какое-то тяжелое тело обрушилось с высокой ветки на землю.

То был крупный ягуар ****. Заслышав лай охотничьей собаки, он затаился в ветвях, готовый броситься на загнанную собакой дичь.

* С п а р т а н с к и й з а в т р а к.— Здесь: однообразный и недостаточно сытный. Спарта — область Древней Греции, жители которой с детства приучались к суровым условиям жизни, к спорту, физическому труду, ограничениям в еде.

** П е р е с м е ш н и к — птица, получившая название благодаря способности включать в свое пение много заимствованных звуков; в Южной Америке обитает многоголосый пересмешник, наделенный особенно развитой способностью к подражанию.

*** К о с у л я — парнокопытное животное семейства оленей. Различные виды косуль распространены на всех обитаемых континентах.

**** Я г у а р — крупное (длина до 2 м, хвост до 75 см) хищное млекопитающее семейства кошачьих; обитает в Южной Америке, где его нередко — и с научной точки зрения неправильно — называют тигром.

Робен даже не вскрикнул, ни единым жестом не выдал своего волнения. Хищник, заметив его, отступил.

Озадаченный невозмутимым видом человека, его решительной позой, ягуар прыгнул еще раз, пролетел над головой беглеца и, молниеносно взобравшись по стволу, с которого только что сорвался, снова растянулся на ветке — глухо и грозно рыча, с горящими глазами, вздыбленными усами и оскаленной мордой.

Человек, весь напрягшись, не сводил глаз со зверя и ждал нападения, сжимая в руке рогатину. Треск раздвигаемых ветвей заставил француза повернуть голову.

В пяти шагах от себя он увидел ружейное дуло, нацеленное прямо в него...

— Сдавайся!.. Ну! Или я стреляю!

Презрительная улыбка искривила губы Робена, когда он узнал Бенуа. Заносчивый и жестокий холуй пытается сыграть чуть ли не старинную мелодраму *. Шут гороховый, неужели он не видит хищника, который рвет клыками твердокаменную кору дерева, будто бумагу.

Робен, словно укротитель в цирке, смотрел прямо в глаза ягуару, стараясь точно рассчитать каждое движение: любой слишком резкий жест мог принести смерть.

У ягуара сузились глаза, зрачки превратились в две вертикальные щелочки. Зверь, казалось, ощущал некое магнетическое воздействие человеческого взгляда.

Бенуа, держа ружье обеими руками, стоял в позе Вильгельма Телля ** и выглядел нелепо и смешно.

— Ну, негодяй... Чего молчишь?

Ягуар, все громче рыча, повернул к надзирателю морду.

Бенуа, человек не робкого десятка, к тому же хорошо вооруженный, вскрикнул, скорее ошеломленный, чем испуганный. Потом спокойно прицелился в ягуара и выстрелил. Заряд крупной дроби задел морду, плечо и левый бок гигантской кошки. К темным пятнам на пестром одеянии зверя добавились алые, из ран

* Мелодрама — в литературе так называют пьесы о борьбе добра и зла, действующие лица которых проявляют повышенную и бурную чувствительность; Буссенар применяет слово для определения напряженной жизненной ситуации.

** Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды, рассказывавшей о борьбе швейцарцев против владычества Австрии в XIV в. Австрийский наместник Геслер приказал Теллю, меткому стрелку, сбить стрелой яблоко с головы маленького сына. Выполнив это, Телль убил Геслера, что послужило сигналом к началу народного восстания.

потекла кровь, но уложить хищника на месте такой выстрел не мог.

Надзиратель тотчас убедился в этом на собственной шкуре. Раненый ягуар бросился на незадачливого охотника и одним ударом лапы повалил его на землю.

Бенуа почувствовал, как в его тело впились острые когти, прямо перед глазами распахнулась жаркая красная пасть с двумя рядами острых белых клыков.

Машинально он ткнул в эту пасть дулом ружья. Челюсти сомкнулись, зубы ударили о металл, зверь рванулся вбок, и через мгновение приклад был раздроблен.

Надзиратель понял, что погиб... и не позвал на помощь. К чему?... Закрыв глаза, он ждал смертельного удара. Но тут Робен, чья благородная душа не ведала ненависти, ринулся вперед.

Он ухватил ягуара за хвост и дернул так сильно, что хищник выпустил свою жертву, готовый броситься на нового врага, посмеявшегося столь бесцеремонно с ним обращаться.

Однако противник оказался сильнее. Храбрец отбросил рогатину и выхватил тесак. Отточенное лезвие рассекло загривок зверя — могучее, словно у быка, переплетение стальных мускулов. Брызнули два пульсирующих красных фонтана и рассыпались по сторонам дождем из кровавых пенных капель.

Надсмотрщик лежал распростертый на земле, с распоротым до кости бедром. Изломанное ружье годилось теперь разве что на рукоятку для метлы.

Тело животного, сотрясаемое предсмертными судорогами, отделяло Бенуа от Робена. Каторжник хладнокровно обтирал пучком травы окровавленный тесак. Казалось, он совершил самое простое, обычное дело, не требовавшее никакого напряжения сил.

Долго тянулось молчание, прерываемое лишь пронзительным лаем Фаго, который держался, однако, на почтительном расстоянии.

— Ладно. Добивай... Теперь мой черед,— проговорил наконец надсмотрщик.

Робен не отвечал, как будто и вовсе не слышал.

— Ну, чего ждешь? Убей меня, и конец. На твоём месте я бы давно уже это сделал.

Молчание.

— А!.. Ты радуешься победе! Но половину работы за тебя выполнил зверь! Пятнистый тигр выручил тигра бело-

го *!.. Проклятье! Мне здорово досталось... Плохо вижу... Умираю... Это конец...

Кровь лилась и лилась из открытой раны. Бенуа уже терял сознание и мог скончаться от потери крови.

Вступая в схватку с ягуаром, Робен поддался безотчетному порыву, инстинкт самосохранения также сыграл свою роль. Он начисто забыл в эти минуты об оскорблениях и побоях, полученных на каторге от Бенуа. Да и вообще весь ад каторжной жизни словно перестал существовать для него — ни дубинок, ни издевательств, ни тюремной жестокости с ее ловушками. Он видел перед собой только человека, тяжело раненного, который умирал у него на глазах. Француз прежде не умел делать перевязки, но интуиция и жизненный опыт и на этот раз его не подвели.

«Пинотьер», или сухая саванна **, начинался в нескольких шагах от места, где разыгралась трагедия. Каторжник пробрался сквозь кусты и вскоре обнаружил плотный слой растительного перегноя. Нашлась неподалеку и сероватая, мучнистая глина.

Из глины и перегноя он скатал большой ком, оторвал рукав от собственной рубашки, разодрал его в мелкие клочки, приготовив нечто вроде грубой корпии ***, смочил ее тростниковой водкой и осторожно наложил на края раны лежавшего в забытьи Бенуа; потом взял приготовленную смесь и начал накладывать ее на ногу своего заклятого врага так же, как хирурги накладывают гипс, — слой за слоем; обернул все это сверху большими свежими листьями и крепко перетянул лианами.

Ужасная рана от бедра до колена оказалась надежно закрытой. Если не начнется воспаление, раненый должен был выздороветь с не меньшей степенью вероятности, чем после обработки раны опытным врачом.

Вся операция длилась не более четверти часа. Мертвенно-бледные щеки Бенуа порозовели.

* Негры, а также краснокожие называют «тиграми» белых каторжников-беглецов европейского происхождения. (*Примеч. авт.*)

** Саванна — местность, покрытая травянистой растительностью, среди которой встречаются одиночные деревья. Буссенар обозначает этим же словом обширные болота и трясины Гвианы.

*** Корпия — раздерганная на нитки ткань, которая употреблялась вместо ваты для перевязки ран.

Охранник зашевелился, глубоко вздохнул и про-
бормотал:

— Пить!..

Робен сорвал большой лист, свернул его и побежал к воронке, откуда извлекал глину. Воронка уже аполнялась чистой водой.

Он приподнял голову раненого, тот с жадностью глотал воду, потом открыл наконец глаза.

Невозможно описать изумление надзирателя, увидевшего перед собой каторжника. Бенуа невольно сделал попытку вскочить на ноги, чтобы защищаться, а может, даже нападать.

При первом же движении острая боль пронзила его, а вид мертвого ягуара вернул ему память. Как?! Значит, это Робен, которого он преследовал со слепой ненавистью, вырвал его из смертельных объятий хищника, это Робен перевязывал ему рану и утолял его жажду?!

Любой другой на месте надзирателя склонился бы перед таким благородным поступком, и, возможно, в свое оправдание, заговорил бы о требованиях долга, об инструкциях... а не то просто протянул бы руку и сказал: «Спасибо!»

Бенуа разразился бранью.

— ...Ты, негодяй, ничтожество! Подлый трус! Какого дьявола ты нянчился со мной, болван! Мне не нужна твоя жалость. Лучше убей...

— Нет! — спокойно ответил Робен. — Человеческая жизнь священна. И потом, есть нечто лучшее, нежели месть.

— Что же это?

— Прощение!

— Не знаю... И не надейся, что я скажу: долг платежом красен... Рано или поздно я изловлю тебя!

— Как угодно. Если наши пути снова пересекутся, я буду защищать свою свободу. Не советую вам покушаться на нее. А благодарности от вас я не требую. Только помните, в заключении есть люди, как справедливо осужденные, так и безвинно пострадавшие. И никогда больше не злоупотребляйте своей властью и своей физической силой. Закон, который вы представляете, при всей его несправедливости не требует мучить людей. Я ухожу!

— Скатертью дорога! Иди и помни, что ты сделал ошибку, пощадив меня.

Беглый каторжник даже не оглянулся. Он исчез, будто растворился в чаще леса.

ГЛАВА 2

Богатая, но бесплодная природа.— Голод.— Одиннадцать скелетов.— Каторжники-людоеды.— Что такое белый тигр.— Капуста в тридцать килограммов.— Первый краснокожий.— Еще один враг.— Неблагодарность и предательство.— Проданный за стакан тафши.— Одиночество.— Страшное падение.— Встреча с умирающим надзирателем и обезглавленным ягуаром.— Лихорадка.— Обезьяний концерт.— Снова индейцы.— Охота за человеком продолжается.— Логово белого тигра.

Долго шел Робер, но ему все казалось, что тюрьма с ее надсмотрщиками и собаками еще недостаточно далеко. Как ни странно, он и в самом деле петлял в пределах той местности, которую так страстно хотел покинуть. Представьте себе человека, плывущего по океану на утлой барке, почти без припасов и без компаса. Так вот, девственный лес со своими непроницаемыми зелеными куполами, бесконечными пространствами трав и кустарников предлагал одинокому путнику не больше ориентиров *, чем однообразные морские волны.

Минуло уже три дня. «По оценке», как говорят моряки, Робен преодолел за это время не менее пятидесяти километров.

Двенадцать с половиной лье ** в экваториальном лесу — это неизбежность. Беглецу, по крайней мере, нечего опасаться встречи с цивилизованными людьми. Однако он не защищен от многих опасностей, одна из которых — голод — таит постоянную угрозу смерти.

Из неумолимых лап этого чудовища может вырваться лишь тот путешественник, торговец или поселившийся далеко от города колонист, который заблаговременно подготовил солидные запасы продовольствия. Жертвами голода в равной степени становятся негры и индейцы, если в дождливый сезон они не в состоянии собрать выращенный урожай. Не думайте, что сказочное богатство тропической растительности, роскошные деревья, на создание которых природа поистине не пожалела творческих способностей, в изобилии предоставляют человеку необходимое пропитание.

* Ориентир — хорошо заметный предмет или особенность рельефа местности (холм, гора и т. п.), по которым можно определить свое местонахождение или нужное направление.

** Лье — французская миля, равная 4 км; в XX в. эта мера длины вышла из употребления.

Нет. Это растительное великолепие бедно съедобными плодами. Ни апельсиновое дерево, ни кокосовая пальма с чудесными орехами, ни сочный банан, ни манго * с прекрасной свежей мякотью, ни даже ароматный терпентин ** или хлебное дерево не произрастают в диком состоянии в бесконечных непроходимых лесах.

Они встречаются только в деревнях и поселках, куда их привозят и высаживают люди.

Вдали от хижин человек не может утолить голод, как не может утолить жажду соленой морской водой.

Ну, а охота?.. Рыбная ловля?.. Легко ли голыми руками убить дикое животное или поймать рыбу?

Автор этих строк пересек леса Нового Света. Он голодал и томился от жажды в той самой зеленой пустыне, где нынче сражается со своей судьбой наш герой. Затерянный среди беспорядочного переплетения ветвей, стволов и лиан, вдали от источников питания, он пережил незабываемую встречу, которая и спустя много месяцев, уже дома, в Европе, вспоминается со щемящей тоской, вызывает неизбывную дрожь.

На берегу бухты с прозрачной и свежей водой одиннадцать скелетов, — да, да, *одиннадцать скелетов!* — высохших до белизны, были разбросаны под развесистым деревом.

Одни — лежали вытянувшись на спине, со скрещенными руками и разведенными в стороны ногами, другие — судорожно скрючились, у третьих головы наполовину ушли в почву, а на зубах сохранились остатки земли, заменявшей пищу, четвертые — скорее всего, арабы, стоически ожидавшие смерти, — присели на корточки.

За полгода перед тем одиннадцать узников совершили побег из исправительной колонии Сен-Лоран. Их не нашли — и сами они не вернулись. Умерли от голода... А затем набегали муравьи-маниоки и оставили от погибших только обглоданные скелеты.

Командир корабля Фредерик Буйер ***, один из выдающихся офицеров нашего флота, приводит в своей прекрасной написанной книге о Гвиане еще более ужасные факты.

Беглых каторжников убивали их же товарищи, и затем

* М а н г о — дерево семейства анакардиевых. В Южной Америке распространено так называемое индийское манго, высотой до 20 м, с густой и широкой кроной. Сладкие и душистые крупные плоды (до 2 кг).

** Терпентиновое, или скипидарное, дерево — масличная культура. (Примеч. авт.)

*** «Французская Гвиана», автор М.-Ф. Буйер, капитан корабля. (Примеч. авт.)

происходили отвратительные сцены антропофагии *, которые наше перо отказывается описать!

Вот какие испытания уготовила Робену его любовь к свободе! Убежав из колонии с дюжиной галет, сэкономленной из тощего тюремного пайка, наш герой разжился еще несколькими початками майса ** да горсткой зерен кофе... Вот и все продовольствие, с которым этот бесстрашный человек пустился в тяжкий путь к заветной свободе.

Его рука уже не раз ныряла в жестяную коробку, которую он нес за спиной на манер рюкзака. Коробка защищала драгоценную еду от муравьев и сырости.

Проглоченные крохи заглушали резь в желудке, но и только. Как следует поддержать силы было нечем. Голод вскоре превратился в истинную пытку. Робен пожевал кофейные зерна, выпил воды из ручья и уселся на поваленный ствол.

Долго он так сидел, глядя на ручеек, ничего не видя, чувствуя только пульсацию крови да сильное головокружение.

Беглец хотел подняться и продолжить путь, но не смог. Распухшие, исколотые шипами растений ноги не держали его. Робен с трудом стянул башмаки — каторжникам администрация выдавала обувь — однако чертовы шипы, длинные, твердые и острые, как стальные иглы, легко пропальцовали ее.

— Кажется,— путник горько усмехнулся,— даже незначительные происшествия измотали меня вконец. Выходит, я уже не тот, что прежде? Чепуха! Возьми себя в руки, ну! Даже истощенный человек может продержаться без пищи, по крайней мере, двое суток. Я должен идти дальше. Должен!

Однако было ясно, что продолжать путь с израненными ступнями невозможно. Каторжник устроился поудобнее на твердом корневище и опустил ноги в воду по щиколотку. .

Робену недавно минуло тридцать пять лет, он был высокий, сильный, хорошо сложенный мужчина, с пальцами артиста, плечами и бицепсами атлета. Лицо его с правильными и тонкими чертами обрамляла каштановая бородка, а орлиный нос и черные, пронизательные глаза придавали французу выражение серьезное, задумчивое, почти суровое. Чистый высокий лоб с небольшими залысинами

* Антропофагия (*греч.*) — людоедство. (*Примеч. авт.*)

** Майс — другое название кукурузы. В Южной Америке возделывается с древних времен.

на висках — лоб мыслителя и ученого — не пересекала еще ни одна морщина.

Он сильно исхудал на каторжных работах, побледнел и осунулся. На всем облике этого человека лежал отпечаток тяжелых страданий, как физических, так и нравственных.

Бургундец * по происхождению, известный инженер, он управлял в Париже крупной фабрикой, когда произошел декабрьский государственный переворот **. Наш герой был одним из тех, кто при известии о покушении на республику преисполнился гнева и ярости и тотчас встал под ружье. На баррикадах в районе Фобур-дю-Тамплъ *** Робен был ранен.

Заботливые друзья спасли и вылечили его. Он долго скрывался, но был арестован при тайном переходе границы и предан суду. А через несколько дней смешанные комиссии внесли новое имя в свои печально известные списки, и инженер Робен отправился в Гвиану, не успев попрощаться даже с женой, доброй и стойкой женщиной, всего лишь два месяца назад ставшей матерью его четвертого ребенка и лишенной теперь всяких средств к существованию!

Три года Робен, закусив тюремные удила, находился в обществе отвратительных подонков, лишь время от времени получая письма, на три четверти вымаранные тюремной цензурой.

Странная вещь, и, однако же объяснимая: он обладал особым влиянием на других заключенных. Его строгое лицо, на котором никогда не проскальзывала улыбка, внушало им уважение, говорило о необычайной крепости духа.

И потом, он был «политический». Все обитатели этого ада — от должностных лиц до уголовников — испытывали некоторую неловкость, узнавая, за что был осужден парижский инженер. В этой зловонной дыре он представлял некий островок душевной чистоты и достоинства.

Очень характерный показатель особого отношения

* Б у р г у н д е ц — уроженец Бургундии. Так называлась в старину область Франции по берегам р. Сены; в новое время на этой территории расположено несколько районов (департаментов), названия которых совершенно иные. Слово сохранило историческое значение.

** Д е к а б р ь с к и й г о с у д а р с т в е н н ы й п е р е в о р о т произошел 2 декабря 1851 г. и установил режим военно-буржуазной диктатуры Луи Наполеона Бонапарта. Переворот сопровождался разгулом полицейского террора; в это время герой романа и был осужден одной из вершивших скорый суд «смешанных комиссий», о которых Буссенар говорит далее. Через год после переворота, 2 декабря 1852 г., во Франции была провозглашена империя.

*** Ф о б у р - д ю - Т а м п л ь — район Парижа.

к французу на каторге: никто не обращался к нему на «ты». Как многие сильные люди, этот человек был добр. Одного каторжника, пораженного солнечным ударом, он принес на себе с отдаленной лесосеки, другому перевязал раны. А однажды вытащил из реки утопавшего солдата. Было и такое: одним ударом кулака бургундец свалил «знаменитого» вора, одного из некоронованных тюремных королей, который измывался над ослабевшим от лихорадки заключенным.

Не скрывая ненависти к тюрьме, этот парижанин мужественно сносил все тяготы каторжного быта, и из уст его никто не слышал ни единой жалобы.

Никого не удивил побег инженера, все желали ему удачи. К тому же происшествие сулило хорошие неприятности надзирателю Бенуа, которого боялась и ненавидела вся каторга.

Ножная ванна в холодной воде принесла Робену заметное облегчение. Он старательно удалил из обуви все шипы и колючки, растер ноги остатками водки. Зачерпнул еще воды из ручья и попил. Как быть с едой?.. Где найти пропитание? Вдруг из груди Робена вырвался крик радости: он увидел среди других деревьев симарубу.

— Теперь-то я не умру с голоду!

Quassia simaruba, по Линнею *, или *amara simaruba*, по классификации Обле **, используется в медицине благодаря тонизирующим *** свойствам коры и корней. Однако у нее нет съедобных плодов или почек.

Чему же тогда радовался беглец? Чем собирался утолить голод? Робен со всей быстротой, какую позволяли его больные ноги, устремился к дереву и начал разгребать сухие листья, опавшие цветы и семена, густым слоем окружавшие ствол.

Лезвие тесака наткнулось на что-то твердое.

— Так и есть! — воскликнул он. — Мои товарищи по несчастью были правы. Кое-что из их нелепых рос-

* Линней Карл (1707—1778) — шведский ученый-естествоиспытатель, автор первой научной классификации растений.

** Обле Жан Батист Кристоф (1720—1778) — французский ботаник. С 1762 по 1764 г. путешествовал по Французской Гвиане, а в 1775 г. опубликовал труд «История растений Французской Гвианы».

*** Тонизирующие свойства — свойства некоторых веществ, в основном растительного происхождения (например, чай, кофе), возбуждать и укреплять деятельность человеческого организма.

сказней оказалось полезным. Помню, один советовал соседу, мечтавшему о побеге: «Если увидишь в лесу симарубу с опавшими цветами, не проходи мимо: у подножия дерева наверняка найдешь земляных черепах, лакомящихся незрелыми семенами».

Тесак каторжника как раз и натолкнулся на панцирь одной из этих крупных и вкусных рептилий. Робен перевернул ее на спину. Скоро он обнаружил еще парочку экземпляров и уложил их в той же позе. Можно было приступить к приготовлению обеда.

Сухого валежника в лесу оказалось полно. Повсюду лежали огромные полусгнившие стволы, которые легко крошились при малейшем ударе, на растопку годился и хвост, и высохшая трава...

Француз скоро сложил большой костер. После долгих усилий ему удалось поджечь сушняк, ударив о лезвие тесака кремнем. Затеplился огонек, вспыхнуло пламя, от костра брызнули в разные стороны рои насекомых, поднявшихся с почвы.

Робен сунул черепаху прямо в панцире в костер, присыпал ее раскаленными углями — он знал, что так поступают туземцы, — и стал ждать.

Пока обед поспевал, бургундец не оставался в бездействии.

В нескольких десятках шагов от костра он рассмотрел небольшую пальму, нарушавшую своей темно-зеленой листвой однообразный строй голых стволов больших деревьев, кроны которых разворачивались в десятках метров от земли.

На ней не виднелось ни цветов, ни плодов. Однако наш герой тотчас принялся ее рубить. Ствол дерева был не слишком толст, но волокнистое вещество коры оказалось настолько прочным, что одолеть его удалось лишь с огромным трудом.

Вы, быть может, слышали о капустной пальме, дорогие читатели? Описывали вам пучок нежных листьев, образованных молодыми побегами и как бы собранных в початок?

Это описание, по сути, правильное, но неполное, ибо позволяет допустить некое сходство «пальмовой капусты» с обычной, всем известной, которую достаточно мелко нарезать перед тем, как опустить в кастрюлю.

Пальмовая капуста не такова. Чтобы убедиться в этом, проследите внимательно за действиями нашего героя.

Робен очистил от ветвей ствол у макушки дерева и кольцевыми надрезами стал освобождать его от коры, подбираясь к основанию черешка — плодоножки молодых листьев.

Бледно-зеленые кольца коры падали одно за другим, обнажая округлую сердцевину сантиметров восьмидесяти длиной, толщиной в руку, гладкую и белую, точно слоновая кость.

Беглец отломил кусочек и разгрыз крепкими зубами; вкусом это вещество напоминало миндальный орех.

Не слишком сытная пища, но на какое-то время ею можно утолить голод. Прожевав первый кусок, Робен отнес остальное к костру, хотя в печеном виде пальмовая капуста менее вкусна.

Черепаха уже поспела. Аппетитный запах исходил от обугленных щитков панциря. Каторжник извлек добычу из костра, взломал панцирь, уселся поудобнее и разрезал жаркое. Пользуясь вместо хлеба печеной пальмовой капустой, он приступил к скромной и необычной трапезе, позабыв обо всем на свете.

Тонкий и пронзительный свист заставил его вскочить на ноги. Что-то прямое и длинное пролетело перед его глазами и вонзилось, трепеща, в гладкую кору симарубы.

То была двухметровая стрела, толщиной с палец. Оперенный красным конец дрожал, раскачиваясь.

Парижанин схватил рогатину и принял оборонительную позу, впериw взгляд в то место, откуда прилетел посланник смерти. Вначале ничего не было видно, но затем лианы осторожно раздвинулись, и появился краснокожий, сжимая в руках большой натянутый лук и широко расставив ноги. Он явно собирался пустить в каторжника вторую стрелу.

Робен зависел теперь только от милости пришельца, невозмутимого дикаря, похожего на статую из красного порфира *. Индеец, казалось, лишь обдумывал, как лучше поразить жертву. Острые стрелы медленно перемещались сверху вниз, потом справа налево, но оставалось нацеленным в грудь белому.

Вся одежда аборигена состояла из куска голубого коленкора **, пропущенного между ног и подвязанного поясом. Тело было вымазано красной краской, словно индеец только что окунулся в кровь. Загадочные линии, проведенные соком генипы *** на груди и на лице, придавали ему вид одновременно и смешной и устрашающий. Длинные черные волосы с синеватым отливом, обрезанные спереди на уровне

* Порфир — общее название для горных пород, у которых в мелкозернистую массу включены крупные кристаллы; из красного порфира делают статуи и т. п.

** Коленкор — плотная хлопчатобумажная ткань.

*** Генипа. — Буссенар приводит местное название растения, научное название которого установить не удалось.

бровей, ниспадали по обеим сторонам лица до плеч. На шею красовалось ожерелье из зубов ягуара, на запястьях — браслеты из когтей большого муравьеда *.

Длинная, больше двух метров, дуга его лука из «железного дерева» ** одним концом упиралась в землю, другой же ее конец торчал над головой стрелка. В левой руке, которой он также придерживал лук, зажаты были еще три стрелы.

Робен не мог понять, почему индеец на него напал. Прибрежные жители в низовье Марони, галиби, вообще-то безобидны, у них вполне мирные отношения с европейцами, которые снабжают их тафией в обмен на предметы первой необходимости.

Может быть, краснокожий попросту хотел напугать его? Ведь туземцы так ловко обращаются с луком, что одним выстрелом сбивают красную обезьяну *** или даже фазана **** с вершин самых высоких деревьев. Большинство попадает в апельсин с тридцати шагов.

Вряд ли индеец мог промахнуться на столь малом расстоянии.

Наш герой решил показать незнакомцу, что ничуть не боится его. Он отбросил свою рогатину, скрестил руки на груди и, глядя прямо в лицо врагу, стал медленно приближаться. По мере того, как бургундец подходил, рука, натягивавшая тетиву, расслаблялась, а выражение черных раскосых глаз смягчалось.

Грудь белого почти коснулась кончика стрелы, и стрела медленно опустилась.

— Белый тигр не боится... — с трудом выговорил галиби на креольском наречии ***** — языке своей расы, которым пользуются также и негры с побережья Марони.

* Муравьед — млекопитающее отряда неполнозубых, все три вида этого животного обитают в Америке. (См. подробное примечание автора романа к с. 335.)

** Железное дерево. — Здесь имеется в виду растущее в лесах тропической Америки гваяковое дерево с исключительно твердой и тяжелой древесиной, из которой изготавливают даже детали машин.

*** Красная обезьяна — южноамериканская крупная длиннохвостая обезьяна-ревуна, тело которой покрыто яркой красновато-рыжей шерстью.

**** Фазан — птица семейства фазановых, насчитывающих около 180 видов, обитающих в Европе, Азии, Америке. У самцов яркое, красивое оперение.

***** Креольское наречие — так называют всякий язык, сложившийся на основе сильно упрощенной грамматической и словарной системы одного из европейских языков (в данном случае — французского) и включающий также многие слова местных говоров. Служит для повседневного общения в разноязычной среде.

— Да, я тебя не боюсь. Но я вовсе не белый тигр (как мы помним, туземцы так называли беглых каторжников).

— Если ты не белый тигр, зачем пришел сюда?

— Я свободный человек, как и ты. Я никому не желаю зла. Я хочу здесь жить, расчистить поле, выращивать урожай, построить хижину...

— Ты лжешь! Если ты не каторжник, то почему ты без ружья?

— Клянусь здоровьем моей матери, калина (индейцы, которых белые называют «галиби», сами называют себя «калина»), клянусь тебе, я никогда не совершал преступлений. Никогда не убивал! Никогда не крал!

— Ты поклялся своей матерью... Это хорошо... Я тебе верю! Но почему ты не возле своей жены и детей? Почему ты приходишь к индейцу, хочешь забрать его землю, его добычу? Атука не хочет! Уходи к своим белым!

Упоминание о жене и детях всколыхнуло память Робена, и он почувствовал, что к горлу подступил комок. Он не хотел обнаруживать перед краснокожим свои чувства. Распрямившись, француз с достоинством произнес:

— Моя жена и мои дети бедны. Я приехал сюда, чтобы заработать для них пропитание, чтобы дать им кров.

— Атука не хочет! — гневно повторил туземец. — Он не пойдет к белым, чтобы стрелять фазана, строить хижину или сажать маниоку *. Пускай белый человек остается у себя, а индеец — у себя.

— Пойми, Атука, все мы люди и все равны... Здешняя земля принадлежит мне точно так же, как моя земля принадлежит тебе.

— Ты лжешь! Копни эту землю своим ножом, и ты найдешь там кости моего отца, кости калина, моих предков... Если ты отыщешь там кости хотя бы одного белого, я тебе отдам всю землю, а сам стану твоим верным псом...

— Атука, я не собираюсь жить именно здесь. Я направляюсь к неграм бони. Здесь я просто по пути и не хочу задерживаться.

При этих словах индеец, несмотря на всю свою хитрость и самообладание, не мог скрыть разочарования.

Все его рассуждения о земле предков и о погребенных

* М а н и о к а (тапиока, кассава) — растение семейства молочайных, родом из Южной Америки. Возделывается ради клубней, из которых готовят муку. В сыром виде клубни (их вес до 10 кг) ядовиты, но при варке или печении ядовитые вещества разрушаются.

в ней костях соплеменников преследовали одну цель, весьма ничтожную, как мы скоро узнаем.

Внезапно лицо туземца прояснилось.

— Если ты не белый тигр, тогда пойдем со мной в Бонапарте. Там ты найдешь белых людей, хижину, мясо, тафию, рыбу...

При слове «Бонапарте», которое он никак не ожидал услышать из уст индейца, Робен пожал плечами. Потом он вспомнил, что исправительная колония стала называться Сен-Лоран лишь несколько лет назад.

Раньше этими землями лет тридцать владел старик индеец по прозвищу Бонапарте. Отсюда и название косы — Бонапарте, данное полоске земли вдоль Марони, где размещается «коммуна» Сен-Лоран.

Краснокожий говорил скорее всего без задней мысли, однако приходится признать, что случайность определяет многие странные совпадения в нашей жизни.

— Там видно будет, — неопределенно ответил Робен.

Непреклонность индейца как-то сразу улетучилась. Он прислонил к плечу свой лук и протянул руку парижанину:

— Атука — друг белого тигра.

— Ты по-прежнему называешь меня так, ладно, будь по-твоему! Белый тигр — банаре (друг) Атуки. Я приглашаю тебя отведать черепахи вместе со мной.

Индеец не заставил себя долго упрашивать. Он присел на корточки, руки и челюсти его заработали с такой быстротой — без оглядки на «друга»! — что очень скоро от черепахи остался только скелет, очищенный так хорошо, словно над ним потрудились муравьи-маниоки.

Обед, приготовленный на костре, сильно пахнул дымом, но обжора поначалу этого не замечал и, только доев последний кусок, заявил вместо благодарности:

— Твоя еда, банаре, воняет дымом.

— Самое время это заметить... Но у меня есть еще две черепахи, давай испытаем вечером твои способности.

— А!.. Банаре, у тебя еще две черепахи?

— Ну да!

— Хорошо!

Заметив, что его новый друг напился воды из ручья и собирается прилечь, индеец наконец задал ему свой сокровенный вопрос, не скрывая простодушного вожеления:

— А ты не дашь Атуке тафии?

— У меня ее нет.

— Нет?.. Я хочу посмотреть, что у тебя в ящике.

Робен, невольно улыбаясь, позволил туземцу сделать это. Немного он там увидел: сорочку из грубого полотна, пустую бутылку из-под водки, которую дикарь обнюхал с жадностью макаки *, маисовые початки, несколько листьев белой бумаги, маленький чехол с сухими тряпками — трут.

Атука был весьма недоволен.

Изнемогая от усталости, Робен чувствовал, что сон одолевает его. Краснокожий присел на корточки и затянул долгую монотонную песню. Он прославлял свои охотничьи подвиги... хвастал, что на возделанной им земле растут в изобилии ямс **, бананы, просо, батат ***... хижина у него самая большая... жена самая красивая... пирога самая быстрая... Он стреляет лучше всех. Никто не умеет так хорошо выслеживать маипури-тапира **** и поражать его насмерть безошибочной стрелой... Никто не может соперничать с ним в беге, когда он преследует антилопу или толстого хомяка...

Беглец забылся глубоким сном, и долго душа его блуждала в краю сновидений. Он видел, словно наяву, милых сердцу, покинутых близких, прожив несколько часов там, за океаном, в родном краю.

Солнце завершило две трети своего дневного пути, когда Робен пробудился.

Чувство реальности вернулось к нему и грубо вырвало из мира дорогих и счастливых видений.

Тем не менее сон восстановил силы нашего героя. И потом — ведь он свободен! Парижанин не слышал монотонного гудения голосов, сопровождавшего всякое утро пробуждение каторжников... не слышал надоевшего грохота барабана, ругани и проклятий...

Впервые лес показался ему прекрасным. Впервые он ощутил его неповторимое величие. Привольная растительность, прихотливая, неистово пышная сплеталась в многоярусный мир, простиралась всюду, сколько доставал взгляд, растворяясь вдали в голубеющих сумерках. Там

* Ма к а к а — обезьяна семейства мартышкообразных. В диком виде в Америке не встречается, название ошибочно употреблено автором.

** Я м с — растение рода диоскорея со съедобными клубнями.

*** Б а т а т, или сладкий картофель — растение семейства выюновых, родом из Центральной Америки; возделывается из-за богатых крахмалом клубней, которые заменяют жителям тропиков картофель.

**** Т а п и р — непарнокопытное млекопитающее, крупное (до 300 кг весом), голова с небольшим хоботком. Обитает в болотистых местах.

и сям радужные столбы света прорывались сквозь зеленый свод, переливались множеством красок, как бы пройдя сквозь цветные стекла готических витражей *.

Мачты деревьев-великанов, опутанные снастями лиан, были щедро украшены сияющими венчиками цветов; казалось, над каждым деревом взмахнула волшебной палочкой лесная фея. Нет, это не мачты, это колонны беспредельного храма с чудесными капителями ** из орхидей.

Радости изгнанников — увы! — недолговечны. Картины лесных красот, перед которыми даже самый равнодушный путешественник замер бы в восторге, скоро напомнили нашему беглецу, что он одинок и затерян в прекрасном, но полном опасностей, враждебном мире леса.

...А индеец?.. Вспомнив о нем, Робен вскочил, огляделся, но никого не увидел. Он позвал — полное молчание. Атука исчез, унеся не только двух черепах — весь продовольственный запас Робена, но также и его башмаки и коробку-рюкзак со всем необходимым для разведения огня.

У бургундца остался только тесак, на который он случайно прилег и который не удалось похитить вороватому туземцу. Поведение краснокожего предстало перед беглецом во всей своей первобытной простоте. Его стрела, угрожающий выход, его речи были рассчитаны лишь на то, чтобы получить от белого тафию. Атука нуждался в водке.

Обманутый в своих надеждах, он, уже не ломаясь, принял скудное угощение каторжника. С паршивой овцы хоть шерсти клок... На даровое угощение можно провести еще один бездельный, ленивый день... А это наряду с пьянством — единственное «божество», объект неизменного поклонения индейца.

Вещи Робена ему пришлось по вкусу, и он их присвоил, полагая, естественно, что доставившее удовольствие однажды приятно сохранить на будущее. Впрочем, лишая путешественника всех — весьма немногих — средств для продолжения пути, «бедный индеец» преследовал вполне определенную цель.

Если бы у белого тигра нашлось несколько стаканов водки, дело кончилось бы точно так же. Краснокожий

* Готические витражи — мозаичные картины из цветных стекол, особенно распространенные в старинных зданиях так называемой готической архитектуры — с высокими остроконечными крышами, башнями и сводами, узкими стрельчатыми окнами.

** Капитель — в архитектуре верхняя часть колонны, на которую опирается перекрытие.

любит пить и бездельничать. Он не работает, не ловит рыбу и не охотится до тех пор, пока его не заставит голод. Он с удовольствием пожил бы несколько дней за счет своего *банаре*, а потом убежал бы, чтобы выдать его властям.

И теперь — можно биться об заклад — он находился на пути к Сен-Лорану или, как он говорил, к Бонапарте. Ему было прекрасно известно, что администрация выплачивает вознаграждение любому, кто приведет или просто поможет поймать беглого каторжника.

Эта премия — всего-то десять франков, — обеспечит ему десяток литров тафии, иначе говоря, десять дней сплошного пьянства. Все очень просто. Индеец раскупоривает бутылку и не переводя дыхания выхлестывает прямо из горлышка обжигающую жидкость.

Минуту-другую он пошатывается, одурело плясает по сторонам, отыскивает подходящее местечко, растягивается там, как сытый боров, и храпит во всю мочь.

Наутро он просыпается. Едва продрав глаза, все повторяет снова. И так продолжается — с незначительными изменениями — до полного истощения горячительного.

Если рядом жена, дети, друзья, порядок остается тот же, разве что «кутеж» длится не так долго. Мужчины и женщины, взрослые и дети, даже самые маленькие, что едва научились ходить, — все охотно прикладываются к бутылке. За несколько минут они достигают крайней степени опьянения, разбредаются кто куда, шатаясь, падая, спотыкаясь, а потом валяются попеременно друг на друга под развесистой листвой.

Возможность получить желанный напиток руководила поведением Атуки: он рассчитывал вскоре вернуться к своему «банаре». Убедившись, и не без оснований, что ему самому не удастся доставить белого тигра в Сен-Лоран, он отправился за подмогой.

Каторжник не сможет уйти далеко. Индеец, используя врожденное умение идти по следу, наверняка выведет к цели представителей власти. Его «друга» схватят, а он получит награду...

Робен не сомневался в происходящем ни минуты. Ему необходимо как можно скорее бежать куда глаза глядят, бежать словно дикому зверю, увеличивать расстояние между собой и преследователями, идти, пока есть силы, идти до полного изнеможения.

Вперед! Не заботясь больше о ногах, которые снова кровоточат от любого прикосновения колющих и режущих

трав, он устремляется напрямик через лес, обходя большие группы деревьев, перепрыгивая через поваленные стволы, раздвигая завесы лиан, иногда пробираясь ползком среди бурелома.

Вперед! И не обращать внимания на близость свирепых хищников, на ядовитых змей в густой траве, на тучи насекомых, укусы которых порой смертельны, на топки, бездонные воронки заболоченных участков, которые подкарауливают его в саванне... Все это грозные опасности для беглеца, но еще опаснее для него люди из Бонапарте.

Животные нападают не всегда, хищник не всегда безжалостен, потому что не всегда испытывает голод. И только человеческая ненависть постоянна.

Вперед! И плевать на ядовитые испарения, которые поднимаются от болот, удачно прозванных «саваном для европейцев»! Надо идти, прокладывать курс, как говорят моряки. Охотники за людьми появятся здесь не позже завтрашнего дня.

Француз двигался в полубредовом состоянии, но лихорадочное возбуждение придавало ему сил. Он несли, словно прищипоренный конь, смутно чувствуя и понимая, что рано или поздно свалится и уже больше, быть может, не встанет...

Упала ночная мгла, взошла луна, заливая мягким светом лес, который тотчас наполнился разнообразными звуками.

Робен, казалось, не слышал ничего. Он даже не заботился о том, чтобы расчищать дорогу, не замечал камней, не обращал внимания на шипы и колючки.

Вся его жизнь сосредоточилась на одной-единственной задаче: двигаться вперед.

Где он находился? В какую сторону направлялся? Он не имел о том ни малейшего представления.

Он бежал.

Это беспорядочное движение длилось всю ночь. Утреннее солнце уже рассеяло ночные тени, а изгнанник, обливаясь потом, не в силах отдышаться, с кровавой пеной на губах и глазами, готовыми выскочить из орбит, все еще продолжал безумный путь.

Но даже его могучая натура в конце концов не выдержала. Ему почудилось, что на его злосчастную голову навалился весь огромный зеленый свод. Потеряв равновесие от неодолимого головокружения, Робен споткнулся, зашатался и тяжело рухнул на землю.

Надзиратель Бенуа мучился ужасно. Его бедро, распоротое когтями хищника, сильно распухло под повязкой и чехлом, наложенными рукою каторжника.

Кровотечение остановилось, но без немедленной медицинской помощи раненый был обречен.

Его терзала лихорадка, ужасная гвианская лихорадка, которая приобретает самые разные формы, вспыхивает даже от ничтожной причины и скоро приводит к трагическому концу.

Укус ядовитого паука или фламандского муравья, несколько минут солнечного перегрева или, наоборот, слишком холодное купанье, длительная ходьба, нарушение режима, волдырь, вскочивший на ноге из-за тесной обуви, нарыв и еще Бог знает какие причины вполне достаточны для того, чтобы вызвать лихорадку.

Голова раскалывается от боли. Суставы вначале очень болезненны, потом теряют подвижность. Начинается бред, переходящий в полное и тяжелое беспамятство, нередко приводящее к смерти.

Бенуа все это хорошо знал, и его охватил страх. Затерянный в лесу, тяжело раненный, один-одинешенек, если не считать собаки,— было от чего потерять спокойствие человеку даже самой крутой закалки!

От жажды у него пересохло в горле, и, хотя в нескольких шагах призывно журчал ручей, он не мог до него дотащиться.

— Прощельга!.. Слизняк! Мерзавец! Только подумать, что все это из-за него! — почему зря крыл он Робена.— И еще разыгрывает из себя важного господина... Он меня прощает! Сволочь! Ну, погоди... Попадешься ты мне, я тебе покажу прощение! Замолчи, Фаго! — крикнул он на собаку, храбро лаявшую на мертвого ягуара.— Боже, какая жажда! Пить!.. Воды! Пить!.. А эти трое скотов, которых я там оставил... Где они? Хоть быхватило ума идти по моему следу...

Гнев, как видно, придал надзирателю сил. Изнемогая от жажды, он, цепляясь руками за траву и за корни, опираясь на локти и здоровое колено, умудрился проползти несколько метров.

— Наконец-то! — Бенуа с жадностью глотал воду.— Как это прекрасно — пить... Вроде заново родился... Может, я поправлюсь? Не хочу умирать! Мне надо выжить... Выжить и отплатить с лихвой. Еда у меня есть, слава Богу! И защищаться есть чем: моя сабля... Вот она, милая подруга

инвалида! А где мой пистолет? Вот он. В порядке. Отлично! Жаль, что не могу развести огонь... Тысяча чертей! Боль такая, словно дюжина собак грызет мое бедро! Ладно, только бы в ране черви не завелись. Бенуа, мальчик мой, тебе предстоит тяжелая ночь! Дай Бог, чтобы эти дураки добрались до меня к утру... Стоп, а где же Фаго? Гнусное животное! Он меня бросил! Собаки неблагодарны, как люди!.. Солнце уже садится... Ночь будет хоть глаз выколи. Нет... луна. Как все нелепо... быть в таком положении одному...

Если ночи тянутся бесконечно для того, кто медленно вершит свой путь, то как же тягостны они для тех, кто страдает и ждет! Представьте себе больного, чей взор прикован к циферблату часов в мучительной надежде ускорить движение стрелок. И это длится всю ночь. Он отсчитывает минуту за минутой, следит за вращением большой стрелки, тогда как маленькая, кажется, совсем застыла на месте, и он не в силах уловить даже малейшее ее перемещение.

Перенесите эту пытку под развесистые тропические деревья, в тишину бездонного одиночества — и вы поймете страдания надзирателя.

Луна прошла уже половину своего пути. Раненый лежал, не смыкая глаз. В глубокой тишине особенно оглушительным показался внезапный и резкий шум над головой,— рев, который почти невозможно описать, нечто похожее на паровозный гудок в момент, когда поезд на всей скорости входит в туннель, плюс к этому истошный визг дюжины свиней.

Этот невероятный концерт начинается одновременно на высоких и низких нотах, напоминая некий дуэт: звук перекатывается, меняется, усиливается, слабеет, наконец прекращается, а затем все повторяется сначала.

— Дьявол!..— пробормотал Бенуа в момент затишья. Эта сумасшедшая музыка его ничуть не удивила.— Только этого не хватало... Проклятые красные обезьяны! Каким ветром их сюда занесло?

Охранник не ошибся. Стая обезьян-ревунов затеяла свой обычный предрассветный концерт на верхушке дерева, под которым он лежал. Бенуа видел при лунном свете, как обезьяны собрались в кружок вокруг вожака, который один выпускал все эти дикие завывания, *один* исторгал из своей глотки высокие и низкие ноты одновременно, и пение его разносилось далеко по округе...

Поорав в полное свое удовольствие, он делал паузу,

и его слушатели, без сомнения очарованные, издавали в ответ хриплые крики радости.

Несколько слов об этих странных четвероруких. Гвианская обезьяна-ревун (по-латыни *stentor seniculus*), называемая также красной обезьяной, а на местном наречии *алуате*, достигает метра сорока сантиметров от морды до кончика хвоста. У нее огненно-рыжая масть, а лапки и хвост черные с рыжеватым отливом.

Изучение ее голосового аппарата позволяет понять удивительную способность издавать одновременно высокие и низкие звуки. Мне довелось препарировать старого самца, и я понял, что выдыхаемый воздух может проходить напрямик через горловую щель, образуя пронзительный, высокий звук. Так называемая иоидная кость (у человека — маленькая косточка в виде подковки, расположенная между основанием языка и гортанью) у обезьяны достаточно велика, примерно с яйцо индюшки, и образует полость, похожую на трубку органа *. Когда ревун поет, его глотка сильно раздувается. Воздух, проходя сквозь эту полость, многократно усиливает голос и производит низкий звук, вот почему красная обезьяна обретает не доступную другим живым существам способность петь дуэтом.

Поет, как правило, вожак стаи, а не его скромные подданные. Если один из них, охваченный восторгом, попытается вплести в концерт свою ноту, ведущий солист немедленно вразумит выскочку и заставит его умолкнуть.

Слушатели имеют право только восторгаться.

Бенуа, отнюдь не восхищенный воплями четвероруких, лежал и злился. Ревуны не собирались покидать занятое место. Стая ликовала. Вскоре обезьяны принялись цепляться хвостами за ветки; они болтались вниз головами, словно диковинные люстры, и в этом положении продолжали издавать хрипло-гортанные одобрительные выкрики, в то время как вожак, теперь тоже висевший вниз головой, завывал с такой силой, что у прочих лесных обитателей едва не лопались барабанные перепонки.

— Сейчас я вам заткну глотки! — не выдержал охранник и, взведя курок пистолета, выстрелил в обезьян. В мгновение ока стая улетучилась. Но едва лишь воцарилась тишина, как в отдалении раздался звук выстрела.

* Орган — большой духовой музыкальный инструмент с многочисленными мехами, нагнетающими воздух в трубы и трубки различных музыкальных тембров. Устанавливается в церквях и больших концертных залах.

Надежда вспыхнула в сердце раненого.

— Меня ищут! Крепись, малыш!

Он перезарядил оружие, переменяя стонами отборную ругань, а затем выстрелил в воздух. Послышался ответный выстрел, уже более близкий.

— Ну, порядок! Через четверть часа мои бездельники подойдут. Еще немного, и я поднимусь на ноги. Берегись, Робен!

Предвидение надзирателя вполне оправдалось. Его товарищи, обнаружив, хотя и с большим опозданием, что попались на удочку, погнавшись за чучелом, двинулись по следам Бенуа. Вояки вооружились факелами, изготовленными из каучукового дерева *. Во главе процессии громко лаял верный Фаго, который при виде хозяина принялся прыгать и радостно повизгивать.

На скорую руку соорудили носилки и с большим трудом доставили домой раненого, который впал в горячечный бред.

Не прошло и полутора суток, как в колонии появился индеец Атука. Он рассказывал каждому встречному и поперечному о том, как обнаружил «белого тигра», и предлагал — за надлежащее вознаграждение — провести вооруженных людей по его следам.

Бенуа, конечно, прослышал об этом. Он пригласил индейца к своему ложу, пообещал ему все, чего тот хотел, выбрал для него двоих спутников и велел им выступить в путь немедленно, хорошенько вооружившись и запасшись продовольствием.

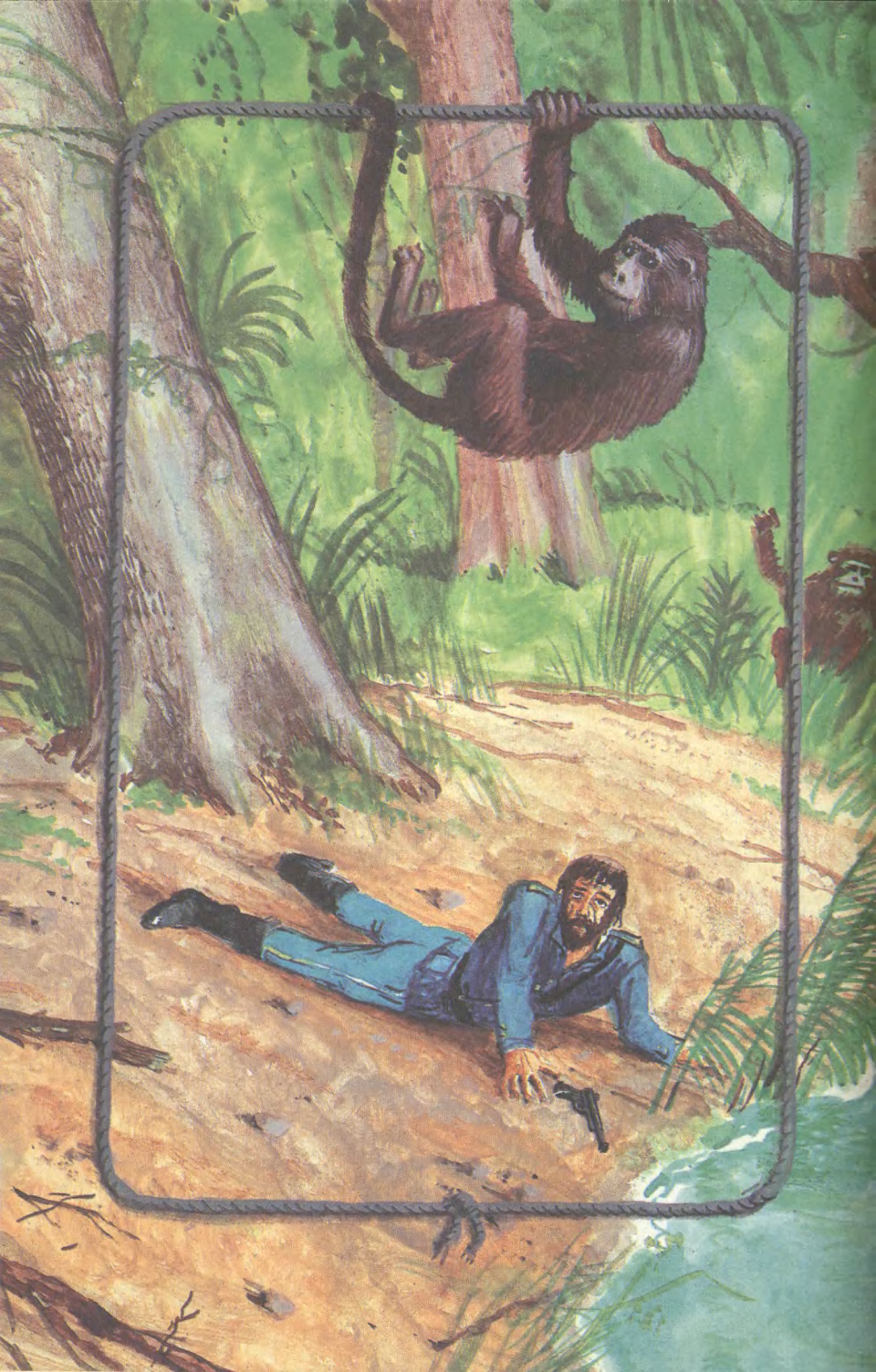
Отдавая такой приказ без ведома главного начальника, старший надзиратель рассчитывал отличиться, возвратив беглеца, и тем самым отвести от себя бурю, которая должна была разразиться над его головой после выздоровления.

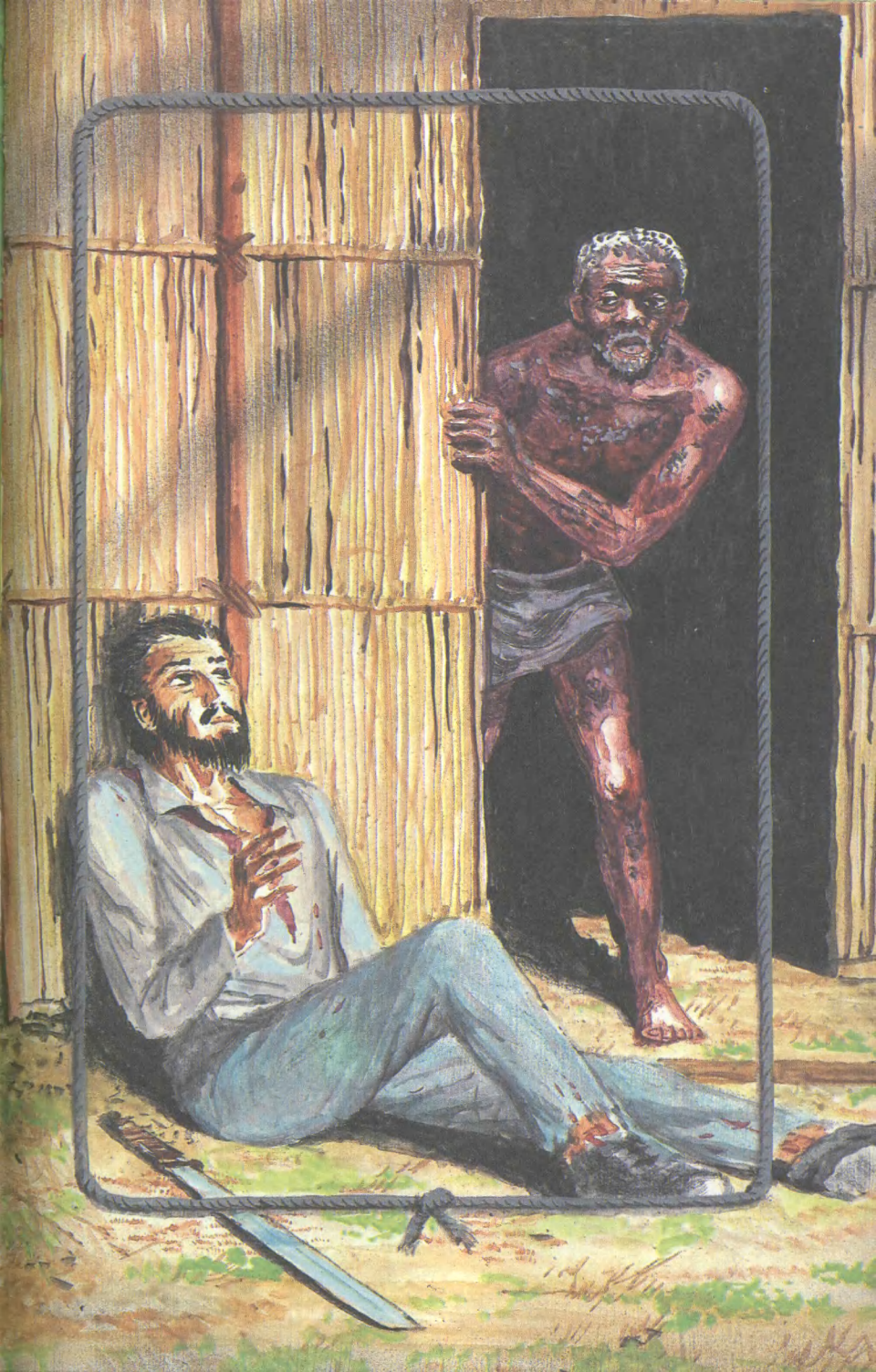
Тюремщики, ведомые индейцем, для которого в лесу не было тайн, довольно скоро напали на след. Робен в своем отчаянном и запутанном движении оставлял немного видимых примет, но краснокожий держал след как хорошая ищейка, и узнавал по примятой траве, сорванному листу, потревоженной лиане, что «белый тигр» проходил здесь.

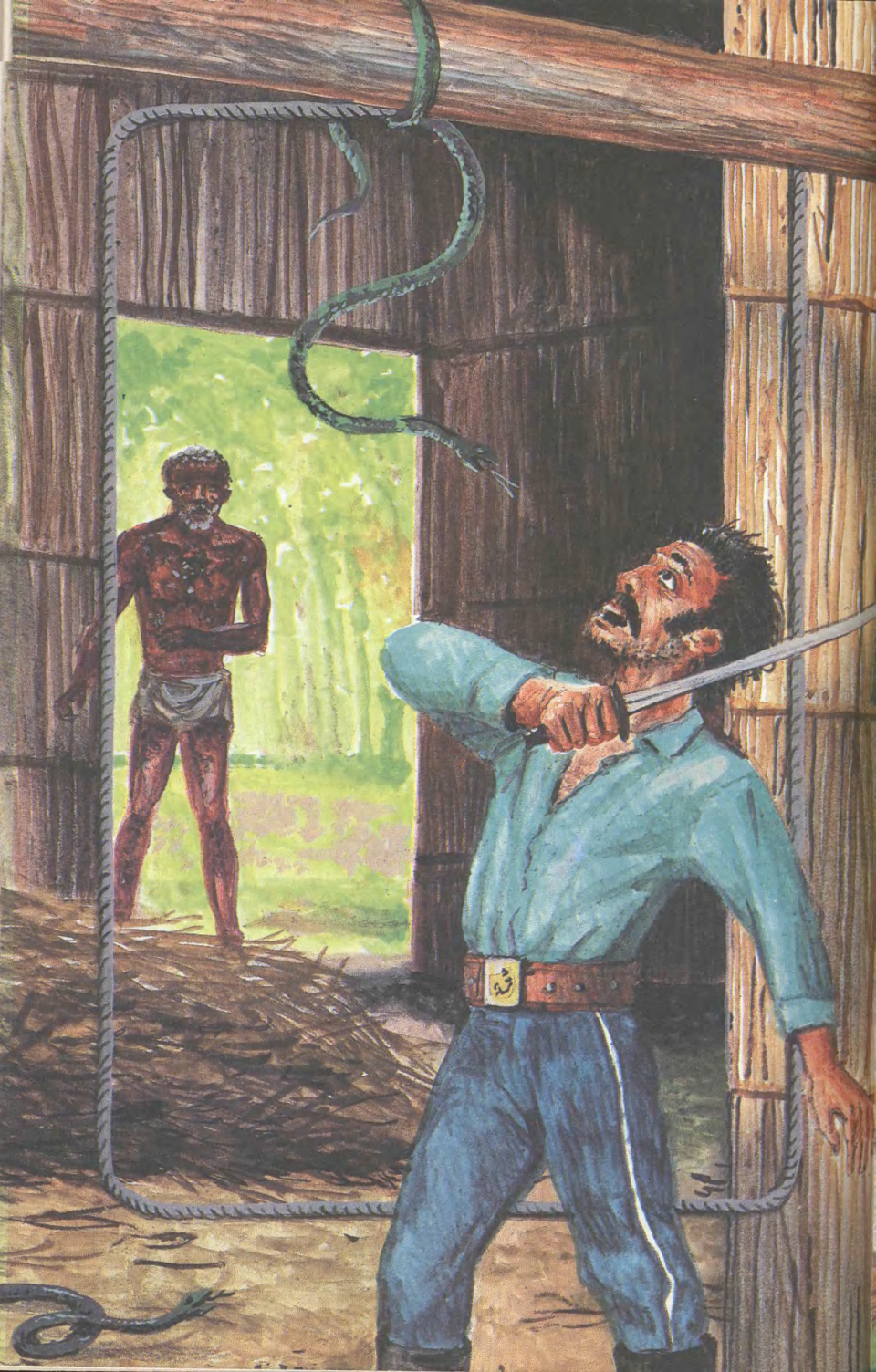
Спустя четыре дня они обнаружили в кустах отпечаток,

* Каучуковое дерево.— Здесь: гевея бразильская, из ее сока добывается природный каучук (резина).

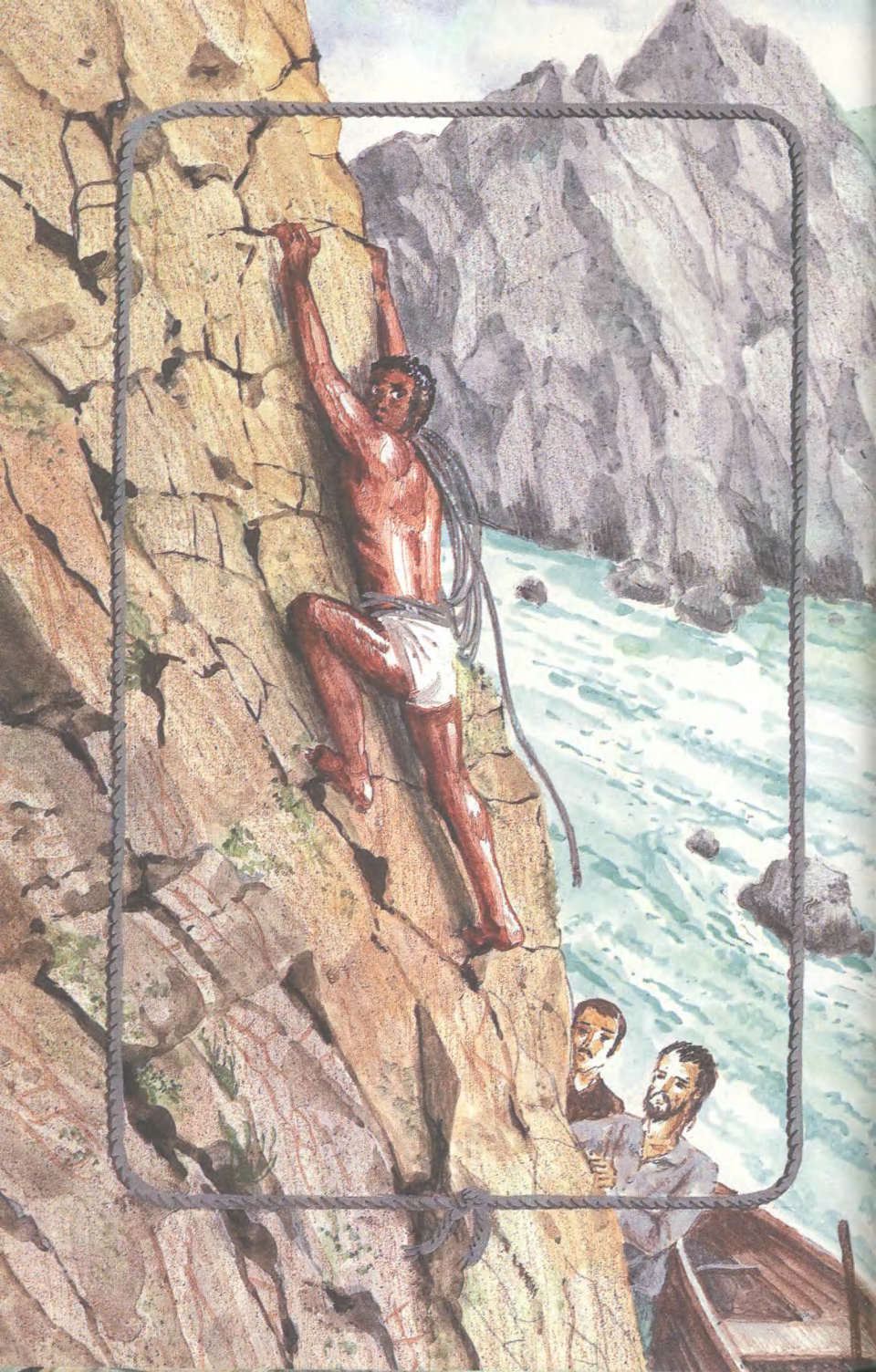

оставшийся вроде бы от падения чьего-то тела, а на белом камне неподалеку темнело кровавое пятно.

Беглец, должно быть, здесь упал. Быть может, его настиг и растерзал какой-то хищник?..

Атука отрицательно покачал головой. Он бесшумно скрылся в кустах — ушел на разведку, отсутствовал примерно час и возвратился, прижимая палец к губам.

— За мной! — прошептал он.

Спутники молча последовали за ним. Не более чем в пятистах метрах они обнаружили поляну, в центре которой стояла хижина из листьев и ветвей давней постройки, но еще крепкая; над крышей подымалась тоненькая струйка дыма.

— Там белый тигр, — радостно заявил индеец.

— Молодец, калина, — похвалил один из спутников. — Бенуа теперь не пойдет под арест, а ты получишь награду. Сейчас мы схватим этого бродягу!

ГЛАВА 2

Вампир. — Прокаженный из безымянной долины. — Рай бедняка. — Товарищ по несчастью. — Приступ злокачественной лихорадки. — Средства народной медицины. — Соревнование шпанской мухи и хинина. — Фламандские муравьи. — «Именем закона!..» — На что способен краснокожий ради бутылки тафии. — Змея ай-ай. — Телохранители прокаженного. — Нападающие отступают. — Опасная встреча лагерной охраны с тригоцефалом. — Заклинатель змей. — Мытье без мыла.

Изнемогая от усталости, не в силах перевести дыхание после бешеного бега, измученный жарой, Робен свалился как подкошенный. Он потерял сознание.

Его тело скрылось в высокой траве. Смерть от истощения казалась неминуемой. Несчастный обречен был испустить последний вздох, даже не приходя в себя.

Стало быть, он больше не в силах бороться за жизнь, и новое имя пополнит список жертв каторги, новый скелет забелеет на мрачном тропическом погосте?..

Плотный и упругий растительный ковер смягчил удар при падении, и тело, похожее на труп, долгие часы оставалось распростертым на мягкой травяной подстилке. Ни один ягуар в поисках добычи не показался вблизи, не набежали и муравьи-маниоки. Это была счастливая случайность.

Беглец медленно приходил в себя, он не в состоянии был определить, сколько времени пролежал здесь. Парижанин все еще находился во власти прострации *, причины которой затруднился бы объяснить, хотя сознание к нему возвращалось.

Невероятно, но он не ощущал никакой тяжести в голове, тиски, сжимавшие его череп, как будто внезапно ослабли, звона в ушах больше не было. Наш герой отлично слышал пронзительный свист пересмешника, глаза его воспринимали свет, пульс бился равномерно, легкое дыхание наполнило грудь. Лихорадка как будто отступила.

Но слабость была такая, что Робен не мог приподняться. Тело словно налилось свинцом. Еще ему чудилось, что по лицу и шее течет тепловатая жидкость, у нее какой-то душный, особый запах...

Он посмотрел на рубашку и обнаружил на ней большое ярко-красное пятно.

— Да я просто в луже крови... Где я? Что произошло?

Каторжник ощупал себя со всех сторон, потом ему удалось подняться на колени.

— Нет, я не ранен... но эта кровь... О господи! До чего же я ослабел!

Бургундец находился в довольно широкой долине, окаймленной невысокими лесистыми холмами, между ними протекал неглубокий ручей с прозрачной свежей водой.

Такие ручьи и бухточки в изобилии встречаются в Гвиане, они служат единственным вознаграждением природы за те адские муки, что претерпевают здесь люди.

Робен с трудом дотащился до воды, напился, сбросил свои лохмотья и вошел в протоку. Он старательно смыл с лица и груди кровавые сгустки и, завершив омовение, уже выходил из ручья, как то же самое ощущение теплой текущей жидкости вновь обеспокоило его. Он тронул рукой лоб, глянул — ладонь была испачкана кровью.

Ощупывание лба и висков ничего не дало: никакой раны на коже не оказалось. Откуда же кровь?

— Бог мой, здесь приходится изобретать то, что людям дала цивилизация. У негра или индейца через пять минут было бы зеркало. Возьмем с них пример.

Несмотря на возрастающую слабость, парижанин отыскал несколько крупных зеленовато-бурых листьев водяной

* Прострация — крайнее изнеможение, полубессознательное состояние.

лилии. Срезать один из них, погрузить горизонтально в воду и удерживать в нескольких сантиметрах от поверхности было несложно.

Его лицо, отраженное как бы в стекле с подкладкой из оловянного листа, предстало перед ним с такой отчетливой яркостью, как будто он гляделся в самое лучшее зеркало.

— Так вот оно что,— сказал каторжник, после внимательного осмотра, обнаружив маленький шрам над левой бровью у самого виска,— меня укусил вампир *!

И, вспомнив свою встречу с индейцем, свое отчаянное бегство, лихорадочный бред и наконец обморок, воскликнул:

— Какая странная у меня судьба! То меня преследуют дикие звери, то гонятся по пятам охотники за людьми, а теперь выходит, что ненасытное обжорство мерзкого животного спасло мне жизнь!

Робен не ошибся. Он бы погиб, если бы не вампир, который сделал ему сильнейшее кровопускание. Летучие мыши-вампиры питаются исключительно кровью млекопитающих. Они кусают только сонных животных, при случае не пропускают и человека, жадность их не знает границ.

Эта летучая тварь снабжена хоботком, или, точнее сказать, ее рот переходит в маленькую трубочку-присоску, снабженную крохотными сосочками. Вампир приближается к жертве, мягкими взмахами больших перепончатых крыльев вызывая ощущение приятной свежести и тем самым усиливая сонное состояние. Затем отвратительный рот медленно приникает к избранному месту, а крылья продолжают трепетать. Пробыравливание кожи животного или человека проходит постепенно и безболезненно. Мышь понемногу высасывает кровь, наполняясь словно живая медицинская банка. Насытившись, она снимается с места, оставляя открытую рану.

Если бы этим все и ограничивалось, беда была бы невелика. Двести или двести пятьдесят граммов крови, потребляемые крылатым вурдалаком во время «трапезы», не причинят особого ущерба «объекту», хотя это и вызывает некоторую слабость. Но после кровопускания почти никог-

* Вампиры, или десмоды — семейство летучих мышей, обитающих в Южной Америке. Питаются кровью домашних животных, иногда и человека. При укусе вампир вводит в рану вещество, которое препятствует свертыванию крови, поэтому кровотечение бывает длительным. Буссенар преувеличивает, описывая прожорливость вампиров, опасность кровопотери,— она не столь велика и жизни не угрожает. Вампиры опасны тем, что переносят бактерии бешенства.

да не наступает пробуждение, кровь льется всю ночь, а это уже ощутимый вред для здоровья. Человек теряет силы и рискует самой жизнью, если особый укрепляющий режим не восстановит потерю в кратчайший срок.

Немало путешественников, захваченных врасплох в своих постелях, не принявших мер предосторожности и не прикрывших ноги, шею или голову, просыпается в теплой кроватной ванне! И сколько уже заплатило жизнью, а в лучшем случае тяжелой болезнью, за свою небрежность! В лесной чаще мало кто располагает средствами, необходимыми для восстановления ослабленного организма. Люди становятся легко уязвимы для тропических заболеваний, сопротивляться которым можно лишь в хорошем физическом состоянии.

Но воистину нет худа без добра. Наш герой убедился в этом. Обильное кровопускание в данном случае спасло ему жизнь.

Робен медленно натянул на себя одежду. Преодолевая слабость, он с превеликим трудом вырезал палку, чтобы опираться при ходьбе. Плевать! Его железная воля вернется к нему не сегодня, так завтра.

Он должен идти. Итак, снова вперед!

Истинное упорство в конце концов бывает вознаграждено.

— Что это?! — воскликнул парижанин через несколько минут. — Неужели я брежу?.. Да нет... Немыслимо... Как! Банановое дерево!.. И эта поляна... просека... Растения с треугольными листьями... Да ведь это батат! А вон кокосовая пальма... ананасы... маниока... Как хочется есть! Умираю от голода! Быть может, я попал в индейскую деревню?

Повинуясь неудержимому порыву, не размышляя больше ни о чем, француз срезал ананас. Он разрывал чешуйчатую мякоть, вбирал ее полным ртом, обливаясь душистым соком.

Съев ароматный плод, Робен почувствовал себя бодрее. Стебель ананаса он снова воткнул в землю, выкопав для этого лунку *. Притоптал землю вокруг отростка и направился к хижине, которую только теперь заметил совсем неподалеку.

* Трогательный обычай, которого неизменно придерживаются лесные бродяги. Съев плод, они высаживают в землю оставшийся стебель; через полгода, укоренившись, он созревает снова. (Примеч. авт.)

Это уединенное обиталище показалось ему довольно удобным. Покрытая исключительно прочными листьями пальмы вай, крыша могла спокойно служить лет пятнадцать. Стены из перекрещенных жердей непроницаемы для дождя. Дверь была плотно закрыта.

— Это негритянская хижина,— размышлял наш инженер, оценивая форму постройки, свойственную поселениям негров.— Хозяин где-нибудь недалеко... Кто знает, быть может, это такой же изгнанник, как и я... Участок у него превосходный.

Робен постучал в дверь. Ответа не последовало.

Пришлось стукнуть кулаком сильнее.

— Что вам угодно? — откликнулся на местном наречии надтреснутый голос.

— Я ранен и хочу есть.

— Бедняга! Вам нельзя войти в мой дом.

— Умоляю вас! Откройте!.. Мне худо...— с трудом выговорил каторжник, охваченный новым приступом слабости.

— Я не могу,— отвечал тот же голос, в котором на этот раз звучали слезы.— Берите все, что хотите... Только к дому не прикасайтесь... Вы можете заболеть и умереть.

— Ко мне!.. Помогите! — прохрипел бургундец, оседая на землю.

Дребезжащий и хриплый голос — наверняка он принадлежал старику — попросту рыдал.

— О, месье, мой несчастный белый друг! Что мне делать, ну что же делать? Я не могу допустить, чтобы он умер... Нет, нет...

Дверь наконец отворилась, и Робен, не способный пошевелиться, с ужасом увидел такое страшилище, какое не примерещится человеку и в самом жарком горячечном бреду.

Бугристый лоб усеян гноящимися нарывами, редкие белые волосы лишь кое-где торчат вокруг покрытой пятнами плечи. Отвратительные бородавки громоздятся одна на другую, глубокие синеватые морщины избороздили воспаленное обезображенное лицо.

Блекло-голубой глаз, безжизненный и полуразложившийся, выступал из орбиты, как яйцо из скорлупы. Левая щека — сплошная рана, а уши... белые хрящи видны из-под лоскутьев черной кожи. Провалившийся рот без зубов, руки без ногтей с бугорчатыми пальцами, скрюченными и окостенелыми. Одна нога намного толще другой, раздутая,

бесформенная, кожа на ней натянута, лоснится и, кажется, вот-вот лопнет под давлением распирающего ее отека.

Старый негр, несмотря на изглодавшую его проказу *, на слоновую болезнь **, которая не позволяла ему согнуть ногу в колене, короче говоря, несмотря на все свое уродство, не утратил выражения доброты и той удрученности, какая отличает людей обездоленных.

Он то ходил взад и вперед, то крутился на месте, похлопывая себя по изувеченной ноге, воздымал уродливые пальцы и, не смея прикоснуться к упавшему Робену, причитал:

— Боже, как быть? Боже, что делать? Мне нельзя к нему прикасаться, и вам, месье, нельзя прикасаться к несчастному прокаженному... Попробуйте подняться сами. Поднимитесь и перейдите в тень под дерево! Там вам будет лучше.

Первое впечатление улеглось, парижанин взял себя в руки. Прокаженный вызывал у него сострадание, к которому примешивалось отвращение.

— Спасибо, добрый человек,— проговорил он не слишком уверенно,— спасибо за вашу заботливость. Но я чувствую себя лучше и должен идти дальше.

— Прошу вас, месье, не спешите... Я дам вам попить, дам фруктов, рыбы... У старого Казимира все это есть там, в хижине!

— Хорошо, приятель, хорошо... Я согласен,— бормотал растроганный Робен.

В груди у обездоленного существа билось поистине учащенное сердце...

Старый негр земли под собой не чуял от радости, стараясь изо всех сил услужить незнакомцу, но принимая при этом меры предосторожности, дабы избежать прикосновения, которое, как он полагал, опасно для гостя.

Радужный хозяин ушел в свою халупу и вскоре вынес тыквенную бутылку на конце длинной палки. Предварительно он подержал ее над огнем очага, чтобы уничтожить заразу, потом засемянил с бутылкой к ручью, наполнил ее свежей водой и протянул больному, который с жадностью напился.

Вскоре до Робена донесся запах пекущейся рыбы,—

* Проказа, или лепра (отсюда упоминаемое Буссенаром далее название лечебницы для прокаженных — лепрозорий) — тяжелая болезнь, считающаяся острозаразной и поражающая все органы человека.

** Слоновая болезнь, или акромегалия — болезнь, при которой ненормально разрастаются кости конечностей или нижней челюсти.

Казимир бросил на раскаленные уголья кусок копченой кумару. Вкусная рыба быстро обжаривалась, потрескивая и дразня аппетит.

Бургундец считал, что огонь очищает все, и насыщался без опасений заразиться проказой. Негр испытывал неподдельный восторг от того, с каким упоением Робен воздавал должное его гостеприимству и кулинарному искусству.

Казимир, говорливый, как многие представители его расы, словоохотливый, как все привыкшие к одиночеству люди, облегчал душу после долгих лет молчания.

Очень скоро он угадал, кто перед ним. Впрочем, для чернокожего отшельника это не имело значения. Добрый человек видел перед собой страждущего, этого было достаточно. Несчастный постучался к нему в дверь, он гость, стало быть, дорог вдвойне.

Негр любил белых всем сердцем. Они были добры к нему! Он стар... правда, он не знает, сколько ему лет. Родился рабом в селении Габриэль, принадлежавшем некогда месье Фавару и расположенном на реке Рура.

— Я негр из поселка, месье,— сообщал он не без гордости.— Я умею готовить, управлять с лошадьми, ухаживать за плантациями гвоздики...

Месье Фавар был добрым господином. В Габриэле не знали, что такое кнут. Черные дети вырастали в доме. С ними хорошо обращались.

Казимир прожил долгую жизнь. Он и состарился в поселке. Незадолго до 1840 года у него появились первые признаки проказы, страшной болезни, которая свирепствовала в Европе в средние века и до сих пор нередко встречается в Гвиане, так что местные власти вынуждены были основать лепрозорий * в Акаруани.

Больного изолировали. Для него построили хижину неподалеку от поселка, снабдили всем необходимым на первый случай.

Затем пробил памятный и волнующий час, когда свершился великий акт справедливости: *отмена рабства* **! Все негры стали свободными. Все люди получили равные права. Не было между ними больше различий, кроме различий ума

* Лепрозорий — лечебное учреждение для прокаженных.

** Отмена рабства во Французской Гвиане (рабами были привезенные из Африки негры) в первый раз произошла в 1794 г. В начале XIX в. рабство было вновь восстановлено и окончательно отменено только в 1848 г.

и способностей, не было иного превосходства, кроме превосходства опыта и личных заслуг.

Колониальная промышленность получила тяжелый удар. Ее процветание, основанное на несправедливой оплате труда, на эксплуатации дармовой рабочей силы, было подрублено под корень. Плантаторы, привыкшие сорить деньгами, в большинстве случаев оказались без средств, жили одним днем. Очень многие не сумели приспособиться к требованиям оплачивать труд. А за тяжелую работу на плантации платить надо немало!

Однако негры многого не требовали, — лишь бы им предоставляли рабочие места. Волшебное слово «свобода» удваивало их силы.

Как бы там ни было, но колонисты, не умея организовать совместный труд, забросили свои поселения. Негры разбрелись, получили участки, занялись корчеванием, разведением плантаций, работали каждый на себя и жили свободно. Теперь все они — равноправные граждане!

Но и после отмены рабства многие оставались у бывших хозяев, трудились с охотой и бесплатно проливали свой пот.

Так поступили и жители Габриэля. Но в один прекрасный день хозяин покинул поселок. Рухнули взаимоотношения личной привязанности и общих нужд. Негры мало-помалу перебрались в другие места. Казимир остался в одиночестве. В довершение несчастья его лачугу снесло наводнением. Лишенный средств к существованию, без права жить среди людей, всеобщее пугало из-за своей страшной болезни, он ушел куда глаза глядят, долго брел, очень долго, и наконец обосновался здесь.

Местность оказалась необычайно плодородной. Казимир обустроился, работал за четверых, смиренно ожидая часа, когда душа его расстанется со своей жалкой оболочкой.

Он стал прокаженным из безымянной долины.

Работа делала его жизнь осмысленной.

Робен молча слушал рассказ доброго человека. Впервые после отъезда из Франции он почувствовал себя почти счастливым. Природа щедро наделила красотой и плодородием эту долину — подлинный рай для обездоленного судьбой негра. В хриплом голосе старика звучали тепло и душевное расположение. Нет больше каторги, нет застенка, нет площадной брани...

Если бы беглец мог обнять человеческое существо, пораженное несчастьем куда большим, чем его собственное! Страдания породнили его с Казимиром.

«Как хорошо было бы здесь поселиться...— думал Робен.— Но достаточно ли далеко я забрался?.. Да черт с ним, останусь... Буду жить возле этого старика, помогать ему в хозяйстве... Он тоже нуждается в заботе...»

— Дружище,— сказал парижанин прокаженному,— болезнь тебя терзает, ты плохо себя чувствуешь, ты одинок. Быть может, скоро у тебя не хватит сил работать мотыгой *... Начнешь голодать. Когда придет смерть, некому будет закрыть тебе глаза. Я тоже несчастен. У меня больше нет родины, и я не знаю, есть ли еще семья... Ты хочешь, чтобы я остался здесь вместе с тобой? Желаеть ли ты, чтобы я делил все твои труды и заботы? Я говорю от чистого сердца. Отвечай же!

Старый негр, казалось, потерял дар речи. Он не смел поверить услышанному, он плакал и смеялся одновременно.

— Ах, месье... Ах, месье... Мой дорогой белый сын!

Но тут отшельник подумал о проклятии своей болезни, с новой силой осознал его... закрыл лицо изуродованными пальцами и упал на колени.

Робен спал под банановым деревом. Во сне его преследовали кошмары.

Наутро приступ лихорадки возобновился и скоро перешел в горячный бред.

Казимир не растерялся. Прежде всего нужно было соорудить убежище для нового друга, по возможности обеззаразить хижину. Он схватил мотыгу, перекопал земляной пол, снял верхний слой и перенес землю в дальний конец плантации. Затем рассыпал по полу горящие уголья, «прокалил» всю поверхность, после чего, ловко орудуя тесаком, покрыл ее свежими пальмовыми листьями, которые он рубил и выкладывал по полу, не прикасаясь к ним руками.

Подготовив таким образом ложе для больного, чернокожий заставил его подняться, приговаривая:

— Ну, дружище, ну, поднимайся... Я помогу тебе перейти на постель...

Бургундец, послушный, как ребенок, вступил в хижину, вытянулся на зеленой постели и погрузился в тяжелый сон.

— Ах, бедный господин!..— восклицал время от

* Мотыга — простейшее орудие для рыхления земли (твердый наконечник прикреплен под прямым углом к деревянной рукоятке), известное с глубокой древности.

времени негр.— Такой больной! Он бы погиб, если бы не пришел ко мне... Нет, нет. Казимир не даст ему умереть...

Приступы лихорадки были частыми. Вскоре уже раненый снова бредил. Затылок разламывался от боли, бредовые видения проносились перед глазами, как бы затянутыми кровавой пеленой, на которой корчились и извивались омерзительные чудовища.

К счастью, негр издавна был знаком с народными лечебными средствами, к которым прибегали местные старухи.

На своем любовно возделанном участке Казимир выращивал не только фрукты и овощи, но и растения, которыми пользуется креольская медицина * для лечения больных.

Там рос «калалу», мелко нарезанные плоды этого растения входят в состав освежающего напитка, а из отвара мякоти готовят отличные смягчительные припарки. Далее «япана», или гвианский чай, возбуждающее и потогонное средство; «батото» — кустарник с необычайно горькими листьями, обладающими жаропонижающими и обеззараживающими свойствами, подобно хинину ** или салициловой кислоте ***; «тамарин» — слабительное; «адский калалу», настой из семян которого на водке используется против змеиных укусов, и так далее.

Состояние Робена требовало немедленного и самого энергичного лечения. Казимир это хорошо понимал. Несмотря на кровопускание, так своевременно выполненное вампиром, француз все же страдал от опасного прилива крови. Срочно требовался нарывной пластырь.

Нарывной пластырь! В тропиках, на пятом градусе северной широты! У негра не было ни шпанских мушек ****, ни нашатырного спирта, способных произвести нарывное действие.

Но старый доктор «без диплома» не растерялся.

* Креольская медицина — т. е. народные лечебные средства и приемы, которыми пользовались креолы — потомки африканских рабов в Гвиане.

** Х и н и н — очень горький лекарственный порошок, добываемый из коры растущего в Южной Америке хинного дерева. Им лечат малярию.

*** С а л и ц и л о в а я к и с л о т а. — Здесь: лекарственный порошок (сохраняет название химического вещества, из которого приготовлен), употребляемый при лечении воспалений.

**** Ш п а н с к а я м у ш к а — жук семейства нарывников; высушенные насекомые использовались в медицине для приготовления нарывного пластыря.

— Одну минуточку, месье... Одну минуточку... Я скоро вернусь...

Он вооружился длинным ножом, побрел, прихрамывая, к воде и внимательно обследовал берег ручья.

— Ага! Нашел... Отлично...— бормотал он, время от времени наклоняясь и что-то подбирая.— Так, так, это именно то, что надо...

Свои находки он бросал в плетеную чашку. Затем вернулся в хижину.

Казимир отсутствовал не более десяти минут.

С серьезным и сосредоточенным видом стоя возле больного, он с большой осторожностью вынул из чашки длиненькое насекомое, сантиметров полутора, блестящее, словно из лакированного черного дерева, с тонким щитком и округлым, подвижным брюшком. Придерживая насекомое за голову, приставил его другой оконечностью к коже за ухом больного. Появилось короткое и острое жало, быстро «пробурившее» кожный покров.

— Ну-ка, ну-ка! — гнусаво приговаривал лекарь-самоучка.— Вот так хорошо... Хорошо...

Отбросив насекомое, старик взял другое, заставил его проделать ту же операцию за вторым ухом. Потом приложил к коже еще одно, чуть пониже... Затем четвертое, пятое, шестое...

Больной стонал,— очевидно, эти короткие «пункции» * причиняли ему боль.

— Ну, ну...— повторял наш эскулап,— не бойтесь! Маленькое кусачее животное очень полезно для месье!

Операция и в самом деле принесла пользу. Не прошло и четверти часа, как два большущих волдыря, заполненных желтоватой жидкостью, вздулись у Робена за ушами. Действие оказалось такое же, как после двенадцати часов применения наилучших нарывных пластырей.

Больной как будто ожил; хриплое прерывистое дыхание с каждой минутой становилось тише, ровнее. Горевшие нездоровым румянцем щеки побледнели. Научная медицина была непричастна к этому чуду, которое вершилось на глазах.

— Это фламандский муравей, хороший, хороший, он

* П у н к ц и я — прокол кожи или стенки какой-либо полости тела (сустава, сосуда и т. д.) с лечебной целью или для того, чтобы определить болезнь.

сделал то, что нужно,— пробубнил довольный Казимир и, не мешкая, проколол оба пузыря длинной колючкой. Из отверстий в коже брызнули струйки бледно-желтой жидкости. Негр хотел было приложить к ранкам вату, пропитанную растительным маслом, но побоялся прикоснуться к больному и заразить его проказой. Главное сделано...

К каторжнику вернулось сознание, или, вернее, мягкая сонливость пришла на смену болезненному обмороку. Чуть слышным голосом он пробормотал слова благодарности и погрузился в дрему.

Добрый негр добился воистину чудесного успеха, применив самое простое народное средство. Укусы фламандских муравьев чрезвычайно болезненны, а яд почти мгновенно вызывает нарывы. Между прочим, сходным действием обладают укусы «кипящих» муравьев в Экваториальной Африке. Наружный кожный покров набухает, как от ожога кипятком, результаты укусов такие же, какие дает применение шпанских мушек.

Когда больной приходит в сознание, крепкая настойка из листьев «батото» дополняет лечение; на парижанина все это подействовало так сильно, что через сутки он, хоть и очень слабый, уже находился вне опасности.

Кто же обучил старого негра медицине, которая столь удивительно сходна с приемами наших врачей?..

Ведь близость между действиями дикарей, изучавших книгу природы, и ученых мужей, посевших над трудами о болезнях, и в самом деле поразительна.

Беглец, вырванный из лап тропической лихорадки, был спасен. Теперь ему по-прежнему угрожала лишь человеческая ненависть.

Минуло четыре спокойных дня, Робен понемногу набирал силы, как вдруг Казимир, бывший в отлучке несколько часов, просунулся в хижину в полной растерянности.

— Дорогой друг! К нам идут какие-то злые белые...

— А!..— воскликнул гость.— Белые... Враги... А нет ли с ними индейца?

— Да! С ними калина...

— Вот как! Ладно же! Я все еще слаб, но буду защищаться! Живым не сдамся, слышишь?

— Слышу... Но я не позволю им тебя убить! Оставайся тут... Спрячься... Старый Казимир хорошо их проучит...

Робен схватил было свой тесак, но, увы, он оказался

слишком тяжел для его ослабевшей руки. Парижанин понял замысел своего спасителя, укрылся под зелеными листьями и затаился.

Чьи-то поспешные шаги не заставили себя долго ждать. Послышался громкий и грубый голос, затем — клацанье ружейного затвора...

Пришельцы воспользовались словами, которые в цивилизованной стране звучат зловеще, а здесь, возле убогого шалаша, к их мрачному смыслу примешивался известный комизм:

— Именем закона! Откройте дверь!

Негр медленно отворил дверь и выставил наружу изъеденное проказой лицо. Это зрелище поразило белых, а индеец просто остолбенел.

Несколько секунд все молчали.

— Входите, прошу вас! — Казимир попытался придать своим чертам выражение самого сердечного гостеприимства, но от этого его физиономия сделалась еще безобразнее.

— Это прокаженный,— сказал один из пришельцев, одетый в форму военного надзирателя.— Так я и полез в эту хибару! Недоставало только подцепить проказу!

— Так вы не войдете ко мне?..

— Ни за что на свете! У тебя там все насквозь пропитано проказой! «Фаго» здесь не станет прятаться.

— Кто его знает,— возразил второй надзиратель.— Мы сюда тащились не для того, чтобы возвращаться с пустыми руками. Если принять меры предосторожности... В конце концов, мы же не дети.

— Ну, делай как знаешь... А мне дай Бог унести отсюда ноги. От одного вида этого курятника можно схватить болезнь.

— А я войду,— сказал индеец, помышляя лишь о награде и о множестве стаканов тафии, которые он купит, получив деньги.

— Да и я тоже, черт возьми,— подхватил более решительный надзиратель.— Не умру же я от этого, пропади оно пропадом!

— Входите, прошу вас! — Чернокожий хозяин просто таял от удовольствия.

Надзиратель с саблей в руке осторожно вошел в хижину, едва освещенную тонкими лучами, пробивавшимися сквозь плетеные стены.

Индеец последовал за ним на цыпочках. Подвесная койка была единственной «мебелью» в лачуге. На полу несколько самых простых предметов домашнего обихода — ножи, глиняные горшки для воды, ящик с маниокой, миски, ступка, длинный обрубок черного дерева и круглая пластина листового железа.

В углу — постель из кое-как набросанных пальмовых листьев, несколько связок маиса, сухие лепешки.

И это все.

— А там под этим,— рявкнул надсмотрщик, концом сабли указывая на постель из листьев,— там что-нибудь есть?..

— Я не знаю,— ответствовал негр с выражением полной тупости на безобразном лице.

— Не знаешь? Ну, я сейчас сам узнаю!

И надзиратель поднял саблю, собираясь проткнуть груды листьев.

Пронзительный, хоть и негромкий свист внезапно раздался в наступившей тишине, и охранник замер с поднятой рукой и с выставленной вперед правой ногой, ни дать ни взять учитель фехтования.

Страх приковал его к месту. Испуганный индеец выскочил наружу. Достойный краснокожий, казалось, совершенно забыл о радостях предстоящей пьянки.

— Ай-ай!..— в ужасе вопил он.— Ай-ай!

С полминуты надзиратель не мог опомниться. Прокаженный, не двигаясь с места, смотрел на него с безыскусной простотой во взгляде.

— Почему же вы не ищете?

Человеческий голос привел служителя закона в чувство.

— Ай-ай!..— пробормотал он.— Это ай-ай!

И он завороченно уставился на две светящиеся точки, которые покачивались из стороны в сторону как бы на конце гибкого троса, спиралью поднявшегося из маленькой черной коробки.

«Малейшее движение, и я покойник! Скорее прочь!»

Очень, очень медленно, с большой осторожностью охранник подтянул к себе правую ногу, затем отступил левой, попятился еще и наконец достиг двери.

И тут новое шипение раздалось над самой его головой в тот момент, когда вояка уже с облегчением перевел дух. Волосы у него встали дыбом от страха, кожа под ними, кажется, зашевелилась.

Нечто длинное и тонкое с противным сухим шуршанием соскользнуло с толстой жерди, которая поддерживала крышу хижины.

Надзиратель поднял голову и чуть не упал — в нескольких дюймах от его лица повисла змея с раскрытой пастью и направленными вперед ядовитыми зубами.

Человек в ужасе отпрянул и взмахнул саблей. К счастью для него, удар пришелся точно и снес змее голову.

— Здесь змеиное гнездо! — выкрикнул надзиратель.

Дверь за спиной надсмотрщика оставалась широко раскрытой. Он проскочил ее со скоростью циркового акробата, прыгающего сквозь горящий обруч, и успел увернуться от третьей змеи, которая, извиваясь, ползла по земле.

Вся сцена длилась не более минуты. Второй надзиратель, встревоженный криками индейца, был озадачен видом своего товарища, побледневшего, покрытого потом, с искаженным от страха лицом.

— Что там такое? Да говори же!

— Полно змей... там... внутри... — с трудом выговорил первый.

Негр вышел из хижины со всей поспешностью, какую позволяла ему больная нога.

Вид у него был перепуганный.

— Ах! Месье... Змеи... Их так много... Полон дом...

— Значит, ты не живешь в этой хижине?

— Живу, месье, но не всегда...

— Как же она превратилась в змеиное логово? Змеи поселяются только в заброшенных домах...

— Я не знаю.

— Ах, ты не знаешь! По-моему, ты много чего знаешь, да прикидываешься дурачком.

— Я там не заводил змей, нет!

— Хотел бы тебе верить! Ну так вот, чтобы не случилось с тобой ночью несчастья, я пушу огонька в твоё жильё!

Старого негра бросило в дрожь. Если его хижина загорится, новый друг погибнет... В его голосе звучало неподдельное чувство, когда он принялся умолять тюремщиков о пощаде.

Он всего лишь бедный человек, очень старый и очень больной. Он никому не причинял зла, ни единой душе, эта лачуга для него — вся его жизнь, все, что он имеет. Если её сожгут, где ему искать кров? С изуверченными руками он не сможет построить другую хижину...

— В конце концов, он правду говорит...— заметил тот, кто побывал в хижине. Радуюсь избавлению от смертельной опасности, бедняга хотел лишь одного: поскорее убраться отсюда.— Держу пари, что наш беглый прохвост не спит в одной постели с такими товарищами. Индеец надул нас. Одно из двух: либо Робен уже очень далеко, либо он мертв.

— Ей-богу, ты прав! Мы сделали все, что могли.

— Если ты согласен, не будем задерживаться.

— Конечно, согласен. Пускай черномазый сам разбирается со своими постояльцами, а мы уходим.

— Погоди, а где же индеец?..

— Индеец обвел нас вокруг пальца и смылся. Ищи ветра в поле!

— Ну, если он попадется мне в руки, я ему дам хорошую взбучку!

Вполне философски отнесясь к своей неудаче, тюремщики отправились восвояси.

Глядя, как они удаляются, Казимир смеялся.

— Ха-ха-ха!.. Змея «ай-ай»... Гнездо змей... Ха-ха-ха!.. Эти змеи — мои маленькие добрые друзья!

Он возвратился в хижину и тихо посвистел. Едва различимая дрожь передалась на какое-то время койке, потом все стихло.

И не осталось больше никаких признаков присутствия пресмыкающихся, кроме сильного запаха мускуса*.

— Друг мой! — окликнул старик.— Как ты там себя чувствуешь?

Бледный, как мел, Робен постепенно высвободился из укрытия, в котором провел четверть часа в отчаянном напряжении.

— Они ушли?..

— Да, мой друг, они ушли... С пустыми руками. Они испугались... О, как они испугались!

— Как тебе удалось обратить их в бегство?.. Я слышал, как они просто выли от страха... И потом этот запах...

Прокаженный поведал своему гостю, что он, Казимир,— заклинатель змей. Он умеет их вызывать, может не только безнаказанно брать их в руки, но даже не боится их

* Мускус — вещество с резким запахом, вырабатывается железой, расположенной на животе у самца кабарги — небольшого жвачного животного, обитающего на Дальнем Востоке. Буссенар говорит о сходном запахе, т. к. кабарга в Гвиане не водится.

укусов, для него они безвредны. Ему не страшны не только буасиненга, змея с гремучками, но и грозная граж, и ужасная ай-ай, названная так потому, что укушенный успевает перед смертью испустить одно лишь это восклицание.

Невосприимчивость к змеиному яду Казимиру помог приобрести месье Олета, хорошо известный в Гвиане: с помощью своих снадобий и прививок он умел сделать безопасным укус любой из змей.

— Я не боюсь укусов, потому что месье Олета «умыл» меня от змей,— говорил Казимир.— Когда пришли ваши белые враги, я позвал змей. Эти белые не «умыты», они испугались и убежали.

— А если бы одна из них укусила меня?..

— О! Никакой опасности. Я положил возле вас траву. Змеи не любят эту траву, они туда не пойдут *. А теперь оставайтесь на месте. Индеец убежал в большой лес, он очень злой. Он не получит свои деньги, не купит тафии, и он будет за вами следить.

Добрjak не ошибся. Не прошло и шести часов после спектакля, разыгранного для непрощенных гостей, как бессовестный Атука объявился вновь.

— Ты плохой человек,— сказал он.— Ты помешал поймать белого тигра!

— Убирайся отсюда, скверный калина,— ответил негр.— Ничего ты здесь не найдешь! Уходи! А не то старый прокаженный накличет на тебя беду!

При этих словах индеец, суеверный, как и все представители его племени, пустился наутек в страшном испуге.

* Немало аналогичных историй о змеях рассказывали мне люди, заслуживающие доверия. Вот какой случай описал один из высокопоставленных чиновников Гвианы. Дело происходило в Кайенне у него на глазах. Взяли двух огромных живых тригоноцефалов. Месье Олета, о котором говорилось выше, принял участие в опыте. Ему представился отличный случай продемонстрировать свое искусство. Привели двух небольших собак. Обоих укусили змеи.

— Какую из двух вы желали бы спасти? — поинтересовался Олета.

Ему указали. Он тут же заставил собаку выпить свое лекарство, а также ввел несколько капель под кожу животному. И через четверть часа псина весело лаяла, полностью здоровая, тогда как вторая издыхала в страшных корчах. И это не все. Олета получил укус от одной из *граж*, преднамеренно или случайно — дела не меняет. И с ним равным счетом ничего не произошло! Сто пятьдесят человек были свидетелями этого эксперимента на улице Шуазель. Месье Олета умер лет десять назад, передав рецепты своему сыну. Я виделся с этим последним в Ремире. И у меня еще будет повод вспомнить о нем на последующих страницах. (Примеч. авт.)

ГЛАВА 4

Проекты невероятные, но осуществимые.— Проказа не всегда заразна.— Сооружение лодки.— «Эсперанс».— Признательность отверженного.— Записная книжка каторжника.— Жемчужина в куче грязи.— Письмо из Франции.— Слишком поздно! — За работу! — Что произошло 1 января 185... года в мансарде на улице Сен-Жак.— Семья осужденного.— Дети, плачущие, как взрослые.— Великодушный замысел парижского рабочего.— Нищета и гордость.— Воспоминание об изгнании.— Пожелания на Новый год.— Беспокойство, тоска и тайна.

В своем беспорядочном лесном «марафоне», со всеми его стычками и неожиданными происшествиями, Робен не слишком отклонился от первоначально намеченного маршрута.

Он не хотел удаляться от Марони, разделяющей Голландскую и Французскую Гвианы, и ему, в общем, удалось придерживаться северо-восточного направления, в котором и протекает русло реки от устья до пятого градуса северной широты.

У парижанина не было никаких инструментов, при помощи которых он мог бы определить, где находится; беглец лишь приблизительно оценивал и пройденное расстояние, и свои координаты. Он очень стремился быть поближе к Марони, большой судоходной реке, так как это рано или поздно позволило бы установить связь с цивилизованными людьми.

Новообретенный товарищ Робена был неспособен дать ему необходимые сведения. Бедному старому негру безразлично было его местонахождение, лишь бы удавалось поддерживать убогое существование. Он слышал, что река находится в трех или четырех днях пути к западу, вот и все. Он не знал даже названия речки, воды которой орошали долину.

Бургундец предполагал, что речка эта — Спарвайн. Если догадка верна, то пребывание у прокаженного не обещает ему сколько-нибудь надежного убежища. Администрация колонии оборудовала близко к речному устью реки площадку для лесоразработок; рабочая команда заключенных находится там постоянно. Не исключено, что в один прекрасный день какой-нибудь из бывших сотоварищей Робена или даже надзиратель случайно забредет на поляну, где стоит хижина Казимира.

Здоровье и силы вернулись к нашему герою, а вместе с ними — непреодолимая потребность любой ценой сохранить свободу, добытую в тяжких страданиях.

Уже месяц пролетел с того дня, как его врагов обратил в паническое бегство боевой змеинный отряд под командой Казимира. Робен скоро привык к спокойной жизни, ее размеренный распорядок очищал его тело и душу от наследия каторги.

Но его не покидала мысль о близких. Каждый день и каждый час полнились нежными и грустными воспоминаниями о них. Каждую ночь проходили перед ним во сне дороги, щемящие душу видения.

Как им сообщить, что час освобождения пробил? Как их увидеть? Или хотя бы подать им знак о том, что он жив, не подвергая себя при этом новой опасности?

Самые фантастические проекты рисовались его воображению. Иногда ему хотелось перебраться на голландский берег, пересечь всю соседнюю колонию и достичь Демерары, столицы Британской Гвианы. Там он смог бы устроиться на работу и скопить денег на самые неотложные нужды, а потом наняться матросом на корабль, идущий в Европу.

Однако доводы Казимира вдребезги разбивали неосуществимый план. Голландцы непременно арестовали бы беглого каторжника, но даже если бы ему чудом удалось избежать этого, у него не было ни малейшего шанса добраться до английской колонии, с которой Франция не заключала соглашений о выдаче преступников.

— А если подняться вверх по течению Марони?.. — возникала новая идея. — По карте выходит, что главный приток Марони, Ауа, сообщается с бассейном Амазонки. Нельзя ли добраться до Бразилии по реке Ярри или по другому притоку?..

— Не надо рисковать, мой друг... Подождите немного...

— Да, мой добрый Казимир, я подожду... Сколько смогу. Мы запасемся продовольствием, построим лодку, потом уедем вместе.

— Прекрасно!

Лишь после долгих уговоров и просьб Робен согласился на то, чтобы чернокожий принял участие в его опасном предприятии. И не потому, что он так уж боялся общения с прокаженным, вовсе нет! Но Казимир был очень стар. Имел ли Робен право воспользоваться привязанностью старика, которую тот испытывал к нему с первого дня, чтобы сорвать с места обездоленного прокаженного, заставить его покинуть райский уголок, возделанный искалеченными

руками, расстаться с единственным своим утешением, с милыми привычками отшельника, которые он приобрел, живя свободной и привольной жизнью?..

Француз не был эгоистом. Он всей душой откликнулся на преданность старика и старался, как мог, улучшать и разнообразить его скучный быт.

Но Казимир так горячо настаивал на своем отъезде, что в конце концов Робен сдался. Старик расплакался от радости и на коленях благодарил белого друга.

Смущенный и тронутый, бургундец непроизвольно обнял старика за плечи и поднял его с земли.

— Ах! — в отчаянии воскликнул негр. — Вы ко мне прикоснулись! Теперь вы заболете проказой!

— Нет, Казимир, не бойся. Я счастлив пожать руку славному человеку, который живет только для добрых дел! Поверь, мой друг, твоя болезнь не так заразна, как об этом думают. У себя на родине, во Франции, я долго учился. И скажу тебе, многие врачи, очень ученые люди, считают даже, что проказа вообще не передается. Некоторые из них жили и работали в странах, где свирепствует проказа, и они говорят, что болезнь можно остановить, если человек уедет из тех мест, где он заболел. Значит, тем более надо увезти тебя в новые края...

Казимир понял одно: его белый друг не бросит старого негра. Мало того, он пожал Казимиру руку! За последние пятнадцать лет такого с ним не случилось ни разу.

Больше они не колебались. Надо соорудить легкую лодку с малой осадкой, нагрузить ее припасами на дорогу — прежде всего мукой из маниоки (куак) и сушеной рыбой.

Они поплывут по реке, но двигаться будут только по ночам. Днем пирогу придется прятать среди лиан и густых прибрежных зарослей, а самим отдыхать в тени под деревьями.

Они поднимались бы вверх по течению Марони вплоть до ее слияния с большим притоком, отделяющим Голландскую Гвиану и связанным с бассейном крупной реки английской колонии Эссекибо.

Там бы они были уже в безопасности, потому что Джорджтаун *, или Демерара, расположен как раз в устье этого притока.

Таков был в общих чертах великий проект, не учитывающий, однако, возможных изменений из-за непредвиденных обстоятельств. Что же касается неимоверной трудности

* Д ж о р д ж т а у н (Демерара) — столица Британской Гвианы.

плана, друзья отдавали себе в этом полный отчет, но старались отгонять тяжелые мысли.

Необходимые припасы постепенно накапливались. Надо было лишь своевременно собирать щедрые земные плоды и заботиться об их сохранности. Главной проблемой оставалось средство передвижения. Лодка из коры не годилась для долгого и сложного пути. Она пропускает воду, и потому продукты, единственный источник существования, постоянно будут под угрозой. И потом, такая лодка недостаточно прочна, она плохо выдерживает удары и резкие толчки, а на гвианских реках и протоках множество порогов и перекатов.

Решили выдолбить пирогу из цельного ствола, как у индейцев из племен бош и бони *. Для этой цели лучше всего подходило дерево, именуемое на местном наречии «бемба»: его древесина не гниет и не пропитывается водой.

Лодка, заостренная и приподнятая с обоих концов, может плыть и вперед и назад,— и с того, и с другого конца оставляют в ней цельную древесину полуметровой толщины, так что удары о камни не страшны. Длина лодки пять метров, кроме двух пассажиров она способна поднять до пятисот килограммов груза.

Но прежде всего требовалось отыскать соответствующее дерево, не слишком большое и не слишком маленькое, без единого дупла, а главное — поблизости от реки и от их участка.

Не меньше двух дней ушло на блуждания среди гвианских деревьев-великанов, которые, как известно, не растут группами, а разбросаны на значительном расстоянии друг от друга.

Подходящий ствол был наконец найден и заслужил одобрение Казимира, главного инженера плавучей конструктории. Сразу же принялись за работу. Однако продвигалась она крайне медленно. Топорик старого отшельника отскакивал от упругой, крепкой древесины, оставляя на ней лишь поверхностные зарубки.

К счастью, негр до тонкостей знал все приемы лесных обитателей. Если железо оказалось бессильным, надо призвать на помощь огонь. Развели костер у самого основания дерева, и оно понемногу возгоралось, обугливалось, тлело от жара в течение сорока восьми часов и обрушилось среди ночи с ужасным шумом.

* Бош, бони — названия креольских племен.

Казимир мгновенно проснулся, сел на постели и радостно возвестил:

— Друг мой, вы слышали?! Бу-ум!.. Оно упало... слышите, какой треск?

Робен был обрадован не меньше старика и не смог больше уснуть в эту ночь.

— Отлично, это начало нашего освобождения. Нам не хватает инструментов, чтобы выдолбить лодку, но...

— О!..— прервал его чернокожий.— У негров бош и у негров бони тоже нет инструментов. Они делают лодки при помощи огня...

— Да, я знаю об этом... Они сначала выжигают свои пироги, а потом выстругивают тесаками или даже острыми камнями... Но я придумал кое-что получше!

— Что придумал мой друг?..

— У тебя есть мотыга, притом мотыга хорошая... Я наточу ее как следует, приделаю рукоятку покрепче, и из нее получится прекрасное тесло *. Вот увидишь, с таким инструментом пирога выйдет красивая и блестящая, как лист барлуру, гладкая и снаружи и внутри.

— Так точно, мой друг, так точно! — весело согласился негр.

Сказано — сделано, и двое мужчин, приспособив мотыгу к ее новой роли, отправились на свою строительную площадку.

Они взяли с собой дневной запас провизии и шли, оживленно болтая.

— Вот увидишь, Казимир,— говорил Робен, который сделался гораздо общительнее с тех пор, как его жизнь обрела цель, и эта цель стала приближаться,— вот увидишь, через какой-нибудь месяц мы двинемся в путь... И очень скоро окажемся далеко отсюда. В свободной стране. Там я уже не буду диким зверем, на которого устраивают охоту, каторжником, которого загоняют в западню... не буду дичью для индейцев и для тюремщиков... *Белый тигр* исчезнет!

— Правду говорит мой друг, чистую правду,— вторил парижанину старый негр, счастливый его радостью.

— А потом, подумай только... Я увижу мою жену, моих дорогих малышей. Забыть хоть на миг о прошлых мучениях... Стереть поцелуем каторжную печать... Сжать их в объятиях... услышать их голоса! Надежда на это придает мне силы. Кажется, я весь этот лес могу изрубить в щепки! Вот

* Тесло — плотничий инструмент, металлическое лезвие которого как бы служит прямым продолжением деревянной рукоятки.

увидишь, какую я выдолблю лодку... нашу маленькую замечательную лодку, мою единственную надежду! Послушай, давай придумаем для нее имя. Пусть называется «Эсперанс» — «Надежда»...

Они подошли к прогалине, образовавшейся на месте падения бомбы, которая повалила немало соседних деревьев. Солнечный свет свободно лился сквозь возникшую в зеленом куполе брешь.

— Итак, за работу! Мой...

Бургундец не окончил фразу. Он словно окаменел при виде вооруженного короткой саблей мужчины, одетого в рубище каторжника. Тот как из-под земли вырос... Голос его прозвучал вполне обыденно:

— Гляди-ка! Да это Робен... Вот уж не ожидал встретить вас здесь!

Робен безмолвствовал, потрясенный. Встреча пробудила в душе весь пережитый кошмар каторги... Тюрьма вновь предстала перед ним во всей ее гнусности. Военный трибунал, двойные кандалы. Водворение в казарму. Парижанину даже в голову не пришло, что этот арестант мог тоже находиться в бегах, как и он сам.

Каторжник здесь наверняка не один. Где-то поблизости находится вся шайка отверженных в сопровождении надзирателей.

Да что же это, в самом деле! Столько мучений — и напрасно? Значит, прощай свобода, которую только-только успел вкусить? Жаркая волна залила тело и мозг инженера. Горячая, мгновенная мысль — убить! Кому он нужен, этот бандит, появление которого сулило грозную опасность...

Однако беглец тотчас устыдился своего бессознательного порыва и овладел собой.

Пришелец, кажется, и не заметил смятения Робена, и не удивился его молчанию. Он продолжал:

— А, понимаю... вы не расположены к беседе... Не важно, я все равно рад встрече...

— Так это вы... — с трудом выдавил из себя наш герой. — Гонде, если я не ошибаюсь.

— Так точно, Гонде... Он самый, во плоти, от которой, по правде говоря, остались только кожа да кости. Тюремное меню не улучшилось после вашего отбытия и, клянусь Богом, адская жара и работа, которой нас заставляют заниматься, не позволяют шибко растолстеть...

— Но что вы здесь делаете?

— Кому-нибудь другому на вашем месте я посоветовал бы не совать нос в чужие дела... Но вы имеете право знать. Я всего-навсего лесной старатель. Ищу деревья.

— Ищете деревья?

— Вот именно. Да вы и сами знаете, что на лесоразработках администрация старается выбрать человека, который в лесу как дома и хорошо разбирается в породах деревьев. Такой человек бродит по лесу, отыскивая самые ценные объекты, метит их, а государственные «пансионеры» потом их обрабатывают для начальства.

— Да, я об этом слышал...

— До того, как попасть в кутузку, я работал по черному дереву... Мастером был, не зря меня в колонии сразу прозвали Гонде-чернодеревщик. И поставили на эту должность — искать деревья. Платят самое большее сорок сантимов * в день. Вот я и свалился на вас, как снег на голову. Однако вид у вас прегордый. Так, мол, и так, живу на собственную ренту...

— А где же все остальные?

— Ну, не меньше чем в трех днях пути отсюда. На этот счет можете быть спокойны.

— Так вы не убежали из колонии?

— Я не такой дурак! Мне осталось шесть месяцев отсидки, а там я выйду на поселение. Да, через полгода меня освободят, но жить я обязан в Сен-Лоране. В качестве концессионера **.

— Значит, вы — не беглый?

— Я ведь уже сказал, что нет. Вам это не по сердцу? Вы хотели бы, чтобы я туда не вернулся? Для вас это надежнее. Да не тревожьтесь. Хоть я и не беглый, но каторгу ненавижу не меньше вашего. «Фаго» не донесет на убежавшего товарища.

Робена передернуло. Каторжник это заметил.

— Не надо обижаться, когда я называю вас товарищем. Я знаю, что вы прочим не ровня, а, так сказать, товарищ по несчастью... Если хотите знать правду, то все мы восхищались тем, как ловко вы смылись. А Бенуа! Охранники притащили его чуть живого. Вот уж кто рвет и мечет! Просто спятил от злости. Да что теперь говорить, вы так крепко сшиты, что унесли шкуру целехонькой оттуда, где

* Сантим — мелкая монета; в одном французском франке 100 сантимов.

** Концессионер. — Здесь: лицо, получившее право и возможность создать какое-либо предприятие.

всякий другой сложил бы кости. К тому же вы человек смелый. Вы не из наших, но мы вас уважаем!

— Собираются ли меня преследовать? — принужденно спросил Робен, как бы сомневаясь, стоит ли черпать сведения из подобного источника.

— Разве только Бенуа... Он вас ненавидит, вы для него что красная тряпка для быка. С утра до вечера ругается так, что несчастные сестры милосердия в больнице просто места себе не находят. И вся ругань, само собой, по вашему адресу. Я уверен, что когда он встанет на ноги, то попытается во что бы то ни стало вас задапать. Но это еще надо посмотреть, как у него получится! Вы не мальчик, пока он соберется, успеете да-алеко уйти. И вообще, большинство считает вас покойником.

Лесной старатель, болтливый, как все каторжники, когда им выпадает случай пообщаться с не их поля ягодой, говорил и говорил.

— Вам здорово повезло, что вы встретили старого негра. От такого страшилища сам черт убежит, поджавши хвост, а вам от него прямая польза. Да, между прочим, я нынче утром обнаружил на земле поваленную бембу, но мне и в голову не пришло, что это вы ее повалили. Из такого ствола выйдет отличная пирога. Погодите-ка, у меня идея! Просто замечательная! Я здесь на полном попечении администрации. Она снабдила меня прекрасным топором. Хотите, помогу вам?

— Нет! — решительно ответил Робен, которому такой помощник был не по душе.

Каторжник понял без объяснений причину отказа. Он вздрогнул, на его бледном, хотя по выражению смелом и даже дерзком, лице, появилась гримаса страдания.

— Ну да, конечно... — произнес он упавшим голосом. — Наш брат ничего не смеет предлагать порядочным людям... Всяк сверчок знай свой шесток. А ведь это тяжело — слыть «преступником» среди честных... без надежды на возрождение. Я это хорошо знаю. К вашему сведению, я из порядочной семьи, получил некоторое образование, мой отец был одним из лучших специалистов по дереву в Лионе. К несчастью, я потерял его в семнадцать лет. Завязались дурные знакомства. Меня привлекали удовольствия. Я часто вспоминаю слова моей бедной матери: «Сынок, я вчера слышала, что молодые люди из нашего города устроили дебош. Провели потом ночь в полицейском участке. Если бы с тобой случилось такое, я бы, наверное, умерла с горя». Через

два года я оступись. И получил срок — пять лет каторжных работ! Матушка два месяца была между жизнью и смертью. Два года ее терзала душевная болезнь. Поседела вся. Когда меня увозили, ей еще не было сорока пяти, а выглядела она на все шестьдесят. Здесь, на каторге, я ни разу ничего не украл. Я не хуже и не лучше других, но я осужденный. Вот говорю вам об этом, а даже заплакать не могу... Вас каторга облагородила, а меня растоптала!

Робен, поневоле взволнованный, подошел к собеседнику и, чтобы положить конец тягостной сцене, предложил Гонде разделить с ним трапезу.

— Мне бы тоже следовало отказаться, но я не хочу разыгрывать гордеца и принимаю ваше приглашение. Вы все такой же, не меняетесь, и это уже не первое доброе дело, которое вы делаете для меня.

— Как это? — удивился парижанин.

— Да очень просто, черт побери! Это вы меня вытащили из Марони в тот день, когда я, не в силах бороться с течением, шел ко дну. Вы рисковали жизнью, чтобы сохранить каторжнику его жалкое существование... Теперь вы поверьте, что я могу только молиться за успех затеянного вами дела, и молиться от всего сердца.

— В самом деле, я припомнил эту историю. Спасибо вам за добрые чувства.

— Бог мой, я чуть не забыл самое главное: письмо!

— Какое письмо?

— Недели через две после вашего побега вам пришло письмо из Франции. Администрация его распечатала. Начальники болтали между собой об этом. Нам все рассказал парнишка из транспортированных, который им прислуживает. Будто бы у вас там есть друзья, которые хлопочут о помиловании. Дело двигалось не слишком быстро, но если бы вы сами обратились с просьбой, то могли бы добиться благоприятного решения...

— Никогда в жизни! — перебил его инженер, весь побагровев от внезапного гнева. Однако первая вспышка почти тотчас уступила место раздумью. Имеет ли он право лишать родных опоры и моральной поддержки? Быть может, надо пойти на это унижение, чтобы изменить их жизнь? Впрочем, все равно уже поздно... Последние слова парижанин повторил вслух.

— Вот и начальники говорили: «Слишком поздно!» Но если бы вы и не получили помилования, вас могли сделать концессионером, с правом вызова вашей семьи.

— А, бросьте! Концессионер... Моя жена и дети здесь, в этом аду?

— Черт побери, но ведь это самый верный способ увидеться с ними! Правда, все это одни только слухи да разговоры... Надо бы узнать точное содержание письма.

— Письмо... Будь проклята моя глупая поспешность! Но сделанного не поправишь да и не окупит мучений короткая минута радости.

— Погодите, дайте мне сказать два слова, я буду краток. У меня есть хорошая мысль. Я сейчас живу почти как вольный человек. Во мне не сомневаются и правильно делают, потому что сроку моему вот-вот конец. Я отправлюсь на лесоразработки и разыграю приступ сенной лихорадки. Как — это мое дело, я знаю некоторые штуки... Меня отвезут со Спарвайна в Сен-Лоран, положат в лазарет, а там я разобьюсь в лепешку, чтобы выведать, чем кончились разговоры о вас. Как только этого добьюсь, тут же выздоравливаю и возвращаюсь сюда с новостями. Идет? Я в большом долгу перед вами и был бы счастлив оказать вам услугу.

Робен молчал. Его раздирали противоречия. Он не мог преодолеть неприязнь к подобному посреднику в столь важном для него совершенно личном деле.

Каторжник смотрел на инженера умоляюще.

— Ну прошу вас! Дайте мне возможность совершить доброе дело! Во имя моей бедной матери, честной и святой женщины, которая тогда, быть может, простит меня! Во имя ваших маленьких детей... страдающих без отца... там, в большом городе...

— Хорошо, отправляйтесь! Да, да, отправляйтесь!

— Благодарю вас, благодарю... Еще одно только слово: у меня есть маленькая записная книжка, где я записываю свой маршрут и найденные деревья. Книжка моя собственная. Я за нее заплатил. Там есть еще несколько чистых листков. Осмелюсь предложить их вам для письма во Францию. Голландское судно с грузом леса находится сейчас на рейде поселка Кеплера. Скоро оно отплывает в Европу. Берусь доставить ваше послание на борт корабля. Найдется же там добрый человек, которые не откажется переслать его вашей семье, особенно если узнает, что вы политический. Ну как, согласны?

— О да, конечно,— тихо проговорил Робен.

Он исписал две странички бисерным почерком, добавил адрес и вручил письмо черnodеревщику.

— Итак, я отправляюсь,— сказал тот.— Сегодня же

вечером заболело лихорадкой. Прячьтесь получше! До свидания!

— До свидания!

Гонде исчез в густых зарослях.

Старый Казимир хранил молчание в течение всего этого разговора, смысл которого остался для него во многом недоступным. Его сильно удивил преобразившийся облик друга.

Робен был и в самом деле неузнаваем. Глаза горели, на бледном лице заиграл румянец. Свойственная ему молчаливая сдержанность уступила место внезапной говорливости. Голос его звучал без умолку... Он рассказывал, захлебываясь в словах, о своей работе, борьбе, о своих надеждах и разочарованиях. Он пытался растолковать непросвещенному старику негру разницу между уголовным и гражданским правом *, между рецидивистами ** и политическими. Он пытался объяснить, какая пропасть разделяет тех и других. Бедный негр никак не мог уяснить, за что же так сурово карают людей, которые не совершили никакого преступления.

— А теперь,— заключил бургундец,— когда я почти спокоен за судьбу моих близких, рукоятка топора жжет мне руки! За работу, Казимир, за работу! Будем долбить и тесать эту колоду без передышки, завершим дело нашего освобождения, и пусть наша лодка побыстрее и подальше увезет нас от зловеющих берегов...

— Так и будет,— ласково поддержал его старик.

И двое мужчин горячо взялись за работу.

Дней за сорок до побега Робена в Париже, на улице Сен-Жак разыгралась трогательная сцена. Было первое января. Сильный мороз, нечастый гость в столице Франции, да еще в сочетании с ледяющим северным ветром, превратил огромный город чуть ли не в сибирскую глухомань.

Женщина в трауре, бледная, с глазами, покрасневшими от холода, а может быть, и от слез, медленно поднималась по грязной лестнице одного из тех огромных и уродливых каменных домов, какие еще встречаются в старых парижских кварталах. Настоящие казармы с бесчисленными за-

* Уголовное право — свод законов об ответственности за уголовные преступления (кражи, ограбления, убийства и т. п.); гражданское право — свод законов об имущественных и личных взаимоотношениях граждан страны.

** Рецидивист — уголовный преступник, неоднократно отбывавший наказание по приговору суда.

кутками, доступные и людям с самым тощим кошельком; в таких домах находит пристанище множество обездоленных.

Женщина держалась с достоинством и с достоинством носила бедное вдовье одеяние, свидетельствовавшее о постоянных заботах и о мужественной борьбе с нуждой.

Поднявшись на шестой этаж, она перевела дыхание, вынула из кармана ключ и осторожно вставила его в замочную скважину. На негромкий звук отпираемого замка тотчас откликнулся хор детских голосов.

— Это мама! Мама!

Дверь отворилась, и четверо мальчуганов, из которых старшему было лет десять, а младшему не более трех, обступили вошедшую. Она расцеловала каждого с той нервной и пылкой нежностью, в которой одновременно угадывались и радость, и душевная боль.

— Ну что, мои милые, вы хорошо себя вели?

— Хорошо,— ответил старший серьезным тоном маленького мужчины.— Смотри, мама, Шарль даже награжден крестом за хорошее поведение.

— Вот он,— с важным видом произнес очаровательный трехлетний бутуз, указывая пухлым пальчиком на крестик у себя на груди, который по всем правилам, на красной ленточке, был пришпилен к его серому шерстяному костюмчику.

— Замечательно, детки, очень хорошо.— И мать снова обняла детей.

Только теперь она заметила в глубине комнаты рослого юношу, лет двадцати с небольшим, в черной шерстяной блузе. Он стоял и с выражением явной неловкости на лице вертел в крепких, сильных руках маленькую фетровую шляпу.

— Ах, это вы, дорогой Никола, добрый вечер, мой друг,— приветливо поздоровалась женщина.

— Да, мадам, я пораньше ушел из мастерской, чтобы забежать к вам... Поздравить с Новым годом, пожелать добра и счастья вам и детям... и дорогому патрону *... меся Робену... да, и ему!

Она вздрогнула. Красивое лицо, осунувшееся от житейских тягот, побледнело, кажется, еще сильнее. Женщина подняла глаза к большому портрету, позолоченная рама которого так не вязалась с голыми стенами мансарды **, со случайной и разрозненной мебелью,— жалкими остатками бывшего благополучия.

* Патрон — покровитель, хозяин.

** Мансарда — комната со скошенным потолком под самой крышей дома.

Крохотный букет анютиных глазок — большая редкость в эту пору года! — стоял в стакане с водой перед портретом молодого мужчины в расцвете сил, с энергичным и выразительным лицом, тонкими каштановыми усами и блестящими глазами.

Скромный подарок, который преподнес парижский рабочий своему покровителю, — свидетельство душевной деликатности простого ремесленника, — наполнило глаза хозяйки дома слезами.

Стоя перед портретом отца, дети тоже расплакались, заметив слезы матери. Страдания в юном возрасте особенно остры. Мучительно было видеть, как молча, без единого слова, плачут четыре малыша, для которых горе сделалось таким же привычным, как для других детей беззаботный смех.

Между тем первый день Нового года шел своим чередом. Маленькие лавчонки торговали так же бойко, как и большие магазины, Париж праздновал, детвора радовалась новым игрушкам, и взрывы веселого смеха доносились не только из особняков, но и из мансард. А дети осужденного плакали.

Они не просили игрушек. Они давно уже лишились многих детских радостей и научились обходиться без них. Да и какие могут быть радости у сыновей изгнанника?.. Что значил для них Новый год? Такой же хмурый и бесцветный, он занимался безо всякой надежды, он не сулил ничего хорошего.

Женщина вытерла слезы и протянула руку молодому рабочему:

— Спасибо! Спасибо от него и от меня...

— Мадам, нет ли новостей?

— Пока ничего. Мне все труднее с деньгами... Работа дает мало. Молодая англичанка, которая брала у меня уроки французского, заболела. Она уезжает на юг. Скоро у меня останется одна только вышивка, а от нее так устают глаза...

— Мадам, но вы забыли о моей работе! Возьму сверхурочные часы. Ну и... зима-то не навек!

— Нет, дорогой Никола, я ничего не забыла, я знаю вашу доброту и самоотверженность, вашу привязанность к моим ребятам, но я ничего не могу принять от вас.

— Да ведь это такие пустяки! Патрон заботился обо мне, когда мой отец погиб при взрыве машины. А кто помогал моей больной матери? Бедная мама умерла со

спокойной душой, и этим я тоже обязан патрону. Нет, нет, ваша семья для меня вовсе не чужая!

— И ради нас вы готовы изнурять себя работой, когда вам самому едва хватает на жизнь!

— На жизнь хватает всегда, когда руки и голова умеют трудиться. Подумайте только, механик-наладчик, да еще сверхурочные часы... Я буду получать как старший мастер!

— И будете отдавать деньги нам, лишая себя необходимого...

— Но ведь это ради моей семьи!

— Да, мое дитя, это родная для вас семья, и, однако, я должна отказать. Ладно, проживем — увидим... Если нужда станет нестерпимой... и, не дай Бог, начнут болеть дети... Голод... Сохрани нас Господь! Это было бы ужасно. Но я надеюсь, что до этого не дойдет. Поверьте, я так тронута вашим великодушным предложением, как будто уже приняла его.

— Ну... а его не собираются перевести оттуда? Я слышал, что кое-кто уже возвращен из Бель-Иля * и Ламбессы...

— Это те, кто подавал прошение о помиловании. Мой муж никогда не станет просить тех, кто его осудил. Он не изменит своей натуре, главное для него — честь, собственное достоинство.

Молодой человек молча опустил голову.

— Впрочем,— мадам Робен понизила голос,— я напишу ему, или, вернее, мы все вместе напишем ему письмо... Верно, дети?

— Да, мама,— отозвались старшие, а маленький Шарль, присев на корточки в углу, с серьезным видом изобразил какие-то каракули на листочке бумаги и вручил его матери, очень довольный собой:

— Вот, мама, письмо... для папы!

Жена осужденного отлично знала, через сколько чужих рук пройдет ее послание, прежде чем попадет к мужу, знала, как много вымарывают в письмах к политическим, и писала всегда очень просто и сдержанно, с единственной целью подбодрить заключенного и при этом не навлечь на него гнев тюремного начальства.

Как же он должен был ценить благородство самоотвер-

* Бель-Иль — небольшой остров, лежит в 40 км от южного берега Бретани (Франция). Здесь находилась центральная тюрьма одиночного заключения.

женной матери, мужество верной подруги, хоть она и удерживалась от слов любви и нежности, которые готовы были сорваться с ее пера! Врожденная деликатность не позволяла ей отягощать своей душевной болью и без того нелегкую жизнь каторжника.

«Мой дорогой Шарль,— писала она,— сегодня первое января. Минувший год был очень печален для нас, ужасен для тебя. Принесет ли наступивший облегчение твоим страданиям, утешение в нашей скорби? Мы надеемся на это, как и ты, наш дорогой и благородный мученик, и эта надежда придает нам силы.

Я не падаю духом, а как же иначе! И наши славные дети, маленькие мужчины, тоже вполне достойны тебя. Анри сильно вырос. Он успешно занимается и очень серьезен. Это твоя копия. Эдмон и Эжен становятся уже большими мальчиками. Они веселые по нраву, немного легкомысленны, как и я... до нашего несчастья. Что касается маленького Шарля, то невозможно и мечтать о более нежном существе.

Очаровательный румяный мальчуган, красивый и умненький! Представь себе, что вот сейчас, когда Шарль услышал, что я пишу тебе, он принес мне исчерканный, аккуратно сложенный листок со словами: «Вот, мама, письмо для папы!»

Я работаю. И нам вполне хватает на все наши нужды. По крайней мере, об этом не тревожусь, мой добрый Шарль, и помни, если наша жизнь и тягостна без тебя, то материальные потребности более или менее удовлетворены. Твои друзья постоянно принимают какие-то усилия ради тебя. Достигнут ли они цели? Необходимым условием считается, чтобы ты подал просьбу о помиловании...

Согласишься ли ты возвратить свободу такой ценой? Если нет, то нас уверяют, что ты мог бы стать концессионером на территории Гвианы. Я не знаю, в чем это заключается. Но мне ясно одно: я смогла бы приехать к тебе вместе с детьми. Меня ничто не пугает. Там, с тобой, даже жизнь в нужде была бы счастьем!

Напиши, как я должна поступить. Время дорого. Каждая минута, пробежавшая вдали от тебя, мой милый узник, так тосклива, а ведь мы могли бы еще быть счастливы в той жаркой стране.

Наберись мужества, любимый, мы посылаем тебе наши самые горячие приветы, самые крепкие поцелуи от всего сердца и всю нашу любовь».

Рядом с подписью матери под письмом стояли уже вполне взрослый росчерк Анри, старательно выписанные

дрожащими буквами имени Эдмона и Эжена, а также размазанный отпечаток указательного пальца Шарля, который пожелал, чтобы мама непременно приложила его руку к посланию.

Через три дня письмо отправилось в дальнюю дорогу из Нанта на паруснике, взявшем курс прямо на Гвиану. В то время сообщение, хотя и менее регулярное, чем теперь, когда ввели трансатлантические рейсы, было, однако, не менее частым, и мадам Робен каждые пять или семь недель получала весточку от мужа.

Январь и февраль прошли без новостей, настал март, но ответа все не было. Беспокойство бедной женщины росло, и тоскливое предчувствие беды охватило ее со всей остротой, когда однажды утром она получила письмо с парижским штемпелем: ее просили зайти «для получения весьма важной информации» к поверенному, по имени ей совершенно незнакомому.

Она немедленно отправилась по указанному адресу и увидела сравнительно молодого человека, одетого с претензиями на моду, с лицом и манерами несколько простоватыми, но в общем вполне приличного.

Он сидел один-одинешенек за письменным столом в стандартно меблированной конторе среди бесчисленных картонок и бюро *.

Мадам Робен представилась. Незнакомец сдержанно поклонился.

— Мадам, у вас с собой приглашение, которое я имел честь направить вам вчера?

— Вот оно.

— Хорошо. Позавчера я получил от моего корреспондента из Парамарибо новости о вашем муже...

Бедняжка почувствовала, как сердце ее сжалось в невыносимой тоске.

— Парамарибо... мой муж... не понимаю...

— Парамарибо, или Суринам, столица Голландской Гвианы.

— Но мой муж... Говорите же! Скорей сообщите, что вам известно.

— Ваш муж, мадам,— сказал молодой человек будничным тоном, как будто речь шла о чем-то самом обычном,— ваш муж сбежал из исправительной колонии Сен-Лоран.

* Бюро.— Здесь: высокий, со многими ящиками, письменный стол, за которым обычно работают стоя.

Шаровая молния, упавшая к ногам мадам Робен, меньше потрясла бы ее, чем эта неожиданная новость.

— Сбежал...— пробормотала она.— Сбежал!..

— Как я имел честь, мадам, сообщить вам об этом. И притом с искренним удовлетворением. Кроме того, я должен с радостью вручить вам личное письмо вашего мужа, которое было вложено в конверт моего корреспондента. Вот оно, держите!

Потрясенная таким оборотом дела, несчастная женщина едва устояла на ногах, туман поплыл у нее перед глазами. Но природная стойкость помогла ей взять себя в руки, и она принялась разбирать торопливые карандашные строки, набросанные Робеном на листках записной книжки возле бухты Спарвайн.

Конечно же, это был почерк ее мужа, его подпись, абсолютно все, включая некоторые тайные условные знаки, разгадку которых знала только она.

— Но, значит, он свободен!.. И я могу увидеться с ним!

— Да, мадам, разумеется. На ваше имя ко мне поступили необходимые средства, присланные моим корреспондентом в форме переводного векселя. Они в полном вашем распоряжении. Но вы должны понимать, что действовать следует тайно. Ваш муж не покинул пределы Гвианы, там он находится в большей безопасности, чем где бы то ни было. Полагаю предпочтительным, чтобы вы отправились на встречу с ним туда. Вы отплывете из Амстердама на голландском судне, чтобы избежать формальностей с паспортом. Высадитесь в Суринаме, и мой корреспондент проводит вас к месту, где вы увидите с супругом.

— Но, сударь, объясните мне... Откуда деньги?.. Кто этот корреспондент?

— Клянусь Богом, мадам, я решительно ничего больше не знаю. Ваш муж свободен, он желает вас видеть, средства в ваше распоряжение переданы через моего посредника, как и просьба ко мне обеспечить вашу безопасность вплоть до посадки на голландский корабль.

— Ну что же! Пусть так и будет. Я согласна. Но могли я взять с собой детей?

— Конечно, мадам.

— Когда нужно быть готовой к отъезду?

— Чем скорее, тем лучше.

Таинственный поверенный распорядился временем так удачно, что уже спустя двадцать четыре часа мадам Робен

покидала Париж вместе с сыновьями и прямодушным порывистым Николом, который ни за что не пожелал расставаться с семьей своего патрона.

Все шестеро высадились в Суринаме после тридцати пяти дней благополучного плавания.

ГЛАВА 5

Сооружение лодки.— Дерево для весел.— Почти как в Гребном клубе.— Возвращение посланца.— Копия, не уступающая оригиналу.— Что можно приготовить из маниоки.— Ядовито, но съедобно.— Украденная пирога.— Пожар.— Непоправимое.— Кто предатель? — Отчаяние старика.— Тот, кого уже не ждали.— Зеленая крепость и тайная тропа.— Атлантика шире, чем Сена в Сент-Уене.— Тайное благодеяние.— «Тропическая птица».— Голландский капитан говорит намеками.— Без родины.— «Это его... убивают!»

Робен и старый негр трудились так упорно, состязаясь в твердости с поверженным стволем бембы, столь усердно долбили, резали, жгли, кромсали, полировали, что пирога в скором времени была готова.

С оснасткой управились проще и быстрее. Две маленькие и легкие скамьи из очень прочного дерева, удобного в обработке, установили поперек корпуса и накрепко соединили с плоскими бортами при помощи «лап». Сквозные отверстия диаметром около пяти сантиметров позволяли в случае необходимости установить небольшую бамбуковую мачту.

Хотя прибрежные жители в бассейне Марони, и негры и краснокожие, имеют обыкновение выходить в плавание только на веслах, нередко бывает, что, пересекая сильные течения, они поднимают при попутном ветре соломенные циновки вместо парусов. Это у туземцев единственный способ использовать ветер, потому что они не умеют обращаться с парусами, как это делают матросы.

Если в лодке нет циновки, а ветер дует, то они ложатся плашмя на дно и выставляют навстречу ветру широкие листья растений. Ничего не стоящие и занимающие мало места заменители парусов помогают гребцам осваивать азы морского дела. Но ветер приходит им на подмогу только на больших реках. Вообще же индейцы и негры выбирают для поселений более укромные места, на берегах маленьких

бухт и протоков, а там высокие стены зелени почти смыкаются, не пропуская ни малейшего дуновения.

Наши друзья хотели употребить вместо паруса крепкую хлопчатобумажную ткань с подвесной койки Казимира.

Оставалось изготовить весла. Серьезный вопрос! Очевидно, не годится мастерить этот важнейший компонент плавательного процесса из чего попало. Индейцы пользуются двумя видами весел. Один напоминает по форме грелку, насаженную на ручку, ее плоская загребаящая часть не шире ладони. Другой похож на лопату хлебопека — но с очень короткой рукояткой.

Обе эти разновидности — как бы упрощенная форма большого весла, употребляемого индейцами бони и бош, которые могут грести и тридцать, и сорок дней подряд, не уступая лауреатам Гребного клуба *. Такое весло, длиной до двух метров и даже более, обладает красивой копьевидной лопастью. Метровая рукоятка, вначале слегка приплюснутая, к середине округляется, затем снова сплющивается и постепенно расширяется по изящной кривой линии, дающей начало гребной лопатке. Лопатка имеет ширину не более двенадцати сантиметров, толщину в полсантиметра и завершается острием.

Трудно себе представить нечто более красивое, изящное, законченное и вместе с тем более прочное, чем такое весло. Просто поразительно, что его изготавливают при помощи всего лишь одного короткого и широкого ножа.

Именно этой форме и отдал предпочтение Казимир, изъясняя глубокое пренебрежение к другим индейским веслам, более тяжелым и менее поворотливым, да и не таким красивым, хоть они и раскрашены с помощью сока генипы.

Наилучшее дерево для изготовления весла — *ярури*, так и называемое «весельным». Зрение у старого негра, хоть он и был одноглаз, оказалось острым и цепким, и вскоре чернокожий отыскал великолепный экземпляр *ярури*, который и был повержен тем же способом, что и *бемба*.

Любопытная подробность, которая показывает, насколько наблюдательны те, кого мы привычно зовем «дикарями»: это дерево раскалывается почти без усилий, а точнее, расщепляется на планки большой длины, толщиной в ладонь.

Ярури легко поддается обработке, как только его срубят,

* Гребной клуб — английский спортивный клуб в Лондоне.

и за несколько дней сушки достигает несравненной крепости, сохраняя гибкость.

Скрюченные пальцы старика, негодные для тяжелой работы, орудовали коротким ножом с удивительной ловкостью. Он начал обработку древесины с дробных и быстрых, точно рассчитанных ударов, снимал мелкую стружку и, все время постукивая по планке, придавал ей форму весла.

Четыре дня ушло на изготовление четырех весел, одну пару необходимо было держать про запас, на случай аварии.

К великой радости обоих отшельников, все подготовительные работы завершились, и Робен готов был тут же пуститься в плавание. Но надо было дожидаться возвращения каторжника-чернодеревщика.

А Гонде не появлялся довольно долго. Больше трех недель минуло после его ухода, и для нашего изгнанника, которого больше не занимал ежедневный самозабвенный труд, время тянулось бесконечно.

Напрасно добрый Казимир изощрялся на все лады, рассказывал ему увлекательные истории, которые хранились в тайниках памяти прокаженного,— об охоте, стрельбе из лука и всевозможных превратностях первобытной жизни. Беспокойная тоска изводила парижанина.

Кто его знает, что случилось с лесным старателем, всего можно ожидать в этих бескрайних просторах, населенных опасным зверьем, полных препятствий, усеянных незримыми ловушками, очагами болезней...

— Ну, хватит! Напрасно сидим,— испускал глубокий вздох Робен.— Завтра трогаемся!

— Нет, мой друг,— неизменно отвечивал негр,— вы слишком нетерпеливы, подождем немного. Он не успел еще обернуться в оба конца.

Наступал следующий день, и ничего не менялось.

Провели испытание пироги. Ее устойчивость, несмотря на малую осадку, была безупречной. Она легко повиновалась инженеру, который очень скоро приобрел необходимые навыки гребца.

Казимир держался позади. Он рулил и подгребал. Эта позиция требовала большой сноровки, потому что ход лодки изменялся от малейших усилий. Туземные пироги, без киля, с округлым дном, чрезвычайно легки на ходу: не лодки — скорлупки, и послушны даже малым толчкам.

Заметим прежде всего, что туземное лопатообразное

весло не позволяет развить такую скорость, как обычно, кроме того использовать последнее в тесных гвианских бухточках и протоках невозможно. С местным же веслом — «пагай» — можно спокойно плыть и в узком ручье. Гребец погружает весло вертикально, пока лопасть не скроется под водой. Рука в верхнем положении толкает держак весла, одновременно нижняя, на уровне лопасти, выполняет протягивающее движение и служит точкой опоры. Это простой рычаг.

Лодка скользит довольно быстро. Гребцы повторяют одни и те же движения, в том числе и рулевой, который для того, чтобы держать или менять при необходимости направление, иногда использует свое весло как кормовое. Преимущество пироги по сравнению с европейскими весельными шлюпками еще и в том, что ее экипаж обращен лицом в сторону движения.

Чтобы занять время и восстановить душевное равновесие друга, старый Казимир заботливо обучал его всем этим приемам. И преуспел настолько, что его ученик и сам стал мастером.

Пять недель миновало после ухода Гонде.

Совершенно отчаявшись, бургундец уже собрался покинуть мирное жилище прокаженного, когда в самый канун твердо назначенного к отъезду дня вдруг появился Гонде — бледный, худой, чуть не падая с ног от усталости.

Его встретили криками радости.

— Наконец-то! Да что же с вами случилось, бедный мой приятель? — Робена поразил облик пришельца.

— Не сердитесь на меня за такую задержку, — отвечал тот слабым голосом. — Я уж думал, что погибну. Врач не признал меня больным, и Бенуа, который сам еле ходит, избил до полусмерти. Тогда меня отправили в больницу... там понемногу пришел в себя... Но Бенуа мне за это заплатит!

— Письмо... — с тревогою сказал Робен. — А что с письмом?

— Хорошие новости. Лучше, чем я ожидал.

— Говорите же! Говорите скорей, что вам удалось узнать!

Осужденный сел, вернее, рухнул на бревно, вытащил из кармана свою записную книжечку и вынул из нее сложенный листок бумаги. Шарль с жадностью схватил его.

Это было письмо, написанное мадам Робен первого января в мансарде на улице Сен-Жак. Вернее, копия письма.

Парижанин читал и перечитывал, с упоением, с дро-

жью, впившись глазами в разбегавшиеся строчки. Его руки нервно подрагивали, слезы туманили взор. Этот негибимый человек плакал, как ребенок. То были светлые, счастливые слезы, единственное проявление радости у тех, кто много страдал.

Обеспокоенный негр не смел вмешиваться. Робен ничего не видел, ничего не слышал. Теперь он перечитывал письмо вслух, бесконечно повторяя милые имена детей, мысленно воскрешая сцену, которая предшествовала написанию письма, целиком ощущая себя в кругу далекой семьи.

Казимир слушал, сцепив руки, и тоже плакал.

— Это хорошо... — бормотал он. — Добрая мадам... славные малыши... я рад...

Инженер вернулся наконец на грешную землю. Подняв глаза на каторжника, он ласково сказал:

— Вы совершили доброе дело, Гонде! Благодарю вас... от всей души!

Гонде мучила лихорадка, голос его звучал еле слышно:

— А! Не стоит благодарности... Не о чем говорить... А вы спасли мне жизнь. И говорили со мной как с человеком... со мной, павшим так низко. Вы показали мне, как надо переносить незаслуженные страдания. Хороший пример для осужденного! Я почувствовал угрызения совести...

— Ладно, ладно, будет об этом. Но вы должны укрепиться в своих новых чувствах... Особенно прошу: не мстите человеку, который вас избил. Преодолейте себя, станьте выше этого.

Каторжанин опустил глаза и ничего не ответил.

— Как же вам удалось раздобыть письмо?..

— Очень просто. Полицейские — народ лопухий. Они по глупости положили письмо в ваше досье. Конторский служащий взял его ненадолго и принес мне, я снял копию, а он потом положил письмо на место. Вот и все. Я мог забрать оригинал, но вам это, наверное, не понравилось бы. Кража есть кража... Хотя письмо-то ваше. Но если бы письмо пропало, это привлекло бы внимание к вам, ведь только вы в нем заинтересованы. По правде говоря, после вашего бегства в колонии все вверх тормашками. Поговаривают об увольнении Бенуа. Допросы за допросами... Вообще-то вас уже числят в покойниках... Почти все, за исключением, быть может, этого треклятого Бенуа! Так что прячьтесь как можно надежнее!

— Прятаться! Есть заботы поважнее. Ничто больше не привязывает меня к этому злосчастному месту! Я хочу

бежать далеко, навсегда распрощаться с этим адом. Завтра же трогаемся в путь! Ты слышишь, Казимир?

— Завтра,— эхом отозвался негр.

— Но вы не должны сейчас появляться,— возразил каторжник,— по крайней мере в лодке! В устье реки полно рабочих, и охрана удвоила бдительность. Подождите хотя бы, пока я найду другой участок с нужными породами, и лесоразработки переведут туда...

— Мы отправляемся, говорю вам.

— Это невозможно! Послушайте меня, потерпите еще неделю...

— Неужели вы не понимаете, что каждая минута промедления для меня хуже смерти! Любой ценой, хоть силой, надо вырваться отсюда!

— Но вы безоружны... и у вас нет денег, а они понадобятся в цивилизованных местах.

— Быть так близко от цели — и не разорвать последние пути... Ну, ладно! Пусть будет по-вашему. Мы подождем.

— В добрый час! Я рад, что вы согласились со мной! — воскликнул чернодеревщик и поднялся с бревна, собираясь в обратный путь.

Казимир вступил в разговор:

— Вам надо поесть на дорогу...

— Да я и не очень хочу, лихорадка отбивает аппетит...

— Съешьте немного батата, и вашу лихорадку как рукой снимет.

Робен понимал, что бедняга отказывается из-за непреодолимого отвращения, которое вызывал у него прокаженный, что он опасается даже непрямого соприкосновения с ним.

— Идемте, идемте, нельзя же отпускать вас во время приступа. Я сам приготовлю вам настойку,— предложил Шарль.

На этот раз Гонде согласился с охотой, проглотил, крепко поморщившись, противное на вкус питье, а затем ушел, унося с собой завернутую в листья еду на дорогу и не забыв повторить настоятельную просьбу отложить отъезд.

Впрочем, им и требовалось не меньше недели для пополнения продовольственных запасов. Мы уже говорили, что в дороге путники могут рассчитывать только на взятое с собой, жестокий опыт бургундца убедил его в этом. Бог весть, что бы случилось с ним, если бы не спасительная хижина старого негра, не его запасы, воскресившие беглеца.

Прежде всего следовало приготовить «куак», или муку

из маниоки, главную часть продовольствия, затем запастись копченой рыбой.

О маниоке, о том, как ее используют в пищу, Робен имел весьма смутное представление, а проще сказать — никакого. Каторжникам готовят еду из привозной муки и сухих овощей, доставляемых из Европы. Инженер отведал куак только в хижине прокаженного, но не знал способа приготовления. Латинские названия маниоки, играющей для жителей тропической Америки такую же роль, как рожь для северных народов, парижанину были известны, но одно дело заучить эти названия по учебнику и совсем другое — суметь приготовить из маниоки муку.

К счастью, рядом с ним находился местный человек, «дитя природы», со всеми необходимыми приспособлениями.

— Ну что же, пора *тереть* маниоку.

Тереть! Что это значит?

За два дня до того друзья собрали клубни маниоки, и теперь они громоздились у сарая изрядной горкой.

Старик взял полуметровый брусок «железного дерева», сантиметров десяти в поперечнике. На одной стороне бруска были вырезаны зубцы. Они-то и служили теркой.

— Это *гравж* *, — сказал негр.

— Ну и отлично, а что я должен делать?

— Тереть корни, чтобы получилась мука.

— Однако, — возразил Робен, — если мне придется работать таким, с позволения сказать, инструментом, я провожу целый месяц, не меньше.

— Потому что вы не умеете.

И добряк, довольный тем, что учит такого умного человека, упер терку одним концом ему в грудь, а другим — в косяк хижины, так что инструмент образовал нечто вроде подпорной арки, а затем, быстро очистив крупный клубень, вложил его в руки парижанина:

— Теперь трите!

И удивленный Робен, принявшийся энергично водить мучнистым клубнем по острым зубцам, убедился, как легко маниока превращается в мелкую крошку, осыпаясь, подобно древесным опилкам, на усталую широкими листьями землю.

— Так, так, — приговаривал Казимир, подавая ему

* Гравж (*фр. grage*) — терка. В Гвиане этим словом обозначают чрезвычайно ядовитую змею, тригоноцефала, жесткие чешуйки которой похожи на зубцы терки. (*Примеч. авт.*)

следующий клубень, предварительно очищенный ножом от кожуры.

Ученик, обладавший не только физической силой, но и упорной волей, за несколько минут добился успеха. Он тер попеременно обеими руками без передышки, и слегка влажная сыпучая горка у его ног росла на глазах. Чернокожий время от времени пытался умерить его пыл, опасаясь, что неосторожным движением инженер может повредить руку о зубцы терки. Если в ранку попадет млечный сок растения, тогда дело плохо. Казимир пытался растолковать это Робену.

— Вы можете умереть,— твердил он.

— Не беспокойся, старина... Хотя я и новичок в такой работе, но из книг мне известно, что свежая маниока содержит сильно ядовитый сок. Ученые люди получили его в чистом виде и убедились, что от нескольких капель собака умирает через три минуты. Считают, что в соке маниоки есть синильная кислота. Любопытно узнать, каким образом ты избавишь муку от этой гадости.

Дело оказалось недолгим и несложным. К одной из перекладин в хижине было подвешено странное приспособление, напоминающее толстую и длинную, по меньшей мере двухметровую змею или, скорее, снятую «чулком» кожу такой змеи. Верхнее отверстие оставалось открытым, нижнее — крепко и плотно завязано. Приспособление было искусно сплетено из тонких, необычайно прочных волокон *арумы* (*maranta arundinaceae*). Плетеные стенки представляли собой отличный фильтр.

Робен давно уже интересовался этим предметом, и Казимир на его вопросы неизменно отвечал:

— Это уж для маниоки *...

Следовавшие затем объяснения бывали так запутаны и невняты, что Робен ничего не мог уразуметь. Теперь ему предстояло увидеть «ужа» в действии.

— Берите муку и насыпайте внутрь...— велел негр.

Француз повиновался и до отказа заполнил емкость сырой мучнистой массой. Раздувшаяся трубка едва не лопалась, напоминая хорошо пообедавшего удава, подвешенного на крюк для совершения многотрудного таинства пищеварения.

В нижней части «трубы» имелась петля, также изготов-

* «Уж для маниоки».— Так действительно называют в Гвиане это необходимое орудие производства. (*Примеч. авт.*)

ленная из арумы. Предназначение этой петли бургундец разгадал очень быстро.

Уже не спрашивая разъяснений у негра, Робен просунул в петлю длинный и крепкий брусок дерева, один конец которого укрепил под перекладной, а на другой навалился всем своим весом, образуя мощный рычаг.

Под сильным давлением ядовитая жидкость выступила сквозь плетеные стенки каплями, которые вскоре соединились и потекли тоненькой струйкой. Казимир был в восторге.

— О друг, очень, очень хорошо! Вы работаете как настоящий негр!

Чувствительный к похвале, заключающей максимум уважения, которое белый способен завоевать в глазах черного, Робен удвоил усилия. В скором времени струйка жидкости иссякла, потом перестало и капать из «ужа». Тут за дело взялся старик. Он извлек плотно спрессованную муку и разложил ее на листьях под палящим солнцем. Мука сияла белизной, не уступая пшеничной, только «помол» был гораздо более крупным.

Через два часа мука высохла, как трут. Негр вооружился ситом (его называют здесь манаре, а плетут из той же арумы) и, пока его компаньон продолжал энергично перетирать корни, просеял высушенную муку, чтобы удалить из нее остатки твердого волокна.

Так началась эта работа, роли распределились, несколько дней друзья были заняты одним и тем же делом, однообразие которого нарушалось кой-какими добавочными операциями, нужными для приготовления экваториальной «манны» *.

Робен продолжал перетирать клубни маниоки и отжимать сок, а Казимир после сушки и просеивания рассыпал мучнистую массу по широкой пластине листового железа, которая подогревалась на слабом огне, и непрерывно помещивал белую «кашицу» деревянной палочкой. При этом улетучивались не только последние капли яда, но и остатки влаги. Совершенно чистое питательное вещество имело вид неодинаковых по размеру гранул **, сухих и твердых, пригодных для долгого хранения в закрытых сосудах.

* «М а н н а». — Имеется в виду библейская легенда о «манне небесной», которая ниспослана была израильтянам во время их 40-дневного странствия в пустыне. Считается, что такой «манной» могли быть переносимые ветром на далекое расстояние мелкие съедобные лишайники (комочки диаметром до 4 см).

** Г р а н у л а — твердая овальная или округлая крупинка вещества.

Из этого и готовят куак, который вместе с кассавой составляет основу питания всех племен американской тропической зоны, местный хлеб. Достаточно добавить к муке немного воды, довести смесь до кипения — и получается густая желтоватая масса, вкусная и питательная. Европейцы скоро привыкают к ней.

Кассава отличается от *куака* способом приготовления: мучнистую смесь не помешивают палочкой, а используют кольцевой бортик высотой сантиметра три. Форму заполняют тестом, получается нечто вроде блина или лепешки. Как только она затвердеет, бортик убирают, а лепешку все время перевертывают, чтобы не подгорела и не слиплась с соседней. Когда она хорошо прожарится с обеих сторон, ее снимают и выставляют на солнце. Сверху накладывают следующие, и мало-помалу вырастает горка из нескольких дюжин аппетитных лепешек.

Приготовление куака и кассавы — наиболее важная работа у туземцев, быть может, единственная, во время которой они, весьма склонные к ленивому безделью, не могут позволить себе расслабиться. И самый важный груз в их постоянных перемещениях составляют терка, «уж для маниоки» и, главное, железный лист, из тех, что привозили европейцы в незапамятные времена. Эти листы — наиболее ценный предмет торгового обмена, в семье он передается по наследству из поколения в поколение.

Владелец такой пластины — уже богач. Ее потеря равносильна бедствию. Бывает, что на целое селение в несколько десятков человек имеется всего лишь одна пластина, напоминающая простейшие очаги средневековья *.

Наши компаньоны проявили в заготовке съестных припасов такое же рвение, как при сооружении лодки. Они понимали, насколько это важно. В тропиках ничто не заменит куак. Рожь на экваторе не сеют: солнце настолько ускоряет развитие растения, что зерно не успевает вызреть. Хлебная культура превращается в разновидность бесплодного пырея.

На день здоровому человеку нужно около 750 граммов куака, на двоих — полтора килограмма. Путешествие наших отшельников, по их прикидкам, должно было занять не менее трех месяцев. Стало быть, следовало запасти самое меньшее сто тридцать пять килограммов. Осторожность

* Средневековье — средние века, время, начавшееся после истории древнего мира и продолжавшееся до начала новой истории, т. е. с V по середину XVII в.

подсказывала им цифру 160 — на случай непредвиденных обстоятельств.

Вполне понятно, что эта нелегкая работа, невзирая на бурную энергию Робена, отняла у компаньонов около двух недель. Весь урожай прокаженного пошел в дело.

И вот наконец куак надежно помещен в объемистые глиняные кувшины, которые негр в свое время выменял у индейцев, и готов к погрузке на борт пироги. Лепешки, отлично высушенные, завернуты в плотные листья.

Оставалось запастись копченую рыбу. Но эту задачу решить было проще.

С самого начала заготовительных работ Гонде больше не появлялся. Его отсутствие беспокоило парижанина. Не заболел ли бедняга?.. Может, даже умер?

Удалось ли ему добиться, чтобы лесоразработки перенесли на другое место? Или работы ведутся все еще в устье реки?

Наутро после окончания хлопот с маниокой Робен решил осмотреть пирогу, которую они с Казимиром искусно спрятали в маленькой бухточке в зарослях лиан.

Это место находилось в трех часах ходьбы: обычная, но слишком утомительная прогулка... Инженер взял с собой немного провизии, вооружился ножом и крепкой палкой и вышел на рассвете со своим неизменным компаньоном, довольным, словно школьник на каникулах.

Путники шли, весело переговариваясь, размышляя о будущем, строя планы, осуществление которых было уже так близко. За разговорами дорога прошла незаметно. Друзья добрались до места, где была спрятана лодка.

Казимир предложил проплыть по заливу, и Робен не захотел лишать старика удовольствия. Вот и знакомый шатер из лиан, под которым укрыто надежно привязанное суденышко.

Изгнанник нащупал якорь, укрепленный на корневище, ухватился за канат, чтобы подтянуть лодку, но не ощутил никакого сопротивления. Холодный пот прошиб бургундца, когда он увидел обрезанный конец лианы.

Предчувствуя непоправимую катастрофу, он бросился в самую гущу зарослей и начал отчаянно рубить их. Скоро обнажилась большая прогалина. Ничего!

Может, во время дождей лодка наполнилась водой и затонула? Лежит себе на дне бухты... И даже лучше, если так, по крайней мере не рассохлась.

Робен нырнул раз за разом, шарил, высматривал, поднимался на поверхность набрать воздуху и снова погру-

жался в воду... Безрезультатно. Негр топтался на берегу, тоже пытаясь обнаружить пропажу, но, разумеется, не нашел ничего.

Сомнений быть уже не могло: пирога украдена. Француз был в отчаянии, но старался подбодрить старика.

— Мужайся, Казимир,— твердил он плачущему товарищу,— мужайся! Мы построим новую лодку. Всего три недели задержки... К счастью, запасы продовольствия у нас готовы и в безопасности.

Грустным было их возвращение. Оба почему-то спешили, обоим хотелось поскорее оказаться дома. Еще несколько минут, и они будут на месте... И тут до них донесся горький запах дыма. Выйдя из леса на поляну, они увидели этот дым — тяжелые черные клубы. Хлопья гари носились в воздухе, лезли в ноздри, от них запершило в горле.

Робен бросился к хижине, которую скрывали от него банановые деревья.

Хижины не было! Кучка дымящейся золы — вот и все, что осталось. Инструменты, сельскохозяйственные орудия, запасы продовольствия — все пропало. Пожар уничтожил все.

Всего несколько часов назад Робен произнес:

«К счастью, запасы продовольствия у нас готовы и в безопасности».

Какой жестокий, издевательский урок преподнесла ему судьба! Никогда еще он не был так близок к цели, ни разу со дня побега не предчувствовал с такой остротой грядущий миг полной свободы...

И вот все рухнуло, все погибло, развесьлось как дым над поляной... Достаточно было одной искры из плохо погашенного очага, чтобы в несколько мгновений истребить плоды тяжких и долгих трудов. Прощай надежда покинуть колонию в скором будущем, мало того — им со стариком грозит голод.

Бедный старый негр оцепенел в отчаянии. На него было больно смотреть. Он тупо уставился на кучу золы, похоронившей убежище его печальной старости, на обугленные остатки деревянных подпорок, установленных его искалеченными руками, на закопченные горшки с горелой мукой, на незатейливые инструменты, верно служившие ему в одиноких трудах...

Он только смотрел... Молча — у него не вырвалось ни жалобы, ни стона.

Иначе вел себя белый. Его натура была создана для борьбы. Он вздрогнул при виде пожара, побледнел — и только.

Странная и, однако же, объяснимая вещь: гибель лачуги не произвела на него такого сильного впечатления, как похищение пироги. Ведь пожар мог возникнуть случайно, тогда как исчезновение лодки — без сомнения дело рук человеческих, и при этом рук врага.

Он строил самые различные предположения, но ни одно из них не отвечало на вопросы: кто совершил кражу? С какой целью?

Надзиратель скорее всего находился еще в колонии. Если бы ему и сообщили о пребывании беглеца возле бухты, то он явился бы сюда с отрядом охранников и арестовал ненавистного ему Робена без особого труда.

Гонде? Конечно, странно, что он, доставив письмо, исчез, как сквозь землю провалился... Нет. Этому невозможно поверить. Он был искренен, он раскаивался, его желание отблагодарить спасителя выглядело естественно.

Но почему он так настойчиво уговаривал их не покидать своего обиталища?.. Ему явно хотелось помешать их отъезду... Было в его упорстве что-то сомнительное или, по крайней мере, преувеличенное...

Робен снова и снова твердил себе, что он чересчур недоверчив. А что, если это индеец? Жалкий, спившийся краснокожий, для которого спиртное — предел мечтаний... Пьянство убило в нем совесть и вообще все человеческое. Он, пожалуй, мог бы и лодку украсть, и в озлоблении сжечь хижину... Цель его вполне проста и план по-своему хитер: лишить изгнанника возможности передвигаться, «запереть» в долине, а потом извести голодом. От голода даже сильный «белый тигр» ослабеет, а если хижина старого негра, эта защищенная змеями крепость, обратится в пепелище, тогда наш славный Атука приведет сюда охранников, «белый тигр» станет их легкой добычей, а на индейца прольется желанный дождь из тафии, по которой томится его пересохшая глотка...

Это предположение казалось, по зрелом размышлении, наиболее вероятным.

Значит, действовать надо немедленно. Сетовать бесполезно, это лишает воли к борьбе, а Робен должен бороться и выиграть схватку с бедой.

— Казимир... — негромко окликнул он прокаженного.

Голос товарища вывел беднягу из оцепенения. Он вдруг застонал — тонко и жалобно, как больной ребенок.

— О!.. О!.. Плохо мне... Плохо... О, добрый Боже! Умираю...

— Мужайся, дружище! Нам послано тяжелое испытание. Надо его преодолеть.

— Я не могу... Не могу больше, мой дорогой белый друг. Казимир умрет там, где был его дом.

— Казимир, я почию наши инструменты. Ведь у них только рукоятки сгорели, а я приделаю новые. Я построю тебе новую хижину. Обещаю. У тебя будет крыша над головой, даю слово. Буду сам тебя кормить... Успокойся, мой бедный старый ребенок...

— Я не могу... Нет, я не могу...— повторял со слезами чернокожий.— Я уже мертвый... О мама, о моя добрая мать...

— Не плачь, Казимир,— ласково продолжал уговаривать парижанин.— Я понимаю твоё горе... Но мы не должны оставаться здесь. Это опасно.

— Куда же вы хотите уйти? Несчастный прокаженный не может идти, куда уж мне.

— Я понесу тебя, если потребуется. Соберись с духом... Нам необходимо уйти.

— Хорошо, я пойду...— покорно согласился старик.

— Бедный ты мой, добрый ты мой человек... Наверное, жестоко заставляя тебя, но как быть иначе? На сегодняшнюю ночь я сооружу шалаш, а завтра с утра постараемся скрыться в лесу, не слишком далеко от твоего участка. Как-нибудь перебежеся... У нас есть ямс, батат, бананы, немного маниоки... Я раздобуду еды.

— Да, хорошо,— последовал безучастный ответ.— Вы очень добры... Белый друг великодушный, как добрый Бог...

— Ну, в добрый час! Идем же, старина... Я буду работать за двоих, сил и умения мне хватит. Ничего, справимся! Не все потеряно.

— В самом деле, не все потеряно,— повторил его слова чей-то голос.— И надо признать, что есть еще отчаянные парни на земле!

Робен резко обернулся — перед ним стоял Гонде.

— С вами стряслась беда, и немалая,— продолжал каторжник.— Лодка пропала. Я это обнаружил, когда огибал бухту. Ваш участок разорен, хижина сгорела. И это тем более скверно, что путь для вас сейчас открыт.

— Значит, вы добились цели?

— Как нельзя успешнее! Мне удалось отыскать целый лес красного дерева.

— Вот незадача, что у нас так не вовремя все это стряслось!

— Не волнуйтесь, там работы не менее чем на три месяца, а за это время вы уже будете далеко.

— Если бы так...

— Уверен, что так и будет. Больше того, я думаю, что из ваших бед вы извлечете пользу для себя.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что сезон дождей длится от шести недель до двух месяцев, а после него наступает, хоть и ненадолго, время хорошей погоды, когда боши и бони спускаются в долину. Вы наймете гребцов с лодками, и вместо пропавшей пироги у вас будет сколько угодно других!

— Вряд ли можно доверять этим людям. Вот вам живой пример: индеец Атука, мой недолгий гость, готов заложить меня за бутылку водки!

— Бони и боши — негры. Они не предатели и не пьяницы. Уверяю вас, что в их лодках вы будете в полной безопасности. Это люди смелые, преданные и никогда не выдадут тех, кому оказали гостеприимство.

— Правда-правда,— подтвердил Казимир.— Он хорошо говорит.

— Значит, по вашему мнению, надо остаться здесь еще на несколько недель?

— Не здесь, то есть не на этом самом месте, а подальше. Вам надо поставить хижину в лесной чаще и при этом не оставить за собой никаких следов... Особенно — зарубок. Индейцы хитры, как обезьяны. Но я даю слово, что они вас не найдут...

— А во сколько нам обойдется негритянская лодка?

— У вас еще есть в земле и на деревьях достаточно плодов, чтобы прокормить двадцать человек в течение месяца. После сезона дождей у негров Марони кончаются все запасы, они тощавы с голодухи, просто кожа да кости. За продовольствие они сделают для вас все, что захотите.

— Это подходяще, тем более что я не вижу иного выхода из положения.

— Если я могу быть чем-то полезен, располагайте мной. Вы же знаете, что я предан вам всей душой.

— Да, теперь я это знаю, Гонде, я верю вам.

— И правильно делаете... Среди нашего брата есть, конечно, полная дрянь, но есть и другие... Кто, выбрав путь, идет по нему до конца. Благодаря вам я вышел на верную

дорогу. Лучше поздно, чем никогда... Значит, так. Недалеко от того места, где вы прятали лодку, на правом берегу есть глухие заросли. Такая чащоба, что не продерешься. Полное бездорожье. Там кругом торчат ауары, вы же знаете, какие у них колючки! Пройти можно только по руслу ручья, который впадает в бухту: глубина примерно метр, и ширина такая же. Ручей теряется в заболоченной саванне, а за саванной и находится то место, о котором я говорю.

— Но как же мы перейдем трясину?

— Я знаю проход, узкий, но с твердым грунтом. Должно быть, это скальная порода. Идти надо осторожно, опираясь на палку, но ничего, удержаться можно... А уж если проберетесь туда, черта с два кто-нибудь вас найдет!

— Отлично! Если мы пройдем по руслу ручья, никаких следов не останется. Решено, выступаем завтра.

— Да, завтра! — эхом отозвался Казимир, которого уже успокоили решимость и хладнокровие товарища.

— Я провожу вас, — помолчав, сказал каторжник. — Вы позволите мне остаться с вами?

— Оставайтесь.

Наутро они втроем покинули безымянную долину.

— Добрый Бог не захотел, чтобы я умер здесь, — изрек Казимир.

— Если есть на земле уморительно смешная страна, то она перед вами. Чудней не сыщешь. Негры, одетые кто во что горазд, деревья без ветвей, с колючками вместо листьев, похожие на трубы в банях «Самаритэн», стенки у домов плетеные, зато окна со ставнями. А насекомые! Жалят беспощадно с утра до вечера. Солнце палит, тени не сыщешь, жара как в плавильной печи. Фрукты... О, эти фрукты, вкусом похожие на консервы с примесью скипидара... Всего месяц назад я обморозился, нынче мои обмороженные уши горят, а нос облупился... Ну и страна!

Женщина в глубоком трауре, с побледневшим от усталости лицом слушала, невесело улыбаясь, бурные речи высокого парня, неподражаемый акцент которого выдавал обитателя парижского предместья.

— А кроме того, — продолжал молодой человек, — в каждом доме обезьяны и попугаи орут, горланят так, что уши вянут, барабанные перепонки лопаются. Язык местных жи-

телей... ну, они лопочут, как у нас в овернских деревнях...* «Таки», «лугу», «лугу», «таки» — только это и слышишь. Попробуй пойми, что он тебе хочет сказать! А пища! Рыба жесткая, как подметка, и какая-то каша или пюре, просто жуть, от одного вида бросает в дрожь... Однако все это чистый кайф по сравнению с путешествием... Сколько воды! Боже праведный, сколько воды! А я-то, я ведь не бывал даже на пляже Сен-Фор в купальный сезон, Сену видел только в Сент-Уене! Я слышал, что путешествия формируют характер. Надеюсь, меня теперь есть из чего формировать! Однако я разболтался, как попугай, с которым хотел было сегодня утром поиграть, а он прокусил мне палец. Ладно, это пустяки, как бы не разбудить детей... Дай Бог, чтобы они видели сладкие сны, лежа в этих нелепых приспособлениях, которые здесь называются гамаками.

— Я не сплю, Никола,— раздался детский голос из гамака, над которым была натянута противомоскитная сетка.

— Ты все-таки проснулся, Анри,— огорчился Никола.

— И я тоже,— откликнулся второй детский голос.

— Надо спать, Эдмон! Ты же знаешь, что днем нужно оставаться в постели, чтобы не получить солнечный удар.

— Я хочу увидеть папу. Мне надоело все время спать.

— Будьте умницами, дети,— сказала мать.— Завтра мы уезжаем.

— Вот здорово! Mamочка, я очень рад!

— Мы снова поплывем по воде, да, мама?

— Увы! По воде, мой дружок!

— Значит, у меня снова будет морская болезнь... Ладно, пускай, зато потом я увижу папу!

— Итак, решено, мадам Робен? Завтра покидаем эту негритянскую страну, которая у нас называется Суринам, а у них Парамарибо... Мы отплыли сюда из Голландии месяц с небольшим назад... Пробыли здесь только четыре дня, и пожалуйста... снова отплываем, чтобы встретиться наконец с патроном. Я, например, с удовольствием покидаю эту страну. Там, куда мы направляемся, может быть, и не лучше, но, по крайней мере, будем все вместе. Ах, мадам, ведь вы до сих пор толком ничего не знаете!

— Ничего, дорогой мой. По правде говоря, мне кажется, что я во сне — так неожиданно и быстро все

* Овернь — район Франции, где развито сельское хозяйство. Диалект жителей Оверни сильно отличается от общеразговорного французского языка.

изменилось и меняется каждый день. Заметь, однако, что наши таинственные друзья выполняют все свои обещания. Нас встречали здесь, как и в Амстердаме. Без их помощи мы просто пропали бы в незнакомой стране, не в состоянии даже объясниться. Посредник, встречавший нас, взял на себя все хлопоты, и завтра мы выезжаем. Больше мне ничего не известно. Эти незнакомцы бесстрастно вежливы, официальные, как чиновники, и пунктуальны, словно инструкция! Такое впечатление, что они выполняют чей-то приказ.

— О да! Все это точь-в-точь относится к нашему посреднику с его очками и бараньей прической. Месье ван дер... ван дер... черт побери, вылетело из головы. Он очень выдержанный, но шустрый и сметливый, как и подобает еврею. Пока что нам не приходится на них жаловаться. Мы путешествовали как послы. Конец увенчает дело. Что ж, взойдем еще раз на корабль, покачаемся на русских качелях, которые не остановятся, пока нам не пораструсит внутренности, как салат в салатнице... Повеселимся!

— Наберемся мужества! — невольно улыбнулась мадам Робен, которую забавляли шуточные сетования Никола.— Через три дня будем на месте.

— Да я это просто ради красного словца... Тем более что и вы и дети спокойно переносите дорожную сумятицу, а это главное.

На следующий день шестеро пассажиров поднялись на борт красивого двадцатичетырехтонного катера «Тропик Бэрд», который дважды в месяц обслуживал голландский берег, поддерживал связь с поселками на реке Суринам, поставлял продовольствие экипажу плавучего маяка «Лайт Шип», стоявшего на якоре в устье реки.

Посредник, о котором нам известно лишь то, что он являлся одним из богатейших в колонии еврейских купцов, руководил посадкой. Дети были в легких фланелевых костюмчиках и в широких белых сомбреро, чтобы уберечь головы от беспощадных лучей тропического солнца. Никола тоже нацепил экзотический головной убор и стал похож на ярмарочного торговца пряниками.

Капитан лично встретил пассажиров, посредник обменялся с ним несколькими словами по-голландски и спустился в лодку. Якорь выбран, приливная волна высока, через несколько минут начнется отлив. «Тропик Бэрд» красиво накренился на правый борт, паруса наполнились ветром, и вот уже судно летит по волнам...

Шесть часов утра. Фейерверк солнечных лучей вспыхнул над зубчатой стеной леса, подступавшего к самому берегу.

Удаляющийся город, вода, булящая под форштевнем, высокие мангровые деревья *, застывшие на своих пьедесталах из переплетенных корней, — все словно охвачено заревом пожара.

Птицы, застигнутые врасплох взрывом яркого света, взмыли в воздух. Хохлатые цапли, крикливые попугаи, фламинго в розово-красном оперении, белые чайки, быстрокрылые фрегаты, кружили над кораблем, как бы посылая ему пожелания доброго пути на разные голоса.

Форт Амстердам со своими зелеными откосами и темными пушками, которые вытянулись в траве словно огромные рептилии **, вскоре исчез из виду. Потянулись поселки с высокими фабричными трубами, повитыми дымом. Плантации сахарного тростника сливались в огромное бильярдное поле нежно-зеленого цвета. Негры, которые издали казались совсем маленькими, следили за проплывающим судном и что-то кричали вслед.

Вот и «Решительность», великолепная плантация, на которой гнут спины более полутысячи рабов. А вон и корабль-маяк «Лайт Шип» со своим черным экипажем и мачтой, увенчанной мощным прожектором. Лоцман вышел и занял рабочее место. Он останется там, пока проходящее судно не скроется из виду. Наконец перед ними океан — беспредельность грязно-желтой мутной воды с короткими и крутыми волнами, на которых катер немедленно заплясал.

Путешествие из Французской Гвианы в Голландскую выполняется с большой легкостью благодаря течению, которое идет с востока к северу-западу и выносит суда из экваториальной области. Переход от Марони к реке Суринам нередко занимает всего лишь двадцать четыре часа. Легко, однако, понять, насколько это же течение затрудняет путь в обратную сторону. Если нет попутного ветра, бывает, что корабль болтается в море восемь, десять, а то и более дней, не продвигаясь ни на милю.

Именно такая опасность подстерегала и наших пассажиров. Скорость течения — полтора узла, что составляет

* Мангровые деревья — вечнозеленые деревья с надземными дыхательными корнями, растут на илистых побережьях приливно-отливной полосы тропиков.

** Рептилия — то же, что пресмыкающееся (уж, змея, ящерица, крокодилы).

две тысячи семьсот семьдесят восемь метров в час. К счастью, вскоре поднялся бриз, к тому же с кормы — случай совершенно исключительный! — и это позволило катеру преодолевать течение со скоростью около четырех узлов.

Мадам Робен сидела вместе с детьми под тентом на корме, безучастно глядя на пенный след, оставляемый судном, нечувствительная к качке и даже к палящему солнцу: она отсчитывала каждую минуту и мысленно измеряла оставшееся расстояние. Ребятишки, все четверо, неплохо переносили болтанку. Только бедный Никола беспомощно распростерся на бухте троса, досиня бледный; зажимая ноздри, он вел безуспешную борьбу с приступами тошноты.

Легонькое суденышко с наполненными парусами не крутилось на месте, однако испытывало довольно сильную боковую качку, и при каждом толчке молодого человека буквально выворачивало наизнанку, белый свет ему был не мил, и бедняге казалось, что он вот-вот отдаст Богу душу.

Голос капитана вывел мадам Робен из забытья. Почти-точно сняв фуражку в белом чехле, капитан произнес тоном глубокого уважения:

— Вы принесли удачу нашему кораблю, мадам... Никогда еще плаванье не было столь благоприятным...

— Вы, должно быть, француз? — спросила женщина, обратив внимание не только на утонченную вежливость, но и на прекрасное произношение моряка.

— Я капитан голландского судна, — сказал офицер, избегая прямого ответа на вопрос. — Наша профессия требует знания нескольких языков. Впрочем, в том, что я говорю на языке вашей родины, моей заслуги нет: мои родители — французы.

— О, месье, вы так или иначе мой соотечественник! Я уже много дней в пути, но совершаю его вслепую, он так загадочно начертан... объясните же мне хоть что-то... Где я должна встретиться с тем, чью участь оплакиваю? Кто те люди, кому я буду обязана своим счастьем? Что надлежит мне сделать?

— Мадам, я не знаю, откуда поступают приказы, которым я счастлив повиноваться. Кое-что я предполагаю, но это не моя тайна. Вам, мужественной подруге осужденного, я могу сказать лишь одно: я не без причины распоряжаюсь здесь как командир, к тому же ваш супруг — не первый политический заключенный, совершивший побег. К сожалению, голландское правительство, которое прежде закры-

вало глаза на эти побегі, нынче — из опасения дипломатических осложнений — не делает различия между уголовными преступниками и политическими и возвращает французским властям и тех и других. Поэтому нам приходится действовать в глубокой тайне, принимать все меры предосторожности. Ваш муж, мадам, должен находиться в Парамарибо, а вам предстоит подняться по течению Марони, избегая населенных мест, и терпеливо дожидаться его прибытия в условиях, надо признать, не слишком легких...

— Бедность и лишения меня не тревожат. Я выдержу. У моих детей нет больше родины, они будут жить там, где их отец. Уж лучше эта убогая страна, чем Франция, которая выдворила нас и с которой я тем не менее рассталась со слезами на глазах...

— Наряду с прочими необходимыми предосторожностями,— продолжал капитан, при всей своей сдержанности явно взволнованный словами женщины,— я просил бы вас, мадам, хотя мне трудно говорить об этом, пойти на некоторые уловки, необходимые, чтобы ввести в заблуждение ваших земляков в том случае, если мы вынуждены будем пристать к французскому берегу.

— Говорите, что нужно делать? Я готова.

— Вы понимаете... Ваше появление с детьми в таком месте... Словом, оно озадачило бы, вызвало ненужные расспросы... Придется сделать так, чтобы я сыграл роль их отца... Вы говорите по-английски?

— Свободно.

— Отлично! Забудьте на время родной язык. Ни одного французского слова! Если с вами заговорят, о чем-то спросят, отвечайте только по-английски. Что касается детей... Ваш старший сын тоже знает английский?

— Да.

— Ну, а остальные... Постараемся сделать так, чтобы других детей не увидели. Мое судно останавливается в Альбине, напротив фактории *, основанной голландским купцом. Под предлогом семейной прогулки, например, к водопаду Гермина, я препоручу вас двум членам моего экипажа, неграм, которым вполне доверяю. Они высадят вас на островке, туда на веслах три четверти часа, и останутся в вашем распоряжении. Я не двинусь с места, пока мои

* Фактория.— Здесь: торговый поселок, основанный иностранным торговым предприятием в колонии.

люди не вернутся и пока я не получу ваше письменное подтверждение, что вы встретились с мужем.

— Хорошо. Я все поняла. Что бы ни случилось, я не поддамся слабости... Уже давно я простила с цивилизованной жизнью. Она похитила у меня счастье. Быть может, первобытное существование, которое нас ожидает, принесет облегчение, избавление от бед. В любом случае верьте мне, капитан,— а вы олицетворяете для меня и детей всех наших неизвестных благодетелей,— что моя благодарность глубока и неизменна. Где бы вы ни были и как бы ни сложилась наша судьба, вас будут благословлять те, кто страдает и ждет. И дети наши навсегда сохраняют к вам признательность...

Как и говорил загадочный голландец, его пассажирка принесла удачу «Тропик Бэрд». Никогда еще на памяти гвианских матросов этот рейс не совершался столь быстро. Катер летел как на крыльях, и через тридцать шесть часов после прощания с рекой Суринам на горизонте появился остров Клотильда, расположенный напротив мыса Галиби в устье Марони.

Ширина реки в этом месте очень велика: противоположный французский берег едва можно было различить. Судно со спущенным флагом вошло в устье реки, благополучно миновало барьерную мель и, придерживаясь голландского берега, бросило якорь напротив поселка Альбина, не приближаясь к французской колонии.

Капитан без промедления нанял туземную лодку, приказал соорудить в ее средней части навес из пальмовых листьев, чтобы защитить пассажиров от палящих лучей солнца, и щедро загрузил ее провиантом. Негр бони, с которым капитан повстречался на берегу, собирался в свою деревню вверх по течению Марони. За несколько блестящих побрякушек он согласился присоединиться к двум матросам. Помощь человека, знающего толк в речном плаваньи, была очень кстати.

Вместо двадцати часов они потратят на дорогу к водопаду Гермина часов двенадцать.

Для большей безопасности отплыли ночью. Успех по-прежнему сопутствовал им.

Мадам Робен с детьми, все еще не опомнившись от фантастического калейдоскопа невероятных событий, провела уже несколько часов на крохотном островке округлых очертаний, который в поперечнике имел не более сотни

метров. Он весь утонул в пышной зелени, если не считать крохотного песчаного пляжа и выступающих в центре гранитных утесов.

Маленькие робинзоны оглашали воздух радостными криками. Никола, позабыв о морской болезни, делил с ними счастье бытия. Разбили бивуак *. Бони поймал изрядную рыбину, которая теперь жарилась на костре. Уже собирались приступать к первой трапезе, когда на французском берегу, примерно в двух километрах от островка, появилось облачко дыма, а через несколько секунд донесся звук выстрела. Черная точка, которая могла быть только лодкой, отделилась от берега и быстро понеслась к середине реки. Послышался второй выстрел, и другая лодка устремилась вдогонку за первой.

В дикой глуши любое происшествие становится событием. А уж это... Ведь в первой лодке скорее всего находились беглецы, которых пытались захватить любой ценой, посколку, не колеблясь, применили оружие.

Первая лодка быстро приближалась. Она опережала вторую, но не намного, идя по диагонали к голландскому берегу. Вскоре можно было различить фигуры двух мужчин, которые гребли с отчаянной энергией. Во второй лодке сидело четверо, из них двое вооруженных.

Беглецы направляли свою лодку так, чтобы островок отделял их от преследователей. Это был единственно возможный маневр.

У мадам Робен сжалось сердце. Что за драма разворачивалась при ней на этой злосчастной каторжной земле?

Перепуганные дети примолкли. Никола пытался привести в боевую готовность — впрочем, весьма неумело — свою двустволку, подаренную голландским офицером.

Разгадав замысел убежавших, преследователи устремились им наперерез. Они непрерывно вели огонь. Очевидно, их ружья обладали большой прицельной дальностью стрельбы: в воде возле самой лодки беглецов то и дело вздымались фонтанчики от пуль.

До островка оставалось не больше сотни метров, когда пуля перебила рукоятку весла у первого гребца. Он схватил запасное весло и удвоил усилия.

Мадам Робен видела теперь, что это белый, а позади него сидит негр с непокрытой головой.

Все вдруг поплыло у нее перед глазами, женщина

* Б и в у а к — место привала, ночлега на пути.

вскрикнула... Пошатываясь, она сделала несколько неверных шагов, и новый отчаянный, безумный крик вырвался из ее груди:

— Это он! Это его... убивают!

И несчастная француженка без памяти упала на песок.

ГЛАВА 6

Пейзажи тропической зоны.— Возвращение «Эсперанс».— Бесплезная пальба.— Ловкий маневр.— Вместе!..— Преодоление порога.— Водопад Гермина.— Искусство лодочников Марони.— «Папа!.. Я хочу есть!» — Молочное дерево.— Заблуждения природоведа из Сент-Уена.— Растительный «яичный желток».— В стельку пьяные рыбы.— «Робиния Нику», или пьянящее дерево.— Волшебная ловля рыбы.— Электрический угорь.— Робинзоны становятся копильщиками.— Кому они обязаны счастьем?..— Что происходит с тигром, наевшимся перца.— Когда смеются над лесным владыкой.

Буквально погребенные под непроницаемым покровом зелени, каторжник и старый негр долго ожидали дня освобождения.

Мысль о погребении, напоминающая о шахтерах, заваленных в мрачных галереях каменноугольных копей, могла бы показаться странной, когда речь идет о лесе. Однако особого преувеличения здесь нет. Самые пышные гиперболы *, самые смелые сравнения, самые энергичные определения не дают достаточного представления о гнетущем чувстве полного одиночества, оторванности от мира людей, которое способны вызывать глухие места бескрайних лесных пространств.

Вообразите густолиственные зоны, которые наслаиваются одна на другую, образуя зеленые горы; ряды огромных стволов, которые сдваиваются, удесятятся, множатся без конца и края, превращаясь в неодолимые стены; добавьте оплетающие все кругом лианы — они окутывают человека, словно плотная драпировочная ткань, — и перед вами предстанет мрачная бездна, черная шахта, влажное подземелье девственного леса.

В старом Париже есть темные улочки с обшарпанными домами, осклизлой мостовой, затхлым воздухом — улица

* Г и п е р б о л а — сильное преувеличение.

Мобюэ, улица Венеции или улица Брантом. Солнце никогда не осушает бегущих по их мостовым потоков грязи, они днем и ночью погружены во мрак, в котором задыхаются уличные фонари. Если взглянуть с крыши дома в тесные дворы, глубокие и темные колодцы, то увидишь, как на дне их копошатся еле различимые, почти бесформенные существа.

Но всего в нескольких шагах от этих клоак льются волны чистого воздуха и яркого света, блистает великолепие огромного города. Таковы и леса Гвианы, которые таят среди тропической пышности уголки мрака, забвения и безысходности.

Здесь встречаются две мощнейшие созидательные силы природы: экваториальное солнце, круглый год щедро нагревающее жаркую землю, и богатая влагой почва, образованная из многовековых органических отложений, с избытком насыщенная питательными веществами.

Зерно, этот скромный зародыш великана, сказочно быстро прорастает в благоприятной среде. Не по дням, а по часам побег развивается в тропической теплице и уже через несколько месяцев превращается в дерево. Его макушка тянется кверху, тонкий и тугой ствол похож на трубку, через которую солнце вытягивает земные соки.

Молодому дереву нужен воздух. Ему нужен свет. Бледные, анемичные листья, как у растений, не знающих дневного тепла, нуждаются в хлорофилле *, как наша кровь — в гемоглобине **. Только солнце способно помочь выжить дереву. И единственной целью молодой поросли становится стремление вверх, погоня за горячими поцелуями светила. Нет силы, которая могла бы сдержать этот порыв. Деревья пробивают плотный шатер листвы и добавляют новую каплю к зеленому океану.

Чудеса растительного мира впечатляющи, поразительны. Чтобы составить о них представление, нужно побродить под тесными переплетениями ветвей, являющими собой единое и нерасторжимое целое, поглядеть на могучие корни, возле которых беспрерывно происходит зарождение новых жизней.

Ничтожно малым и слабым кажется человек, понуро

* Хлорофилл — вещество, которое окрашивает растения в зеленый цвет.

** Гемоглобин — вещество, окрашивающее кровь в красный цвет; переносит кислород из органов дыхания ко всем другим органам. Недостаток гемоглобина свидетельствует о заболевании или истощении.

бредущий по необозримой тропической чаще! Медленно его продвижение среди гигантов, — и, несмотря ни на что, он пробирается вперед, с компасом в одной руке, с крепким ножом — в другой, напоминая муравья, отважно буравящего почву горы своим стрекалом.

Двое наших героев жили после двойного несчастья, которое их постигло, в растительных катакомбах *, утерев всякий счет времени. Им недоставало воздуха и света. Ни одна птица не нарушала своим пением могильную тишину: пернатые обитатели леса опасаются жить в таких местах, где им труднее уберечься от хищников. Ни травинки, ни цветка на лоснящихся от влаги корневищах, похожих на основания колонн готического собора **. Только зеленоватые мхи, напитанные водой, как губки, а под ними — кишачий мир ящериц, змей, сколопендр, жаб, гигантских пауков и скорпионов.

Робен и Казимир около месяца скрывались в этом рассаднике лихорадки, где жить было необычайно тяжело. Даже пламя костра разгоралось с трудом из-за недостатка кислорода в воздухе.

Раз в два дня парижанин отправлялся за провиантом и приносил с пепелища бананы, маис, плоды ямса, батат. Скучного пропитания хватало только, чтобы заглушить сосущую боль в желудке, приостановить смертельную работу голода. К счастью, человеческий организм таит в себе некий запас прочности, скрытые жизненные ресурсы.

Лесные отшельники с часу на час ждали нужного сигнала, но пока ожидания их были тщетны. Однажды утром Робен вышел по обыкновению постоять возле мутной речки — и вдруг подскочил словно ужаленный. Легкая лодка с четырьмя веслами болталась перед ним на воде, привязанная к толстому корню. Это оказалась та самая пирога, которую построили они с Казимиром и называли «Эсперанс» и которая так неожиданно исчезла.

Откуда она взялась — и к тому же готовая к отплытию? Большая связка спелых бананов лежала в ней, еще ямс, печеные бататы и — самое удивительное! — сухари и бутылка можжевелевой водки. Стало быть, лодка оставалась затопленной со дня исчезновения... скорее всего так, потому что ее влажные и грязные борта успели обрасти водорослями.

* Катакомбы — система подземных пещер, естественных или искусственных, в переносном смысле слова — мрачное подземное обиталище.

** Готический собор. — См. примеч. к с. 218.

Инженер не стал размышлять о необычности происшествия, озабоченный лишь тем, как вырваться из заточения. Разгадку Шарль отложил на будущее. Бегом он бросился к их с чернокожим убежищу.

— Казимир! Мы едем!

— Куда, друг?..

— Наша пирога нашлась! Она там, совсем близко! Значит, выход через залив свободен, и мы можем покинуть это гиблое место и прорваться к Марони!

— Хорошо, друг, я еду с вами!

Нет возможности воспроизвести здесь восторженные восклицания и поток недоуменных вопросов добряка. Но если Казимир говорил много, то и делал не меньше. Пораженная слоновой болезнью нога, казалось, весила не больше другой. Старик двигался так быстро, так ловко управлялся с последними приготовлениями, что ему удалось занять место в лодке почти одновременно с компаньоном. Детская радость осветила изуродованное лицо негра, когда он крепко ухватился за рукоятку весла.

Челнок, направляемый двумя гребцами, медленно скользил между водорослей, которые с легким шорохом терлись о борта, и устремлял свой бег к широкой бухте.

Ничего подозрительного вокруг, никаких помех. Перед ними снова открылся светлый простор. Зорко глядя по сторонам, наострив слух и напрягая мышцы, беглецы бесшумно погружали весла в воду, стараясь не стучать о борт.

Они миновали место, где велись лесоразработки, теперь совершенно безлюдное. Пирога то и дело проплывала мимо огромных бревен, привязанных к пустым бочкам, по воле волн и течения бревна медленно влеклись в сторону Марони. Все складывалось как нельзя удачнее. Еще несколько минут — и они выйдут из опасной зоны. Спарвайн становился все шире, приближаясь к месту впадения в Марони, которая уже показалась вдали.

Друзья приостановили пирогу, внимательно огляделись по сторонам, осмотрели берег, заводи, торчащие корни, поваленные стволы. Ничто не внушало подозрений.

— Вперед, как можно быстрее вперед! — негромко командовал француз.

Суденышко заскользило стрелой по глади широкой Марони; противоположный берег стал виден, хотя до него было километра три, не меньше.

Спутники готовы были поверить в свое спасение. Они уже отплыли от опасных берегов метров на четыреста, когда

позади послышались громкие крики и ругань. Грянул выстрел. Неточно направленная пуля взметнула воду метрах в двадцати от лодки.

— Вперед!.. Казимир, вперед! — выдохнул Робен, налегая на весла.

Отраженные от поверхности воды, крики четко доносились до ушей беглецов:

— Стой! Стрелять буду! Стой!..

Второй выстрел, а затем и третий подтвердили вполне серьезные намерения кричавших.

Робен оглянулся и увидел, что четырехвесельная шлюпка отделилась от берега и преследует их.

— Держись, Казимир, держись, дружище! Мы опередили их намного. Бандиты! Живым я им не дамся!

— Да, да, друг! Я жму изо всех сил! Плохие люди нас не догонят, нет!

— Гребь к островку, вот там, впереди... Как будто мы решили высадиться!

— Да, да, хорошо... Это хорошо!

— У самого берега сделаем поворот и обогнем остров... Тогда нам пули не страшны.

Расстояние между «Эсперанс» и островком быстро сокращалось, но и погоня наддала. Пули сыпались дождем, к счастью — все мимо. И вдруг одна из них расцепила весло в руках у Робена. Он чертыхнулся и схватил запасное. В эту секунду и раздался отчаянный крик женщины, которая узнала мужа.

Робен увидел фигуру в черном, рухнувшую на песок, взбудораженных и растерянных детей, негров, махавших руками. Какой-то человек в европейской одежде бросился навстречу пироге...

Нет, это не могли быть враги. Душераздирающий крик не таил в себе угрозы.

Но эта женщина... И дети... Здесь!

Боже правый!

До берега оставалось не более восьмидесяти метров. Мышцы Робена напряглись до того предела, за которым человек падает замертво. Пирога неслась как на крыльях. Еще минута — и нос ее глубоко врезался в песок. Одним неистовым прыжком бургундец выскочил на берег, поднял свою бесчувственную жену и застыл на месте, глядя широко раскрытыми глазами на безмолвных и перепуганных детей.

Враги приближались. Быстро опомнившийся Шарль

узнал Никола, увидел негра бони, опершегося на ружье, заметил и большую лодку с навесом из пальмовых листьев.

— Месье Робен!.. — не выговорил, а скорее простонал молодой человек.

— Никола!.. Ко мне! Быстрее в лодку!.. А вы, друзья, оставайтесь здесь! — крикнул Робен голландским матросам.

Левой рукой поддерживая жену, еще не пришедшую в себя, правой он ухватил за рубашку самого младшего сына, бросился с ними к лодке и кое-как усадил их туда. Никола прибежал с остальными тремя мальчиками. Казимир спешил за ними.

— Скорее! — торопил Робен. — Отплываем!

Негр бони молча повиновался.

— Весла!

Один из голландских матросов подал весла. Казимир занял переднее место, Робен сел посредине, бони — на корме.

— Толкай!

Лодка отвалила от берега. Два негра из Суринама, пораженные разыгравшейся сценой, остались на островке возле увязшей в песке «Эсперанс».

Бони понял маневр. Он вырулил и обогнул остров. Нападающие скрылись из виду. Робен выиграл время: преследователи не сразу сообразят, что на островке остались только двое с «Тропик Бэрд».

Погоня, конечно, возобновилась, но без особой надежды на успех. Лодка, правда, нагружена потяжелее, чем пирога с беглецами, но присутствие негра бони — большое преимущество. Он один стоит целой команды гребцов.

К сожалению, пассажиры лодки оставались в пределах досягаемости карабинов. Неустрашимый Робен, безразличный к собственной гибели, дрожал при мысли о жене и детях, которых вновь обрел таким неожиданным, необыкновенным образом. Согнувшись над веслом, он все силы и помыслы сосредоточил на спасительном для преследуемых маневре. Он не мог даже бросить взгляд на детей, оцепеневших от страха. Мадам Робен медленно приходила в чувство. Никола прижимал смоченный холодной водой платок ей то ко лбу, то к вискам.

— Спасен!.. Он спасен! — прошептала наконец женщина.

— Папа, папа! — вдруг закричал Анри. — Они снова хотят стрелять!

В ту же секунду пуля чиркнула о борт лодки и упала в воду, подняв фонтанчик брызг.

Неистовая ярость охватила инженера. Эти люди не знают ни совести, ни чести, они готовы убить детей! Он, Робен, сохранил жизнь своему палачу Бенуа, мало того — спас ему жизнь. Но сегодня преследователи угрожали его детям, его бесстрашной, преданной жене, которую он не успел еще обнять после долгой разлуки. Ее и детей могли убить у него на глазах.

Кровь хлынула смельчаку в лицо, ненависть перехватила дыхание. Рискую замедлить движение лодки, он выхватил у негра длинное ружье. Тот сразу понял его намерение и вынул из-за щеки (вполне надежное хранилище!) две пули... Инженер ловко, твердой, привычной рукой загнал пули в оба ствола.

— Негодяи без сердца и совести! — крикнул Робен. — Остановитесь, или я вас прикончу!

Озадаченные его решительным видом и опасаясь взрыва отчаяния у такого человека, охранники опустили карабины. Теперь они волей-неволей должны были прервать свою охоту: вскипающая бурунами вода говорила о приближении порога.

Лодка направлялась к водопаду Гермина.

Бони Ангоссо единственный мог преодолеть полосу камней, вокруг которых бешено крутились и хлестали волны. Двумя точными ударами весла он развернулся на месте и очутился впереди.

Казимир и Робен пересели на скамьях так, чтобы плыть лицом вперед, и отец увидел наконец перед собой своих милых сыновей и их отважную мать. Маленький Шарль, не подозревая об опасности, в полном восторге хлопал в ладоши.

Оставим их на время и попытаемся объяснить, почему Робен и прокаженный оказались поблизости от водопада Гермина, тогда как, по их предположениям, они должны были достичь его только через четыре часа после выхода из бухты.

Это произошло из-за ошибки в географических названиях. Гонде был вполне уверен, что перед ними речка Спарвайн, однако дело обстояло совсем иначе. Территория, по которой Гонде бродил в поисках нужных деревьев, находилась гораздо дальше от колонии, чем он думал, — километрах в пятнадцати вверх по течению. Разработчики с двух участков лесозаготовок редко общались между собой. Ка-

торжник вообще не знал о существовании первого из них. А поскольку меньший участок также назывался Спарвайн, то старатель распространил это имя и на протекавшую здесь речку. На самом деле то был водоем Сакура.

Отсюда и ошибка Гонде в определении места, где находился речной порог. Островок Суанти-Казаба лежит в пятнадцати километрах от Спарвайна и связан с другой рекой, протекающей по голландской территории. В те времена эта река была еще безымянной, только в 1879 году два француза, Казальс и Лабурдет, исследовавшие золотоносный район на левом берегу Марони, нанесли ее на карту как залив Рейтер.

Приливное течение, которое ощущается за восемьдесят километров от морского побережья, повлекло беглецов к водопаду Гермина. Преследователи не могли близко подойти к нему на управляемой рулем килевой лодке. Затея была обречена на неуспех с самого начала, и все, что осталось охранникам, — это с досадой следить, как пирога ловко, словно рыба, лавирует среди волн, и посылать ей вслед бессильные проклятия.

Водопад Гермина — самый простой из всех порогов на Марони. Каменные завалы образуют нечто вроде естественного шлюза * шириной около восьмисот метров и с перепадом воды не более пяти метров. Наклон не слишком крутой. Не требуется даже особой ловкости, чтобы на местной лодке — без кия и без руля, с высоко приподнятыми носом и кормой — выполнить такой переход.

Бони Ангоссо, с детских лет знакомый с этим трудным маневром, огибал острые выступы темных скал, уверенно и точно выбирая нужный проход. Время от времени бурлящая вода, к ужасу детей, грозила перевернуть утлую пирогу, но своевременный удар весла выравнивал положение суденышка и позволял ему благополучно продолжить путь.

Ангоссо, немного говоривший на креольском наречии, объяснил Робену, что в верховьях реки есть куда более грозные и опасные пороги, например, Синга-Тетей, который находится чуть выше того места, где реки Ава и Тапанаони, сливаясь, образуют полноводную Марони. Спуск там особенно страшен. Вода ревет и клокочет в узких проходах среди скал, пенится, рассыпается

* Ш л ю з — особое сооружение для перемещения судов на участках реки с разным уровнем воды.

шумными каскадами и вырывается с адским грохотом на простор, образуя множество опасных водоворотов.

Синга-Тетей на языке негров бони означает «Смерть человеку». Мало кто может преодолеть этот порог. Гребцы бросают весла. Работают только двое длинными и крепкими шестами-такари — один впереди, другой сзади. Каждый из этой пары становится, уперев конец шеста себе в грудь. Все остальные ложатся на дно лодки, крепко уцепившись обеими руками за борта. Радужно сверкающая водяная пыль слепит глаза, лодка легким перышком летит по гребню волны. Мощное течение швыряет ее во все стороны, удары о камни так сильны, что, кажется, хрупкая посудаина вот-вот разлетится в щепки. Передний гребец, полусогнувшись, направляет конец своего такари на скалу и, не дрогнув, грудью принимает удар, на который она откликается гулко, словно туземный барабан тамтам. Гибель грозит каждую минуту. Маневр выполняется снова и снова, то одним, то другим гребцом, и, как правило, с одинаковым успехом. Наконец, после нескольких минут мучительного напряжения, люди в лодке, промокшие, оглушенные, полной грудью вдыхают воздух на спокойной глади воды, а те, кто преодолевали порог в качестве пассажиров, на всю жизнь сохраняют воспоминание о головокружительном маршруте, отмеченном поминутными глухими ударами такари в грудь тех, кто проводил лодку сквозь буруны.

Для Ангоссо еще не настал час показать способности лодочника-гимнаста. Достаточно было весла, чтобы управлять лодкой. Зорко вглядываясь в бурлящие струи, славный парень, истинное дитя природы, иногда вскрикивал от радости, заметив в воде рыбу, какой-нибудь великолепный экземпляр кумару. Он тотчас начинал ее громко восхвалять: какое нежное и сочное у нее мясо, как душист ее жир, вот была бы добыча!.. И негр поглядывал с вожделением на свой двухметровый лук, на стрелу с тройным острием — она всегда попадает в цель...

— Увы! Белый господин, и вы, госпожа, и маленькие белые господа, все вы очень спешите, и Ангоссо не может подстрелить кумару...

Солнце пекло нещадно. Худо было, что котелок с едой опрокинули во время внезапного появления Робена на острове, а в лодку садились так поспешно, что не прихватили с собой ни крошки съестного.

Красноречие Никола вскоре увяло. В животе у него было пусто. Дети хныкали, изнывая от жары на дне пироги. Им

давно уже хотелось есть и пить, но накормить ребят было решительно нечем, а тепловатая речная вода не столько утоляла, сколько распалjala жажду.

Мучения делались час от часу невыносимее. Пора было причалить к берегу и сделать передышку, тем более что преследователи давно скрылись из виду, а пороги остались далеко позади. Робен первым почувствовал необходимость остановки, а когда маленький Шарль с трудом выговорил пересохшими губами: «Папа! Я хочу есть», инженер обратился к Казимиру:

— Казимир, нам надо пристать к берегу. Нельзя плыть дальше. Дети хотят пить и есть. Посоветуй, как быть?.. Я готов ко всему. Усталость для меня не помеха, я теперь могу горы перевернуть.

— Мы поищем место для высадки, — отвечал старик, перебросившись несколькими словами с Ангоссо.

Пирого круто развернулась и пошла к берегу под прямым углом. Через полчаса она вошла в маленькую бухточку, затерянную под сенью густых высоких деревьев. В бухточку впадал неширокий ручей.

— Мой добрый друг, старый Казимир доволен. Я накормлю детей молоком и яичными желтками.

Робен взглянул на своего спутника с беспокойством: уж не тронулся ли умом добряк от жары. А Никола, который не понимал креольского наречия, разобрал только, что речь идет о молоке и почему-то о яйцах.

— Бедный старик рехнулся, я не вижу ни птиц, ни коров, ни коз, а эти деревья вряд ли могут нестись или доиться... Хотел бы я знать, как он выйдет из положения...

Орудуя широким ножом с ловкостью и быстротой фехтовальщика, негр бони набросал на землю кучу веток. Разложить две жерди, соединить их третьей, поперечной, на этой раме укрепить самые длинные и густые ветви — это привычное дело заняло у Ангоссо немного времени. Через три минуты была готова так называемая *амжуна*, нечто вроде матраца из свежей зелени. Дети вместе с матерью с удовольствием расположились на нем.

Робен нетерпеливо вышагивал, наблюдая за спокойными, но быстрыми действиями негра. А тот уже извлек из лодки две чашки, обмазанные водонепроницаемой смолой, называемой в этих краях *мани* и представляющей собой сгущенный древесный сок. Затем, углядев два великолепных дерева с блестящими красноватыми стволами, высотой не

меньше тридцати метров, сделал на коре глубокие надрезы почти у самой земли.

И к великому изумлению бравого Никола, из этих надрезов тотчас выступили белые, крупные и густые капли, которые сливались воедино и сбегали тонкими струйками по наклонным разрезам в подставленные чашки.

— Да это же молоко! Настоящее молоко! Кто бы мог подумать! — Молодой человек взял наполненную чашку и протянул ее Шарлю.

— Держи, малыш, выпей свеженького молочка!

Ребенок прильнул к посудине, с жадностью глотая целебную влагу.

— Ну как, вкусно, мой милый?

— Да, — с чувством подтвердило дитя. — А теперь дай молочка маме, а потом Эжену, а потом Эдмону, а потом Анри...

Но второй страждущий уже хлебал вовсю. Чашки ходили по кругу, и когда все утолили жажду и отчасти голод, за дело взялся Никола с такими комическими ужимками восторга и наслаждения, что все, в том числе и Робен, смеялись от души.

— Знаете, патрон, я никогда в жизни не пробовал ничего подобного! Древесное молоко! Это даже и вообразить не могут в Париже, где молоко разбавляют водой, не всегда чистой. Ей-богу, признаюсь вам, я начинаю верить, что они отыщут для нас и яйца. Ну ладно! Уж это дерево я теперь не спутаю с другими. Хотелось бы знать его название. Я не очень-то старательно изучал ботанику в школе.

— Это *балата*, — пояснил Казимир.

— Совершенно верно, — вмешался Робен, — это балата, молочное дерево, по-латыни *mimosops balata*. Я часто проходил мимо этих исполинов и не узнавал их. Видишь ли, Никола, для изучения природы одних книжек мало...

— Сущая правда! Нужна практика. Понимаете ли, практика...

Молодой человек внезапно осекся, и было из-за чего. Круглый предмет величиной со сливу ренкрод сорвался с дерева, под которым он сидел, и плюхнулся ему прямо на шляпу.

Юноша поднял голову и увидел Ангоссо, оседлавшего одну из толстых ветвей. Он улыбался — шире некуда, в полном восторге от собственной проделки.

— Яичный желток! — вскричал Никола с радостью,

подбирая упавший предмет — круглый, как мячик, красивого оранжевого цвета и весьма твердый на ощупь.

— Вы можете его съесть,— заметил Казимир.— Он хороший.

— Не откажусь! Тем более что на дереве их полно, всем хватит. Надо проверить, не насиженное ли это яичко!

И бравый парень впился зубами в плод, собираясь разделиться с ним по-своему, но тотчас сморщился от боли.

— Ай! Да там внутри цыпленок.

— Какой еще цыпленок?

— Это я так, к слову... Малыш у этой высокорослой «наседки» — косточка, и претвердая, доложу я вам! Я чуть зубы не сломал. И вот что забавно: косточка с одной стороны совсем гладкая, а с другой шероховатая... Как будто ее руками сделали.

— Но это, по крайней мере, съедобно?

— Не хуже чего-нибудь другого. Немного суховато, крошится, но вкусно. Ей-богу, хоть это и не настоящий желток, но мой желудок согласен и на подделку... Да вы сами попробуйте,— заключил юноша, спасаясь бегством из-под дерева, с которого бони обрушил на землю целый дождь плодов.

«Яичный желток» — именно так называют в Гвиане этот плод — объявили замечательно вкусным все члены маленькой колонии, а дети, насытившись, тут же заснули крепким сном.

Робен, кое-как утолив голод необычной едой, с беспокойством подумывал о завтрашнем дне. Он знал, что эта пища утоляет лишь первые позывы голода, но уже вскоре окажется недостаточной. Дети и их мать нуждались в укрепляющих продуктах, особенно в этих широтах, где анемия * правит свой мрачный бал.

Ангоссо, добрый гений минувшего дня, вывел инженера из раздумья.

— Надо опьянить речку,— сказал негр без предисловий.

— Как ты говоришь? — переспросил Робен, полагая, что недослышал.

— Надо опьянить речку,— повторил тот,— чтобы поймать рыбу. Для этого следует собрать *нику*, тут ее много растет.

— Да-да,— подтвердил Казимир.— Рыба любит *нику*. Она пьет, а потом становится пьяной, как индеец.

* А н е м и я — сильное малокровие.

— Ну а дальше что?

— Мы берем ее голыми руками, вялим и коптим, а дети кушают вкусную рыбу.

— Не понимаю, что все это значит, но опьяняй воду, если надо. Я могу помочь?

— Оставайтесь с мадам и детьми, а бони пойдет за нику.

Негр отсутствовал больше часа, и Робен уже считал минуты, когда появился Ангоссо, нагруженный, словно мул * контрабандиста.

Но, в отличие от вполне симпатичного однокопытного, о котором сложилось несправедливое мнение как о непокорном упрямце и который таскает свою поклажу на спине, чернокожий удерживал огромную вязанку свежесрезанных лиан на голове.

Весила эта вязанка не менее сорока килограммов. Покрытые коричневой кожей полуметровые отрезки лиан были собраны в пучки вроде тех, что вяжут французские виноградари из виноградной лозы. Кроме того, бони держал в руке маленький букетик из листьев и желтых цветов, которые бургундец тут же узнал.

— Это пьяное дерево! — воскликнул он.

— Нику, — поправил сияющий Казимир.

Старший мальчик проснулся и с любопытством приподнял голову. Отец обратился к нему:

— Ну, мой дорогой Анри, вот благоприятный случай, чтобы заняться ботаникой. Мы проведем в этих краях много дней, а может быть, и лет, и только природа предоставит нам необходимые средства к существованию. Нам нужно хорошо изучить ее, чтобы с успехом использовать ее дары. Потребность жить усилит нашу тягу к познанию. Ты хорошо меня понимаешь, дитя мое?

— Да, папа, — ответил ребенок, глядя на отца с любовью и восхищением.

— С помощью вот этого растения — я узнал его вид и семейство, но до сих пор как-то не думал о его свойствах — наши спутники собираются добыть для нас много рыбы. А это превосходная пища, и нам следует научиться добывать ее самим... Погляди на эти листья и цветы, запомни их хорошенько...

Мальчик взял букетик из рук Ангоссо, всмотрелся внимательно, стараясь запомнить приметы растения. Робен продолжал:

* Мул — помесь лошади и осла; считается упрямым и «злонравным» животным.

— Это растение из семейства бобовых, к которому принадлежит и акация. По странному совпадению оно, призванное сохранить нашу жизнь, носит наше же имя. Это так называемая робиния, по-латыни *gobinia nikou*, а имя ей дал наш однофамилец Робен, садовник Генриха IV *. Собственно говоря, и все семейство родственных растений называется «робиниевые» **. Туземное слово «нику» добавил ботаник Обле, для того, я думаю, чтобы выделить разновидность, которая находится перед нами. Ты все понял, сын, все запомнил?

— Да, папа, теперь я всегда узнаю это растение.

— Муше ***, идите сюда,— позвал Ангоссо, который во время ученого собеседования успел перегородить течение ручья легкой запрудой из покрытых листьями веток.

Бони уложил в лодку связки лиан. Затем усадил туда семью Робена, всех шестерых, а также Казимира и Никола, схватил весло и быстро пересек заливчик, образованный устьем ручья. Негр причалил к противоположному берегу.

Хижину из листьев соорудили очень быстро, а затем, покончив с необходимой для лесной стоянки предварительной работой, Ангоссо взялся за выполнение главной задачи по «опьянению» ручья. К берегу подступали бурые, сильно пористые, словно губка, скалы. Ангоссо взобрался на одну из них, схватил пучок нику, подержал его в воде, уложил на соседней скале и принялся нещадно колотить по стеблям короткой и крепкой дубинкой, пока стебли не превратились в кашу.

Сок струился вниз со скалы и окрашивал воду в красивый опаловый цвет.

— И это все? — поинтересовался Робен.

— Да, муше,— ответил негр, продолжая орудовать дубинкой.

— Тогда я могу тебе помочь, это вовсе не так трудно!

И французский инженер с усердием последовал примеру своего туземного наставника. Они «переработали» таким образом все пучки лиан. Ставшие молочно-белыми, воды ручья постепенно смешивались с водой маленького залива, которая в свою очередь приобретала перламутровый оттенок.

* Г е н р и х IV (1553—1610) — король Франции с 1589 г., первый из династии Бурбонов.

** Р о б и н и е в ы е — род деревьев и кустарников семейства бобовых, происходящих из Америки. Садовник, о котором рассказывает сыну. Робен, привез в 1600 г. из Америки в Европу дерево этого рода с душистыми белыми цветами, получившее название белой акации.

*** М у ш е — искаженное французское «месье» (*monsieur*).

— А, вот теперь хорошо, хорошо...— приговаривал негр.— Подождем еще немного...

Бони со свойственным людям его расы особым чутьем на удивление точно выбрал место для рыбной ловли: сюда попадали рыбы не только из ручья, но также из затопленной саванны, из самой Марони и даже морскую рыбу заносило приливным течением из океана, до которого было почти сто километров.

Ждать пришлось недолго. Наметанным глазом Ангоссо увидел, что вода в некоторых местах как бы подрагивает.

— Начинается... Надо идти к запруде.

Робен хотел отправиться один, оставив жену и детей на попечении Казимира и Никола, но они с таким жаром упрашивали его, что он взял с собой всех. Поскольку лес был непроходим, снова поплыли в лодке.

Поистине необычное зрелище открылось им! Вода словно кипела. Впереди, позади, справа и слева от лодки рыбы большие и малые поднимались из глубины к поверхности. Исчезали на мгновение, чтобы всплыть кверху брюхом, и болтались на воде, как мертвые. Но на самом деле, опьяненные соком нику, они лишь потеряли способность двигаться, ускользать от опасности, прятаться, защищаться. Их были тысячи, с разинутыми ртами, оттопыренными жабрами, бьющие по воде ослабевшими плавниками.

Лодка направилась к запруде, куда сносило течением все это множество водоплавающих. Ангоссо пришлось расчищать проход ударами весла.

Наконец причалили. Робен предостерегал детей, запрещал им прикасаться к рыбам. Среди них кишело немало опасных, с ядовитыми шипами или острыми, как бритва, зубами.

Как вытащить на берег всю эту трепещущую массу? Парижанин спросил об этом бони. Нечего и думать погружаться в воду, где рискуешь напороться на колючего ската или на хищную пирайю.

Ангоссо довольно улыбался; ни слова не говоря, он развернул свой гамак с широкими ячейками и прочными креплениями, сквозь которые были продеты длинные веревочные оттяжки.

Чернокожий привязал к гамаку камень, опустил самодельную сеть на дно ручья, удерживая в руке одну из оттяжек; другую он передал Робену. Соединив усилия, они вдвоем вытянули на берег гамак, превращенный в сеть и полный серебристых обитателей вод Гвианы. Едва опоро-

женный, гамак-сеть был закинут снова; гора добычи росла, несмотря на протесты Робена, который твердил, что уже хватит, довольно, улов некуда девать.

Каких только рыб не было здесь! Плоские, округлые, в чешуе или без нее, с зубастой пастью или гладкими чешуестями, с ядовитыми шипами на спине, змееподобные, — одним словом, самые разнообразные и по облику и по названиям: парассисы, губаны, кефаль, калканы, большеголовые аймары, необычайно вкусные под острой приправой, кумару, пирайи, пресноводные скаты кирпичного цвета с тремя или четырьмя парами глаз, с грозными колючками, белые карпы, усачи... и еще множество других, пока еще не известных соответствующей отрасли науки — ихтиологии.

Среди рыб известных и довольно часто упоминаемых натуралистами и путешественниками, были пучеглазые прыгуны *, живородящие рыбки от двенадцати до двадцати сантиметров длиной, без чешуи, необычайно подвижные: прыгун не случайно так назван, он выскакивает из воды и прыжками несется по ее поверхности метров тридцать, а то и больше. Обитает это создание возле низких берегов, и места его скопления так плотны, что одним выстрелом дробью можно поразить две-три дюжины сразу. Наконец, чтобы завершить длинный и далеко не полный перечень, упомянем родственницу сома, так называемую пемекру.

Бони только что ударил ножом плащима по голове одну из этих больших рыб. К немалому удивлению парижанина, из-под жабер рыбы вырвалась целая стайка мальков, длиной и толщиной не более сигареты. Мальки немедленно облепили большую рыбу, уже мертвую, плотной гирляндой.

Казимир принялся рассказывать Робену о привычках пемекру. Во время нереста самец собирает икру самки и прячет икринки в своих зубчатых жабрах. Появившиеся из икринок мальки несколько дней не покидают спасительное убежище. Подрастая, они начинают выплывать, но держатся поблизости от отца. При малейшей опасности самец широко раскрывает жабры, словно наседка — крылья, и все мальки собираются и прячутся. Так объяснил старик и добавил:

— Он очень хороший папа, он отпускает своих детей только тогда, когда они станут сильными. Он хороший папа.

* Прыгун. — Скорее всего речь идет о рыбе из семейства илистых прыгунов; благодаря особому устройству плавников прыгуны могут передвигаться по поверхности воды и даже по суше.

Робен протянул было руку, чтобы поймать одного из мальков и рассмотреть поближе, но Казимир остановил его:

— Не трогайте, не надо! Он очень злой! Кусает больше, чем скат!

Ангоссо все еще продолжал свои операции по заготовке рыбы, хотя ее накопилось уже столько, что можно было досыта накормить полторы сотни голодных мужчин. Но славный парень, «опьянив» целый залив, хотел, чтобы все его обитатели попали в его руки. Единственная уступка, на которую он согласился, — это выпускать обратно в воду самых мелких рыбешек. Гора съестного воодушевляла его. Он готов был есть три-четыре дня подряд без передышки, транжирить добытое как попало, не думая о том, что через неделю может снова наступить голод.

Туземец не переделаешь. Предусмотрительность, экономия, мысль о завтрашнем дне — все это им не свойственно. Если на охоте убивают тапира, все племя усаживается возле горы мяса и дружно наедается до отвала. Взрослые и дети, старые и малые едят и едят — через силу, вплоть до несварения желудка.

Ангоссо прервал работу, обнаружив крупного, длинной больше метра угря, более подвижного, чем прочие обитатели реки. Возможно, он был меньше одурманен или уже «протрезвел», — во всяком случае, пленник быстро извивался в траве. Робен занес над ним нож.

— Не трогайте, муше! — крикнул бони, но его предупреждение запоздало.

Удар обрушился на голову угря. Но странное дело: нож выпал из руки инженера, а сам он вскрикнул от боли.

— Это угорь-трясучка, — сказал Казимир. — Плохое животное!

Дети подняли крик:

— Папа, он тебя укусил? Тебе очень больно?

— Нет, нет, мои хорошие. — Робен постарался улыбнуться. — Ничего страшного, пустяки.

— А кто это?

— Электрический угорь.

— О! — удивился Эжен. — Угорь электрический, как телеграф?

— Да нет же, — начал объяснять Анри. — Сейчас я тебе расскажу, что это такое. Я читал об этом. Ну, такая рыба, которая вырабатывает электричество, как машина, где быстро крутится стеклянное колесо. Если ты просунешь палец между двумя пластинками, тебя сильно ударит током. Ну

вот! И угорь тоже бьет током, как будто у него в голове электрическая машина. Правда, папа?

— Примерно так. Твое краткое объяснение, Анри, вполне правильно. Может быть, нам еще представится случай лучше изучить это удивительное создание. Запомните только, что трогать его опасно и что электрический разряд для него такое же средство нападения и защиты, как ядовитые зубы для змей. Будьте осторожны и не прикасайтесь к каким бы то ни было тварям или насекомым в мое отсутствие.

— Копченый угорь-трясучка очень вкусный,— заметил Казимир.

— Да, это верно. Я просто забыл, что этого угря можно закоптить, как и всякую другую рыбу. Но мы заболтались, а вот Ангоссо не говорит ни слова, зато делает дело.

— Он готовит нам поесть,— сказала мадам Робен,— а мы даже не в состоянии ему помочь. Когда мы, цивилизованные люди, попадаем в условия дикой природы, то много проигрываем по сравнению с ее «некультурными» обитателями.

— Мы не так много времени провели вместе с Ангоссо, но уже знаем, как «опьянить» воду... Скоро научимся коптить и рыбу, и дичь. А ловкость и навыки этого бони действительно достойны восхищения. Посмотри, какой он умелый дровосек!

Чернокожий хлопотал за троих. Для начала он вбил в землю четыре колышка с раздвоенными, как у рогатки, верхними концами, соединил их перекладинами. Образовался четкий четырехметровый квадрат, приподнятый на полметра над уровнем земли. Штук двадцать тонких жердочек были уложены на эти опоры, образовав простейшую коптильню.

На земле под этим сооружением бони разложил листья и мелкие ветки, а на жердочках равными рядами — рыб. Мадам Робен и дети хотели ему помочь в этой несложной работе, однако негр решительно воспротивился, и не без оснований: тут нужна была осторожность. Вот не совсем еще уснувшая аймава внезапно захлопнула зубастую пасть, и Ангоссо ловко увернулся от укуса; потом понадобилось лишить ската колючек, а электрического угря обезглавить, так как электрические органы находятся у этой рыбы именно в голове.

Итак, чернокожий стряпчий «зарядил» коптильню, а затем поджег кучу веток и листьев, от которых повалил густой

пахучий дым. Менее чем за полчаса негр соорудил еще две такие же коптильни, и они тоже задымили, словно угольные печи, и запахло от них весьма аппетитно.

Но это не все. Копчение — операция достаточно долгая и трудоемкая. Она требует не менее двенадцати часов неусыпных забот. Нельзя разводить чересчур сильный огонь, но и нельзя позволить ему угаснуть. Горящие угли должны располагаться не слишком близко к мясу, но и не слишком далеко от него. Не случайно появилось присловье: «Поваром становятся, коптильщиком рождаются». Слова эти вполне подходили к Ангоссо: он делал свое дело не только умело, но, можно сказать, вдохновенно.

Первый обед семейства гвианских робинзонов включал только рыбные блюда, и ему недоставало хлеба и соли. Но это не уменьшило общего веселья, которое сделалось прямо-таки бурным из-за неожиданных протестов Никола: он попросту отказывался есть без хлеба, заявив, что найти на деревьях пайковый солдатский хлеб или хотя бы простой сухарь пара пустяков. Ведь одно дерево уже напоило их молоком, другое — угостило яичными желтками. Анри вычитал в книжках про электрических угрей, а он, Никола, знает о существовании хлебного дерева. Все потерпевшие кораблекрушение питались его плодами. Об этом писали в журналах и книгах. И сам он не прочь отведать пищу своих предшественников.

— Ну, мой бедный Никола, я вижу, что ваши представления об американских тропиках совершенно превратны. Вы полагаете, что хлебное дерево растет здесь в своем первозданном виде. Вы ошибаетесь, мой друг. Оно родом из Океании. Хлебное дерево завезли на Антильские острова и в Гвиану, но его еще надо культивировать, по крайней мере произвести массовые посадки. Если же оно и встречается кое-где в лесах, то разве что на месте заброшенных поселений.

— Получается, что нам придется обходиться без хлеба до тех пор, пока... Ну, я не знаю, до каких пор...

— Успокойтесь, у нас будет маниока.

— Я беспокоюсь не столько о себе, сколько о мадам и детях.

— Не сомневаюсь, мой друг, ведь я знаю, что у вас доброе сердце. Мы будем питаться преимущественно рыбой, но не только ею. Прежде чем наши запасы истощатся, я надеюсь, нам удастся обеспечить себя пропитанием на будущее.

Зашло солнце, и сразу стемнело. Поляну новых робинзонов освещали только красноватые огоньки коптилен, на которых потрескивали все новые партии рыбы.

Только теперь изгнанники; все силы и помыслы которых до сих пор поглощала борьба с опасностями и голодом, нашли время для спокойного разговора. Если ты несчастен до такой степени, что потерял всякую надежду, если на каждом шагу возникает смертельная угроза, человека уже ничем не удивишь. События самые невероятные оставляют его невозмутимым и легко вписываются в область реальной жизни.

Робен так долго мечтал о свободе, так долго лелеял мысль о радости, которую принесет ему встреча с близкими, что даже не особенно удивился, когда это безмерное, неопи-суемое счастье оказалось реальностью. Его тайные мольбы осуществились, неизвестно как и почему, и поначалу он не испытывал потребности разгадывать эту загадку, настолько душа его была переполнена.

Дети уже спали, Анри и Эдмон блаженствовали на подвесной койке бони. За десять минут горячее солнце высушило эту рыболовецкую снасть... Мадам Робен, сидя возле мужа, держала на коленях уснувшего Шарля; Робен с нежностью смотрел на Эжена, которого сморил сон на руках у отца, но ребенок продолжал обнимать его за шею.

Муж рассказывал жене о побеге из колонии, и при всей своей смелости женщина содрогалась от одной мысли о перенесенных им лишениях и опасностях. В свою очередь она поделилась подробностями парижской жизни, рассказала о загадочном письме, о деликатных и вместе с тем настойчивых заботах о ней незнакомых и таинственных людей, описала путешествие в Голландию, плавание через Атлантику, прибытие в Суринам, почтительное внимание голландского капитана, так хорошо говорившего по-французски.

Шарль-старший был взволнован. Кто эти неведомые благодетели? Для чего им столько предосторожностей? Почему они так тщательно скрывали, словно нечто недостойное, свою благородную деятельность? Мадам Робен не могла дать никакого объяснения. При ней было письмо парижского поверенного, но его почерк ничего им не подсказал.

Инженер полагал, и, естественно, не без некоторых оснований, что вырвавшиеся на свободу заключенные посвя-тили свои силы и средства облегчению участи собратьев, еще томившихся на каторге. Скажем, депортированный А.

или Б. мог скрываться в Гааге, возможно, кто-то из них принял участие в судьбе Робена. Что касается голландского капитана, то его атлетическое сложение, его учтивость и доброта как будто бы указывают на каторжанина К., офицера французского флота, бежавшего из Франции после переворота. Было известно, что он поступил на службу в голландский торговый флот. Видимо, плавать ему пришлось у берегов Гвианы, и он воспользовался случаем оказать содействие политическому единомышленнику.

Это предположение казалось наиболее вероятным, супруги легко освоились с ним и от всей души благословляли творцов своего счастья, кто бы они ни были. Негромкая беседа лилась непрерывно, муж и жена забыли о времени. Дети спали, бони продолжал хлопотать возле коптилен, ломая ветки и подбрасывая их в огонь. Вскоре Ангоссо начал с тревогой поглядывать на темные своды листвы, озаряемые красноватыми отблесками огней.

Глухое рычание, за которым последовал громкий протяжный вздох, напугало негра, он замер на месте, пристально вглядываясь в темноту. В кустах, окаймлявших поляну, загорелись два ярких огонька.

Робен тихонько окликнул Ангоссо. Тот, не оборачиваясь, тоже очень тихо сказал, что в кустах тигр, которого привлек запах жареной рыбы. Животное, по-видимому, не собиралось нападать, однако соседство зверя обеспокоило парижанина. Он схватил ружье негра и готов был послать заряд свинца в непрошеного гостя.

— Муше, не надо ружья! — тихо сказал Ангоссо. — Выстрел разбудит детей. Я сам справлюсь с тигром.

У негра был с собой запас стручкового перца, знаменитого кайеннского перца, невероятно острого и жгучего. Маленькой щепотки достаточно, чтобы придать блюду истине огненный привкус, к которому привыкаешь не сразу.

Посмеиваясь над собственной выдумкой, чернокожий взял большую, почти уже готовую рыбку, сделал на ней несколько надрезов, затолкал туда с полдюжины стручков перца и швырнул «угощение» туда, где прятался зверь.

— На тебе, обжора, на! — смеясь приговаривал туземный кулинар.

Робен все порывался выстрелить, но его останавливала мысль: что, если он только ранит зверя? Разъяренное животное крайне опасно, оно может броситься на детей. Впрочем, едва нашпигованная перцем рыба шлепнулась на землю, как хищник ее схватил и убежал вместе с добычей.

Не прошло и четверти часа, как со стороны залива донеслись жалобные завывания. Бони корчился от смеха, а бургундец, не зная о приправе к угощению, терялся в догадках. Ангоссо объяснил ему, в чем дело.

— Тигр — обжора еще больший, чем индеец. Он проглотил рыбу с перцем, теперь у него печет желудок и его мучит жажда. Он выпил воды из залива.

— Значит, он теперь опьянеет, как рыбы?

— Нет, нику действует только на рыб. Но у людей и животных нику вызывает сильную боль в желудке. Слышите, как ему сейчас плохо!

И действительно, в голосе зверя звучали растерянность и боль. Долго он рычал и скулил... Потом, видимо отчаявшись погасить пожар в животе невкусной водой из ручья, умчался, громко треща ломаемыми ветвями.

ГЛАВА 7

Деньги и на экваторе деньги.— Все устраивается за двадцать франков.— «Клейменные деньги», «кругляши» и пятифранковики.— Смертельное великопение.— Порождение лихорадки и миазмов.— Прыжок игуаны.— Опасный маневр.— Первый лодочник мира.— Бурные пороги.— Заброшенная лесосека.— Изобилие после голодухи.— «Кокосовая бухта».— География робинзонов.— Пристанище у «Доброй Матушки».— Туземная архитектура.— Головоломка!— Сквозь леса.— Дом без мебели.— Круглая посуда.— Горшок из растения.— Никола изучает ботанику: «масляное дерево», «свечное дерево», «сырное дерево», «дерево-адвокат»...— Обмен подарками.— Прощание с бони.

Существование робинзонов было обеспечено на несколько дней, правда, только рыбными блюдами. «Будем поспотиться»,— пошутил Никола, проснувшись поутру. Изгнанники чувствовали себя в безопасности, но тем не менее они чуть не на заре принялись строить планы на будущее — чтобы не терять времени.

Нечего было и мечтать подняться по течению Марони, чтобы попасть в Верхнюю Гвиану. Не потому, что им следовало остерегаться негров или индейцев. Появление сразу нескольких европейцев не может остаться незамеченным, здесь это целое событие, о котором, конечно, станут говорить. Новость быстро долетит до каторжной колонии, и неосторожно избранный маршрут вполне может стоять

Робену свободы. Надо двигаться через лес. Речка текла на запад в нужном направлении,— значит, можно плыть по ней, используя все проходимые для лодки места. Привалы лучше устраивать возле источников, на открытых возвышенных местах, подальше от болот. Короче, только бы выбраться из тумана, как говорят моряки, а там и о дальнейшем можно подумать.

К сожалению, они вот-вот должны были расстаться со своим надежным помощником. Ангоссо выполнил все, о чем с ним договорились, и собирался возвращаться в деревню. Пирога принадлежала ему, и потому его отъезд означал для наших друзей почти катастрофу. Нужно было уговорить негра остаться — задача не из легких.

Что могли предложить в качестве вознаграждения наши робинзоны, которые сами-то ничего не имели? По сравнению с ними Ангоссо, выменявший на фактории Альбина вожаденные для него ножи, бусы, грошовые безделушки и хлопчатобумажные ткани, был настоящим богачом, капиталистом — и жаждал выставить свои сокровища перед соплеменниками.

Он отклонял мягко, но решительно все просьбы, и Робен уже смирился с тем, что ему не удастся упросить негра, как вдруг Никола совершенно случайно нашел выход из положения. Он не уловил ни слова из креольского наречия, однако понял по выражению лица патрона, что дела плохи.

— К чему эти долгие разговоры,— сказал он, обращаясь к бони.— Вы славный парень, я тоже, верно? А хорошие люди всегда могут между собой договориться.

Неподвижный, словно идол маниту * из черного дерева, Ангоссо слушал, не перебивая и, по-видимому, не понимая.

— В Париже в крайнем случае можно выдать вексель, найти денежного поручителя, но, я думаю, здесь такие бумаги не в ходу... Если вы согласны получить плату деньгами, я хорошо вам заплачу, да еще добавлю на чай.

— Деньги! — вмешался Робен.— У вас есть деньги?

— Клянусь Богом, есть! Завалялось в кармане несколько монет по сто су. Вот они, посмотрите,— он показал негру пятифранковую монету,— вам знакомы такие медальки, господин дикарь?

— О! — просиял Ангоссо, у которого глаза раскрылись шире некуда, ноздри раздулись, а нижняя губа отвисла.— Это кругляш!

* М а н и т у — верховное индейское божество.

— Ну он прекрасно знает наше серебро, этот наивный сын природы! Тогда все в порядке. Ангоссо называет кругляшом то, что наши уличные философы именуют «задними колесами»... Да, уважаемый лодочник, кругляш, два кругляша, три и даже четыре. Целое состояние в обмен на вашу яхту и ваши услуги... Ну что, по рукам?

— Муше,— вмешался Казимир,— муше, у вас клейменные деньги... Дайте бони две монеты, и хватит с него.

— Патрон, вы же знаете язык этих островитян, объясните мне, пожалуйста, что они разумеют под этими «кругляшами» и «клейменными деньгами»?

— Все очень просто. Денежная единица в Гвиане — десим *, но это не та монета в десять сантимов, которая имеет хождение в Европе, а старинный французский медный лиар **, ценность которого здесь произвольно определяется в два су. Вот их-то и называют клейменными деньгами. Их складывают в стопки по пятьдесят штук, как луидоры ***, такая стопка называется столбиком. Думаю, и это слово известно Ангоссо.

Бони быстро закивал головой:

— Да, да, знаю столбик! Дайте мне ваши кругляши, и я поеду с вами!

— Ну конечно же, любезный, я с радостью тебе их вручу. Только с одним условием. Две монеты — вот они, ты их получишь немедленно, а еще две — когда прибудем на место. Вот так я понимаю деловой уговор. Если согласен, то по рукам!

Робен растолковал негру предложение Никола. Бони хотел сразу завладеть всеми четырьмя кругляшами, но юноша был тверд.

— Мой милый, когда я нанимаю экипаж, то рассчитываюсь после поездки, а не до нее. Так что решай.

Чернокожий поторговался еще несколько минут, поспорил, но потом сдался.

Он с детским восторгом схватил две монеты, позвенел ими, покрутил, полюбовался и в конце концов упрятал в одном из тайников своих бездонных полотняных штанов-калимбе.

— Неглупо, приятель,— одобрил Никола.— Используй свои пляжные кальсоны в качестве портмоне ****.

* Д е с и м — 1/10 франка; франк в то время, о котором говорится в книге, равнялся 20 су; 100 су равно 5 франкам.

** Л и а р — старинная французская медная монета стоимостью в четверть су.

*** Л у и д о р — французская золотая монета.

**** П о р т м о н е — кошелек для мелких денег.

Но воздадим должное Ангоссо: взяв на себя обязательства, он тут же принялся их выполнять. Негр сноровисто завернул рыбу в широкие листья и уложил эти пакеты в средней части лодки, накрыл импровизированный камбуз * зелеными ветками, свернул свой гамак, взял весло и расположился на корме, предварительно ощупав заветный уголок штанов, хранивший его сокровище.

— Мы выезжаем? — спросил он.

— Выезжаем, — ответил Робен, усадив жену и детей как можно удобнее.

Имущество путешествующей компании было — увы! — весьма скудно, перечень того, чем они владели, краток. Друзья не обладали кораблем, как их собрат и предшественник, легендарный Робинзон. Пускай и выброшенный на берег, но корабль — это целый мир, заключающий в себе все необходимое для жизни, его полные трюмы — надежда потерпевших на спасение.

Насколько тяжелее положение тех, кому в подобных условиях не хватает самых простых вещей, кто оказывается еще беднее, чем люди доисторических эпох с их примитивными орудиями и вооружением. Восемь беглецов, но четверо из них — малые дети, пятая — женщина, шестой — калека, несчастный старый негр... Из предметов первой необходимости в двух небольших ящиках лежало немного носильных вещей и белья, два коротких широких ножа, топор и мотыга без ручки — напоминание о сгоревшей хижине, да еще двустволка, подарок голландского капитана. Боеприпасы — два килограмма пороха (примерно четыреста зарядов), немного дрови и пуль.

Им предстояло все изобретать, все делать своими руками. Робен был полон надежд. Никола, тот вообще ни в чем не сомневался. Но положение тем не менее было весьма непрочным, чтобы не сказать более.

Пирог легко скользила по тихой воде узкой реки, которая вилась меж высоких зеленых стен. Время от времени крупный зимородок **, величиной с голубя, взмывал в воздух с резким и прерывистым криком; гоняясь за насекомыми, жужжали пестрые колибри ***, сверкая на солнце яр-

* «И м п р о в и з и р о в а н н ы й к а м б у з» — устроенная на скорую руку кухня (камбузом называется кухня на корабле).

** З и м о р о д о к — птица семейства зимородков (более 80 видов), обитающая обычно у воды. Красиво и ярко окрашена.

*** К о л и б р и — быстролетные крошечные птички (вес от 1,6 до 20 г) с ярким блестящим оперением. Питаются нектаром цветов. В Америке их более 300 видов.

ким оперением, точно летающая россыпь драгоценных камней; с громким щебетанием порхали «крылатые чертики», болтливые и бесцеремонные, как сороки, но черные, словно дрозды. Яркий пучок многоцветных перьев тяжело пересекал свободное пространство над рекой, издавая оглушительные вопли: «Ара!.. Ара!.. Аррра!..» * Этот крик избавляет нас от необходимости называть птицу. Какой-то почтенный отшельник распевал на четыре ноты: до, ми, соль, до, повторяя их с безошибочной точностью, пересмешишь то и дело раздражался резким хохотом, макаки и сапажу ** гримасничали, балансируя на хвостах, а миллионы цикад *** , кузнечиков, сверчков изодрывались в музыкальных упражнениях, неумолимо растирая лапками жесткие надкрылья.

С обеих сторон глазам путников открывались чудеса тропической флоры **** . Сколько было цветов! Их многочисленные тычинки — бархатистые, шелковистые, изящные, воздушные — подымались пышными серебристыми или розовыми султанчиками.

Робен едва успевал сообщать детям названия растений, которые были ему знакомы; то и дело он наклонялся и срывал какой-нибудь причудливый цветок или ветку. Казимир и Ангоссо не прислушивались к его объяснениям. Согнувшись над веслами, они гребли изо всех сил, как будто стремились поскорее миновать все эти красоты, убежать от них как можно дальше. Ни просьбы, ни вопросы на них не действовали.

— Давай, давай,— подгонял Ангоссо, пыхтя, словно перегретый котел.

— Давай, давай,— поддакивал прокаженный.

— Но в чем дело? — не вытерпел инженер.— Разве нам грозит опасность? Что случилось? Говори же, мой старый дружище!

— Друг, мы заработаем лихорадку, если не убежим отсюда. Это место очень плохое. Все люди умирают здесь.

Робен вздрогнул. Он-то знал, что есть такие места, где болотные испарения исключительно вредны: достаточно провести там несколько часов, чтобы подхватить злокачественную

* А р а (арара) — крупные (длиной до 1 м), яркие американские попугаи.

** С а п а ж у — южноамериканская обезьяна рода капуцинов с длинным цепким хвостом.

*** Ц и к а д ы — насекомые отряда равнокрылых (свыше 17 тысяч видов), издают вечером и ночью громкий монотонный стрекот.

**** Ф л о р а — мир растений.

лихорадку. И сразу ощутил, что вдыхает гнилостный воздух и что ноздри щекочет вьедливый и тошнотворный запах разлагающихся растений. Незримые испарения илистых отложений плавали в густой атмосфере, которую никогда не разгонял свежий ветерок.

Болотный парник щедро питает растительный мир, но убивает людей.

Вполне справедливо и совершенно закономерно, замечает в своей книге «Птица» красноречивый Мишле *, что путешественник вступает в грозные тропические леса — при всем их внешнем великолепии — с большими сомнениями и опаской. Вечный сумрак царит под тройным зеленым сводом деревьев-великанов, переплетений лиан и густых зарослей травы и подлеска, достигающего тридцати футов высоты. А над этой глухой тьмой яркие цветы купаются в солнечных лучах...

Не уступайте, защищайтесь, не позволяйте чарам леса поработить вашу отяжелевшую голову. Держитесь на ногах! Стоит поддаться усталости, армия безжалостных анатомов завладеет вами, и миллионы крошечных ланцетов ** превратят вашу кожу в настоящее кружево.

Путешественники ускорили движение. Любой ценой они должны миновать болотистую зону до наступления ночи. Пристать к берегу и проложить дорогу напрямик, через заросли, нечего было и думать. С влажной и вязкой почвы поднимется к вечеру густой туман, не напрасно прозванный «саваном для европейцев».

Они удачно избежали встречи с людьми, а теперь должны вырваться из ловушки болот. Долгие и тревожные часы дороги меж двух млеющих в жаркой духоте зеленых стен, по реке, воды которой, казалось, вот-вот закипят, под небом, обесцвеченным лучами тропического солнца. Губы сохнут, в горле печет, легкие не в состоянии вдыхать раскаленный воздух; начинается одышка, в глазах темнеет, в ушах звенит. Несмотря на почти полную неподвижность, все тело покрыто потом, он струйками набегаёт со лба на глаза, попадает в рот, течет по рукам и ногам... одежда насквозь промокла, противно липнет к коже.

* Мишле Жюль (1798—1874) — французский историк; помимо трудов по истории Франции написал ряд книг о природе, в том числе и книгу «Птица» (1856 г.), на которую ссылается Буссенар и которая была переведена и издана в России в 1878 г.

** Ланцет — очень острый, длинный и узкий хирургический нож.

Самый закаленный человек бессилен перед этими испарениями собственного тела. Он чувствует, как тают его силы. Черты лица заостряются на глазах. Кожа становится мертвенно-бледной, уши желтеют, наступает анемия.

Наши робинзоны, и большие и маленькие, стойко переносили испытание. Об Ангоссо и Казимире нечего и говорить: обладая особым иммунитетом * черной расы, они словно не замечали жары, вели себя как две саламандры ** в человеческом обличье. А Робен при всей своей силе вынужден был отказаться от гребли. К счастью, неожиданный обильный дождь освежил атмосферу. Стало легче дышать.

Речка продолжала течь к западу. Местность менялась, появились новые породы кустарников и деревьев. На смену низким, топким берегам пришли глинистые и песчаниковые пологие откосы, полосы песка, в которые местами вклинивались скалы. Вода приобрела красноватый оттенок. В расселинах камней нашли приют высокие и крепкие побеги молочая с длинными четырехугольными стеблями, торчащие прямо из почвы пучки мясистых листьев агавы с желто-зелеными цветами. Громоздились один на другой овальные и плоские кактусы, покрытые мясистыми плодами. Несколько изумрудно-зеленых гигантских игуан, разинув пасти, неподвижно застыли на скалах и бесстрастно взирали на проплывающую лодку.

Ангоссо бросил весло и схватил свой лук. Пронзительный свист стрелы — и одна из ящериц упала и перевернулась на спину, пронзенная тройным наконечником. Неожиданный и меткий выстрел нарушил созерцательное оцепенение путников. Дети захлопали в ладоши, Никола крикнул: «Браво!» И добавил:

— Лихо он с этой ящерицей разделался! Какое уродливое животное!

— Уродливое, зато мясо у него превосходное, — заметил Робен.

— Папа, — спросил Анри, — а разве крокодилов едят?

— Это не крокодил, дитя мое. Это игуана, разновидность крупной ящерицы с очень вкусным мясом. Мы его попробуем сегодня вечером. Верно, Ангоссо?

— Да, муше, — откликнулся негр, легко выскакивая из лодки на скалу, — этого зверя хорошо изжарить!

* И м м у н и т е т — способность организма сопротивляться болезням.

** С а л а м а н д р а. — Речь идет скорее всего об одном из видов так называемых безлегочных саламандр, только саламандры этого семейства живут в Южной Америке.

— А можно нам разбить здесь лагерь, как ты думаешь?

— Муше, идите сюда, — не отвечая на вопрос, позвал бони.

Робен ступил в свою очередь на скалу и огляделся по сторонам. В этом месте река делала крутой поворот к северу. По прихоти течения поле обзора расширилось, и инженер со своего возвышения углядел на расстоянии нескольких лье голубоватый высокий холм. Напрягши слух, он уловил глухой шум падающей воды.

— Вот это удача! Там наверху нет болотных испарений, их уносит ветер... и поток огибает гору с двух сторон! Дети мои, мы спасены! Скоро конец нашим мучениям!

Река снова расширялась, образуя залив еще более просторный, чем в том месте, где они занимались рыбной ловлей. Длинная гряда скал пересекала русло наискосок. Волны разбивались об острые выступы, накатывались на камни, нагромождения которых, обрызганные пеной, покрытые мхом и водорослями, темнели там и сям.

Скальная гряда возвышалась почти сплошной стеной, не менее трех метров в ширину и высотой до четырех; лишь в одну узкую брешь с грозным ревом устремлялся водный поток. По обоим берегам реки тянулась, насколько хватал глаз, заболоченная саванна, бездонная илистая трясина, поросшая высоченными травами, — обитель водяных змей, кайманов и электрических угрей.

— Если бы нам удалось преодолеть этот крепостной вал, мы были бы в полной безопасности от непрошенных гостей, — произнес Робен, внимательно осмотрев местность. — Но сможем ли мы пройти?

— Мы пройдем очень хорошо, — уверенно заявил бони. — Ангоссо пройдет везде.

— Но как ты это сделаешь?

— Это моя забота, муше. Вы пройдете, и мадам пройдет, и тот белый муше — он указал на Никола, — и маленькие господа... Все пройдут. Можете не сомневаться...

Чтобы придать большую значительность своим действиям, Ангоссо потребовал полной тишины. Все умолкли. Приключение грозило гибелью, и взрослые участники путешествия понимали это. Даже среди обитателей Марони, наверное, один лишь этот негр и стчособен был завершить опасное дело с успехом. Лодку подвели как можно ближе к водопаду, затем Робен, Казимир и Никола уцепились за каменные выступы, удерживая пирогу у подножья каменной гряды.

Ангоссо, не говоря ни слова, обвязался своим гамаком вокруг бедер и стал медленно подниматься с ловкостью

и упорством, каким позавидовал бы цирковой гимнаст. Цепляясь руками и ногами за корни растений, за мелкие выступы, он добрался до скалистой вершины за четверть часа.

Не теряя ни секунды, даже не вытерев кровь, которая проступила из царапин и ссадин на теле, он развернул гамак, закрепил его оттяжки на каменном гребне и сбросил гамак вниз.

— Поднимайтесь вы,— сказал он Никола, указывая на тяжело свисающую с каменной стены крепкую ткань, сложенную вдвое наподобие пращи *.

— А! Значит, я первый должен испытать это устройство,— сказал юноша.— Идет! Раз... два... Легче!.. Спокойнее...

И, даже не окончив фразы, он — к величайшему изумлению негра — с ловкостью обезьяны в три приема оказался наверху и занял место возле бони.

— Вот мы какие! — гордо заявил Никола, выпячивая грудь.— С нашими трюками мы бы забрались и на башню Нотр-Дам... ** Теперь ваша очередь, патрон!

— Нет, не белый тигр... Поместите мадам в гамак... Вот так... Хорошо...

Мадам Робен осторожно подняли двое мужчин, объединивших свои усилия, и через полминуты она была уже на скалистом гребне. Затем поочередно поднимали каждого из детей. Робен не мог последовать за ними. С помощью Казимира он с трудом удерживал тяжело нагруженную лодку, которую течение готово было снести каждую минуту. Ангоссо спустился, занял свое место у носа пироги и попросил Робена присоединиться к семье, а затем поднять и старика.

Наконец они собрались все вместе на тесном пятачке, над бешено бурлящими водами, и с беспокойством ожидали, когда бони завершит свой опасный маневр. Негр, уцепившись одной рукой за лодку, другой — за корневище, боролся с течением.

— Бросьте мне веревки от гамака! — крикнул он.

Робен вытянул оттяжки из креплений, связал их узлом и бросил Ангоссо один конец веревки.

* П р а щ а — простое метательное орудие, ремень с расширенной средней частью, в которую закладывается камень, металлический шар и т.п.

** Н о т р - Д а м — знаменитый собор Парижской Богоматери в Париже на о. Сите посреди Сены.

— А ну-ка, Никола, берись и ты! Дело идет о нашей жизни! Хватай веревку! И держи крепко!

— Не бойтесь, патрон! Скорее мне выдернут руку, чем я выпущу ее из рук.

Ангоссо быстро прикрепил конец веревки к пироге и попытался ввести лодку в узкий проход. Двое белых, стоя на самом краю гряды, затаили дыхание, в то время как невозмутимый туземец погружал свой шест-такари в несущиеся к проходу струи. Одно неверное движение, секундное колебание — и все кончено. Натянутая, как струна, веревка подрагивала... Бони отлично чувствовал опасность, но пусть такари пронзит его грудь под напором волны, он все равно пройдет! Мужественный парень, собрав все силы в едином порыве, отклонился назад, потом бросился всем телом на деревянный шест, изогнувшийся, словно лук.

От внезапного толчка Робен и Никола едва не выпустили веревку из рук. Шест распрямился, но черный атлет уже не налегал на него! Освобожденная лодка, потеряв способность сопротивляться волне, полетела к проходу, на мгновение исчезла в пенном водовороте, чтобы вскоре появиться снова после того, как она буквально «протаранила» водопад! Спустя полминуты бравый Ангоссо причалил к нашим друзьям с противоположной стороны скалы, испустив долгий торжествующий крик.

Солнце клонилось к закату. Ночь решили провести на скалах. Выбрали участок попросторнее, перенесли на него из пироги навес и, уставшие до предела, быстро и крепко уснули, проглотив на ужин по куску копченой рыбы.

Наутро, едва заалела заря, взяли курс на далекую гору, замеченную Робеном накануне. Пересекли широкий водный разлив и значительно приблизились к цели.

Окружающая растительность снова менялась на глазах. На берегу маленькой бухты росли высокие кокосовые пальмы. Банановые деревья возносили к небу султаны своих длинных и широких листьев; кое-где видны были и деревья манго, не очень высокие, но толстоствольные.

Вскоре среди леса показалась треугольная прогалина; вершина треугольника упиралась в макушку холма, а основанием служил участок берега, возле которого плыла лодка. Расчищенный от деревьев склон зарос травой, местами ярко-зеленой, местами более темной, как листья маниоки.

— Бог ты мой,— заговорил Робен,— боюсь ошибиться... Но эти деревья встречаются только там, где их высаживает

человек, к тому же обилие сорняков на явно расчищенной почве и участок вырубленного леса свидетельствуют о... Как видно, этот уголок не всегда был пустынным. Казимир! Как ты думаешь, перед нами чей-то заброшенный участок?

— Да, друг, так и есть... Старый участок...

— Дорогая жена, дорогие дети, я не ошибся вчера, когда решил переходить водопад!.. В этой глуши в прежние времена жили люди... Думаю, они его покинули довольно давно. И эти люди знали толк в земледелии! Участок заброшен, но мы должны вновь его расчистить, чтобы извлечь богатства, которые он может дать.

Пирога уткнулась в песчаный берег, затененный кокосовыми пальмами. Почва была надежной и твердой.

Ангоссо вместе с Робеном и Никола немедленно принялись строить две хижины, одна из которых должна была служить временным пристанищем для семьи, а другая — продовольственным складом. Там сложили копченую рыбу. А затем состоялся совет о самых неотложных работах. Его открыл своим вопросом Анри.

— Папа, а что значит расчистить участок?

— С тех пор, как ты стал настоящим робинзоном, смелым покорителем лесов, ты, наверное, заметил, мой дорогой сын, что почти все большие и красивые деревья в девственном лесу не дают съедобных плодов и что под ними невозможно что-нибудь посадить или посеять.

— Да, папа, потому что эти растения никогда бы не увидели солнца.

— Совершенно верно. Что делает человек, который постоянно нуждается в пище? Он вооружается топором, валит деревья, одним словом, расчищает участок леса. Через три месяца срубленные деревья высыхают, их сжигают, и почва становится пригодной для посева. Понятно тебе?

— Понятно.

— Знаете, патрон,— включился в разговор Никола,— обработка земли на этом месте не кажется мне особенно трудной. Не требуется ни плуга, ни бороны, ни удобрений, ни даже мотыги... Был бы кусок дерева да дырка в земле, а все остальное довершат солнце и дожди...

— Вы забываете, что не так просто повалить деревья...

— Пхе! С хорошим топором это не труднее, чем играть в кегли...

— Через несколько дней вы запоете другую песню... И заметьте, что нам предстоит самая легкая работа — освободить от сорняков заброшенный участок, который

люди покинули лет десять назад. А вы знаете, мои дорогие, наша новая собственность расположена просто замечательно, и засажена очень разумно...— заявил Робен, окинув поляну быстрым взглядом.

— А тут есть хлебное дерево? — любопытствовал Никола, который, как мы помним, питал особое расположение к плодам, представляющим собой уже готовые блюда.

— Есть и хлебные деревья,— с улыбкой сказал Робен.— А еще, я уже приметил, здесь растут и сладкие гуайявы *, и виноград, и груши, яблоки, лимоны, есть и апельсины...

— Да это же рай! Настоящий земной рай! — с восторгом воскликнул молодой человек.

— Ты забыл о хлопчатнике.— Мадам Робен протянула мужу волокнистый комочек, снятый ею с куста, на котором рядом с бледно-желтыми цветами начали кое-где раскрываться созревшие коробочки хлопка.

— Хлопок! Дорогая моя, ты нашла настоящий клад! Теперь у нас будет одежда! Это отличный сорт хлопчатника, он созревает очень быстро и дает обильный сбор волокна. Ну, не будем терять времени, пока с нами Ангоссо... Мы с Казимиром отправимся обследовать участок. А вы, Никола, оставайтесь вместе с детьми и мадам Робен. Опасности вроде бы нет никакой, но все равно не покидайте их ни на минуту. Ружье с вами? А вы, мои милые, не разбегайтесь в разные стороны. Здесь скорее всего водятся змеи, а среди них могут быть очень ядовитые.

— Патрон, положитесь на меня! Я не покину пост до ваших новых распоряжений!

Трое мужчин вооружились большими ножами, а бони взял еще и топор. Робен поцеловал жену и детей, пожал руку Никола, затем все трое быстро углубились в заросли, расчищая себе дорогу с помощью ножей.

День завершился без происшествий, и солнце уже клонилось к закату, когда исследователи возвратились уставшие, исцарапанные, но довольные. Надо ли говорить, что робинзоны закатали целый пир с копченой рыбой, бананами, ямсом и бататом, принесенными из экспедиции. Никола наконец отведал испеченные на костре плоды хлебного дерева, однако был слегка разочарован: он ожидал большего. Не то чтобы совсем несъедобно, но не слишком вкусно...

— Ну хорошо,— сказал Робен, когда все уголили

* Гуайява — южноамериканское дерево семейства миртовых с ароматными и сочными кисло-сладкими плодами.

первый голод,— а как вели себя наши маленькие робинзоны?

— Наши робинзоны вели себя примерно,— отвечала мать.— Они учились! Да, мой друг, учились! Они не хотят быть невеждами, маленькими белыми дикарями.

— И что же они делали?

— Они «делали» географию.

— Занимались географией, ты хочешь сказать.

— Нет, мой друг, я настаиваю на своем выражении. «Делали» географию. Самому старшему — первая честь... Анри принадлежит главная мысль, ему и слово первому. Анри, как называется бухта, где мы высаживались, когда прошли через водопад Гермина?

— Она называется бухта Нику, в память о нашей рыбной ловле.

— Эдмон, а какое имя ты дал озеру?

— Озеро Балата, в честь вкусного молока, которое мы там пили.

— А я тоже придумал...— с живостью вмешался в разговор маленький Эжен,— я придумал, как назвать эти ужасные скалы... «Прыжок игуаны», вот как!

— Прекрасная выдумка, дитя мое! — с серьезным видом поддержал его отец.

— Что касается места, где мы сейчас находимся, то мы все вместе решили назвать его Кокосовой бухтой,— продолжала мадам Робен.— Вот видишь, дорогой мой, мы не бездельничали, а потрудились над географической картой, у которой два преимущества: она проста и закрепляет наши воспоминания.

— Но это очень славно, прекрасная мысль,— улыбнулся отец.— А ты, Шарль, придумал что-нибудь?

— Еще не придумал... когда я вырасту большой, вот увидишь, что я сделаю.— И ребенок приподнялся на цыпочки, чтобы показать, как он вырастет.

— Мы отчитались перед тобой. Ну, а вы, что вы там нашли? Довольны? Судя по ссадинам и царапинам, пришлось брать заросли приступом?

— Да, битва была нешуточная, но успех полный! Тем не менее мы решили пока удержаться от восторгов, и потому не расспрашивай меня больше ни о чем!

— Значит, ты готовишь какой-то сюрприз!

— Пожалуй. И всю радость от него я хотел бы оставить «на потом».

Ждать пришлось недолго. Бургундец и его спутники

отлучались еще дважды, примерно на одинаковый срок, а вечером третьего дня обитатели Кокосовой бухты услышали решение:

— Отправляемся завтра утром.

Расстояние оказалось незначительным, но дорога!.. Кое-как прорубленная среди непроходимой чащи, где перепуталось и сплелось множество растений, она таила множество ловушек для зазевавшегося путника: острые остатки срезанных на высоте колена стеблей, крепкие петли из оборванных корней, так называемые «собачьи уши». Этот головоломный путь словно нарочно был подготовлен для падений на каждом шагу. Забудешь о том, что всякий раз надо с осторожностью поднимать ногу, — и она тут же попадает в петлю, а ты летишь наземь, расшибаясь тем сильнее, чем быстрее шел.

А змей? Из предосторожности процессию возглавил Казимир, нанося удары большой палкой по зарослям то справа, то слева. Никола нес Шарля на руках. За ними следовала мадам Робен, опираясь на палку, за нею Робен, удерживая на плечах Эжена и Эдмона, за отцом поспевал Анри. Вооруженный ружьем Ангоссо замыкал шествие.

Тропинка, проложенная по прямой линии, поднималась по холму метров на триста. И хотя склон был пологий, преодолевали его с трудом. Но никто не роптал, и даже у детей не вырвалось ни единой жалобы.

Наконец, через два часа изнурительной борьбы за каждый шаг, маленький отряд выбрался на просторную поляну, расположенную на полпути до вершины холма. То была широкая терраса, открытая солнцу, в центре ее возвышалась внушительных размеров хижина. Так вот какой сюрприз готовил им Робен! Дети, позабыв об усталости, с ликующими криками устремились к дому.

— Ну вот, моя милая и доблестная жена, — с глубоким волнением проговорил Шарль-старший, и голос его заметно дрожал, — я тоже немного занимался географией в твоё отсутствие... Этому обиталищу я дал имя «Добрая Матушка»... Ну как, нравится тебе название?

— О, мой друг, я счастлива, я так благодарна тебе!

— Ну что ж! Пожалуйста в гости к «Доброй Матушке»!

Трое мужчин совершили чудо за считанные дни. Правда, бони оказался знатоком колониальной архитектуры, а пальцы прокаженного еще сохранили свою ловкость. Да и самого Робена каторжные работы волей-неволей превратили из инженера в отличного плотника. Так что хижина,

при сооружении которой не загнали ни одного гвоздя или винта, являла собой настоящий сказочный домик. Пятнадцать метров длины, пять ширины и три с половиной высоты. Объем немалый. Легкие стены, сплетенные из ветвей, пропускали воздух, но служили надежной преградой дождю. Строители проделали четыре окна и дверь.

Даже ураган был не страшен этой постройке, потому что для четырех столбов, образующих основу всей конструкции, были использованы срубленные до уровня крыши живые деревья с мощной корневой системой. Стволы соединили четырьмя балками, скрепив их между собой при помощи лиан, более прочных и надежных, чем металлическая проволока.

На этот прямоугольник настелили крышу из листьев капустной пальмы — *ваи*, для стропил использовали так называемое *пушечное дерево*, чрезвычайно легкое. У капустной пальмы главная жилка листа достигает в длину четырех метров, ширина листа — до полуметра и более. Чтобы сделать из них крышу, листья разглаживают, укладывая лицевой стороной один на другой, и связывают основания. Получается плоскость размером примерно четыре метра на пятьдесят сантиметров. Одну за другой заготовки размещают на стропилах так же, как черепицу в Европе, и скрепляют прочным растительным волокном. Такая крыша непромокаема и служит не менее пятнадцати лет. Она не поддается ни ветру, ни солнцу, ни дождю. Листья на первых порах зеленые, со временем приобретают красивый темно-желтый цвет.

С каждой стороны дома стропила выступали над стеной на два метра, образуя крытую галерею. Хижина была разделена на три части: спальню для матери и детей, столовую, где подвесили койки для Робена и Никола, и кладовую, доверенную попечениям Казимира.

Чтобы обезопасить себя от обитавших в траве и под корнями насекомых и прочих малоприятных гостей, землю прокалили при помощи костров. Подходы к дому расчистили, обеспечив доступ воздуху и свету. Оставили только два красивых манговых дерева и два хлебных, чтобы их тень осеняла дом.

Робен с гордостью показывал жилище будущим обитателям. Дети и мать сияли радостью. Что касается Никола, то он был не просто рад, но и к тому же изрядно удивлен.

— Патрон, да ведь мы будем здесь жить как настоящие послы!

— Умерьте ваш восторг, милый мой! У послов есть

кровати, столы, другая мебель, кухонная утварь, посуда, а у нас ни тарелки, ни бутылки.

— Это верно...— слегка поостыл молодой человек.— Нам придется спать на земле, есть пальцами, а пить из листьев, свернутых в рожок. Да, не слишком удобно... Я предпочел бы хоть немного посуды...

— Она будет у нас, Никола, успокойтесь! Скажу вам сразу: в лесу есть деревья, на которых растут великолепные кухонные наборы!

— Кому-нибудь другому я бы ответил: шутить изволите! Но если это утверждаете вы... Я уже много чего повидал.

— И увидите еще больше! Что касается вашего желания иметь посуду, его легко удовлетворить. Это не столовое серебро, но за неимением лучшего можно удовольствоваться и тем, что есть под рукой. Видите дерево с большими зелеными плодами, похожими на тыквы?

— Я сразу его заприметил, да еще подумал: если бы крестьянину из басни упала на нос такая шишечка, ему бы не поздоровилось!

— Ну вот, это наши тарелки и наши блюда.

— Точно, как я сразу не догадался. Если не ошибаюсь, такие сосуды называют здесь «куи».

— Верно! Давайте займемся их изготовлением.

— Думаю, это несложно.

— Попробуйте! Уверю вас, ничего не получится с первого раза, если вы не владеете секретом производства.

— А вот увидите!

Самоуверенный юноша, не теряя времени, приподнялся на цыпочках и ухватил обеими руками большой, величиной с голову, плод, висевший на тонком стебле, который, казалось, вот-вот оборвется под тяжестью груза. Никола уселся, положил перед собой сорванный плод, взял нож и попытался надрезать гладкую и блестящую корку. Безуспешно! Нож скользил, выделявая зигзаги, а корка не поддавалась. Тогда новоявленный мастер решил вонзить нож с маху.

Крак!.. «Тыква» раскололась на несколько бесформенных кусков. Все расхохотались. Вторая попытка также закончилась неудачей, и с третьей «тыквой» дела шли к тому же, когда вмешалась мадам Робен.

— Послушайте, Никола,— сказала она.— Я припоминаю, что читала когда-то, как ловко дикари разделяли тыквы на две равные половинки. Они крепко перетягивали их веревкой. Что, если вы попробуете взять вместо веревки лиану?

— Спасибо за совет, мадам! Но я так неловок, что не решаюсь продолжать это занятие...

— Давайте-ка я дерзну,— вмешался Робен. Пока юный парижский механик выписывал ножом бесполезные вензеля на тыквах, бургундец уже подготовил «рабочее место» для хорошо известной ему операции.

Под сильным давлением лиана оставила тонкую бороздку на корпусе плода, и легким движением ножа по этой черте инженер разнял тыквы на две равные полусферы, в которых не оказалось ни единой трещинки.

— Как видите, совсем просто!

— Какой же я осел,— признался сконфуженный юноша.— Как говорится, хотел разрезать стекло без алмаза!

— Вот именно! Теперь остается переполовинить дюжину тыкв, а затем выскрести мякоть.

— Потом высушим их на солнце...

— ...И они все полопаются, если не принять мер предосторожности и предварительно не заполнить их сухим песком. Таким же точно образом можно разжиться и дюжиной ложек. Ну, а с вилами дело посложнее... Решим эту проблему попозже.

— Ей-богу, патрон, уверяю вас, я никогда и думать не посмел бы о таких быстрых переменах! Всего несколько дней назад мы были совсем нищими, лишенными всего на свете! Это какое-то чудо! Меня особенно поражает, что все необходимые для жизни предметы здесь находятся на деревьях... Подходи и срывай!

— Если бы так! Если бы такие деревья росли группами, встречались бы в лесах в первозданном состоянии, то американские тропики и в самом деле были бы, как вы изволили выразиться, неземным раем... Увы! Это вовсе не так. Кто знает, скольких трудов стоил этот участок, который подарила нам судьба... Представьте только многолетние упорные поиски и старания колонистов, чтобы собрать на этом пятачке полезные растения и местного происхождения, и привезенные сюда уже после открытия Нового Света... Жестокая судьба вдруг смилостивилась и преподнесла нам подарок, словно пожалела брошенных детей... Что бы мы стали делать в этой безграничной пустыне с бесплодными деревьями, без убежища, без пищи, почти без инструментов?... Дичи здесь мало, к тому же охота требует оружия, специального снаряжения. Рыбная ловля?... Мы познакомились с ником только на днях... Земля! Вот единственный источник наших ресурсов. Мы найдем здоровую и обильную пищу на деревьях и в земле.

— Да, деревья... — в задумчивости произнес Никола. — На них все можно найти, если выпадет удача.

— Я уже сказал, что вы еще многое увидите, в том числе и много деревьев, о которых вы даже не слышали прежде. Погодите, пока мы хоть чуть-чуть обживемся на новом месте. Всего за несколько часов я нашел бесценные сокровища... На вершине холма растут кофейные деревья * и какао **. Это очень важное открытие. А что вы скажете о *масляном дереве*? О *свечном*? О *мыльном*?..

Молодой человек, который так жаждал познакомиться с необычными растениями, испытывал полнейшее потрясение.

— И это далеко не все... Не хочу сразу перегружать вашу память... Но дерево-адвокат *** стоит вашего внимания.

— Дерево, на котором растут *адвокаты*!..

— Вот-вот, адвокаты...

— И их можно есть?..

— Можно.

— Ах!.. — Юноша только руками развел.

— Продолжим, если хотите, и познакомимся с *каучуковым* деревом, *касторовым* ****, *сырным*...

— Месье Робен, я уважаю вас как человека серьезного, пожалуйста, не смейтесь надо мной! Признайтесь, что вы шутите. Могу ли я представить дерево, на котором растет рокфор или камамбер...

— Нет, не можете. Сыр на сырном дереве не растет.

— Зачем тогда давать ему название, от которого у меня слюнки текут?..

— Плоды дерева *bombax* — это его научное название — белые, мягкие, пористые и внешне очень похожи на сыр. Но они несъедобны. Однако на этом дереве есть длинные иглы, твердые, как железо, мы используем их вместо гвоздей. Тонкий пушок, который окружает семена

* Кофейное дерево — вечнозеленое дерево семейства миртовых, родом из Африки, в Южную Америку завезено в 1723 г.

** Какао (шоколадное дерево) — южноамериканское дерево рода теоброма.

*** Играслов: французское слово *avocat* обозначает и адвоката (защитника в суде), и название плода дерева авокадо.

**** Касторовое дерево — клещевина, древовидное многолетнее растение семейства молочайных; из семян добывают касторовое масло, используемое в технике и медицине. Какие деревья имеет в виду Буссенар под названиями «масляное», «свечное», «мыльное», «сырное», установить практически невозможно.

плода, годится, чтобы приготовить трут. Ну хватит! Вы довольны первым уроком экваториальной ботаники?

— Не то слово! Я восхищен, очарован. С того момента, как природа выполняет так хорошо свою роль матери-кормилицы, мне остается только подбирать ее плоды...

— Скажите: нам, дружище...

— Ну, это чистая формальность, патрон. Видите ли, я рассчитываю работать за четверых, полностью использовать свое время, навести здесь порядок, изготовить инструменты, вырастить урожай, вообще превратиться в настоящего робинзона, а не такого, как в книжках...

— Не сомневаюсь в вашей доброй воле, мой друг! Мне хорошо известно ваше мужество. С завтрашнего дня нам предстоит нелегкая работа. Мальчики, конечно, будут помогать, но дети есть дети, силенок у них не так много. Нам нужно позаботиться о благополучии всей семьи. Мой старый друг Казимир, деятельный по натуре, сильно ослабел из-за возраста и болезни. Так что на нас с вами ляжет главная забота о пропитании. Ведь Ангоссо скоро нас покинет...

— Да, жаль... Он хороший дикарь. Это слово, как я его понимаю, не заключает ничего оскорбительного, а только означает, что чужак никогда в жизни не видел Июльской колонны *. Я даже привязался к нему. Он, как говорится, вошел в наш круг. В прежние времена негры плохо действовали на меня, но теперь я вижу, что и среди них попадаются хорошие люди. Кстати, вы напомнили мне о долге, который надо ему отдать... Эй! Ангоссо!

— Что нужно, муше? — откликнулся негр.

— Муше, муше... Я хочу отдать тебе две монеты по сто су, твои клейменные су, твои кругляши, вот что!

— А! Хорошо, спасибо! Ангоссо доволен.

— Я тоже доволен. Мы все очень довольны тобой. Вот тебе деньги, дружище, — завершил свою речь Никола, вручая бони два пятифранковика.

Зажав монеты в кулаке, негр застыл с разинутым ртом перед юношей. Его большие блестящие глаза с жадным вниманием уставились на серебряную цепочку с кулоном из зеленого нефрита, на которой висели часы Никола.

— О-о-о!.. — пробормотал он. — Как красиво!

— Двадцать три франка тридцать сантимов, купил на пряничной ярмарке. Почти даром.

* Июльская колонна — бронзовая колонна в Париже, воздвигнутая Людовиком-Филиппом в память о героях революции 1830 г. во Франции.

— Очень красиво!

— Пхе! Маленькая парижская безделушка. Если она вам так приглянулась, сударь, то вы получите ее в свое полное распоряжение. Вы проявили себя геройски в нашем походе, и будет справедливо доставить вам это скромное удовольствие. Вот вам, уважаемый лодочник, берите! — И с этими словами Никола, отцепив часы, протянул негру цепочку.

Ангоссо побледнел от счастья и взял подарок кончиками пальцев, с бояливой и недоверчивой радостью.

— Эта вещь для меня? — спросил он, не веря своим ушам.

— Эта вещь для тебя. — Никола повторил креольское выражение, весьма довольный тем, что может отпустить словечко на местном наречии.

Бони оцепенел на месте, подавленный неожиданным-негаданным счастьем. Затем, не говоря ни слова, ринулся к своей пироге, где лежала свернутой его подвесная койка, одно из тех чудесных тканых изделий, на какие большие мастерицы женщины его родины. Негр принес гамак и развернул его со словами:

— Вы друг Ангоссо. Ангоссо очень доволен. Он дает свой гамак для детей. Он также дарит свой нож белому другу.

— Нет, нет, не стоит! Я сделал вам подарок не из корыстных побуждений!

— Примите его дар, дорогой Никола, — вмешался Робен. — Вы его обидите, отказываясь от подарка. А теперь, мой храбрый Ангоссо, в путь, возвращаясь к своей семье. Если ты окажешься в нужде, если у вас начнется голод, приходи сюда вместе со своими близкими, мы с радостью примем вас. Постройшь хижину неподалеку, и будем делить все тяготы жизни, будем работать сообща.

— Конечно, муше! Ангоссо придет к Белому Тигру, если не достанет маниоки и рыбы!

Затем бони попрощался со всеми робинзонами по обычаю гвианских негров, то есть по отдельности с каждым:

— До свиданья, Белый Тигр, до свиданья, мадам, до свиданья, муше Никола, до свиданья, маленькие господа, — четыре раза повторил он, — до свиданья, Казимир! Я уезжаю!

Пожимая ему руку в последний раз, бургундец напомнил:

— Смотри же, никогда и никому не говори, что здесь

живут белые. И помни, что мы всегда рады видеть тебя и твоих родных.

— Да, муше, Ангоссо — друг семье Белого Тигра, Ангоссо будет нем как рыба.

ГЛАВА 8

Забота о пропитании.— Первые труды.— Нужна «пластина».— Опыт с керамикой.— «Пушечное дерево».— Ленивец.— Отчаянный соня.— Основание «зоопарка».— Тревожные опасения.— Мой дом — моя крепость.— Казимир — «начальник штаба».— Авангардная застава.— Муравьи-путешественники.— Завтрак муравьеда.— Битва ягуара с муравьем.— ...И битва кончилась, бойцов лишь не хватает.— Сирота.— Еще сирота.— Усыновление.— Новые поселенцы колонии.— Месье Мишо и его подруга Кэт.

Жизнь робинзонов в Гвиане была прежде всего материальной, если позволено так определить условия, при которых все умственные способности направлены на выживание.

Эта проблема решается порою с трудом даже в условиях современного цивилизованного общества. Но, в общем, вознаграждение за труд, за приложенные к определенному делу человеческие силы позволяет так или иначе удовлетворить многообразные потребности. Заработка мужчины должно ему в принципе хватать, чтобы обеспечить семью всем необходимым. Глава семьи, добывая хлеб насущный для жены и детей, может не шить для них одежду своими руками, не тащить обувь, не строить дома и так далее.

Совсем иные проблемы у наших изгнанников. Им недостает решительно всего, даже предметов первой необходимости. Они вынуждены создавать из подручных средств нужные для жизни вещи. Шляпа, иголка, пуговица, листок бумаги, нож — в культурной стране все это можно легко найти и недорого купить. Но человек, изолированный от общества, затерянный в необжитых пространствах, сталкивается на каждом шагу с почти непреодолимыми трудностями из-за отсутствия суших, казалось бы, мелочей.

Робен отнюдь не впадал в отчаяние. У него был надежный помощник Никола, умелый и старательный. Что же касается прокаженного, то благодаря многолетнему опыту лесного бытия он был, к счастью, прилежным учеником.

После отъезда Ангоссо трое мужчин немедленно приступили к работе.

В тропиках участок, заброшенный на несколько лет, очень быстро зарастает и дичает. Особенно активны растения-паразиты, оплетающие своими цепкими и крепкими побегами любое дерево. Чтобы успешно бороться с засилием растительных «дикарей», необходимо действовать последовательно, надо рубить, обрезать, расчищать, вырывать, отбрасывать не только некультивированную поросль, но и среди полезных пород оставлять только самые здоровые экземпляры, жертвуя их более хилыми собратьями, иначе урожая не дождешься.

Собственно говоря, это повторное корчевание. Легче приходится тому, кто расчищает площадку в девственном лесу, ему нужно не столько терпение, сколько ловкость.

Двое белых и негр начали с очистки территории от кустарника.

Маленькая колония не могла бесконечно питаться копченой рыбой, жареными бананами и плодами хлебного дерева. Постоянное употребление бананов приводит к расстройству пищеварения и, следовательно, к быстрой потере сил. Единственным продуктом, способным заменить пшеничный хлеб, является маниока.

К счастью, Казимир нашел на склоне холма довольно большую плантацию этого растения. Сорняки «похозяичили» здесь гораздо меньше, нежели в других местах. Надо было выкорчевать «деревья-пушки», гладкие, белые стволы которых, пористые, с мягкой сердцевинкой (отсюда просторечное название этих растений), тут и там торчали на темно-зеленом ковре маниоки.

За несколько часов собрали приличный урожай. На скорую руку соорудили терку, перетерли клубни, запустили в дело знакомого нам ужа, но прокалить полученную массу было не на чем — не хватало железного листа, каким пользовались для этой цели Робен и Казимир, когда готовились к отъезду.

Старик не отличался находчивостью и не знал, как заменить металлическую пластину, с помощью которой он готовил куак или кассаву. Никола твердил, что готов пожертвовать одним глазом, только бы заполучить печку... Парижанин пребывал в задумчивости.

Заостренной палочкой он машинально ворошил дрова в очаге, на котором готовился ужин, когда вдруг заметил среди углей твердый красновато-коричневый предмет.

— Что это такое? — удивился он. — Откуда оно взялось?

Подошла мадам Робен. Дети окружили очаг. Шарль-старший извлек из огня грубоватую глиняную фигурку, сотворенную, быть может, рукой вдохновенного художника, к сожалению, не знакомого с правилами лепки.

— Папа, — признался Эжен, — это я слепил человечка и положил в костер, чтобы он хорошо высох. Мы с Шарлем будем в него играть.

— А где ты нашел такую землю, мой юный ваятель?

— Ну здесь, в доме... Я наковырял палкой, потом намочил землю и слепил человечка. Вот где, смотри.

Инженер посмотрел, потом поддел кусок земли кончиком ножа... Так и есть — глина, жирная и мягкая, красноватого оттенка.

— Ну, дети, — сказал он весело, — завтра в полдень каждый из вас получит отличную лепешку!

— А как ты ее сделаешь? — спросил Эжен. — Мой человечек тебе поможет?

— Нет, сынок, но благодаря ему наше меню заметно улучшится. Гляди сюда.

Бургундец принялся копать поглубже, выбирая глину без примеси. Когда набралась изрядная кучка, Робен размял глину, как тесто, слегка намочил и начал перетирать комочки. Затем раскатал глину в форме большого диска и разгладил его смоченной ладонью.

— Теперь подбросим в огонь дровишек и получше нагреем эту штуку. Я предпочел бы высушить мою пластину на солнышке, но если она расколется на огне, то завтра с утра повторим всю эту операцию.

— Я догадался, патрон! Я догадался! — крикнул Никола, подтаскивая большие охапки хвороста и дров. — Вы изготовили пластину из земли, верно?

— Именно так, и мои скромные инструменты вполне справились с задачей. Меня удивляет, что негры и индейцы не додумались до такого простого способа, чтобы заменить металлические пластины, которые так трудно доставать.

Казимир таращился на это чудо своим единственным глазом, бормоча:

— О! Эти белые — настоящие черти... Найдут чем заткнуть любую дырку...

Двенадцать часов пластину прокаливали на огне, постепенно усиливая жар: она лишь чуть потрескалась в нескольких местах, поверхность была гладкая, как вода в безветрен-

ный день. Пластина стала твердой, плотной, словом, вполне надежной, и вот уже на ней дымится горячая и душистая лепешка...

Эту первую победу над горькой нуждой колонисты восприняли с вполне понятной бурной радостью.

Вскоре из той же глины изготовили несколько горшков, потом кирпичи, сложили печь...

Двигалось дело и с расчисткой территории. Подступы к дому выглядели уже вполне пристойно. Поговаривали о том, чтобы собрать немного какао и кофе. Решили даже огородить небольшой участок, примыкающий к дому, где можно было бы держать птиц и четвероногих, поддающихся одомашниванию. Казимир охотно брал на себя заботы о них.

Но первый обитатель будущего птичьего двора появился раньше, чем успели соорудить ограду. Никто и не подозревал о существовании такого странного животного, практически бесполезного, однако настолько забавного по внешнему виду и повадкам, что дети громкими и восторженными криками принудили взрослых дать пришельцу все права гражданства.

Героем этой истории стал Никола. Юноша отправился поутру на плантацию маниоки. Робен, оставшись в хижине, плел корзину из волокон арумы.

Молодой человек по дороге на плантацию приглядывался по своей всегдашней привычке ко всему, что мог заметить на земле или на деревьях. На верхушке одного «пушечного дерева» он обнаружил неподвижную серую массу. Что это? Или кто? Подойдя поближе, наш изыскатель увидел зверька, который крепко обнимал ветку всеми четырьмя лапами и, казалось, спал. Юноша слегка раскачал нетолстый гибкий ствол. Животное даже не шевельнулось. Он потряс дерево сильнее, затем заставил его макушку описывать широкие круги, но отчаянный соня будто и вовсе не замечал человека.

— Вот так штука, никогда не видал такого зверя! Как неживой, соломенное чучело, а не зверь!

Несколько ударов ножом — и пушечное дерево рухнуло. Однако и при этом загадочный четвероногий не выпустил ветку из своих объятий! Одним прыжком ловец очутился возле него, готовый оглушить зверя или отрезать ему путь к отступлению. Напрасная забота. Бедное животное при появлении человека лишь запищало жалобно: «А-и-и... А-и-и...» — и вцепилось в дерево еще отчаяннее.

Охотник обрубил ветку у основания, впрягся в нее и не мешкая направился к дому. По дороге зверек продолжал попискивать, однако бежать явно не собирался. Заметив издалека своих маленьких друзей, Никола крикнул:

— Анри! Эдмон! Эжен! Бегите сюда! Поглядите, какого чудного пискуна я нашел!

Взрывы смеха и радостные вопли ознаменовали прибытие «транспорта». Робен оторвался на несколько минут от работы и подошел вместе с Казимиром.

— Что это за диво вы приволокли, милый Никола?

— Это «ленивый баран»,— сказал негр.

— А ведь, верно, это знаменитый ленивец *, который питается листьями и побегами пушечного дерева. Он целый день взбирается на него и остается там до тех пор, пока не объест всю зелень.

— Так, так, муше!

— Ага! — изрек молодой человек, гордый своей добычей.— Значит, этот чужак называется ленивцем! Ну, он честно заслужил свое прозвание! Вот уж кто не любит перемен...

— Папа! — хором закричали дети.— Расскажи нам про ленивца!

— Это странное животное принадлежит к роду тихоходок, семейству беззубых...— начал Робен.

Никола вставил словечко:

— А вы знаете, патрон, натуралисты попали в самую точку, когда сочинили такое имя для этого лентяя!

— Ну, вот... Семейство включает два вида: ай и уно. У последнего всего по два когтя на каждой лапе — или руке, как хотите,— и совсем нет хвоста, даже намек на хвост.

— Тогда наш зверек — это ай, потому что у него по три коготка и еще есть хвостик, правда, совсем маленький.

— Вы совершенно правы, друг мой. Он отличается от уно меньшим ростом. Ай не больше семидесяти сантиметров, а уно — около метра... Другой отличительный признак — вот это черное пятно, похожее на восклицательный знак и окаймленное желтым, оно расположено, как видите, между плечами и образует как бы впадину в длинной шерсти, сухой и грубой. Можешь попробовать рукой:

* Ленивец — южноамериканское животное отряда неполнозубых; всю жизнь проводит в подвешенном состоянии, уцепившись за ветку крепкими и длинными изогнутыми когтями. Описываемый Буссенаром ленивец ай (а-и) относится к трехпалым, название получил за свой крик.

шерсть в этом пятнышке нежная, шелковистая и очень густая.

— А он меня не укусит?..

— Он-то... бедный зверек, это самое безобидное в мире существо! А потом, пока он соберется с духом совершить самое малое движение, ты успеешь отбежать очень далеко...

Осмелевший ленивец, чувствуя, что его больше не трясут на ветке столь неприятным образом, начал понемногу шевелиться. Он покинул свою позицию и медленно перевернулся на спину. В этом положении зверек очень напоминал черепаху, только без панциря. Неторопливая озабоченность проглядывала в том, как ленивец сводил и разводил в воздухе две пары своих лап в поисках опоры. Передние ноги его намного длиннее задних, на каждой по три больших когтя, желтоватых, изогнутых, каждый длиной сантиметров пяти.

Но что за голова! Какая маска блаженной неподвижности в застывшем оскале зубов! Не голова, а скорее груша без подбородка и лба, мордочка сильно приплюснута. Глаза-бусинки испуганно таращатся из желтоватой короткой шерсти. Ушных раковин нет и следа. Губы черные, тонкие, дыхание с присвистом вырывается сквозь темные зубы.

Никола перевернул зверька и поставил на четыре лапы. Ленивец распластался на брюхе, разбросав лапы в стороны: они не в состоянии выдержать его вес. Он начал, медленно подтягиваясь, перемещаться ползком. Совершив путешествие длиной в один метр, бедняга добрался до порога хижинки. Осторожно уцепился одним когтем за столб и подтянулся ровно на два сантиметра. Затем наступил черед другой лапы, которую трусишка поднял долгим и неуверенным движением, зацепившись чуть выше первой.

Дети нетерпеливо переминались на месте, наблюдая за неповоротливым существом. За четверть часа зверек взобрался на высоту полутора метров.

— Ленивец, поднимайся! Ползи, ленивец! Аи! Аи! — возбужденно кричали ребяташки.

— Надо отдать ему должное,— продолжал свою лекцию отец,— когда он прицепится за что-нибудь, его никакими силами не оторвешь. Никола, попробуйте-ка разлучить аи со столбом.

Юноша обеими руками обхватил зверька за плечи и сильно потянул, но тот даже не шелохнулся. Всей массой тела повис на столбе. Тихоход, казалось, слился с брусом в единое целое, он обнимал его с отчаянной энергией утопающего.

— Какая хватка! Дети мои, поглядите, какая хватка! И это еще не все. Инстинкт самосохранения развит у него настолько, что заменяет ленивцу ум. Для своего жилья он выбирает деревья, растущие наклонно над рекой. В случае опасности плюхается в воду, быстро плавает, и обычно ему удается спастись.

— А мы можем оставить его у себя и приручить? — попросил отца Эжен.

— Конечно, мой мальчик! Он привыкает к людям. Если будешь угощать его каждый день свежими побегами пушечного дерева, аи скоро станет тебя узнавать. Кормить его нетрудно, умеренность в еде у этого зверька вполне соответствует его медлительности. Несколько веточек в сутки — и больше ничего не надо.

— Это мой ленивец, папа, это мой! Я буду с ним играть!

— Он будет твоим, если Никола откажется от своих прав.

— Вы шутите, месье Робен! Я счастлив доставить удовольствие Эжену!

— Я хочу его угостить. — Ребенок сорвал листок с ветки, которая служила ему лошадкой. — Держи, аи! На! Ну бери же!

Но ленивец, уставший от треволнений и чрезмерной активности, крепко спал, повиснув на опорном столбе галереи.

Благодаря энергии больших и маленьких обитателей колонии жизнь ее как будто налаживалась. На первых порах было тяжело. Глава семьи и его мужественная подруга не могли вспоминать без содрогания ужасные обстоятельства их встречи. А теперь если полное изобилие еще и не наступило, то самые неотложные нужды были удовлетворены. Робен был бы вполне счастлив, если бы мрачные воспоминания не всплывали время от времени в его сознании и не будили новые опасения.

Свобода была еще столь недолгой, он не мог забыть мучения каторги, изнурительный труд на лесосеке, невыносимую скученность обитателей тюрьмы. Он отвоевал свою независимость, сумел обеспечить существование семьи, ее завтрашний день... Необходимо теперь обезопасить жилище на случай налета, если врагам удастся напасть на их след.

С бережливостью скупца он тратил заряды, полученные Никола от голландского капитана. Если иногда и звучали выстрелы, то лишь с целью добыть немного мяса для

европейцев, которые с трудом привыкали к необычным условиям. Ружье было средством обороны, к которому он прибегнул бы в крайнем случае без малейшего колебания, ради защиты своей свободы. Но, разумеется, для ведения долгой борьбы такое оружие не годилось.

Гораздо лучше было бы сделать жилище неприступным, укрепив единственное направление, откуда мог бы приблизиться враг. Ясное дело, что о системах обороны, принятых в цивилизованных странах, речи быть не могло.

«Добрая Матушка», расположенная на склоне лесистого холма, была совершенно недоступна с запада. С севера и юга простирались непроходимые трясины. Остался открытым восток: дорогой от Кокосовой бухты до хижины мог воспользоваться любой.

Инженер, без труда определивший участок, который нуждался в обороне, не в состоянии был перегородить путь к реке. Прыжок Игуаны представлялся ему недостаточной защитой. Он поделился своими соображениями с Казимиром и попросил совета. Чернокожий добряк, не имевший никакого понятия о бастионах, куртинах или редутах *, нашел самое простое решение проблемы.

Прокаженный не мог удержать улыбку при мысли о том, как он разыграет «злых людей», если они вздумают напасть на его друга, на его милых детей и на добрую мадам.

— Я знаю. Сейчас же мы этим займемся, идите со мной и зовите Никола.

— Но что ты собираешься делать?

— Погодите немножко, вы все увидите.

Больше из негра не удалось вытянуть ни слова. Трое мужчин, вооруженных ножами-секачами, отправились не мешкая к Кокосовой бухте. Участок, который надо было обезопасить, имел в ширину около шестидесяти метров. Старик умудрился сделать его неприступным за какие-нибудь три часа.

— Делайте как я,— только сказал он, выкапывая секачом лунку в земле глубиной сантиметров в пятнадцать.

Робену и Никола понадобилось несколько минут, чтобы проделать в мягком грунте такие же лунки, удаленные по указанию негра одна от другой примерно на тридцать сантиметров.

* Бастион — крепостное укрепление, выдающаяся часть ограды, имеет пятиугольную форму; куртина — часть вала между двумя бастионами; редут — полевое укрепление, обнесенное валом (бруствером) и наружным рвом.

— Хорошо... Теперь еще... Вон там...

Первую линию лунок подготовили за полчаса, затем вторую, третью; по отношению к дому эти параллельные линии были расположены под прямым углом.

— Может, он капусту сажать собирается? Или артишоки? — попытался Никола, обливаясь потом, хотя работа была вовсе не трудной.

— Потерпи,— успокоил его Робен,— я, кажется, понимаю... Тут есть разумное зерно... Если и не капуста, то, к примеру, кактусы или молочай.

— Так, так,— поддержал его Казимир,— друг правильно понимает!

— Но это же так просто! Мы нарежем черенков колючих растений, их тут полным-полно, высадим две-три сотни, и через месяц-два подымется такой заслон, что сам дьявол не проберется. Колючие изгороди в целях обороны используют испанцы на Кубе, французы в Алжире, бразильцы.

— Я не утверждаю, что это плохо,— возразил Никола,— но ведь они могут проложить себе дорогу ножами или саблями.

Прокаженный махнул рукой:

— Никогда белые здесь не пройдут! Когда растения станут большие, в них поселится много-много змей. И граж, и ай-ай, и гремучая змея...

— Но это опасно для нас самих.

Казимир улыбнулся.

— Старый негр умеет подзывать змей и умеет их прогонять. Он только скажет: «Придите!», и они приползут. Он только скажет: «Убирайтесь!», и они исчезнут.

Молодой человек недоверчиво покачал головой:

— Все равно это не слишком приятное соседство...

Робен успокоил его и развлек, живописуя в лицах давний эпизод, когда шипящие союзники Казимира помогли обратить в бегство лагерную охрану.

— Значит, вы в это верите, патрон?

— Я верю в то, что сам видел и слышал.

— А я бы взял на себя дерзость усомниться и заявил бы, что мне это кажется слишком маловероятным... Правда, в этих местах происходит столько чудес!

Компаньоны пустились в обратный путь к «Доброй Матушке», приняв решение возвратиться сюда в надлежащий срок и проверить, поднялась ли неприступная роща и поселился ли в ней воинственный змеиный гарнизон.

Они шли не спеша, индейской цепочкой, как ходили

обычно, и беседовали вполголоса. Легкий шум заставил их остановиться.

Девственные леса полны существ странных и опасных, хищников бегающих, прыгающих и ползающих, крупных и совсем малых, но не менее способных причинить смерть ядовитым жалом. Человек должен постоянно быть начеку: не прозевать бы момент риска. Не только туземцы, знатоки зеленого океана, но и европейцы вскоре приучаются распознавать голоса природы, определять их источник, предвидеть возможные последствия.

Но шум, который слышали наши робинзоны, не был известен даже опытному Робену, не говоря уже о пока еще не разбирающемся в загадках тропической природы Никола. Казимир молчал, весь уйдя в слух.

Шум, однако, продолжался, смутный, но непрерывный, словно шорох дождя в кронах деревьев. К шороху примешивалось едва слышное потрескивание. Это не походило ни на шелест трущихся чешуек, ни на лепет водных струй, ни на отдаленный рык сцепившейся стаи хищников...

— Это муравьи,— произнес наконец крайне озабоченный старый негр.

— Муравьи-переселенцы,— с тревогой подхватил бургундец.— Если они направляются в сторону хижины... Там жена, дети... Скорее туда!

— Подумаешь, муравьи! Это же не слоны! — фыркнул Никола.— Пусть их сотни, даже тысячи — растер ногой, да и только!

Не удостоив его ответом, Робен и Казимир ускорили шаг. Шум становился все более различимым. На полдороге к дому прокаженный, шедший впереди, внезапно остановился и у него вырвался вздох облегчения.

— Эти злые твари не пойдут к хижине, нет!

И действительно, метрах в тридцати от наших друзей муравьи пересекали дорогу под прямым углом, то есть двигались параллельно дому. Склон в этом месте был довольно крутой, и путники отчетливо видели армию насекомых, которая лилась безостановочным потоком. Масса панцирей и брюшек, черных, блестящих, плотно сбитых в колонну, напоминала движение вулканической лавы. И она несла с собой разрушение. Миллиарды челюстей кололи, дырявили, кусали, уничтожали по пути большие и малые растения. Травы исчезали, кусты начинали светиться, как кружево, даже стволы таяли на глазах.

Беспечность покинула Никола, когда он увидел ужас-

ные следы опустошения. Юноше стало не по себе: огромные деревья невероятно быстро теряли кору и выставляли напоказ белую сердцевину, лишенную защитной оболочки. Дорога к дому была закрыта для троих друзей на более или менее длительный срок. Им оставалось только ждать, а если шествие чересчур затянется — поджечь траву на пути муравьев.

Они уже собирались — весьма, впрочем, неохотно — приступить к исполнению этого плана, когда их внимание отвлекло распластавшееся возле колонны муравьев крупное буро-коричневое животное. Время от времени что-то похожее на коричневый султан взметалось в воздух, потом опадало, и так много раз. Скорее всего, то был хвост какого-то бурого зверя. Со стороны морды, разглядеть которую пока было трудно, то и дело появлялся узкий, длинный красновато-фиолетовый язык, нырял в гущу насекомых и вновь прятался. Робен догадался в чем дело. Буро-коричневая туша принадлежала честному труженику — муравьеду, который лакомялся обильной пищей.

Занятый гастрономическими упражнениями, гурман не подозревал, что за ним наблюдают люди. К сожалению, не замечал он и четвертого свидетеля — голодного ягуара, который, по-видимому, испытывал настоящие танталовы муки *. Муравьиная лента шириной в добрых два десятка метров разделяла двух четвероногих: ягуар в возбуждении двигал передней лапой, словно кот, который охотится за лягушкой, но в испуге отдергивает лапу от воды. Муравьед, вожаком добыча, был ягуару недоступен: зверь понимал, что, едва он вступит на землю, по которой движутся муравьи, начнется сражение, и проиграет его он, а не бесчисленные полчища противников.

В конце концов ягуар отважился на отчаянную попытку. Посреди муравьиной фаланги возвышалось дерево. Десятиметровый прыжок — и ягуар на дереве. Полдела сделано, оставалось броситься сверху на муравьеда и при этом не попасть в муравьиную колонну, откуда сладкоежка черпает свое лакомство.

Лакомка-муравьед видел маневр своего врага и, не сводя с него глаз, ускорил движение языка.

* Танталовы муки — наказание, которому был подвергнут в подземном мире персонаж греческого мифа царь Тантал за преступления против богов: он стоял по горло в воде, но не мог до нее дотянуться, чтобы утолить жажду; над его головой свисали с ветвей сочные плоды, но ветви поднимались, едва Тантал протягивал к ним руку.

Казимир громко захохотал, Никола заворуженно глядел на невиданное зрелище, Робен тоже увлекся происходящим. Кто кого, если дело дойдет до схватки? У ягуара крепкие острые когти да еще и клыки — огромные, белые. У пожирателя муравьев — только когти, но зато какие! Настоящие крюки длиной не меньше десяти сантиметров и твердые, как сталь.

Не долго думая, ягуар прыгнул вторично с раскрытой пастью, выпущенными когтями и воинственно задранным хвостом. Он описал головокружительную дугу и обрушился... на пустое место, где полсекунды назад находился невозмутимый едок.

Не потеряв спокойствия, муравьед просто отступил и оказался лицом к лицу со своим грозным противником, стоя на задних лапах, а передние подняв до уровня головы — ни дать ни взять боксер на ринге.

Этот маневр не понравился ягуару, который яростно рычал и раздувал ноздри. Боксеры знают о преимуществе первого удара, должно быть, знал это и ягуар: сделав обманное движение лапой, он попытался поразить соперника в незащищенное брюхо, но муравьед ответил увесистой и точной оплеухой, разворотившей ягуару левую щеку. Хищник от боли и бешенства потерял самообладание, кровь ослепила его. Всем телом он устремился на врага, но тот мягко осел на землю, подогнув голову и выставив перед собою лапы.

В мгновение ока ягуар был «опоясан», как выражаются борцы. Когти муравьеда вонзились в тело хищника. Ягуар сражался иступленно. В вихре движения двух тел, катающихся по земле, трое свидетелей смертельной схватки ничего не могли различить. Бой продолжался не более двух минут... Сухой треск сломанных костей, предсмертное хрипение... Объятия муравьеда разжались, он остался лежать без движения, с переломанным хребтом, а возле него корчился в агонии ягуар с распоротым брюхом.

Робен, Казимир и Никола, потрясенные исходом схватки, осторожно приблизились к еще трепещущим телам.

— Все хорошо, что хорошо кончается,— философски изрек юноша.— Этот великолепный муравьед, как вы его называете, оказался здесь более чем кстати. Вообразите, что ягуару пришлось бы на ум пожаловать к нам!

Бургундец улынулся и махнул своим секачом, хладнокровно заметив:

— Он был бы не первым. Ну, а теперь нам предстоит

аккуратно раздеть этих молодцов... Их шкуры постелим на полу в хижине. Отличные ковры. За работу, пока муравьи не опередили нас и не обглодали трупы до костей...

— Погодите! — воскликнул молодой человек. — А это еще что такое?..

Между двумя мертвыми телами жался какой-то зверек не больше кролика.

— Это маленький детеныш, — сказал Казимир.

— Не может быть! Бедный малыш! Патрон, есть идея! Заберем его с собой, а? Дети будут в восторге!

— Бога ради, мой милый! Попробуем его выкормить и приручить, хоть это и нелегкая задача.

Пока Робен освеживал ягуара, юный зоолог привязал к дереву детеныша муравьеда, который этому не противился.

— Какое странное животное! — Никола с недоумением рассматривал погибшего муравьеда. — Голова тонкая, узкая, выгнутая, без шерсти — больше напоминает птичий клюв, нежели морду млекопитающего, даже рта нет.

— Как нет рта?

— У него на кончике морды маленькое отверстие, откуда, должно быть, появляется язык. Это и есть рот!

— Конечно. Ведь муравьед питается особым способом. Его челюсти образуют нечто вроде трубки, по которой все время скользит длинный и липкий язык — вы это только что наблюдали. Он как бы «выстреливает» в гущу муравьев, захватывая все новые и новые порции насекомых. Наш погибший приятель, вернее, приятельница, ведь это самка, небывало крупная: целых два метра, даже больше, от морды до кончика хвоста. Просто великанша. как ты считаешь, Казимир?

— Мне попадались и покрупнее *.

— А когти, патрон, когти-то какие! Черт побери, я ничуть не удивляюсь, что этот муравьед буквально распорол ягуара. Поглядите, какие они острые... Однако зверь не может их втягивать, как кошка, ведь коготки-то сантиметров по десять длиной...

— Когти у него — предмет особой заботы. Вместо того

* Старый негр прав. У меня есть шкура «гривастого большого муравьеда», длина ее 2 м 15 см, хвост — 68 см, когти — 7,5 см. Рост животного 66 см. На Марони я видел трехметрового муравьеда. Поэтому меня удивляют размеры, указанные другими авторами как максимальные — 1,5 м в длину, рост 30—35 см. (Примеч. авт.)

чтобы упираться ими в почву при ходьбе, он укладывает их вовнутрь на подошву ноги.

— Ага! Я понял, что-то вроде складного ножа.

— Вы заметили, что у него на передних лапах по четыре когтя, а на задних — по пять? Задние когти тупые, для защиты не годятся, зато с их помощью он разрушает муравейники.

— Кстати о муравейниках, а где наша муравьиная армия? Мы так заняты уже полчаса, что начисто позабыли о муравьях.

— Муравьи ушли далеко, — сообщил Казимир.

— Да, это правда, дорога свободна! — В голосе Робена прозвучало нетерпение. — Возвращаемся немедленно, забираем шкуры, да не забыть бы и нашего нового питомца...

Надо сказать, что друзья по дороге к хижине не обошлись без новых приключений. Едва они удалились от места вынужденной остановки, как в густой траве послышалось отчаянное мяуканье, и появилось красивое небольшое животное, чуть крупнее кошки. С полной доверчивостью юных и неопытных существ зверек стал тереться о ноги Никола. Юноша выхватил нож, но Робен остановил его.

— Еще один осиротевший просит о помощи, — сказал бургундец, — Ну, это уже мой воспитанник! Я сам займусь дрессировкой. Будет мне помощником на охоте.

— Это детеныш ягуара? — спросил молодой человек.

— Вот именно! И совсем еще несмышленный. Надеюсь, мне удастся его приручить. Поскольку он может оцарапать детей, придется первое время подрезать ему когти.

Взрывы смеха, крики радости ознаменовали возвращение экспедиции домой. Был рассказан во всех подробностях драматический случай, благодаря которому колония пополнилась двумя новыми обитателями. Маленькие сироты чувствовали себя неплохо. Едва их выпустили в огороженный «зоопарк», как они принялись играть и резвиться, не подозревая о взаимной ненависти родителей и о постигшей их потере.

Принесенные шкуры развернули, натерли золой и растянули между стволов, прикрепив иголками «сырного дерева». Анри, с любопытством разглядывавший «камзол» муравьеда, вдруг рассмеялся.

— Ой, папа, папа! Если бы ты видел... Знаешь, на кого похож твой муравьед? Мама, мама, ну, посмотри! Если ему надеть очки...

— Да о чем ты, озорник?

— Он так похож на моего учителя чистописания, месье Мишо!

Вслед за Анри начали смеяться и другие дети: «Месье Мишо!.. Месье Мишо!» Так и прозвали маленького муравьеда. Что касается молодого ягуара, то и его скоро ввели в права гражданства. Сходство с кошкой закрепило за ним кличку «Кэт», которую тоже придумал Анри.

ГЛАВА 9

Опасности акклиматизации.— Анемия.— Удары солнечные и... лунные.— Робинзоны приносят дань Гвиане.— Гокко на птичьем дворе.— Свежее мясо на будущее.— Клевета и правда о гокко.— Сигареты для Никола.— «Бумажное дерево».— Убийство матери семейства.— Чернила и перья.— Птица-трубач.— А г а м и мог бы называться охотницей собакой.— Первая запись курса естественной истории.— Равноденственный рай.— Маленький Шарль мечтает подружиться с обезьяной.— Иволги и «кинжальные мухи».— Подвиги обезьяны.

Человек из умеренных широт не может без более или менее длительной акклиматизации * благополучно существовать ни в районах постоянного холода, ни под солнцем экватора. Рано или поздно природа берет свое, и опасные изменения преподносят весьма частые и болезненные уроки. Однако, если сравнивать способность европейца привыкать к условиям сильной жары или сильного холода, преимущество, без сомнения, окажется на стороне последнего.

Нет нужды доказывать, что европеец переносит холод легче, чем жару. Холод не так уж непобедим. Обильное питание, теплая одежда, физический труд и спорт, хорошее отопление вполне помогают справиться с ним. К тому же в холодных странах, как правило, чистый и здоровый воздух.

Другое дело жара — это враг куда более коварный. Да и как, в самом деле, бороться с температурой, от которой задыхаются, изнемогают днем и ночью и люди и животные? Солнце для европейца такой же опасный враг, как и голод. Если можно защититься от нападения зверей, от ненастья, приспособиться жить среди болотных испарений, то нельзя

* Акклиматизация — время, необходимое организму человека для того, чтобы приспособиться к жизни в местах с непривычным климатом.

безнаказанно пренебрегать перегревом на солнце. Тень, какой бы густой она ни была, не приносит отдыха. И под самыми густыми и большими деревьями все тот же раскаленный, застойный воздух, свежий ветер не разгоняет его. Ночь ненамного прохладнее дня, потому что с заходом солнца земля отдает тепло, которое вобрала днем. Не помогает и пасмурная погода. Жара становится еще более изнурительной, а солнечная радиация, вполне вероятно, даже опаснее.

Постоянно поглощая перегретый воздух, легкие начинают работать с перебоями, как бы нехотя. Одна из причин истощения — обильная потливость, которую ничто не в состоянии ограничить. Пот льет в три ручья, тело как бы ни на миг не покидает парную баню.

В холодных краях отличное здоровье помогает выдерживать суровые условия, но в тропиках все как раз наоборот. Любые болезни, желтая лихорадка обрушиваются прежде всего на европейца с цветущим здоровьем. Очень часты и трудно излечимы фурункулы * и карбункулы **, отвратительны и очень болезненны стойкие сыпи, которые сопровождаются невыносимым зудом и хорошо известны колонистам под названием «бурбуй».

Бурбуй покрывает все тело. Вызывает эту сыпь полнокровие, и только анемия или возвращение в Европу способны избавить от нее. В общем и целом европеец до тех пор не может считать себя приспособившимся к местным условиям, пока не растратит все силы, пока не покроется малокровной бледностью его лицо, а мускулы, в которых щедро пульсировала кровь, потеряют природную упругость.

Чтобы жить на экваторе, надо уметь довольствоваться существованием «вполсилы», надо усвоить, как там говорят, «колониальный шаг».

Если человек из метрополии *** жалуется на здоровье, он слышит и от креолов, и от местных белых старожил: «Все это от избытка крови. Подождите несколько месяцев. Когда вы станете малокровным, все у вас наладится».

Несколько слов о солнечных ударах, чтобы завершить беглый и далеко не полный перечень тягот жаркого климата. «Обыкновенный» солнечный удар почти всегда смер-

* Фурункул — гнойный нарыв на коже.

** Карбункул — гнойное воспаление глубоких слоев кожи и подкожной ткани, иногда возникающее в результате слияния нескольких фурункулов.

*** Метрополия. — Здесь: страна, владеющая колонией.

телен в Индокитае, но особенно опасен в Гвиане. Пребывание с открытой головой на полуденном солнце в течение 15—25 секунд может привести к немедленному, а часто и смертельному кровоизлиянию.

Соломенная или фетровая шляпа вас не спасет. Необходим зонтик. Плотная закрытая квартира тоже не всегда служит надежным убежищем. Солнечный луч, незаметно проникая через щель в палец и попадая на обнаженную голову, производит опасное облучение — не менее опасное, чем поражение пульей. И это не все. Не стоит думать, что легкое облако, загородившее тропическое светило, служит защитой от удара. Облако задерживает световые лучи, но тепловые проникают сквозь него, сохраняя всю свою убийственную силу. С десяти утра и до двух часов дня необходимо укрываться от солнца. Вот почему в эту пору дня колониальные города безлюдны: улицы пусты, дома закрыты, магазины запечатаны.

Не менее коварно влияние тропической луны. Охотник, шахтер, колонист, дровосек или моряк с равным старанием избегают не только горячих поцелуев дневного светила, но и бледной улыбки королевы ночей. Тяжкие воспаления глаз — суровое наказание за рассеянность, и человек, заснувший при лунном свете, рискует проснуться слепым. Кормилицы и матери семейств хорошо знают об этом, и ни одна из них не согласится выйти с младенцем в лунную ночь, если ребенок не защищен широким зонтом.

Гвианские робинзоны, счастливо избежав опасностей голода и упрочив свое благополучие, в разной степени испытали все беды акклиматизации. Легче всего приспособились дети. Их страдания были куда меньшими, чем у матери. Бедная женщина вскоре потеряла аппетит. К ее элегантно бледности парижанки добавился тот серый, болезненный оттенок, который приобретают здесь все европейки. Карбункулы, очень болезненные для ее чувствительной кожи, оставили многочисленные синеватые шрамы. Мужественная француженка выздоровела благодаря неисчерпаемой бодрости духа, заботам близких и неукоснительному соблюдению правил тропической гигиены, а также благодаря креольским лекарствам. Отныне она вполне могла пренебречь погодными капризами экваториальной зоны.

А вот незадачливый Никола испытывал подлинное мучение. Славный юноша, крепкий и полнокровный, оказался весьма невосприимчивым к климату. Сначала его терзала сыпь, он чесался с таким яростным отчаянием, что внес

в организм инфекцию и долго лечился. В довершение беды его поразила болотная лихорадка, от которой бедолага чуть не погиб, провалявшись в бреду восемь дней, на грани между жизнью и смертью.

Стоит ли говорить, что Робен, давно привыкший к местному климату, чувствовал себя в новом положении вполне благополучно. Полная перемена произошла с добрым старым Казимиром. Парижанин говорил ему раньше, что в некоторых случаях застарелой проказы возможно самопроизвольное излечение при смене климата и образа жизни. Его предсказание удивительным образом подтвердилось. Пребывание на возвышенности, в сухом и здоровом месте, работа на свежем воздухе намного улучшили состояние старика. Раны почти затянулись, заметны были только синеватые чешуйки на местах, прежде полностью пораженных страшной болезнью. Пальцы стали более гибкими. И нога, сохранившая «слоновью» неповоротливость, не казалась уже такой отталкивающей.

Любо-дорого было поглядеть, как добрый негр гарцевал на этой тумбе-ноге вокруг детишек, к которым привязался всей душой и которые отвечали ему полной взаимностью. Он с гордостью посвящал своих юных друзей во все тонкости первобытной жизни, учил их обращаться с инструментами, обрабатывать дерево, плести корзины, пряхсть хлопок, подражать крикам лесных животных...

Маленькие робинзоны оказались способными учениками. Если их, так сказать, предметное образование подвигалось успешно, то и духовное развитие не отставало. Правда, не хватало напечатанных книг, но зато перед ними раскрывалась великолепная книга природы, которую отец непрерывно листал вместе с детьми. Ему следовала жена, заботливая и благородная натура, соединявшая опыт учительницы с материнской нежностью.

Таким образом, класс робинзонов занимался вполне успешно. Дети бегло говорили по-французски, по-английски и по-испански, не считая местного наречия, на котором они болтали лучше матери и отца, к глубочайшему торжеству Казимира.

Тетради для письма... да, да, и отличные *тетради для письма* появились у них... Но прежде чем рассказать, как это получилось, надо поведать о некоторых других событиях.

Однажды Казимир вернулся домой в очень веселом расположении духа. Он нес на голове большую корзину, похожую на клетку, в которой на птичьих дворах держат

цыплят. В корзине попискивала семейка пернатых, протестовавшая против самоуправного заточения,— добрая дюжина птенцов. Чистые перышки с черно-белыми полосками, твердые хохолки и чуть тронутые желтым у основания клювики... на вид птенцам было не более месяца.

Под мышкой старый негр зажал красивую крупную птицу ростом с индюшку, с черно-белым оперением на спине, белым пятном на животе и ярким кудрявым султаном на голове. Короткий и крепкий, слегка загнутый клюв казался оправленным в золотую рамочку.

Добряка, бродившего где-то много часов, встретили, как всегда, очень радостно. Робен, вязавший крепления к большому гамаку, изготовленному его женой из собранного на участке хлопка, прервал работу и вышел Казимиру навстречу.

— Хорошо поохотился, дружище! Кого ты нам принес?

— Маленьких гокко! А это их мама...

— Да это просто клад для птичьего двора! Целое семейство гокко,— обратился инженер к жене.— Очень ценные обитатели для нашего вольера, который мы с таким трудом построили... И как кстати! Казимир не напрасно старался.

— Да, да,— подхватил довольный чернокожий,— я давно нашел гнездо, я ждал, пока мама гокко снесет яйца, потом высидит их. Птички мало-мало выросли, и я принес их.

— А тем временем ты заставлял нас строить необходимое помещение...

— Как говорят, купить веревку раньше, чем корову,— назидательно вставил Никола.— К счастью, поговорка не оправдалась...

— Ну, давайте же скорее выпустим их на свободу! Пусть побегают...— оживилась мадам Робен.— Переселим их из корзины в новое жилище!

— А ты не боишься, что их мама сразу улетит? — встревожился Анри.

— Я этого не боюсь, дитя мое. Гокко очень легко приручаются, но при условии, что их не закрывают в слишком тесном помещении. Эта птица привязывается к дому. Она совершает долгие вылазки в лес, но обычно снова возвращается к людям. Кроме того, мать ни за что не покинет своих малышей!

Птенцы, выпущенные в ограду, тут же начали шумно ссориться из-за зерен, брошенных детьми. Наседка гокко,

еще не оправившись от испуга, хлопала крыльями, разгуливала вдоль загородки и выпускала глухие крики, похожие на голос чрево вещателя. Она и не пыталась перелететь через ограду. Понемногу успокаиваясь, глядя на своих беззаботных малышей, мамаша вскоре осмелилась поклевать вместе с ними.

— Ой, папа, папа! Мне кажется, что она уже узнает нас! — воскликнул Эдмон. — Мы скоро сможем к ней подойти?

— Дня через два она будет есть у тебя из рук, дитя мое. Эта красивая птица такая спокойная, доверчивая и мирная, что одомашнивается в считанные дни. Подобные качества настолько редки у дикого животного, что создали гокко несправедливую славу очень глупой птицы. Бюффон * писал, что она вообще лишена инстинкта самосохранения, не замечает опасности или, по крайней мере, не стремится ее избежать. Обле убивал по десятку из одной стаи, преспокойно перезаряжая ружье. Однако частое появление врага меняет характер птицы, делает ее нервной, подозрительной и пугливой.

— Ты правильно сказал, папа, что ее оклеветали, — сказал Анри, который всегда очень внимательно слушал рассказы отца о природе. — Из того, что эта птица добрая, вовсе не следует, что она обязательно глупая.

— Разумеется, мой дорогой сын. Вы все замечали, между прочим, как дикие животные, обитающие в окрестностях поселений и видящие, что им не причиняют никакого вреда, начинают понемногу привыкать к людям, а потом уже запросто являются в гости. Вон видите, целая колония пичужек устроила свои гнезда на дереве в какой-нибудь сотне шагов от нас. Вот норки сусликов, обычно таких робких; они грызут наш батат, маленькие разбойники. Попугаи-пересмешники, крикливые ара поют, свистят и горланят прямо над крышей дома... Да и многие другие животные, вплоть до обезьян, не боятся нас. Так что мы воспитаем птенцов гокко, будем их кормить, а когда они наберутся сил, пусть отправляются гулять куда захотят. Не сомневайтесь: каждый вечер питомцы «Доброй Матушки» станут возвращаться домой, как по команде!

— Кэт! Ко мне! Кэт! — вдруг громко закричал Анри, заметивший хитрую проделку ягуара: зверь, уже сильно подросший, вкрадчиво пробирался к вольеру, к великому ужасу гокко-матери.

* Б ю ф ф о н Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор многотомного труда «Естественная история».

— Вот видишь, мальчик, назвать эту птицу глупой нельзя. Она прекрасно видит опасность!

После своих устных уроков Робен особенно жалел, что не располагает необходимым материалом, который он уже отчаялся раздобыть. Заботясь о какой-то хотя бы относительной системе в обучении детей, он, естественно, огорчался, что не может научить младших читать и писать.

Еще годы пройдут, пока его сыновья смогут принять полноправное участие в трудах колонистов, и так важно не упустить время, ведь потом будет намного труднее обучить их обращению с пером, приохотить к чтению.

До последнего времени все его попытки в этой части домашней педагогики были тщетными. Как справедливо утверждал Никола, бумажные листы не растут на деревьях. Но именно в этом он весьма сильно заблуждался. Эксперименты Робена продолжались впустую, пока неожиданная фантазия юного скептика не дала толчка к подлинному открытию.

Во время оно Никола был заядлым курильщиком, но, сказавши последнее «прости» «Тропик Бэрд», бедный парень вынужден был отказаться от излюбленной привычки. Он, кажется, охотно отдал бы палец за пачку табаку или за дюжину грошовых сигарет.

Казимир, желавший угодить другу, пообещал ему разбиться в лепешку, но отыскать курево. В поселениях негров или индейцев всегда оставляют какой-нибудь уголок для плантации табака, ибо к этому зелью тут питают пристрастие не меньшее, чем в Европе. Естественно было предположить, что и в окрестностях «Доброй Матушки» где-то есть такая плантация. Поиски старика были долгими, но увенчались полным успехом благодаря его терпению и упорству. В одно прекрасное утро восхищенный Никола получил в подарок пачку длиннейших сигарет — не короче тридцати сантиметров. По индейскому обычаю, они были свернуты из одного табачного листа каждая в тонкие и крепкие трубочки красивого коричневого цвета.

Рассыпаясь в благодарностях, молодой человек, как легко могут представить себе курильщики, немедленно окружил себя облаком ароматного дыма. Робен взял одну сигарету и начал ее рассматривать. Вся пачка была обернута в нечто заменяющее бумагу, и это навело бурбундца на мысль найти этому «нечто» другое применение.

— Из чего это сделано? — поинтересовался он у негра.

— Из коры мао.

— А где ты ее нашел?

— Там, за маниокой.

— Пошли туда!

Полчаса ходьбы привели их к живописной группе деревьев с огромными листьями, зелеными с верхней стороны и бледными с нижней, покрытыми легким рыжеватым пушком. На деревьях цвели белые и желтые цветы, плоды представляли собой продолговатые рубчатые коробочки желтого цвета, внутри находились беловатые зерна, тоже опушенные. Тонкая и блестящая кора была совершенно гладкой.

Инженер знал это дерево и раньше. Его легкая белая древесина отлично колется, расщепляется, индейцы используют ее для добывания огня с помощью трения. Из волокнистой коры, разрезанной на узкие полоски, изготавливают прекрасные, негниющие веревки, ею же конопатят лодки. Наконец, из луба — тонкого слоя древесины, который находится сразу под корой, — мастерят гамаки, сетки и тому подобные вещи.

Изобретательский гений Робена нашел для луба другое применение. От коры он отделялся легко, и скоро в руках у смекалистого француза оказалось несколько тонких концентрических пластинок.

— Вот она, бумага! — Шарль-старший с торжеством и гордостью поднял тонкий древесный пласт. — Лишь бы она не оказалась промокашкой, когда высохнет!

Казимир не мог уразуметь, что все это значит. Чернокожий только понял, что его другу нужны сухие листки. И старик нашел несколько таких под кусками высохшей коры. Они были совершенно гладкие.

— Чернила можно сделать из сока генипы, ну а перьями нас снабдит гокко!

Путники возвратились домой, Робен, не говоря ни слова о своем открытии, направился к вольеру, где уже неделю резвилась семейка гокко.

Француз с трудом сдержал крик боли и гнева при виде сбившихся в кучу перепуганных птенцов и окровавленных останков их матери... При звуке его шагов ягуар задал стрекача, поджав хвост, и нырнул в широкую дыру, проделанную в заборе.

Инженер не хотел огорчать детей рассказом о злодействе их любимицы Кэт, но про себя твердо решил выпороть ее как следует. День клонился к вечеру, наш герой подумал, что неприятное сообщение надо отложить до завтра, подобрал несколько перьев погибшей птицы, починил ограду и пошел к хижине.

— Мои дорогие дети, — торжественно начал он, — пе-

ред вами бумага, чернила и перья. Мы произведем опыт, который, я надеюсь, увенчается успехом.

Не откладывая дела в долгий ящик, глава семейства очинил одно из перьев с помощью маленького перочинного ножичка, случайно захваченного из Парижа его женой (ножичек берегли как зеницу ока!) Несколько капель сока генипы темнели на дне глиняной чашечки. Робен макнул перо в «чернила» и своим твердым, округлым почерком вывел несколько строчек, а затем рассказал о происхождении принесенной им «бумаги».

Не без душевного волнения вручил он «листок» Анри, который громко и внятно прочитал написанное. Открытие бургундца имело для гвианских робинзонов очень большое значение. Какую бы пользу ни приносили устные лекции, они не могут заменить детям письменные уроки. Занятия арифметикой, математикой, географией, не говоря уж о многом другом, почти невозможны без них.

Каждому из обитателей «Доброй Матушки» захотелось что-нибудь написать, всем очень нравился красивый естественный цвет желтоватой «бумаги» в сочетании с густым коричневым цветом «чернил». Каждый пожелал немедленно вооружиться пером. Этот всеобщий порыв напомнил Робену о печальном конце «дарительницы перьев». Кэт не появлялась, надеясь, по всей видимости, что ночь, проведенная ею под открытым небом, сотрет из памяти людей учиненное ею зло. Но хищница-лакомка ошибалась: Анри, возмущенный рассказом о ее разбое, поклялся наказать ягуара, полностью поддержав отца.

Но как теперь быть с птенцами? Они еще слишком малы, чтобы обходиться без матери. Особенно беспокоилась мадам Робен. Почти ежедневно выпадали короткие ливни, предвещающая сезон дождей.

На другой день все были на ногах спозаранку. В неплотно притворенную дверь вдруг ворвался зычный крик, похожий на звук охотничьего рога. Судя по громкости, источник шума находился где-то у вольера.

— Это еще что такое?! — воскликнул инженер, хватаясь за ружье.

Казимир заковылял во двор, но вскоре вернулся, громко смеясь.

— Бросьте ваше ружье, друг! Идемте к маленьким гок-ко! Так смешно!.. Не могу...

Когда они подошли к вольеру, то глазам их предстало поистине удивительное зрелище. Красивая птица, размером

с крупного петуха, только на длинных ногах, важно разгуливала в толпе суетливых цыплят, бдительно наблюдая за ними и квохтаньем собирая вокруг себя. Она скребла клювом землю и шарила в траве в поисках корма для малышей. Их собственная мать не проявила бы больше усердия и внимания. Время от времени залетный гость хорохорился, как истинный петух, и испускал оглушительный, вибрирующий зов. Он высоко держал красивую головку с изогнутым клювом, покрытую коротким курчавым пухом. Оперение, ярко-черное на шее, на крыльях и животе, отливало всеми цветами радуги. Полоска цвета красной охры рассекала черный фон, опоясывала птицу ремешком, проходила по середине спины и по крыльям.

Птицу ничуть не смутило появление новых лиц, живо заинтересованных ее повадками. Когда ей бросали зерна и крошки, она не спешила их склевать, а созывала птенцов отрывистым и нежным кудахтаньем, как наседка.

— Это агами *,— сказал Казимир.— Хорошая птица! Товарищ маленьким птенчикам.

— Я с этой птицей уже знаком,— обрадовался Никола.— Она давно крутится вокруг дома. Я так и думал, что рано или поздно она к нам явится.

— Как здорово! — захлопал в ладоши маленький Эжен, обожавший пернатых.— А она останется у нас?

— Конечно, дитя мое! — успокоил его отец.— Агами больше не покинет маленьких сирот, ведь она их уже усыновила и проявила материнскую любовь.

— Какая красивая птица! — в восторге повторял ребенок.

— И такая же добрая, нет более ласкового существа. Поверите ли, мои дорогие, она не только узнает человека, который ухаживает за ней, и привязывается к нему, но также повинуется его голосу, отвечает на ласку и домогается новой, до навязчивости... Она бурно радуется приходу хозяина и скучает, когда он уходит.

— Папа, папа! — вскричал Эжен.— Подари мне ее! Я буду ее очень любить, и она тоже меня полюбит. Она еще никого не знает! Я хочу, чтобы она привязалась ко мне!

— Согласен, мой милый! У твоего брата Анри есть ягуар, у Эдмона — муравьед, а у тебя будет агами. Ты не будешь обделен дружбой, наоборот! Когда гокко подрастут

* Агами (трубач) — птица семейства трубачей, все три вида которого обитают в северной части Южной Америки. Птица легко одомашнивается, обладает громким «трубным» голосом.

и перестанут нуждаться в агами, она будет бегать повсюду за тобой, как собачонка.

— Интересно, всегда ли эта птица ведет себя подобным образом с обитателями птичьего двора? — задалась вопросом мадам Робен.

— Охотно допускаю, что это именно так. Ей приписывают ум и инстинкт охотничьих псов. Она добивается такой же власти над домашними пернатыми, как собаки — над овцами.

Агами время от времени испускала крик, который наверняка был слышен очень далеко. Креолы по справедливости называют агами птицей-трубачом. Новая обитательница птичьего двора благосклонно восприняла внимание и заботу Эжена, вскоре осмелела и подбежала к мальчику, чтобы взять у него из рук несколько кусочков лепешки.

— Ну, все в порядке, — сказала мать восхищенному сыну, — вы теперь друзья на всю жизнь!

— Хорошо ли ты помнишь, Анри, все, что я рассказал об агами? — поинтересовался Робен.

— Конечно, папа, я все хорошо помню... Я догадываюсь, что ты хочешь мне сказать.

— Что же, мой маленький предсказатель?

— Ну, мы теперь можем писать, и ты хочешь, чтобы я записал твой урок.

— ...А потом выучил бы его вместе с братьями, — закончил отец, обнимая сына.

В конце концов и Кэт получила свое — крепкую порку, причем поблизости от вольера. После этого она долго не приближалась к загородке, за которой под недреманным оком агами мужали юные гокко.

Мало-помалу и другие птицы и четвероногие привыкали к дому и переходили на приятельскую ногу с робинзонами, которые превратились поистине в королей своего рая. Возделанный участок не отпугивал лесных обитателей, обычно убегающих подальше от людей, наоборот, он как бы превратился в своеобразный центр притяжения. Плантация, плодов которой с избытком хватило бы для пропитания тридцати семей, прикармливала и лесное общество. Семейство изгнанников вкушало счастье, завоеванное после долгих и тяжелых испытаний.

Лишь одно темное пятнышко омрачало дни самого юного колониста. Радость маленького Шарля была неполной. Три его брата обзавелись друзьями-животными. Нет, Шарль не претендовал ни на ягуара, ни на муравьеда, ни даже на птицу-трубача. Но ему так хотелось дружить

с обезьянкой! Сапажу, макаки, носухи *, даже уистити ** прибегали время от времени поиграть возле дома, проделывали головокружительные прыжки, но не подпускали к себе, и карапуз Шарль был безутешен.

В сотне шагов от хижины, на макушке великолепной пальмы, если вы помните, целая стая пичужек устроила себе жилище. Эти птички, кассики ***, похожие на европейскую иволгу, желтые, как и она, с черными крылышками и головкой, имеют обыкновение селиться большими колониями. На одном дереве пернатые сооружают пятнадцать, двадцать, тридцать гнезд — длинные сумочки с боковым отверстием-входом, подвешенные с помощью тростинок на самых кончиках ветвей или пальмовых листьев. Такие «сумочки» длиной до метра и шириной у основания до тридцати сантиметров представляют собой любопытное зрелище и дают надежное укрытие умным птичкам. В самом деле, нет такого бродяги, каким бы маленьким и легким, вроде пальмовой крысы или сапажу, он ни был, который в погоне за свежими яйцами отважился бы добраться до оконечности тонких листьев и веточек, где еще более тонкие нити удерживают воздушные постройки.

Для большей надежности кассики вешают свои домики на деревьях, на которых живут «кинжальные мухи», грозные гвианские осы. Этих перепончатокрылых называют также «картонными мухами», поскольку они строят гнезда из вещества, похожего на картон, — растительного волокна, скрепленного клеем, который производят особые железы ос. Гнезда большие, сантиметров сорок в диаметре, а вход один и очень узкий — чтобы одной только осе пролезть. «Кинжальные мухи» и кассики живут в полном согласии, объединяясь против общих врагов.

И на пальме около «Доброй Матушки» также находилось гнездо «кинжальных мух». В одно прекрасное утро симпатичная обезьянка, весьма лакомая до этих «мух», решила начать против них военные действия перед восходом солнца. Насекомые еще спали, но должны были вот-вот проснуться. Невзирая на отчаянные крики птиц, обезьяна забросила своего малыша на плечи, удобно расположилась возле осинового гнезда и поджидала пробуждения его обита-

* Н о с у х а — иначе: коати. Всеядное южноамериканское животное семейства енотов, в длину около 70 см, хвост немного длиннее тела, мордочка сильно вытянута.

** У и с т и т и — небольшая южноамериканская обезьяна рода игрунок.

*** К а с с и к и (трупиялы) — птицы отряда воробьиных, длиной 14—53 см; более 90 видов этих птиц обитает в странах Америки.

телей. Поскольку они не спешили, обезьяну разобрало нетерпение, и она несколько раз шлепнула левой рукой о сухую звонкую стенку, а указательным пальцем правой руки заткнула входное отверстие.

Легкое гудение означало, что колония проснулась. Обезьяна убрала палец, показала первая осиная головка... крак! Два маленьких черных пальца схватили насекомое на выходе, раздавили ему брюшко, выступило уже бессильное жало, и обезьянка тотчас проглотила осу. Вторая оса разделила судьбу первой, затем третья — и так далее. Поскольку вылет ос мог участиться и опередить их поглощение, обезьяна регулировала процесс, затыкая отверстие пальцем левой руки, в то время, как правая неумоимо отправляла добычу в рот. С полчаса все это выполнялось с большой четкостью. Увлеченная лакомка жевала и глотала и, казалось, не думала прерывать свое занятие. Это приводило в полное отчаяние другую обезьянку, которая бесшумно подобралась к гнезду и завистливо наблюдала за роскошным пиршеством, не имея возможности его разделить.

Первая обезьяна явно не собиралась покидать свое место, а спихнуть ее силой было затруднительно. Если бы палец-затычка запоздал хоть на миг, обеих сладкоежек тут же осадил рой разъяренных ос.

Раздосадованная неудачница как будто решила отказаться от борьбы. Она бесшумно поднялась на макушку пальмы, повисла на хвосте головою вниз и несколько минут иступленно раскачивалась. Над головой любительницы «кинжальных мух» вторая обезьянка заметила большую тяжелую гроздь спелых плодов. Прикинув на глазок расстояние до земли, обезьянка громко заверещала, быстро перелезла на новое место и принялась грызть черенок, на котором держалась гроздь. Очень скоро гроздь полетела вниз, увлекая за собой и обломки полуразрушенного осиного гнезда, и маленькую эгоистку, которая распласталась на земле с переломленным хребтом.

Автор смертельной шутки, весьма довольная собственной выходкой, рассчитывала быстро спрятаться от разъяренных ос. К несчастью, завистница позабыла о птицах. А пернатые, возмущенные покушением на своих союзников, подняли страшный крик и окружили агрессора плотным кольцом. Напрасно проказница перепрыгивала с ветки на ветку, стремясь удрать. Ведомые птицами осы набросились на нее и искусили так, что она вся раздулась, упала с дерева и разбилась насмерть.

Робинзоны присутствовали при этой маленькой трагедии, которая сильно их взволновала. Казимир молча, не

делая резких движений, приблизился к погибшим животным. Он опасался привлечь внимание ос, уже занятых восстановлением разрушенного жилища. Старый негр поднял тело первой обезьянки-матери, в которую отчаянно вцепился осиротевший малыш. Шарль мог больше не завидовать своим братьям: его мечта осуществилась. Он стал владельцем маленького четвероногого друга.

Минул год с того дня, как отважная семья Робена воссоединилась со своим отцом и мужем. Наступил сезон дождей. Благодаря дружной совместной работе гвианские робинзоны могли не бояться ни голода, ни ненастья. Их дом был в отличном состоянии. Разнообразные запасы заполняли просторные склады, надежно укрытые, с хорошей вентиляцией. В одном из уголков птичьего двора сделали навес. Гокко росли как нельзя лучше. К ним присоединились лесные куропатки, цесарки, фазаны... Все они жили в мире и согласии. Земляные черепахи, которых Казимир называл «тоти-ла-те», — будущие вкусные супы — обосновались неподалеку от птичьего двора в обществе диких поросят-пекари, которые еще сосали материнское молоко. Материальная база колонистов росла.

Период дождей в тропиках тягостен для человека, но нашим друзьям скучать было некогда. Требовалось обновить одежду — вот когда пригодился запас хлопка, собранного в свое время. Робен и Никола соорудили простой ткацкий станок. Он работал вполне успешно и производил прочную материю. Каждого колониста, за исключением Казимира, всегда ходившего босиком, снабдили удобной, мягкой и легкой обувью, похожей на мокасины * североамериканских индейцев. Все из тех же волокон арумы сплели широкополые шляпы.

Наконец, в общем распоряжении находилось большое количество бумаги — «мао», сухой и блестящей. Долгие дождливые вечера не пройдут зря, дети продолжают учиться. Гвианские робинзоны не будут маленькими белыми дикарями! Они станут гордостью всех французов на экваторе.

Конец первой части

* Мокасины — у индейцев мягкая кожаная обувь, сшитая при помощи кожаных ремешков.

СОДЕРЖАНИЕ

Необыкновенные приключения Синего человека. Роман

Перевод Н. Звенигородской, примечания Ш. Барим

Часть 3. Юнга Ивон 7

Эпилог 180

Гвианские робинзоны. Роман

Перевод В. Брюггена, примечания Л. Лебедевой

Часть 1. Белый тигр 189

Буссенар Л.

Б 92 Собрание романов.— Т.7: Необыкновенные приключения Синего человека: Роман, часть 3: Перевод Н. Звенигородской, примечания Ш. Барим; Гвианские робинзоны: Роман, часть 1: Перевод В. Брюггена, примечания Л. Лебедевой; Художник А. Махов — М: Ладомир, 1992.— 352 с.,ил.

ББК 84.4Фр

В седьмой том Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847—1910) вошли впервые полностью переведенные на русский язык часть 3 романа «Необыкновенные приключения Синего человека» и часть 1 романа «Гвианские робинзоны».

Б 4703010100-006
593(03)-92

ЛУИ БУССЕНАР

Собрание романов

Том 7

Редакторы **Усыкина Е. Л. Лебедева Л. И.**

Технический редактор **Суровцева С. И.**

Корректор **Наренкова О. Г.**

Сдано в набор 14.07.92 Подписано в печать 24.11.92 Формат 84х108/32.
Бумага офс. № 1. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Печ. л. 11.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 3102. С—7

Научно-издательский центр «Ладомир»,
103617, Москва, к-617, кор. 1435

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473,
Москва, Краснопролетарская, 16

